

ISSN 2411-2070

история
филология
культурология

ВЕСТНИК

гуманитарного образования

№ 1 (41) | 2026

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 1 (41)

Киров
2026

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., академик РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

В. В. Романов, д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), ORCID: 0000-0002-9199-6573;

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург);

М. С. Судовиков, д-р ист. наук, проф., руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена (г. Киров).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет им. Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 1 (41)

Kirov
2026

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archeology

A. M. Belavin, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);

T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);

A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);

N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);

A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., academician of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);

A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);

Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);

V. V. Romanov, Dr. of Historical Sciences, professor, Tambov State University n.a. G. R. Derzhavin (Tambov),
ORCID: 0000-0002-9199-6573;

D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg);

M. S. Sudovikov, Dr. of hist. sciences, prof., Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional Scientific Library n. a. A. I. Herzen (Kirov).

Philology

O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);

V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);

O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);

N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);

D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);

H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);

T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);

D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);

A. V. Kostina, Dr. of philol. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);

V. Ya. Perminov, Dr. of philol. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);

T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);

G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal "Herald of humanitarian education" is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal "Vyatka State University"

Adress of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Фан-Юнг Герман Юрьевич. Значение Балахнинского «рагозинского» нефтехимического производства в экономическом развитии Нижегородской губернии в 1877–1887 гг.</i>	9
<i>Орлов Максим Александрович. Миссионерская деятельность протоиерея Иосифа Стефанова</i>	19
<i>Касанов Антон Сергеевич. Крещенные евреи в Вятской губернии в конце XIX – начале XX в.</i>	30
<i>Попов Григорий Германович, Сафаралиева Диляра Гаджиметовна. Импорт некоторых важных сухопутных вооружений Россией в Первую мировую войну</i>	37
<i>Сухачев Егор Владимирович. Уровень жизни в период «Белой Сибири» в малых уездных городах (на примере города Мариинска).....</i>	46

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Новиков Михаил Васильевич. Установление авиационного сообщения между Китаем и Советским Союзом</i>	53
<i>Пчелкина Анастасия Константиновна. Нацистская пропаганда в песенниках штурмовых отрядов гитлеровской партии.....</i>	64

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Минкова Кристина Владимировна, Ашикбаева Ильдана Адильевна, Пешкова Софья Антоновна. Внешние связи заморских регионов Франции в Индо-Пацифике.....</i>	71
<i>Хдери Карина Юсефовна, Хдери Дина Юсефовна. Послевоенное урегулирование в Сирии – останется ли Германия в стороне?</i>	94

ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Кочешков Геннадий Николаевич. Ученики против учителя: судьба «школы» М. Н. Покровского</i>	107
<i>Нафиков Ильсур Закирзянович. Модернистские тенденции в публикациях журнала «Маариф» в посттанзиматский период Османской империи</i>	115

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Крыласова Наталья Борисовна. Погребальные маски Плёсинского могильника в Пермском крае</i>	122
---	-----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дианов Сергей Александрович, Лесевицкий Алексей Владимирович.

Философия К. Ясперса и проблема «пограничной ситуации»
в последнем романе М. Горького..... 138

Качоровская Анна Евгеньевна. Два «Прометея»: рецепция дионисийской
символики в поэмах В. И. Иванова и Э. Липинера..... 148

Бекин Илья Андреевич. Кафкианский пласт
в произведениях Лукаса Линдера..... 156

Ян Гуйюнь. Своеобразие дискурса поэтических сказок
для детей дошкольного возраста С. Баруздина..... 165

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

<i>Fan-Yung German Yur'evich. The significance of the Balakhna "Ragozin" petrochemical plant in the economic development of Nizhny Novgorod province in 1877–1887</i>	9
<i>Orlov Maxim Alexandrovich. The missionary work of Archpriest Joseph Stefanov</i>	19
<i>Kasanov Anton Sergeevich. Baptized Jews in the Vyatka Governorate in the Late 19th – Early 20th Centuries</i>	30
<i>Popov Gregory Germanovich, Safaralieva Dilara Gadzhimetovna. Import of some important land weapons by Russia in the First World War</i>	37
<i>Sukhachev Egor Vladimirovich. Standard of Living in Small County Towns during the "White Siberia" Period (using Mariinsk as an example)</i>	46

GENERAL HISTORY

<i>Novikov Mikhail Vasilyevich. Establishment of aviation links between China and the Soviet Union</i>	53
<i>Pchelkina Anastasiya Konstantinovna. Nazi propaganda in the songbooks of the NSDAP's storm troops</i>	64

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONSHIP

<i>Minkova Kristina Vladimirovna, Ashikbaeva Il'dana Adil'evna, Peshkova Sofya Antonovna. External Relations of the French Overseas Regions in the Indo-Pacific</i>	71
<i>Khderi Karina Yusefovna, Khderi Dina Yusefovna. Post-war settlement in Syria: will Germany remain on the sidelines?</i>	94

HISTORIOGRAPHY

<i>Kocheshkov Gennady Nikolaevich. Students against the teacher: the fate of M. N. Pokrovsky's "school"</i>	107
<i>Nafikov Ilmur Zakirzyanovich. Modernist trends in the publications of the "Maarif" Journal during the post-tanzimat period of the Ottoman Empire</i>	115

ARCHEOLOGY

<i>Krylasova Natalia Borisovna. Funeral masks of the Plesinsky burial ground in the Perm region</i>	122
---	-----

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Dianov Sergey Aleksandrovich, Lesevitsky Aleksey Vladimirovich.</i> The Philosophy of K. Jaspers and the Problem of the "Borderline Situation" in M. Gorky's Last Novel.....	138
<i>Kachorovskaya Anna Evgenyevna.</i> Two "Prometheus": Reception of Dionysian Symbolism in the Poems of V. I. Ivanov and S. Lipiner	148
<i>Bekin Ilya Andreevich.</i> The Kafkaesque Layer in the Works of Lucas Linder	156
<i>Yang Guiyun.</i> The distinctive discourse of Sergei Baruzdin's poetic fairy tales for preschool children	165

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

EDN: SVKBPX

УДК 94(470.24)

Значение Балахнинского «рагозинского» нефтехимического производства в экономическом развитии Нижегородской губернии в 1877–1887 гг.

Фан-Юнг Герман Юрьевич

доктор исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма. Россия, г. Казань.
ORCID: 0000-0003-4057-2209. Scopus Author ID: 57211502464. E-mail: ger-fan-yung@yandex.ru

Аннотация. Следует констатировать объективную потребность в изучении и обобщении положительного опыта экономического развития России и ее регионов до 1917 г. При этом нельзя обойтись без анализа места и роли наиболее передовых производств того времени, который способствует уточнению соответствующих научных представлений. Особое место среди «флагманов» региональной промышленности занимали химические предприятия. Интересен и тот факт, что деятельность некоторых из них продолжается и в нашу эпоху. Вместе с тем изучение их влияния на динамику регионального социально-экономического развития современными исследователями представляется эпизодическим, бессистемным и весьма странным. «Странность» заключается в одновременном использовании двух взаимоисключающих подходов при попытке охарактеризовать состояние отечественной химической отрасли до 1917 г.: и «критического», и «апологетического». «Критический» подход основан на представлении о России как о «дикой», «отсталой» и «полуфеодальной» стране. Нелепость такого подхода заключается в том, что он противоречит обобщающим трудам советского периода, изданным в 1940–1960-х гг. Характерными чертами второго подхода выступают: весьма слабое знакомство с базовыми принципами и методами исторического познания, отсутствие критического анализа источников и их «механическое» воспроизведение. Подобный «симбиоз» критики и апологетики присутствует и при попытке оценки значения Балахнинского «олеонафтового» завода в развитии Нижегородской губернии, что позволяет обозначить указанный вопрос как дискуссионный.

Ключевые слова: В. И. Рагозин, индустриальное развитие Нижегородской губернии в XIX в., нефтехимия, «олеонафты», Балахнинский «олеонафтовый» завод товарищества «В. И. Рагозин и К^о».

Введение. Колоссальные размеры Российской империи предопределили неравномерность развития ее регионов, отличавшихся друг от друга не только природно-географическими и этнокультурными особенностями, но и структурой регионального промышленного (т. н. «фабрично-заводского») производства, формировавшегося под влиянием как традиционных промыслов и ремесел, так и наличия (или отсутствия) передовых и крупных «новейших капиталистических фабрик» [24]. Возникновение таких фабрик в определенном регионе способствовало усилению процесса урбанизации, созданию и развитию «всесословной» городской среды и т. д. При этом влияние отдельных производств на динамику общественных отношений в отдельно взятых регионах изучено недостаточно, чем и объясняется актуальность нашего исследования.

Методы исследования. При исследовании экономического развития любого региона России (до 1917 г.) необходимо учитывать принципиальную разницу между мануфактурой и фабрикой, т. е. между «кооперацией многих однородных машин и системой машин» [15, с. 384]. Следует различать «новейшие капиталистические фабрики» и прочие промышленные «заведения», чьи успехи зависели лишь от увеличения количества наемных рабочих и средств производства. Прогрессивное развитие производственной и, следовательно, социальной сферы на передовых предприятиях той эпохи происходило по интенсивному пути, у прочих же оно носило экстенсивный характер. Еще редкие «интенсивные» производства

отличались своевременным техническим перевооружением, применением передовых технологий, наличием заводских лабораторий и технологическим контролем над производственной сферой, сбалансированными методами и формами социального управления, подразумевавшего еще и подготовку квалифицированных кадров [28]. Признаками упомянутых «экстенсивных» производств являлись: «бесконечный» рабочий день, низкая заработная плата, «внеденежные» формы оплаты труда (бонами, хлебом, водкой и пр.), отсутствие технологического контроля над производством, высокий травматизм, неудовлетворительные социально-бытовые условия, массовое применение женского и детского труда, постоянная «текучка» кадров и т. д.

Сознательный отказ некоторых современных исследователей от упомянутой дифференциации промышленных объектов закономерно приводит к повторению ошибочных и многократно опровергнутых еще в конце XIX в. тезисов экономистов-«народников», пытавшихся анализировать промышленный капитализм «посредством простой справки с данными фабрично-заводской статистики» [10, с. 456], т. е. без выяснения сущности и важнейших особенностей конкретной фабрики или завода, и отраслевых, и технологических, позволяющих идентифицировать одно предприятие как капиталистическую мануфактуру, а другое обозначить в качестве передового, «безотходного» и даже наукоемкого капиталистического производства своей эпохи. Подобный устаревший подход «неизбежно ведет к смешению самых различных форм капитализма, к тому, что из-за деревьев не видят леса» [10, с. 456]. Это не означает полного отказа от использования статистических данных о крупных и передовых производствах того времени, но ставит под сомнение сведения об объеме регионального промышленного производства в денежном эквиваленте, позволяя считать его завышенным за счет кустарных, «полукустарных» или аграрных промыслов и производств. Учет качественных отличий передовых производств выступает в качестве своеобразного аналога «бритвы Оккама» (“Ockham's razor”), позволяя отсечь все лишнее и существенно облегчить исследовательскую работу с соответствующими источниками. Основой этого понимания является научное представление об индустриальной революции.

Одной из фундаментальных причин успешного перехода человечества к индустриальной стадии развития выступили достижения базовых естественных наук – физики и химии. К началу 60-х гг. XIX в. химия превратилась из описательной научной дисциплины в созидательную отрасль научного знания. Это произошло благодаря разработке теории строения органических веществ. Значимым результатом данного открытия стала возможность синтеза веществ с заданными свойствами. Закономерным следствием этого явилось невиданное развитие химической отрасли и ее наукоемкий характер.

Всё это не позволяет игнорировать исследование деятельности отдельных передовых химических производств и не допускает обозначать таковые в качестве «одних из многих» производственных объектов при оценке уровня развития регионов Российской империи. Такой подход способствует рациональному и критическому анализу регионального развития, исключая «голые соображения» и «абстракты» [17, с. 123]. Становится очевидной нелепость сопоставления неких «овчинно-мерлушковых», мукомольных, якорных, канатных, «чугунно-литейных» и других аналогичных «заведений» с передовыми химическими предприятиями, основанная лишь на численности рабочих и станков и способствующая лишь искаженной оценке уровня регионального экономического развития [10, с. 459]. По нашему мнению, значение того или иного предприятия в экономическом развитии отдельного региона зависит от его доли в структуре регионального промышленного производства в денежном выражении и от временной продолжительности его успешного интенсивного роста на обозначенной территории.

Краткий обзор историографии и источников. Историографию проблемы вполне логично разделить на три этапа: «досоветский», «советский» и «современный». На «досоветском» этапе она представлена в основном работами химиков-теоретиков и химиков-технологов, экономистов, журналистов и предпринимателей, но не историков. Иными словами, влияние крупных нефтеперерабатывающих производств того времени на общественные отношения изучалось в контексте, как правило, санитарно-гигиенических и экологических проблем, не выступая в качестве самостоятельного предмета исследования. К наиболее значимым работам указанного этапа, посвященным становлению и развитию отечественной нефтехимии, следует отнести труды Д. И. Менделеева [18], К. И. Лисенко [11], В. П. Безобразова [2], А. Н. Молчанова [19].

Для работ, относящихся к «советскому» этапу, было характерно следование догматам марксистско-ленинской идеологии и реализуемым пропагандистским кампаниям («борьба с безродным космополитизмом» и т. д.), что и оказало негативное воздействие на смысл и содержание обобщающих работ П. М. Лукьянова [13] и С. М. Лисичкина [12]. История любых крупных производств, в свою очередь, рассматривалась в контексте «классовой борьбы» [22], оставляя вне исследовательского поля деятельность предпринимательского сообщества и совершенствование форм и методов социального управления. Но именно на данном этапе промышленные предприятия становятся объектом исторических исследований.

Вызывает удивление, что в отдельных работах современных авторов [5] продемонстрировано практически полное отсутствие критического анализа сведений, содержащихся в соответствующих «досоветских» статистических источниках. Это, по нашему мнению, крайне негативно влияет не только на объективность выводов о состоянии отдельных химических фабрик и заводов, но и на формирование научных представлений о данной отрасли до 1917 г. К примеру, весьма «странным» представляется вывод о том, что химическая отрасль в 1928 г. являлась-де «новой отраслью народного хозяйства страны» [4, с. 14]. Архаичные «народнические» мифологемы о «тяжелом положении рабочих» [3], без учета их отраслевой принадлежности, возраста, пола, стажа, квалификации, как и «обветшалый» тезис «радикальных» марксистов о том, что «по мере развития машинно-фабричного производства прогрессировала жесточайшая эксплуатация женского и детского труда, массовая хроническая безработица, абсолютное и относительное обнищание пролетариата» [22, с. 4], до сих пор встречаются в работах современных авторов [9, с. 31–32]. Простое транслирование отживших «догматов» и мифологем подменяет собой полноценный анализ используемых источников, демонстрируя отсутствие теоретической базы исследования и игнорирование объективной взаимосвязи между состоянием производства и социальной сферы на передовых химических производствах данной эпохи. Следует констатировать, что диаметрально противоположные оценки итогов экономического и социального развития России, как и ее регионов, к 1917 г. продолжают свое параллельное существование в современной исторической компаративистике.

Личный вклад В. И. Рагозина (1833–1901) в развитие отечественного производства минеральных масел (например, таких дистиллятов нефти, как смазывающие материалы и т. д.) довольно подробно рассмотрен в работах А. А. Матвейчука [16], Г. В. Колесниченко [8], В. М. Марасановой [14], Ф. А. Селезнёва [21] и др. Однако место и роль Балахнинского нефтеперерабатывающего завода в экономическом развитии Нижегородской губернии до 1917 г., известного как «Механический завод для приготовления смазочных минеральных масел» товарищества «Рагозин и К^о» [7], нуждаются в дальнейшем уточнении.

Основу источниковой базы представленного исследования составляют опубликованные справочно-статистические материалы «досоветского» периода, перечисленные ниже. Критический анализ обозначенных источников позволил, во-первых, датировать начало производственной деятельности исследуемого производственного объекта; во-вторых, установить годы наивысшего развития его производственной сферы; в-третьих, выявить начало его упадка и, в-четвертых, определить год полного окончания производственной деятельности. Все эти материалы подразделяются нами на две группы: «всероссийские» и «региональные». К «всероссийским» справочно-статистическим материалам нами отнесены соответствующие «Указатели...» [25–27] и «Список фабрик и заводов Европейской России» (1903 г.) [23]. Основным «региональным» источником выступают «Обзоры Нижегородской губернии...» за 1875–1901 гг. [20], представляющие собой справочно-статистические приложения ко «всепогоднейшим» губернаторским отчетам. Они позволили систематизировать и даже графически выразить важнейшие статистические данные о промышленном производстве в данном регионе. Сопоставление сведений из упомянутых «всероссийских» и «региональных» источников позволило произвести их перекрестный «допрос», повысив фундированность нашей работы.

Обсуждение и результаты. В 1875 г. в Нижегородской губернии (по данным «Обзора...» за 1876 г.) функционировало фабрик и заводов – 495; рабочих на них – 13 445 человек; произведено продукции (в денежном эквиваленте) – на 8 260 701 рубль [20, с. 5]. «Опытное» Нижегородское предприятие Рагозина нигде отдельно не упомянуто [20, прил. 2], что свидетельствовало о его незначительных размерах. В современных исследованиях сообщается, что это был «небольшой опытный завод по получению смазочных масел, состоявший из одного перегонного куба вместимостью 60 ведер» [6, с. 160], т. е. почти 740 литров. По данным губернаторского «Обзора...» за 1876 г., в обозначенном регионе имелось 479 фабрик и заводов; рабочих на них –

13 242 человека; произведено продукции (в денежном эквиваленте) на 8 360 993 рубля [20, с. 5]. Никаких сведений о «рагозинском» предприятии ни в Нижнем Новгороде, ни в Балахне в приведенном источнике не имеется. Нет в нем и упоминания, например, об открытии нефтехимического предприятия в Балахне. В статистике же по Балахнинскому уезду упомянуты два «техно-химических» завода. На обоих в совокупности насчитывалось 40 рабочих, а сумма их годового производства (за 1876 г.) составила 117 400 рублей. Один из этих заводов был открыт в том же году [20, прил. 2]. Сам факт наличия неких «техно-химических» производств до появления олеонафтового «рагозинского» завода в Балахне позволяет поставить под сомнение тезис о В. И. Рагозине как о формальном «родоначальнике» региональной химической отрасли. Вполне уместно разграничить даты основания «рагозинского» завода в Балахне (1876 г.) [7, с. 440] и начала его полноценной производственной деятельности (1877 г.).

Важнейшей объективной причиной создания нефтехимического предприятия в Балахне явилось нарастающее развитие российской фабрично-заводской промышленности, породившее потребность в нефти и нефтепродуктах, включая смазочные и осветительные масла. Со своей стороны, это потребовало оптимизации логистики и снижения издержек производства. Д. И. Менделеев уточнил, что «учреждение нефтяных заводов в центре России сделает заводчиков, а не купцов распорядителями цен <...> Оттого <...> и замечается ныне, с развитием паровых сообщений, стремление всюду – учредить заводы около потребителей и заводам встать в прямое отношение к потребителям» [18, с. 9]. Основав нефтехимический завод в Балахне, В. И. Рагозин наглядно продемонстрировал свои предпринимательские способности: «Им тактически грамотно была решена сложная проблема перехода от опытного небольшого завода к крупнейшему для того времени предприятию» [6, с. 160].

«Обзор...» за 1877 г. сообщает о наличии в данной губернии 487 фабрик и заводов, на которых трудилось 15 305 человек; произведено продукции (здесь и далее – в денежном эквиваленте) – 10 220 035 рублей [20, с. 5]. Упомянуто о закрытии одного «техно-химического» завода в Балахнинском уезде. Впервые сообщено о начале производственной деятельности «рагозинского» предприятия непосредственно в Балахне. Уже на первом году существования этого завода на нем трудилось 106 рабочих, а продукции было произведено на 100 000 рублей [20, прил. 2]. Как подсчитано нами и здесь, и ниже, доля указанного предприятия в валовом региональном продукте составила 0,97 %.

В «Обзоре...» за 1878 г. сообщено о 493 фабриках и заводах; рабочих на них – 17 463 человека; произведено продукции на 13 135 259 рублей [20, с. 6]. Следовательно, уже через год после начала производственной деятельности Балахнинский «рагозинский» завод вошел в число «преобладающих по сумме производительности» региональных производств. За 1878 г. на нем было произведено силами 238 рабочих продукции на 1 200 000 рублей [20, прил. 2]. Доля завода в валовом региональном продукте составила рекордные 9,13 %. В 1879 г. в Нижегородской губернии действовало 462 промышленных производства; численность рабочих составляла 17 557 человек; ежегодный объем промышленного производства – 14 521 606 рублей [20, с. 5]. Показатели «завода минеральных смазочных масел В. И. Рагозина и К^о» [2, с. 115] были нижеследующими: объем производства в 1879 г. достиг 1 500 000 рублей; рабочих – 306 человек [20, прил. 2]. Доля завода в валовом региональном продукте достигла 10,32 %. И это был настоящий пик развития производственной сферы «рагозинского» производства в Балахне [2, с. 115–116]. В 1879 и 1880 гг. имя В. И. Рагозина «гремело в Нижнем Новгороде, на ярмарке и на всей Волге; в своей чрезвычайно быстрой коммерческой карьере он сделался как бы львом нашего промышленного мира» [2, с. 116]. Важнейшим продуктом, выпускаемым «рагозинским» заводом в Балахне, являлись «смазочные масла для машин, известные под названием олеонафта» [2, с. 117]. Этими маслами В. И. Рагозин попытался заменить деревянное масло для смазки механизмов. Главное преимущество «рагозинских» масел – их дешевизна, чем и объясняется то, что во Франции они были внедрены раньше, чем в России. Половина «рагозинских» масел шла на экспорт, а другая половина продавалась на внутреннем рынке. Безусловная заслуга В. И. Рагозина состоит в том, что он освоил промышленное производство смазочных масел и начал экспортировать его. На первых порах «рагозинское дело» было чрезвычайно прибыльным. Так, ценность нефтепродуктов (в денежном выражении) после получения из нефти керосина в три раза превышала ценность последнего. Себестоимость нефтепродуктов, необходимых для производства одного пуда (16,38 кг) смазочного масла («олеонафта»), составляла менее одной копейки, а его рыночная цена была пять рублей. При этом рыночная цена пуда деревянного масла варьировалась от 10 до 11 руб-

лей. Первоначальные успехи обозначенного производства стали возможны благодаря тесному союзу производства и науки, возникшему по инициативе В. И. Рагозина. Заводом управлял Г. А. Эльсниц, выпускник Императорского Московского университета. В его подчинении находились 10 техников, тоже имевших высшее образование. На предприятии имелась химическая лаборатория, где проводились опыты [2, с. 119–121].

Губернаторский «Обзор...» за 1880 г. повествует о наличии 465 фабрик и заводов, рабочих на них – 19 856 человек. Объем регионального производства составил 15 153 117 рублей. Наиболее крупными и значимыми из них были: Сормовский завод, чугунолитейные и железоделательные заводы в Ардатовском уезде, завод минеральных масел в Балахне, мукомольные фабрики, винокуренные, кожевенные заводы [20, с. 5]. На Балахнинском «рагозинском» заводе трудилось 306 человек, объем производства – 1 500 000 рублей [20, прил. 2]. Доля завода в валовом региональном продукте все еще оставалась на высоком уровне – 9,89 %. Следует зафиксировать отсутствие дальнейшего роста производства на указанном предприятии уже в 1880 г. При этом на заводе имелось 22 перегонных аппарата и 13 паровых машин. Продукция (в год): минеральные масла разных сортов и смазочная мазь, всего до 730 000 пудов (11957,4 т). Ежегодный объем производства в денежном эквиваленте составлял 1 800 000 рублей, а рабочих насчитывалось 369 человек [25, с. 574]. Очевидная разница между данными губернского «Обзора...» и «Указателя...» по этому «рагозинскому» производству объяснима отсутствием возможности проверки данных составителями последнего.

В 1881 г. региональное промышленное производство было представлено 467 фабриками и заводами, на которых трудилось 14 635 рабочих. Объем производства составил 15 970 793 рубля. Причиной сокращения численности рабочих обозначено сокращение производства «на большей части чугуноплавильных и железоделательных, винокуренных и водочных заводов», включая Сормовский завод [20, с. 9]. Среди наиболее крупных региональных производств упомянут Балахнинский «техно-химический – минеральных масел» завод В. И. Рагозина [20, с. 10]. Численность рабочих и объем ежегодного производства совпадали с данными за 1879 и 1880 гг. [20, прил. 2], что выглядит несколько сомнительно. Доля завода в валовом региональном продукте составила 9,39 %.

Данные соответствующего «Обзора...» фиксируют наличие в 1882 г. 476 региональных производственных объектов, отнесенных к числу фабрик и заводов. Численность рабочих составляла 17 326 человек. Объем ежегодного производства достиг 17 277 891 рубля. Наиболее значительное «увеличение производства было зафиксировано на механическо-мукомольных заводах» [20, с. 5]. На Балахнинском «рагозинском» заводе объем производства резко снизился «приблизительно на 900 т. р., по случаю недостаточного подвоза нефти с низовьев Волги, по ея мелководию» [20, с. 5]. Завод произвел продукции лишь на 600 000 рублей, а численность его рабочих сократилась до 170 человек [20, прил. 2]. Обмеление р. Волги в 1882 г. было зафиксировано в многочисленных опубликованных источниках [1], но это была не единственная и не главная причина упадка «рагозинского дела» в Балахне. Доля завода в валовом региональном продукте составила лишь 3,47 %. В том же году «рагозинское» товарищество было объявлено несостоятельным. С 1882 г. В. И. Рагозин уже не мог рассчитывать даже на «малейшее доброе слово об его деятельности» [2, с. 116].

Одной из возможных причин упадка Балахнинского завода и, следовательно, всей «новорожденной» подотрасли отечественной химической отрасли стало «непомерное увеличение производства под влиянием усиления спроса и затрата основного капитала, непропорционального к оборотному» [2, с. 118]. Это, к сожалению, не являлось чем-то экстраординарным для реалий того времени [2, с. 122–123]. Помимо неоправданных расходов на развитие производственной сферы в целях монополизации соответствующего рынка, по нашему мнению, негативное влияние оказывало стремление В. И. Рагозина производить универсальные минеральные масла (4–6 видов) [11, с. 170]. В. П. Безобразов свидетельствовал: «...мы слышали от техников и машинистов весьма разнообразные отзывы об его продуктах. Одни были в восхищении от них... другие находили его совсем негодным» [2, с. 122]. Этот автор утверждал, что не для всех машин и механизмов деревянное масло может быть заменено «рагозинскими» олеонафтами. И более того, «для различного употребления этого минерального смазочного вещества должны служить его различные сорта и оттенки. Кроме различия этих сортов при употреблении, должна быть и при его фабрикации более строгая и тонкая сортировка олеонафта, и также вероятно нужно производство новых его оттенков, еще не фабрикуемых» [2, с. 123]. А. Н. Молчанов констатировал, что «некоторые компании начали было красить, сма-

зывать и освещать свои пароходы производством балахнинской олеонафтовой фабрики, но потом <...> нашли, что краска гг. Рагозиных менее прочна заграничной; что его мазь портит подшипники машин, а “балахнинское невоспламеняемое масло” так же взрывчато, как и керосин, а потому заграничные олеонафты вошли снова в моду» [19, с. 61].

Иными словами, «рагозинский» завод выпускал весьма ограниченную номенклатуру смазочных масел, что негативно сказалось на его деловой репутации. Такая производственная политика компании объяснима не только стремлением к получению сверхприбылей за счет выпуска «универсальных» смазочных масел, но и недостаточным развитием химической науки и химической технологии в данной сфере. Все это, в сочетании со стремлением к монополизации рынка смазочных и осветительных масел, подорвало доверие к «рагозинским» олеонафтам и привело В. И. Рагозина к утрате контроля над фирмой и ее производствами.

С учетом состояния нефтехимической отрасли в указанный период вызывает сомнение тезис о создании нефтеперерабатывающего «безотходного» производства В. И. Рагозиным в Балахне. В работе А. Н. Молчанова зафиксировано отсутствие утилизации отходов указанного нефтехимического производства, загрязнение ими почвы и воды, внутреннего пространства завода и его окрестностей [19, с. 58–61]. Странно выглядело и распределение рабочего времени: на пике своего развития предприятие работало в три смены: «от 5 до 11 утра, от 11 до 7 вечера и от 7 до 5 утра, так что ночная смена установлена почти вдвое длиннее утренней» [19, с. 61]. Оплата труда, независимо от временной протяженности смены, была одинаковой, что свидетельствует об отсутствии прогрессивной «сдельщины», стимулировавшей деловую активность рабочих и служащих на передовых производствах.

По сведениям, содержащимся в «Обзоре...» за 1883 г., в регионе действовало 422 фабрики и завода, использовавших труд 15 545 человек. Ежегодный объем губернской продукции составил 14 710 726 рублей. Серьезные убытки понес Сормовский завод и ряд чугуноплавильных и железоделательных заводов губернии. Отмечено, что на Балахнинском заводе минеральных масел «рагозинского» товарищества дивиденд «возвысился на 317 000 рублей» [20, с. 6]. Объем производства вырос до 917 000 рублей, а численность рабочих – до 250 человек [20, прил. 2]. Это свидетельствует о попытках санации Балахнинского завода и мерах по восстановлению деловой репутации фирмы после отстранения от управления В. И. Рагозина. Доля завода в валовом региональном продукте снова возросла до 6,23 %.

Количество региональных фабрик и заводов, по данным «Обзора...» за 1884 г., сократилось до 394. Численность рабочих снизилась до 14 664 человек. Объем ежегодного производства составил 14 468 575 рублей [20, с. 6]. Сократился объем производства и на «рагозинском» заводе, составив 773 095 рублей [20, прил. 2]. Численность рабочих осталась на прежнем (1883 г.) уровне. Доля завода в валовом региональном продукте составила 5,34 % «Обзор...» за 1885 г. сообщает о наличии в губернии 366 действующих фабрик и заводов, на которых было задействовано 13 733 рабочих. Ежегодный объем производства в денежном эквиваленте сократился до 13 280 670 рублей [20, с. 5]. Показатели Балахнинского завода в том же году были следующими: объем производства – 607 172 рубля; рабочих – 245 человек [20, прил. 2]. Доля завода в валовом региональном продукте продолжала снижаться, сократившись до 4,57 %.

В 1886 г. в Нижегородской губернии имелось 328 промышленных производств; на них рабочих – 13 863 человека. Ежегодный объем производства – 13 114 900 рублей [20, с. 5]. Статистические данные по Балахнинскому заводу выглядели следующим образом: объем производства – 450 000 рублей; рабочих – до 150 человек [20, прил. 2]. Доля завода в валовом региональном продукте, несмотря на его очевидное сокращение, снизилась до 3,43 %. В свою очередь, сведения из «Указателя...» 1887 г., содержащие данные о заводе за 1886 г., сообщают о наличии в регионе двух заводов по производству минеральных масел. Их суммарный объем производства составлял 933 000 рублей. Рабочих (на обоих заводах) было 354 человека [26, с. 629]. Первым из упомянутых заводов был завод товарищества «В. И. Рагозин и К^о», располагавшийся в Балахне. Техническое оснащение предприятия включало в себя 23 перегонных куба, 12 паровых котлов, 14 паровых насосов и единственную паровую машину мощностью в 20 л. с. Ежегодно производилось 69 000 пудов (1130,2 т) осветительного масла, 48 000 пудов (786,2 т) смазочных масел и 365 000 пудов (5978,7 т) дегтя. Итого 482 000 пудов (7895,1 т) продукции. Ежегодный объем производства – 773 000 рублей. Рабочих – 250 человек [20, с. 631]. Отметим, что численность рабочих и объем ежегодного производства «рагозинского» завода снова были завышены, отличаясь от данных соответствующего «Обзора...». Еще одним заводом являлся Варинский завод И. Н. Тер-Акопова, основанный в 1877 г. Он располагался в

с. Варя Гордеевской волости Балахнинского уезда. Ежегодно завод производил 140 000 пудов (2293,2 т) керосина и 50 000 пудов (819 т) прочих минеральных масел. На заводе имелись две паровые машины совокупной мощностью в 70 л. с. Объем производства составлял 160 000 рублей. Рабочих – 104 человека. «Тер-акоповский» завод уступал по основным показателям «рагозинскому» предприятию. Однако простое сопоставление статистических показателей Балахнинского «рагозинского» завода за 1880 и 1886 гг. объективно свидетельствует о падении объемов производства основной продукции («олеонафты»). Косвенным свидетельством этого выступает упоминание о резко возросших объемах производства дегтя.

«Обзор...» за 1887 г. повествует о наличии в регионе 365 фабрик и заводов, использовавших наемный труд 14 356 рабочих. Ежегодный объем производства до 15 069 542 рублей. При этом «среди местной... промышленности самое видное место занимают две отрасли: на первом плане стоят мукомольные заводы <...> и затем чугунно-плавильные и железо-делательные...» [20, с. 9]. Это позволяет сделать вывод об объективной зависимости значительного числа указанных производственных объектов от сырья, поставляемого сельским хозяйством. Тем самым спад производства региональной промышленности, например мукомольных «заводов», зависел от урожайности сельскохозяйственного производства, что вынуждает усомниться в количестве «фабрик и заводов» и в показателях губернского промышленного производства. На Балахнинском заводе минеральных масел в 1887 г. было произведено продукции на 400 000 рублей, а численность рабочих составила 200 человек [20, прил. 2]. Доля завода в валовом региональном продукте составила 2,65 %. В свою очередь, в Ярославской губернии (с. Константиново, Романов-Борисоглебский уезд) с 1879 г. [2, с. 116] имелся другой завод товарищества «Рагозин В. И. и К^о», производивший в 1886 г. ежегодно 102 000 пудов (1670,76 т) осветительных масел, 582 000 пудов (9533,16 т) смазочных масел и 240 000 пудов (3931,2 т) гудрона. Итого 924 000 пудов (15 135 т) основной продукции в год. На указанном предприятии имелось 10 паровых машин. Объем производства составлял 1 000 000 рублей. На заводе постоянно трудилось 230 рабочих [26, с. 633]. В «Обзоре...» за 1888 г. [20, с. 15], как и в последующих губернаторских обзорах, никаких сведений о наличии в Балахне «олеонафтового» завода более не имеется [20, прил. 2]. Нет данных и о деятельности этого завода в Ярославской губернии к 1894 г. [27]. Таким образом, 1887 г. стал последним годом существования указанного производства.

Выводы. Значимым результатом произведенного исследования выступает точная датировка окончания производственной деятельности Балахнинского «олеонафтового» завода, принадлежавшего товариществу «В. И. Рагозин и К^о» (1887 г.), подтвержденная данными из опубликованных статистических источников. Динамика объемов регионального промышленного производства в денежном выражении с 1877 по 1887 г. (рис. 1) и доля, занимаемая заводом «рагозинского» товарищества в Балахне, в этих объемах (рис. 2), позволяют утверждать, что влияние данного производства на экономическое развитие Нижегородской губернии было несомненным, значимым, но весьма кратковременным. И наоборот, влияние Константиновского «рагозинского» завода на совершенствование экономического потенциала Ярославской губернии, как справедливо отметила В. М. Марасанова, было продолжительным и очевидным [14, с. 123]. Не отрицая несомненных заслуг В. И. Рагозина в создании и развитии нефтеперерабатывающей подотрасли отечественной химической промышленности, отметим, что производственная и социальная политика, осуществлявшаяся его фирмой на Балахнинском и Константиновском заводах до издания «фабричных» законов 1882–1886 гг., нуждается в дальнейшем изучении и уточнении.

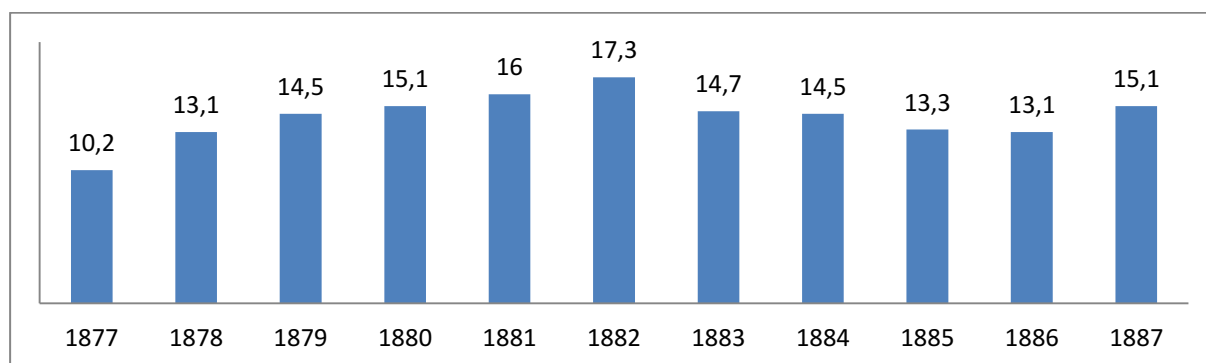

Рис. 1. Объем регионального производства в денежном эквиваленте (млн руб.)

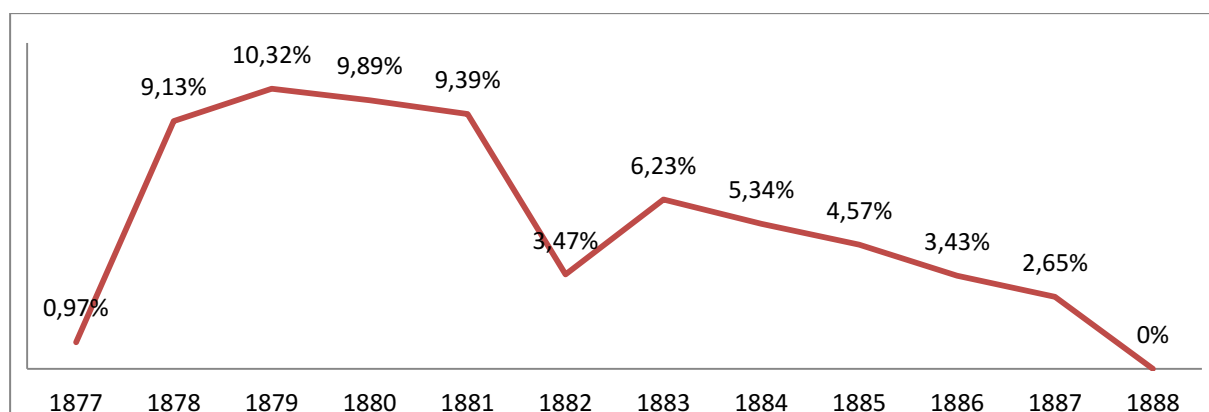

Рис. 2. Доля «рагозинского» завода в Балахне в объеме регионального производства (%)

Список литературы

1. Астраханский справочный листок. 1882. № 173.
2. Безобразов В. П. Народное хозяйство России: Моск. (Центр.) пром. обл. : исследование В. П. Безобразова, д. чл. Акад. наук. Ч. 1–3. Ч. 2. 1885. [4], II, 384 с.
3. Берви-Флеровский В. В. Положение рабочего класса в России: наблюдения и исследование Н. Флеровского. СПб. : Изд. Полякова, 1869. 494 с.
4. Васина Е. Е. Становление и развитие системы подготовки инженерно-технологических и научных кадров СССР в 1928 – июне 1941 годов (на примере химической промышленности) : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2008. 30 с.
5. Есиева И. В. Купеческая династия Ушковых (первая половина XIX в. – 1918 г.): дис ... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2004. 201 с.
6. Жилкина Е. О., Антонов С. А. Этапы становления и развития производства минеральных масел в России // Вестник Самарского гос. техн. ун-та. Технические науки. 2014. № 1 (41). С. 159–163.
7. Карташова М. В. Рагозина нефтеперерабатывающий завод / Нижегородская энциклопедия промышленности и предпринимательства / сост. и науч. ред. Ф. А. Селезнёв. Н. Новгород : Книги, 2011. С. 440–441.
8. Колесниченко Г. В. Братья Рагозины. Начало нефтяного дела в России. СПб. : Альфарет, 2009. 751 с.
9. Крапоткина И. Е. Трудовая повседневность рабочих Бондюжского завода в начале XX в. // EUROPEAN RESEARCH FORUM : сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф., 04 марта 2021 года. Петрозаводск, 2021. С. 30–35. EDN: QNZPNC.
10. Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС // Полное собрание сочинений. 5-е изд. : в 55 т. Т. 3. М. : Изд-во полит. лит., 1971. С. 5–609, [XVI] с., прил.
11. Лисенко К. И. Нефтяное производство по новейшим данным. СПб. : Тип. Брат. Пантелеевых, 1878. 281 с.
12. Лисичкин С. М. Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности. Дореволюционный период. М. ; Л. : Гостопттехиздат, 1954. 401 с., ил.
13. Лукьянов П. М. Краткая история химической промышленности СССР от возникновения химической промышленности в России до наших дней : монография. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 465 с.
14. Марасанова В. М. Виктор Рагозин, Дмитрий Менделеев, братья Нобели и становление нефтехимического производства в Ярославской губернии в 1870–1910-е годы // Исторический курьер. 2023. № 5. С. 120–130. DOI: 10.31518/2618-9100-2023-5-8.
15. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии : [пер. с нем. И. И. Скворцова-Степанова, проверенный и исправленный] : в 3 т. Т. 1. Кн. 1: процесс производства капитала. М. ; Л. : Гос. изд-во полит. лит., 1952. 744 с.
16. Матвейчук А. А. Вехи славного нефтяного пути // Нефть России. 2016. № 3–4. С. 67–72.
17. Менделеев Д. И. Учение о промышленности : в 2 т. Т. 1. Ч. 1 (6–9 параграфы). СПб. : Тип. Акц. Об-ва Брокгауз-Евфрон, 1901. С. 91–201.
18. Менделеев Д. И. Где строить нефтяные заводы. СПб. : Тип. В. Демакова, 1881. 84 с.
19. Молчанов А. Н. Балахна // По России. СПб. : Тип. Мин-ва путей сообщения, 1884. С. 58–61.
20. «Обзоры Нижегородской губернии...». Н. Новгород : Тип. Губ. Правления, 1875–1901 гг., с прил.
21. Селезнёв Ф. А. Рагозин Виктор Иванович (19.08.1833, Московская губ. – 09.08.1901, Озерки, близ С.-Петербурга) // Нижегородская энциклопедия промышленности и предпринимательства / сост. и науч. ред. Ф. А. Селезнёв. Н. Новгород : Книги, 2011. С. 439–440.
22. Соловьёва А. М. Промышленная революция в России в XIX в. М. : Наука, 1990. 272 с.
23. Список фабрик и заводов Европейской России. СПб. : Тип. В. Θ. Киришбаума, 1903. 838, [1] с.
24. Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. (перепечатано с 3-го изд. 1907 г.) : в 2 ч. М. : Московский рабочий, 1922. 430 с.

25. Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским / сост. П. А. Орлов. СПб. : Тип. Бр. Пантелеевых, 1881. 753, [IX] с.
26. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского : материалы для фабрично-заводской статистики / сост. П. А. Орлов. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : Тип. Р. Голике, 1887. 824 с.
27. Указатель фабрик и заводов Европейской России (материалы для фабрично-заводской статистики) / сост. П. А. Орлов и С. Г. Будагов. Изд. третье, испр. и значит. доп. СПб. : Тип В. Киришбаума, 1894. 827 с.
- Фан-Юнг Г. Ю. «Завод-«Великанъ»» (основные этапы истории Казанского предприятия фирмы братьев Крестовниковых в 1855–1917 гг.). Казань : Познание, 2020. 234 с. EDN: MAEDIC.

The significance of the Balakhna "Ragozin" petrochemical plant in the economic development of Nizhny Novgorod province in 1877–1887

Fan-Yung German Yur'evich

Doctor of Historical Sciences, associate professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Volga Region State University of Physical Education, Sports and Tourism. Russia, Kazan.
ORCID: 0000-0003-4057-2209. Scopus Author ID: 57211502464. E-mail: ger-fan-yung@yandex.ru

Abstract. It should be noted that there is a need to study and summarize the positive experience of the economic development of Russian regions before 1917. In this regard, it is relevant to analyze the place and role of advanced regional industries in this development, which helps to clarify relevant scientific concepts. Chemical plants occupied a special place among the leading industries of the regions. It is also interesting to note that some of these plants continue to operate in our time. However, the study of their impact on the dynamics of socio-economic development in the regions seems to be episodic, haphazard and very strange. The "strangeness" lies in the simultaneous operation and use of two mutually exclusive approaches when trying to characterize the state of the domestic chemical industry before 1917: both "critical" and "apologetic". The "critical" approach is based on the stereotype of a "wild", "backward" and "semi-feudal" Russia, where, strangely enough, there were great chemists, but there was no developed chemical industry. The absurdity of this approach lies in its contradiction to the available generalizing works of the Soviet period, published in the 1940s – 1960s. In turn, the characteristics of the second approach include a very poor understanding of the basic principles and methods of historical knowledge, lack of critical analysis of sources, and their "mechanical" reproduction. This "symbiosis" of criticism and apology is also present in attempts to assess the role and place of the Balakhna petrochemical plant in the development of Nizhny Novgorod Province. This allows us to designate this issue as debatable.

Keywords: V. I. Ragozin, industrial development of Nizhny Novgorod province in the 19th century, petrochemistry, "oleonafty", Balakhninsky "oleonaftovy" plant of the partnership "V. I. Ragozin and Co".

References

1. *Astrahanskij spravochnyj listok* [Astrakhan Reference Leaflet (newspaper)]. 1882. No. 173
2. *Bezobrazov V. P. Narodnoe hozyajstvo Rossii: Mosk. (Centr.) prom. obl.: issledovanie V. P. Bezobrazova, d. chl. Akad. nauk. Ch. 1 – 3. Ch.2.* [National economy of Russia: Moscow (Central) Industrial Region: a study by V. P. Bezobrazov, a real member of the Imperial Academy of Sciences. Part 1 – 3. Part 2]. 1885. [4], II, 384 p.
3. *Bervi-Flerovskij V. V. Polozhenie rabochego klassa v Rossii: nablyudeniya i issledovanie N. Flerovskogo* [The situation of the working class in Russia: observations and research by N. Flerovsky]. SPb., Ed. Polyakoff, 1869. 494 p.
4. *Vasina E. E. Stanovlenie i razvitie sistemy podgotovki inzhenerno-tehnologicheskikh i nauchnyh kadrov SSSR v 1928 – iyune 1941 godov (na primere himicheskoy promyshlennosti) : avtoref. dis. ... kand. istor. nauk: 07.00.02* [Standing and development of the USSR engineering, technological and scientific personnel training system in 1928 – June 1941 (using the example of the chemical industry) : abstract of the dis. ... PhD in Historical Sciences: 07.00.02]. M., 2008. 30 p.
5. *Esieva I. V. Kupecheskaya dinastiya Ushkovykh (pervaya polovina XIX v.–1918 g.) : dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02* [The Ushkov merchant dynasty (the first half of the 19th century – 1918) : dis. ... PhD in Historical Sciences: 07.00.02]. Kazan, 2004. 201 p.
6. *Zhilkina E. O., Antonov S. A. Etapy stanovleniya i razvitiya proizvodstva mineralnykh masel v Rossii* [The stages of standing and development of mineral oil production in Russia] // *Vestnik Samarskogo gos. tehn. un-ta. Tehnicheskie nauki* – Herald of the Samara State Technical University. Technical sciences. 2014. No. 1 (41). Pp. 159–163.
7. *Kartashova M. V. Ragozina neftepererabatyvayushchij zavod* [Ragozins Oil Refinery plant] // *Nizhegorodskaya enciklopediya promyshlennosti i predprinimatelstva* – Nizhny Novgorod Encyclopedia of Industry and Entrepreneurship / comp. and scient. ed. by F. A. Seleznev. N. Novgorod, Books, 2011. 616 p. Pp. 440–441.
8. *Kolesnichenko G. V. Bratya Ragoziny. Nachalo neftyanogo dela v Rossii* [The Ragozin brothers. The beginning of the oil business in Russia]. SPb., Alfaret, 2009. 751 p.
9. *Krapotkina I. E. Trudovaya povsednevnost rabochih Bondyuzhskogo zavoda v nachale XX vv* [The "Alltäglichkeit" of the Bondyuzhsky plant workers in the early 20th century] // *EUROPEAN RESEARCH FORUM*:

sbornik statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 04 marta 2021 goda, 2021 – EUROPEAN RESEARCH FORUM: almanach of the 11th International Scientific and Practical Conference, March 04, 2021. Pp. 30–35. EDN: QNZPNC.

10. *Lenin V. I. Razvitie kapitalizma v Rossii. Process obrazovaniya vnutrennego rynka dlya krupnoj promyshlennosti* [The development of capitalism in Russia. The process of standing an internal market for large-scale industry] / Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU // *Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd. : v 55 t. T. 3 – Complete Works. 5th ed. In 55 vols. Vol. 3. M., Publishing house of political literature, 1971. Pp. 5–609, [XVI] p.*

11. *Lisenko K. I. Neftyanoe proizvodstvo po novejsim dannym* [Oil production according to the latest data]. SPb., Typ. Panteleevs Br., 1878. 281 p.

12. *Lisichkin S. M. Oчерки по истории razvitiya otechestvennoj neftyanoj promyshlennosti. Dorevolucionnyj period* [Essays on the history of the development of the Russian oil industry. The pre-revolutionary period]. M.; L., Gostopttehzdat, 1954. 401 p., ill.

13. *Lukyanov P. M. Kratkaya istoriya himicheskoy promyshlennosti SSSR ot vozniknoveniya himicheskoy promyshlennosti v Rossii do nashih dnei : monografiya* [A Brief History of the Chemical Industry in the USSR from the Emergence of the Chemical Industry in Russia to the Present Day : monograph]. M., USSR Academy of Sciences, 1959. 465 p.

14. *Marasanova V. M. Viktor Ragozin, Dmitrij Mendeleev, bratya Nobeli i stanovlenie neftehimicheskogo proizvodstva v Yaroslavskoj gubernii v 1870–1910-e gody* [Viktor Ragozin, Dmitry Mendeleev, the Nobel Brothers, and the Emergence of Petrochemical Production in the Yaroslavl Province in the 1870s and 1910s] // *Istoricheskij kurer – Historical Courier. 2023. No. 5. Pp. 120–130. DOI: 10.31518/2618-9100-2023-5-8.*

15. *Marks K. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii* [Capital. Criticism of Political Economy] / transl. from German by I. I. Skvortsov-Stepanov, verified and corrected. In 3 vols. Vol. 1. Book 1: The Process of Capital Production. M.; L., State Publishing House of Political Literature. 1952. 744 p.

16. *Matvejchuk A. A. Vehi slavnogo neftyanogo puti* [Milestones of the Glorious Oil Route] // *Neft Rossii – Oil of Russia. 2016. No. 3–4. Pp. 67–72.*

17. *Mendeleev D. I. Uchenie o promyshlennosti. V 2-t. T. 1. Ch. 1 (6–9 paragrafy)* [The Doctrine of Industry. In 2 vols. Vol. 1. Part 1 (paragraphs 6–9)]. SPb., Tip. of the Brockhaus-Efron Joint-Stock Company. 1901. Pp. 91–201.

18. *Mendeleev D. I. Gde stroit neftyanye zavody* [Where to Build Oil Refineries]. SPb., V. Demakov Printing House. 1881. 84 p.

19. *Molchanov A. N. Balahna* [Balakhna] // *Po Rossii – Across Russia. SPb., Ministry of Railways and roads. 1884. Pp. 58–61.*

20. *"Obzory Nizhegorodskoj gubernii ..."* ["Reviews of the Nizhny Novgorod Province ..."]. N. Novgorod: Tip. of the Provincial Government. 1875–1901.

21. *Seleznyov F. A. Ragozin Viktor Ivanovich (19.08.1833, Moskovskaya gub. – 09.08.1901, Ozerki, bliz S.-Peterburga)* [Ragozin Viktor Ivanovich (19.08.1833, Moskovskaya reg. – 09.08.1901, Ozerki, nearby St. Petersburg)] // *Nizhegorodskaya enciklopediya promyshlennosti i predprinimatelstva – Nizhny Novgorod Encyclopedia of Industry and Entrepreneurship* / comp. and scient. ed. by F. A. Seleznev. N. Novgorod, Books. 2011. Pp. 439–440.

22. *Solovyova A. M. Promyshlennaya revolyuciya v Rossii v XIX v.* [The Industrial Revolution in Russia in the 19th Century]. M., Nauka (Science). 1990. 272 p.

23. *Spisok fabrik i zavodov Evropejskoj Rossii* [List of Factories and Plants in European Russia]. St. Petersburg: V.F. Kirshbaum Printing House. 1903. 838, [1] p.

24. *Tugan-Baranovskij M. I. Russkaya fabrika v proshlom i nastoyashhem. Istoricheskoe razvitie russkoj fabрики v XIX v. (perepechatano s 3-go izd.-ya 1907 g). V 2-x ch* [The Russian Factory in the Past and Present. The Historical Development of the Russian Factory in the 19th Century (reprinted from the 3rd edition of 1907). In 2 parts]. M., Moskovsky rabochy (Moscow worker). 1922. 430 p.

25. *Ukazatel fabrik i zavodov Evropejskoj Rossii s Czarstvom Polskim i Velikim knyazhestvom Finlyandskim* [Index of factories and plants in European Russia with the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Finland] / comp. P. A. Orlov. SPb., Type. Panteleev Br. 1881, 753, [IX] p.

26. *Ukazatel fabrik i zavodov Evropejskoj Rossii i Czarstva Polskogo: materialy dlya fabrichno-zavodskoj statistiki* [Index of factories and plants in European Russia and the Kingdom of Poland: materials for factory statistics] / comp. P. A. Orlov. 2nd ed. SPb., Type. R. Golike. 1887. 824 p.

27. *Ukazatel fabrik i zavodov Evropejskoj Rossii (materialy dlya fabrichno-zavodskoj statistiki)* [Index of factories and plants in European Russia (materials for factory statistics)] / comp. P. A. Orlov and S. G. Budagov. Third edition, ispr. and hence additional. SPb., V. Kirshbaum Type. 1894. 827 p.

28. *Fan-Yung G. Yu. Zavod-"Velikan" (osnovnye etapy istorii Kazanskogo predpriyatiya firmy bratev Krestovnikovyh v 1855–1917 gg)* [The Plant-"Giant" (the main stages of the history of the Kazan enterprise of the Krestovnikov brothers in 1855–1917)]. Kazan, Poznanie (Cognition). 2020. 234 p. EDN: MAEDIC.

Поступила в редакцию: 11.09.2025

Принята к публикации: 30.03.2026

Миссионерская деятельность протоиерея Иосифа Стефанова

Орлов Максим Александрович

кандидат исторических наук, Петербургский лицей. Россия, г. Киров.

ORCID: 0000-0003-4663-9443. E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается миссионерская деятельность протоиерея Иосифа Стефанова. Он был штатным миссионером и свою деятельность осуществлял в Глазовском уезде Вятской губернии. Должность штатных миссионеров была введена на территории Волго-Уральского региона при императоре Николае I. Миссионерская деятельность православного духовенства среди нерусских народов Вятско-Камского региона первой половины XIX в. не является предметом подробного изучения. Несмотря на несколько публикаций, посвященных деятельности Иосифа Стефанова, биография и его миссия слабо отражены в историографии. В Вятской губернии в период миссионерской деятельности Иосифа Стефанова действовало две миссии – удмуртская и марийская. Целью статьи является описание миссионерской деятельности протоиерея Иосифа Стефанова в отношении нерусских народов Вятской епархии: удмуртов, татар и бесермян. На основе преимущественно архивных документов предпринята попытка анализа миссионерской деятельности о. Иосифа. В научный оборот вводятся новые документы фондов Св. Синода и Вятской духовной консистории. Новизной исследования является изучение миссионерской работы Иосифа Стефанова среди татар Глазовского уезда. Проведенное исследование подчеркивает значимость этого миссионера в истории православной миссии на территории Вятской епархии. Вместе с тем выявлены противоречия в его деятельности: одновременно с просветительскими формами миссионерской деятельности Иосиф Стефанов использовал административную власть государства. Описаны методы миссионерской деятельности о. Иосифа, определен его вклад в развитие православной миссии в пределах Вятской епархии. В завершение статьи подводятся итоги миссионерской деятельности Иосифа Стефанова.

Ключевые слова: православие, язычество, ислам, миссионерская деятельность, Вятская губерния, Глазовский уезд, удмурты, бесермяне, татары.

По многим вопросам современной церковной жизни, особенно миссионерской деятельности Московского патриархата, духовенство, историки и общественность должны обращаться к опыту православной миссии в Российской империи. Как и в вопросах межнациональных отношений в Вятско-Камском регионе нельзя обойтись без исторического опыта взаимодействия русских с удмуртами, татарами, бесермянами и другими народами бывшей Вятской губернии.

Первые попытки описать миссионерскую деятельность священника Иосифа Стефанова и дать ей оценку были предприняты авторами статей в «Вятских епархиальных ведомостях». Сразу после смерти о. Иосифа появился некролог, написанный неизвестным автором. В нем представлен краткий обзор жизненного пути о. Иосифа, дана его оценка как выдающегося миссионера, снискавшего уважение «вотяков» [10, с. 76–80]. Миссионер Стефан Кашменский стремился не столько дать описание жизненного пути о. Иосифа, сколько составить панегирик в его честь. Он изобразил о. Иосифа как образцового миссионера [23, с. 80–83]. Через несколько лет священник Стефан Кренкин составил небольшой очерк о христианизации язычников Глазовского уезда, в котором дал краткий обзор миссионерской деятельности о. Иосифа [21, с. 542–563].

Большой вклад в изучение миссионерской деятельности среди нерусского населения Вятской губернии внес П. Н. Луппов. Он первым предпринял попытку научного анализа деятельности Иосифа Стефанова, применяя критику источников, оценивая результаты его миссии в контексте общего развития православной миссии в Вятской губернии. В результате исследования П. Н. Луппов приходит к выводу, что миссионер Иосиф Стефанов был «одним из выдающихся священников своего времени» [5, с. 1167]. Исследователь отмечал, что этот миссионер проявил «наиболее широкую и разностороннюю деятельность» [6, с. 263].

В советской историографии миссионеру Иосифу Стефанову не было уделено внимания. Возрождение интереса к истории православной миссии на рубеже XX–XXI вв. привело к тому, что исследователи стали обращаться к личности протоиерея Иосифа Стефанова. В. В. Маку-

рина характеризовала о. Иосифа как «деятельного человека», так как он крестил многих удмуртов, искал и уничтожал предметы языческого культа удмуртов [7, с. 69]. Вклад в изучение биографии о. Иосифа внес В. А. Коршунков. В его статье «“Братья во Христе любезные младенцы”: вятские священники-миссионеры XIX века и удмурты» в научный оборот введены новые источники, представлены различные стороны миссионерской деятельности протоиерея Иосифа Стефанова. Новаторством В. А. Коршункова является изучение письма прот. Иосифа Стефанова, в котором миссионер пытался разузнать о колодцах и озёрах г. Вятки, где удмурты когда-то совершали свои религиозные обряды [2, с. 190]. Исследователь называет миссионера Стефанова «видным человеком в Вятской епархии XIX века» [2, с. 191]. В. А. Коршунков даёт отрицательную оценку миссионерам, так как, по его мнению, они «навязывали официозно-церковную духовность» [2, с. 197]. Нельзя обойти вниманием статью удмуртского исследователя Г. Кочина. В современной историографии статья стала первой, которая всецело посвящена личности Иосифа Стефанова [3, с. 42–58]. При всей значимости этой статьи стоит отметить, что автор обратил внимание только на миссию в отношении удмуртов, упуская из виду татар, в отношении которых о. Иосиф также вел миссионерскую деятельность.

Все исследователи отмечают, что миссионер Иосиф Стефанов являлся крупным церковным деятелем Вятской епархии XIX в. Стоит признать, что далеко не все стороны миссионерской деятельности протоиерея Иосифа Стефанова изучены, не все источники введены в научный оборот. Без внимания оставлена его миссионерская деятельность в отношении татар Глазовского уезда. Данное исследование должно отчасти закрыть эти лакуны. В научный оборот вводятся новые источники, в которых отразилась миссионерская деятельность о. Иосифа в отношении удмуртов и татар Глазовского уезда. Представляется, что вопрос о миссионерской деятельности о. Иосифа в отношении старообрядцев является совершенно отдельной темой исследования.

Иосиф Стефанов родился в 1799 г. в семье дьякона Андрея Стефанова, служившего при Сретенской церкви села Березинского Вятского уезда [3, с. 42]. В 1824 г. окончил Вятскую семинарию. В том же году был рукоположен в сан священника и причислен к церкви пророка Илии в с. Верховайское Нолинской округи, а через некоторое время переведен в Казанско-Богородицкую церковь в с. Верхокосинское. В 1827 г. переведен в с. Бельское и определен к церкви Рождества Пресвятой Богородицы [26, л. 85–86]. В 1830 г. священник Стефан был назначен штатным миссионером. Это назначение было связано с учреждением миссии среди удмуртов. Именно о. Стефан стал разработчиком проекта учреждения миссии, с которым епископ Кирилл (Богословский-Платонов) обратился в Св. Синод об его утверждении [8, с. 60]. 6 августа 1832 г. о. Стефан стал протоиереем, а в 1837 г. определен к Преображенскому собору в г. Глазове [10, с. 77]. С этого времени до выхода в отставку о. Иосиф служил в Глазове. Но в историю он вошел не как приходской священник, а как миссионер.

За многие годы миссионерского служения о. Стефан получил различные награды, многие из которых были связаны с его миссионерской деятельностью. В 1828 г. за «ревностное и успешное обращение язычников к Православной Церкви удостоен благодарностью его Преосвященства». В следующем году указом Вятской духовной консистории его успешная миссионерская деятельность внесена в послужной список [26, л. 86–87об.]. В 1832 г. «за успешное действие к обращению вотяков в христианскую веру» ему объявлено «благословение Святейшего Синода». В 1846 г. «за долговременное и благочестное служение Церкви и ревностное прохождение возложенных на него обязанностей» награжден наперсным крестом. В 1848 г. за содействие к устройству глазовских духовных училищ «объявлена особенная признательность». В 1849 г. за «обращение» язычников, мусульман и старообрядцев награжден орденом св. Анны третьей степени. Также за успехи в миссионерской деятельности от Вятской духовной консистории о. Стефану не один раз была объявлена благодарность. Есть даже благодарность за прекращение «общественного вотского мольбища» [25, л. 1–4].

В 1876 г. протоиерей был уволен за штат и оставшиеся дни проводил в основном в Глазове [10, с. 76]. За несколько лет до смерти по примеру некоторых святых сам приготовил себе гроб «к положению себя». При этом он завещал похоронить себя среди удмуртов [23, с. 82]. Скончался протоиерей Иосиф 6 января 1881 г. [10, с. 76].

Миссионерская деятельность о. Иосифа протекала в Глазовском уезде Вятской губернии. Его миссионерское поприще совершалось во время возрождения интереса государства к православной миссии среди народов Волго-Уральского региона. Конфессиональная политика Екатерины II была нацелена на создание лояльного «иноверческого» населения. С этой целью

императрица ослабила влияние православных миссионеров в епархиях Волго-Уральского региона: упразднила Новокрещенскую контору, ввела малоэффективный институт епархиальных проповедников, ограничила влияние епархиальных архиереев в миссионерской деятельности [9, с. 126–134]. В результате к концу XVIII в. православная миссия в данном регионе прекратила свое существование. По инерции действовали приходские священники, однако результаты их деятельности были едва заметны.

В 1827 г. началось широкомасштабное «отпадение» новокрещеных от православной веры. Высшее церковное руководство пришло к выводу, что отказ от активной миссионерской деятельности был ошибкой, привел к отказу крещеных «инородцев» от христианской веры. Император Николай I как раз в это время искал новый вариант государственной идеологии, которая бы отличалась от всехристианских мечтаний Александра I. В унисон с мыслями императора граф С. С. Уваров разработал имперский проект государственной идеологии, вошедшей в историю как «Уваровская триада». Отныне власть в лице министра народного просвещения заявляла, что государство взывает к национальной идее, основанной на «Православии, Самодержавии, Народности». Таким образом, церковное руководство и императорская власть сошлись во мнении о необходимости укрепления православия среди «новокрещеных», мусульман и язычников важного для культурного взаимодействия Запада и Востока Волго-Уральского региона. В Вятской губернии, как и в соседних губерниях, в годы правления императора Николая I стали действовать штатные миссионеры, государство вернулось к поддержке государственного вероисповедания. Миссионерская деятельность о. Иосифа Стефанова протекала в контексте национально-конфессиональной политики Николая I. Этот миссионер был человеком именно этой «николаевской» эпохи, хотя продолжил миссионерскую работу и при Александре II, когда утверждалась новая миссионерская система, в основе которой лежали идеи казанского миссионера Н. И. Ильминского.

О. Иосиф Стефанов занимался как «обращением» некрещеных в христианство, так и утверждением крещеных «инородцев» в христианской вере. Судя по отчетам миссионеров, он был главным миссионером в Глазовском уезде. Именно от его имени вятские епископы получали рапорты о деятельности миссии в Глазовском уезде [17, л. 4, 15; 19, л. 1; 29, л. 6–9].

Поражают масштабы миссионерской деятельности о. Иосифа. П. Н. Луппов отмечал, что Иосиф Стефанов был не только исполнителем поручений, но и проявлял инициативу, искал новые пути к улучшению миссионерского дела [6, с. 263]. На протяжении многих лет о. Иосиф совершал поездки по разным приходам большого Глазовского уезда, сам говорил проповеди, совершал молебны, вел переписку об улучшении миссии, занимался переводами христианских книг и молитв на «инородческие» языки. Уже будучи пожилым человеком, в 67 лет за одну миссионерскую поездку он посетил 54 новокрещенских прихода, в каждом из которых предлагал «пастырские советы» [30, л. 4–4об.]. В рапорте на имя епископа Кирилла (Богословского-Платонова) он составил программу утверждения новокрещеных в христианской вере, а также меры по распространению православия среди язычников. Он определил причины слабостью приверженности новокрещеных к христианству и предложил создать сеть училищ для «инородцев», регулярно вести обучение юношей «Катехизису» и «Священной Истории», контролировать поведение новокрещеных (борьба с ночными «посиденками»), сближать «инородцев» с русскими, бороться с «ворожцами» и «каштанамы» [13, л. 44–46]. Из просмотренной ведомости о церквях Глазовского уезда за 1830 г. видно, что о. Иосиф читал народу Апостольские послания, толковал их народу [26, л. 87об.].

Иосиф Стефанов составлял журналы своих миссионерских поездок, что не встречается у миссионеров Вятской епархии в то время. В одном из журналов есть описание совместной церковной молитвы крещеных удмуртов и старообрядцев: «Видал благодаяние Божие – те и другие приходят в церковь в течение месяца и исповедуются... Тела и Крови Христовой причащались с преданностью Господу Иисусу Христу» [14, л. 44об.–45]. Новокрещеные и обращенные «раскольники» вместе с о. Иосифом в храме славят Бога! Такие сюжеты могут служить материалом для составления жития. Журналы Иосифа Стефанова имели не только «прикладное» значение, но и научное. Это были этнографические сведения, которые можно использовать при изучении быта и культуры удмуртов, татар и бесермян. В свое время составитель этнографических записок об удмуртах Первухин использовал в своей работе данные, полученные им лично от о. Иосифа [6, с. 278].

П. Н. Луппов отмечал, что протоиерей Иосиф Стефанов, в отличие от епископа Кирилла (Богословского-Платонова), предлагал основательно заниматься подготовкой «инородцев» к

принятию святого крещения. Если епископ Кирилл считал достаточным краткое оглашение, то о. Иосиф был убежден, что ко крещению необходимо готовить основательно [6, с. 77]. Чему же учил Иосиф Стефанов во время оглашения? Ответ на это находим в архивном деле Вятской духовной консистории. Оно касалось крещения удмуртов деревень Тимошурской и Паронской. В этом деле содержатся просьбы удмуртов крестить их в православную веру с приложенными тамгами (печатами). Легко заметить, что все просьбы имеют одно и то же содержание. Ясно, что составлялись эти просьбы не удмуртами, а скорее всего, самим о. Иосифом. Тем не менее они указывают на то, что проповедовал о. Иосиф язычникам. Прочитав просьбу: «Поелику при производящихся чрез вас миссионера проповеди слова Божия, познали мы и уразумели, что православно-восточная грекороссийская церковь есть самая истинная и богоугодная и что Един Спаситель заблудших есть Христос Иисус и идоли не есть боги, но едина душепагубная диавольская прелесть». После этого прописывалось имя и ставилась тамга [27, л. 2]. Видно, что содержание учения, предлагаемого о. Иосифом, было не столь обширным. Но это еще не говорит о поверхностном обучении. Во-первых, на тот момент удмурты, как аниимисты, так и крещеные, вряд ли нуждались в разветвленном богословском обучении. Оно необходимо было при собеседованиях со старообрядцами или мусульманами, у которых была разработанная система вероучения. Да, у удмуртов была своя мифологическая картина мира, но говорить о разработанной догматической системе вряд ли приходится. Во-вторых, серьезность подхода о. Иосифа к катехизации доказывается тем, что он не ограничивался одним оглашением, считая, что новокрещеных необходимо обучать постоянно. Это доказывается следующими фактами.

Из рапорта епископа Иоанникия видно, что о. Иосиф Стефанов во время посещения селений Глазовской округи созывал новокрещеных с каждого дома и делал им внушения о необходимости хранения христианской веры, читал «Катехизис» и «Священную Историю» с объяснениями [14, л. 2об.]. При этом он старался не быть навязчивым. Когда видел, что новокрещеные не готовы были слушать его, то ограничивался сбором сведений о нравах и быте «инородцев» [14, л. 44]. Протоиерей Иосиф считал, что одних собеседований мало для утверждения в христианской вере, и для большего успеха требуется создание школ. В некрологе говорится, что до миссионерской деятельности протоиерея Иосифа в «инородческих» селениях имелось мало школ, а к концу его жизни школы были почти в каждом селе [10, с. 79]. Иосиф Стефанов часто ходатайствовал перед епархиальным начальством о необходимости учреждать училища. Уже в первый год своей миссионерской деятельности о. Иосиф предложил епископу Кириллу создать духовные училища для удмуртов [14, л. 11]. В 1831 г. епископ Кирилл представил в Св. Синод подробный план Иосифа Стефанова по созданию школы в с. Бельском [13, л. 33–34].

Еще одной просветительской мерой по утверждению новокрещеных в христианской вере стала переводческая деятельность. Некоторые церковные молитвы были переведены на язык удмуртов [23, с. 81]. К концу миссионерской деятельности Иосиф Стефанов был убежденным сторонником переводов церковных молитв на национальный язык «инородцев». В отчете за 1861 г. он убеждает епархиальное начальство, что народный язык понятен «инородцу» и что этот язык необходимо вводить в христианское богослужение, «чтобы чувство благочестия освятить ясным религиозным сознанием», поддерживать среди новокрещеных «молитвенное настроение», наконец, «привлекать в души их благодать Божию, спасающую и младенцев во Христе, когда прежний порядок не сделал их мужами совершенными». Иосиф Стефанов отмечал, что в этом желании «инородцев» нет недоверия к Церкви, что перевод хотя и послужит «некоторым соблазном», но в конечном счете принесет добрые плоды [29, л. 8об.–9]. В этих словах нельзя не увидеть опасения противодействия со стороны противников переводов. Напомним, что даже такой крупный миссионер, как Н. И. Ильминский, в деле переводов христианского богослужения и книг на «инородческие» языки встречал сопротивление со стороны церковных и гражданских властей.

Иосиф Стефанов полагал, что для укрепления новокрещеных в православной вере просветительские меры должны сочетаться с искоренением культовых языческих мест. Во время бесед он добивался, чтобы новокрещеные сами истребляли «мольбища и керемети» [14, л. 3]. В приходе Унинской Богоявленской церкви 11 октября 1830 г. он убедил крещеных удмуртов числом 1439 человек своими руками уничтожить кереметь, а затем принести покаяние с постом [13, л. 43–43об.]. Необходимо отметить, что этот «идол» находился на одной площади с церковью [21, с. 550]. Понятно, что миссионер, только вступивший на свое поприще, не мог стерпеть существование на одной площади христианского храма и языческой молельни. Уни-

чтожения культовых языческих сооружений продолжались и впоследствии. В 1838 г. епископ Нил (Исакович) доносил в Св. Синод, что миссионер Иосиф Стефанов убедил новокрещеных уничтожить два чума, одиннадцать воршудов, «идольский камень Губер», а также капище под именем «Игна-батыря», который, по преданию удмуртов, являлся «вотским богатырем и волшебником» [14, л. 153]. На местах совершения языческих жертвоприношений о. Иосиф перед святыми иконами совершал христианское богослужение [17, л. 4].

Видимо, у о. Иосифа было чутье на языческие «мольбища» и чумы. В 1855 г., объезжая Уканский приход, миссионер обнаружил чумы, которые до того не были известны. Узнав о «молитвенных капищах», о. Иосиф стал искать тех, кто поддерживал удмуртский культ, т. н. «ворожцев». В результате произведенного следствия он обнаружил, что главным «ворожцем» является крещеный татарин Алексей Кутявин, который совершал языческие обряды не только между новокрещеными, но и привлекал к тому русских крестьян. Рапорт о татарине Кутявине о. Стефан донес епископу Елпифидору, а тот направил дело в Вятскую губернскую канцелярию. В результате Глазовскому земскому исправнику было предписано уничтожить обнаруженные чумы, что и было исполнено [32, л. 1–4]. Через шесть лет в отчете за 1861 г. о. Стефан доносил, что в Глазовском уезде «молитвенных капищ, чумов и других предметов языческого богопочитания нигде не замечено» [29, л. 2об.–3]. Деятельность Иосифа Стефанова привела к значительному сокращению культовых мест удмуртов. Священник Стефан Кренкин, описывая Глазовский уезд в конце XIX в., не знал о существовании там «идолов» [21, с. 551].

Иосиф Стефанов боролся не только с остатками прежних удмуртских верований, но и с некоторыми традициями, с христианской точки зрения считавшимися безнравственными. Много хлопот для миссионера представляли т. н. «ночные посиденки» удмуртских юношей с девушками. Эти «посиденки» совершались вдали от родителей в какой-нибудь «отхожей избе». Связи удмуртских юношей с девушками до вступления в брак рассматривались миссионерами и духовной консисторией как «вред доброй нравственности» [24, л. 197–198].

Иосиф Стефанов вел миссионерскую работу не только среди удмуртов. Как миссионер Глазовского уезда, он имел дело с крещеными татарами. Надо сказать, что Глазовский уезд был пятым в губернии по числу проживавших татар. Согласно данным Вятского губернского правления за 1852 г., в Глазовском уезде было 4240 татар обоего пола, тогда как в Малмыжском уезде – 35 619, Елабужском – 19 814, Сарапульском – 5643, Уржумском – 5182. Если в Глазовском уезде было всего три мечети, то в Малмыжском – 65, Елабужском – 36, Уржумском – 13, Сарапульском – 8 [33, л. 14]. Таким образом, хотя Глазовский уезд не был первым по числу татар, но поле для миссионерской работы все же было.

Наблюдая жизнь крещеных татар, о. Иосиф пришел к выводу, что они «только по наружности исполняют христианский долг» [30, л. 5]. Одной из причин внешнего восприятия христианства было то, что крещеные татары жили в браке с мусульманками. В 1839 г. Иосиф Стефанов направил рапорт на имя епископа Неофита (Соснина) о том, что крещеные татары Чуринской волости «имеют купножителство с магометанскими женами своими без благословения Церкви». Из-за этого дети в таких семьях воспитываются в мусульманстве, жены отказываются креститься и крестить своих детей. Рассмотрев это дело, Вятская духовная консистория предложила крещеным татарам вступить в новый брак с женщинами православного исповедания [18, л. 1].

В своей миссионерской деятельности о. Иосиф столкнулся с древним татарским обрядом, который в церковных и гражданских документах именовался «окаяшки», или «акайшки». Узнал он об этом обряде «от почетного жителя... новокрещеного из вотяков Домиана Сунцова». Как выяснилось, суть «окайшек» состояла в следующем. Весной при начале полевых работ крещеные татары совершали «публичное моление и конские ристания». Наблюдатели обратили внимание, что при совершении этого обряда находились татарские муллы [16, л. 1]. Глазовский земский исправник уточнил, что обряд назывался «акайшки», был древним, связан с «чувствованием земли». По сведениям земского исправника, обряд выглядел следующим образом: перед тем как приступить к пашне, домохозяева приходили на заранее избранное место, приносили хлеб, соль, «разную стряпню», пиво и вино. Собравшиеся просили у земли «обильного урожая», затем вкушали принесенную пищу, а проходящим нищим подавали милостыню. После обеда и, видимо, под воздействием выпивки татары садились на лошадей, и тут начиналось следующее: «назнача расстояние, скачут верхом на лошадях, чья чью перегонит». Земский исправник пришел к выводу: «противозаконного и соблазнительного ничего не бывает». При этом никаких мулл им замечено не было. Тем не менее епархиальное руководство предписало о. Иосифу по-

дробнее исследовать этот обряд. Судя по произведенному следствию, Иосиф Стефанов также не нашел ничего в этом обряде предосудительного против христианской веры, однако решил внушить крещеным татарам не участвовать в «окаяшках» [16, л. 4]. Об этом обряде стало известно также в Министерстве внутренних дел. В 1837 г. министр представил императору Николаю I доклад об обряде «акаяшки». Выслушав дело, император предписал вятскому губернатору: «не тревожить народ исследованиями о сих обрядах» [4, с. 37].

Активную работу Иосиф Стефанов развернул среди мулл Глазовского уезда. Он вел с ними устные беседы, распространял между ними христианскую литературу. Тематами беседований были: о «Святой Троице», о «воплощении Слова» и о «смерти Иисуса Христа» [29, л. 6об.–7]. Видно, что Иосиф Стефанов беседовал с мусульманами по наиболее спорным вопросам, возникавшим в богословской полемике христиан с мусульманами. Также о. Иосиф распространял между мусульманами христианскую литературу. Летом 1866 г., объезжая приходы Глазовского уезда, о. Иосиф дал старшему мулле уезда, «по согласию с ним», «Краткий катехизис» и «Священную историю», переведенные на татарский язык. Миссионер отмечал по этому поводу: «Отрадно слышать, что он читает его в кругу татар не только без глумления, с каким прежде обращались они к христианству, но и с уважением» [30, л. 6].

С некоторыми муллами у о. Иосифа установились дружественные отношения. Он охотно принимал их в свой дом. Муллы со своей стороны также приглашали его к себе, угощали чаем, вели беседы на религиозные темы. Так, в д. Кестымской в доме младшего муллы о. Иосиф стал рассуждать о христианском вероучении. Вот выдержки из этой полемики. Мулла сказал, что христианская вера ему нравится, но ему непостижимо следующее: «для чего Господу Богу, Богу всемогущему нужен еще Сын, который при том должен был воплотиться от Духа Святого и от Девы Марии». Иосиф Стефанов в ответ сказал: «Судьбы Божии действительно непостижимы и пути Его действительно неизследимы». Он пытался внушить мулле, что христианство «основано на откровении Божиим» и что «Бог Отец, Сын Божий и Дух Святой не суть отдельные Боги, но лица одного и того же Бога единосущные и нераздельные, различимые только в лицах» [35, л. 7–7об.]. Судя по документам Вятской духовной консистории, муллы так и не перешли в христианство. Но сам по себе расчет на вождей мусульман является, безусловно, верным с учетом их авторитета среди местных татар.

В своей миссионерской деятельности о. Иосифу пришлось иметь дело и с бесермянами. По его мнению, это были «те же вотяки по происхождению, но в древности увлеченные в исламизм» [30, л. 4об.]. Для него бесермяне были такие же мусульмане, что и татары. Это видно из отчета о. Иосифа в Вятский комитет Православного миссионерского общества. Предлагая лучшие способы укрепления христианства среди татар, он тут же упоминает бесермян [35, л. 5]. По наблюдению Иосифа Стефанова, к христианству были склонные только те бесермяне, которые жили рядом с новокрещеными удмуртами [30, л. 4об.].

Обратимся к такому вопросу, как отношение Иосифа Стефанова к льготам, традиционно предоставляемым российским государством новокрещеным. Миссионер Стефанов считал, что эта государственная мера является верным средством привлечения «иноверцев» в христианство, а потому часто обнадеживал язычников, что в случае принятия православной веры они будут освобождены от податей. Кроме того, обещал, что духовенство «будет к ним непритязательно», т. е. не будет брать с них много за требы [5, с. 1167]. В 1839 г. о. Иосиф доносил вятскому архиерею, что по причине взимаемой с новокрещеных руги, а также непредоставления положенной налоговой льготы некрещеные «удерживаются... от принятия христианства». Это письмо было принято к сведению, и в том же году епископ Неофит издал общее распоряжение по епархии, чтобы новокрещенные на первое время были освобождены от обязательной руги духовенству до тех пор, пока «приобьикнут к узаконенному порядку» [14, л. 250]. Вместе с тем в Вятской епархии была проблема с предоставлением льгот новокрещеным. В 1836 г. епископ Нил (Исакович) доносил в Св. Синод, что новокрещеным льготы производятся с «чрезвычайною медлительностью». По словам епископа, такое положение дел влияло на миссию. Принявшие христианство удмурты и марийцы считали себя обманутыми, так как обещанной льготы не предоставляют. В связи с этим новокрещенные терпели от язычников «обидные насмешки» [15, л. 1–1об.].

П. Н. Луппов указывал на то, что у протоиерея Стефанова замечено «слишком ревностное искание содействия полиции» [6, с. 56]. Историк обращает внимание на то, что для этого миссионера внешние условия принятия христианства (льготы) были важнее внутреннего убеждения [5, с. 1168]. С таким утверждением нельзя согласиться полностью. Сам П. Н. Луппов

обращал внимание на обширный план христианизации язычников, а в этом плане были просветительские методы, включая создание школ, организацию переводов молитв и богослужбных текстов. Протоиерей Иосиф много времени уделял собеседованию с удмуртами и татарами. Поэтому вопрос о приоритетности тех или иных методов оставляем открытым, склоняясь при этом к мысли, что средства просвещения для этого миссионера были важнее, чем государственная поддержка. Однако можно согласиться с тем, что государственные льготы и идея вмешательства полиции в миссионерскую деятельность занимали хотя и не преимущественное, но важное место. Действительно, о. Иосиф был не чужд идеи государственного вмешательства в дело христианизации народов Вятской губернии. Было сказано, что с помощью гражданской власти уничтожались культовые места удмуртов.

Как бы ни желал о. Иосиф расширить сферу действия гражданской власти на миссию, он не мог безгранично пользоваться административным ресурсом. Во-первых, существовали определенные этические нормы, не позволявшие употреблять насилие над «иноверцем». П. Верт пишет, что церковь и государство в России требовали, чтобы таинство крещения происходило с соответствующей подготовкой и без принуждения, избегая «фиктивных крещений» [1, с. 19]. Еще в XVIII в. Св. Синод дал разъяснение: «...на основании евангельского учения принятие из разных законов в православную грекороссийскую веру чинить должно по самопроизвольным желанием, а не принужденно» [12, л. 1-2об.]. Во-вторых, сама гражданская власть не стремилась к насилию над «инородцами». Через обер-прокурора и Св. Синод вятское епархиальное начальство регулярно получало указ императора Николая I, в котором предписывалось, чтобы обращение «иноверцев» в христианскую веру происходило без «малейшего насилия», а миссионеры должны действовать «кротко и тихо» [17, л. 54; 18. л. 1]. В Вятской палате государственных имуществ полагали, что в деле принятия православной веры «должна действовать совесть и убеждение», что российское правительство при распространении христианства всегда запрещало употреблять насильственные меры. Дело миссии всецело лежит на духовенстве, а гражданская власть может лишь исполнять законы о предоставлении новокрещеным льгот [11, л. 20об.]. Необходимо также учитывать, что у местной администрации были фискальные интересы (сбор налогов), необходимо было пополнять ряды рекрутов, в том числе за счет «инородческого» населения губернии. Итак, верховная церковная и гражданская власть не стремились к насильственному крещению.

Миссионерская деятельность протоиерея Иосифа Стефанова не могла не найти отклик среди населения Глазовского уезда. Некоторые крещеные удмурты «принимали его с радением», а когда в 1870 г. происходил съезд миссионеров, «к нему собралась толпа обращенных им вотяков» [10, с. 80]. Протоиерей Стефан Кашменский отмечает, что крещеные удмурты были признательны о. Иосифу, приезжали к нему, с большой радостью вспоминали о нем. Протоиерей Стефан утверждает, что сам был свидетелем такого отношения удмуртов к Иосифу Стефанову [23, с. 81].

За свою жизнь миссионер Иосиф Стефанов крестил 409 язычников, три мусульманина, а также обратил из старообрядчества полностью 137 «раскольников» и 468 на правах единоверия. В некрологе говорится, что во всем Глазовском уезде не осталось ни одного язычника [10, с. 78]. Согласно исследованию о. Стефана Кренкина, основанному на документах Вятской духовной консистории и устных рассказах, удмуртов-язычников в Глазовском уезде не было уже к концу 1850-х гг. Когда же был крещен последний язычник, то во всех церквях уезда были отслужены благодарственные молебны [22, с. 663].

Первые биографы о. Иосифа обратили внимание и на «качество» его миссионерской работы. Протоиерей Стефан Кашменский, описывая «неприглядное» состояние удмуртов Глазовского уезда до вступления о. Иосифа в должность миссионера, отмечал, что к концу его жизни «теперь все они давно просвещены спасительною верою в Христа Бога». Далее он пишет: «Там, где была тьма язычества, теперь светится свет Христовой веры. Там, где находились мольбища невежд истинного Бога, красуются теперь святые храмы» [23, с. 81]. В своих отчетах сам Иосиф Стефанов говорил о том, что новокрещеные развиваются в христианской вере. В отчете за 1861 г. о. Иосиф отмечал: «Духовно-нравственное состояние вотяков и бесермян более и более возвышается и в некоторых приходах становится очень удовлетворительным», что понятия христианской веры все более и более «проясняются», хотя они иногда и приносят «умилостивительные жертвы» [29, л. 2об.-3]. В 1866 г. в рапорте, направленном в Вятскую духовную консисторию, он отмечал, что вера новокрещеных «оказывается в довольно удовлетворительном состоянии» [30, л. 4об.]. В 1870 г. на запрос Вятского комитета

Православного миссионерского общества о необходимости открытия новых школ для обучения язычников грамоте о. Иосиф отвечал, что в его миссионерском округе уже нет язычников и нет необходимости открывать училище [34, л. 9]. Иосиф Стефанов видел, что в созданных школах «питомцы, время от времени, делаются преданными духовенству и Церкви Божией» [29, л. 7об.].

Это еще не значит, что крещеные «инородцы» стали полностью жить по церковным канонам. В действительности в их религиозной жизни сохранялись прежние верования. Уже один из первых биографов Иосифа Стефанова о. Стефан Кренкин отмечал, что к концу XIX в. в Глазовском уезде «хотя все вотяки в Глазове уже крещены, но доселе почти все, за малым исключением, придерживаются языческих заблуждений» [21, с. 543]. Епархиальный миссионер Косьма Андреев, упрекая о. Стефана Кренкина за то, что насильно отнимает у удмуртов «воршуды», говорит, что при таком подходе новокрещеные не отстанут от язычества [28, л. 15–14об.]. Отчет миссионера Аркадия Емельянова о состоянии Вятской епархии за 1903 г. показывает, что бывшие язычники при соблюдении церковных обрядов упорно сохраняют прежнюю веру: «Нужно всегда помнить, что под видимым благоговением язычника-инородца к святому кресту, иконам и тем или иным священным действиям скрывается чисто языческий шаманский взгляд на них как своего рода талисманы или заклинательные средства». Также миссионер Емельянов говорил, что при всяком неурожае новокрещеные охотно отправляют культ по языческим обрядам [31, л. 4об.]. Не стоит думать, что Иосиф Стефанов был настолько близорук, чтобы не видеть у новокрещеных отклонения от канонической веры. В одном из отчетов он пишет: «они (новокрещеные. – *Авт.*), по закону постепенного развития, потаенно придерживаются еще и наследственных суеверных и противонравственных обычаев» [30, л. 4об.]. Эти слова были сказаны после положительной характеристики новокрещеных удмуртов. Получается, что Иосиф Стефанов понимал: крещеные удмурты еще не тверды в духе церковности, но, говоря языком христианских писателей, снисходил к их отступлениям, пытался увидеть в новокрещеных рост христианского самосознания.

В XIX в. приходской священник стал занимать более заметное место как в общецерковной жизни, так и в миссионерской деятельности. До XIX в. на территории Вятской епархии главную роль в миссионерской деятельности играли преимущественно архиереи [9, с. 180–181]. Исключением был миссионер Федор Ившин. В XIX в. роль приходского духовенства в развитии православной миссии заметно усилилась. Крупной личностью в истории вятской миссии был протоиерей Стефан Кашменский. В Комитете Вятского отделения Православного миссионерского общества представители белого духовенства занимали ведущие позиции. Всё это было отражением общего хода церковной истории, когда белое духовенство стало занимать значительное место в общественной и политической жизни.

Миссионер Иосиф Стефанов не делал больших различий между бесермянами и удмуртами. Также он, как это можно судить по документам, не выстраивал особой миссионерской стратегии для мусульман, язычников и новокрещеных. Его миссия носила универсальный характер. Впрочем, он занимался переводами, что указывает на начатки специализации миссионерской деятельности.

Стоит отметить, что Иосиф Стефанов в борьбе с языческими пережитками был не прочь привлекать полицию, что не соответствовало императорским указам, предписывавшим не угнетать совесть «инородцев». Также противоречивыми представляются подписки, которые о. Иосиф брал с новокрещеных. П. Н. Луппов обращал внимание, что эти обязательства не имели никакой силы [6, с. 266]. В целом внешние факторы: налоговые льготы, вмешательство полиции – занимали в миссионерской практике о. Иосифа значительное место. Однако этим он не ограничивался. Он был одним из первых миссионеров Вятской епархии, кто предлагал перевод христианского богослужения на «инородческие» языки. Это была его личная инициатива, опыта казанского миссионера Н. И. Ильминского он не использовал. Иосиф Стефанов организовывал школьное дело среди новокрещеных, вел с ними беседы, учил молитвам, распространял христианскую литературу. Таким образом, Иосиф Стефанов использовал весь багаж миссионерских приемов, выработанных в Российской империи.

Миссионерская деятельность Иосифа Стефанова в целом способствовала укреплению христианства среди народов Глазовского уезда. Прежде всего это касается удмуртов. Не добившись существенных успехов среди татар-мусульман, о. Иосиф смог ослабить влияние язычества у удмуртов. Суммируя вышеизложенное, можно отметить, что главным результатом деятельности Иосифа Стефанова было восстановление масштабной миссионерской деятельности среди «инородцев», прерванной в конце XVIII в.

Список литературы

1. *Верт П.* Православие, инославие, иноверие : очерк по истории религиозного разнообразия Российской империи. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 278 с.
2. *Коршунков В. А.* «Братья во Христе любезные»: вятские священники-миссионеры XIX века и удмурты // Обретение святых – 2013 : сб. материалов V межрегион. церковно-науч. конф. Киров : Лобань, 2014. С. 190–195.
3. *Кочин Г. А.* «Не отступал ни пред какими препятствиями...». Судьба протоиерея Иосифа Андреевича Стефанова (1799–1881) // Герценка: Вятские записки. Вып. 43. Киров, 2023. С. 42–58.
4. *Луппов П. Н.* Материалы для истории христианства у вотяков в первой половине XIX века. Вятка : Губернская типография, 1911. 318 с.
5. *Луппов П. Н.* Очерки по истории распространения и утверждения христианства среди вотяков в XIX веке // Вятские епархиальные ведомости. 1904. № 20. С. 1160–1168.
6. *Луппов П. Н.* Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Вятка : Губ. тип., 1911. 568 с.
7. *Макурина В. В.* Приходская и миссионерская деятельность на территории расселения удмуртов в Вятской епархии (Вторая половина XIX – начало XX в.) // Религии народов Вятского края / отв. ред. А. Г. Поляков. Киров : Ист.-культурное молодежное науч. о-во «Самобытная Вятка», 2009. С. 62–74.
8. *Орлов М. А.* «Наставление вятским миссионерам» – миссионерский проект по утверждению новокрещенных в христианской вере // Вестник гуманитарного образования. 2022. № 2. С. 59–67.
9. *Орлов М. А.* Православная миссия в Вятско-Камском регионе в XVIII веке : дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2021. 205 с.
10. Протоиерей Иосиф Андреевич Стефанов. Некролог // Вятские епархиальные ведомости. 1881. № 3. С. 76–80.
11. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 383. Оп. 7. Д. 6109об.
12. РГИА. Ф. 796. Оп. 51. Д. 283.
13. РГИА. Ф. 796. Оп. 110. Д. 793.
14. РГИА. Ф. 796. Оп. 116. Д. 657.
15. РГИА. Ф. 796. Оп. 117. Д. 1303.
16. РГИА. Ф. 796. Оп. 117. Д. 1454.
17. РГИА. Ф. 796. Оп. 121. Д. 285.
18. РГИА. Ф. 796. Оп. 121. Д. 1243.
19. РГИА. Ф. 796. Оп. 123. Д. 1216.
20. РГИА. Ф. 797. Оп. 18. Д. 41173.
21. *Стефан Кренкин, свящ.* Вотяки Глазовского уезда и краткий очерк христианской миссии среди них // Вятские епархиальные ведомости. 1899. № 11. С. 542–563.
22. *Стефан Кренкин, свящ.* Вотяки Глазовского уезда и краткий очерк христианской миссии среди них // Вятские епархиальные ведомости. 1899. № 13. С. 649–671.
23. *Стефан Кашменский, прот.* Речь при погребении протоиерея Иосифа Стефанова // Вятские епархиальные ведомости. 1881. № 3. С. 80–83.
24. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. 237. Оп. 1. Д. 127.
25. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 591-а.
26. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 1666.
27. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 1699.
28. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 2406.
29. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 165. Д. 81.
30. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 170. Д. 76.
31. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 222. Д. 334.
32. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 86. Д. 460 а.
33. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 86 а. Д. 14.
34. ЦГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 1.
35. ЦГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 75.

The missionary work of Archpriest Joseph Stefanov

Orlov Maxim Alexandrovich

PhD in Historical Sciences, Petersburg Lyceum. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-4663-9443.
E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Abstract. The article examines the missionary activities of Archpriest Joseph Stefanov. He was a full-time missionary and carried out his activities in the Glazovsky district of the Vyatka province. The position of full-time missionaries was introduced in the Volga-Ural region under Emperor Nicholas I. The missionary activities of the Orthodox clergy among the non-Russian peoples of the Vyatka-Kama region in the first half of the

19th century have not been studied in detail. Despite several publications devoted to the activities of Joseph Stefanov, his biography and mission are poorly reflected in historiography. In the Vyatka province during the missionary activities of Joseph Stefanov, there were two missions – Udmurt and Mari. The purpose of the article is to describe the missionary activities of Archpriest Joseph Stefanov in relation to the non-Russian peoples of the Vyatka diocese: Udmurts, Tatars and Besermians. Based mainly on archival documents, an attempt was made to analyze the missionary activities of Fr. Joseph. New documents from the collections of the Holy Synod and the Vyatka Spiritual Consistory are introduced into scientific circulation. The novelty of the study is the study of the missionary work of Joseph Stefanov among the Tatars of the Glazovsky district. The conducted study emphasizes the importance of this missionary in the history of the Orthodox mission in the territory of the Vyatka diocese. At the same time, contradictions were revealed in his activities: simultaneously with educational forms of missionary activity, Joseph Stefanov used the administrative power of the state. The methods of missionary activity of Father Joseph are described, his contribution to the development of the Orthodox mission within the Vyatka diocese is determined. At the end of the article, the results of the missionary activity of Joseph Stefanov are summarized.

Keywords: Orthodoxy, paganism, Islam, missionary activity, Vyatka province, Glazov district, Udmurts, Besermians, Tatars.

References

1. Vert P. *Pravoslaviye, inoslaviye, inoverie: Ocherk po istorii religioznogo raznoobraziya Rossijskoj imperii* [Orthodoxy, Heterodoxy, Heterodox Faith: An Essay on the History of Religious Diversity in the Russian Empire]. M., New Literary Review, 2012. 278 p.
2. Korshunkov V. A. "Brat'ya vo Hriste lyubeznye": vyatskie svyashchenniki-missionery XIX veka i udmurty ["Dear Brothers in Christ": Vyatka missionary priests of the 19th century and the Udmurts] // *Obretenie svyatyh – 2013: sbornik materialov V mezhhregional'noj cerkovno-nauchnoj konferencii – The Finding of Saints – 2013: collection of materials of the V Interregional Church Scientific Conference*. Kirov, Loban', 2014. Pp. 190–195.
3. Kochin G. A. ""Ne otstupal ni pred kakimi prepyatstviyami...". Sud'ba protoiereya Iosifa Andreevicha Stefanova (1799–1881)" ["He did not retreat in the face of any obstacles..."] The fate of Archpriest Joseph Andreevich Stefanov (1799–1881)] // *Gercenka: Vyatskie zapiski Hertsenka – Vyatka notes*. Is. 43. Kirov, 2023. Pp. 42–58.
4. Luppov P. N. *Materialy dlya istorii hristianstva u votyakov v pervoj polovine XIX veka* [Materials for the history of Christianity among the Votyaks in the first half of the 19th century]. Vyatka, Provincial Printing House, 1911. 318 p.
5. Luppov P. N. *Ocherki po istorii rasprostraneniya i utverzhdeniya hristianstva u votyakov v XIX veke* [Essays on the history of the spread and establishment of Christianity among the Votyaks in the 19th century] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti – Vyatka Diocesan Gazette*. 1904. No 20. Pp. 1160–1168.
6. Luppov P. N. *Hristianstvo u votyakov v pervoj polovine XIX veka* [Christianity among the Votyaks in the first half of the 19th century]. Vyatka, Provincial Printing House, 1911. 568 p.
7. Makurina V. V. *Prihodskaya i missionerskaya deyatel'nost' na territorii rasseleniya udmurtov v Vyatskoj eparhii (Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Parish and missionary activities in the territory of Udmurt settlement in the Vyatka diocese (second half of the 19th – early 20th century)] // *Religii narodov Vyatskogo kraja – Religions of the peoples of the Vyatka Region / resp. ed. A. G. Polyakov*. Kirov, Historical and cultural youth scientific organization "Original Vyatka", 2009. Pp. 62–74.
8. Orlov M. A. "Nastavlenie vyatskim missioneram" – missionerskij proekt po utverzhdeniyu novokreshchenyh v hristianskoj vere ["Instructions for Vyatka missionaries" – a missionary project to confirm the newly baptized in the Christian faith] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya – Bulletin of Humanitarian Education*. 2022. No. 2. Pp. 59–67.
9. Orlov M. A. *Pravoslavnyaya missiya v Vyatsko-Kamskom regione v XVIII veke : dis. ... kand. ist. nauk* [Orthodox mission in the Vyatka-Kama region in the 18th century : dis. ... PhD in Historical Sciences]. Kirov, 2021. 205 p.
10. *Protoierej Iosif Andreevich Stefanov. Nekrolog* [Obituary] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti – Vyatka Diocesan Gazette*. 1881. No 3. Pp. 76–80.
11. RSHA (Russian State Historical Archive). F. 796. Inv. 51. File. 6109 b.
12. RSHA. F. 796. Inv. 51. File. 283.
13. RSHA. F. 796. Inv. 110. File. 793.
14. RSHA. F. 796. Inv. 116. File. 657.
15. RSHA. F. 796. Inv. 117. File. 1303.
16. RSHA. F. 796. Inv. 117. File. 1454.
17. RSHA. F. 796. Inv. 121. File. 285.
18. RSHA. F. 796. Inv. 121. File. 1243.
19. RSHA. F. 796. Inv. 123. File. 1216.
20. RSHA. F. 797. Inv. 18. File. 41173.
21. Stefan Krenkin, priest. *Votyaki Glazovskogo uezda i kratkij ocherk hristianskoj missii sredi nih* [Votyaks of Glazovsky district and a brief outline of the Christian mission among them] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti – Vyatka Diocesan Gazette*. 1899. No 11. Pp. 542–563.

22. *Stefan Krenkin, priest. Votyaki Glazovskogo uezda i kratkij ocherk hristianskoj missii sredi nih* [Votyaks of Glazovsky district and a brief outline of the Christian mission among them] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1899. No 13. Pp. 649–671.

23. *Stefan Kashmenskij, prot. Rech' pri pogrebenii protoiereya Iosifa Stefanova* [Speech at the funeral of Archpriest Joseph Stefanov] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan Gazette. 1881. No 3. Pp. 80–83.

24. CSAKR (Central State Archive of the Kirov Region). F. 237. Inv. 1. File. 127.

25. CSAKR. F. 237. Inv. 70. File. 591-a.

26. CSAKR. F. 237. Inv. 74. File. 1666.

27. CSAKR. F. 237. Inv. 74. File. 1699.

28. CSAKR. F. 237. Inv. 74. File. 2406.

29. CSAKR. F. 237. Inv. 165. File. 81.

30. CSAKR. F. 237. Inv. 170. File. 76.

31. CSAKR. F. 237. Inv. 222. File. 334.

32. CSAKR. F. 582. Inv. 86. File. 460 a.

33. CSAKR. F. 811. Inv. 86 a. File. 14.

34. CSAKR. F. 811. Inv. 1. File. 1.

35. CSAKR. F. 811. Inv. 1. File. 75.

Поступила в редакцию: 17.07.2025

Принята к публикации: 13.11.2025

EDN: PQTOSG

УДК 94(470.342=411.16)

Крещенные евреи в Вятской губернии в конце XIX – начале XX в.

Касанов Антон Сергеевич

кандидат исторических наук, независимый исследователь. Россия, г. Киров. E-mail: kasanv@rambler.ru

Аннотация. Тема становления и развития, изменения численности еврейской диаспоры Вятской губернии стала объектом изучения историков лишь в последнее время. Одной из значимых исследовательских целей в текущий период является подсчет лиц, вышедших из иудаизма и перешедших в категорию евреев-выкрестов региона. В данной статье на основе документов фонда Вятской духовной консистории Центрального государственного архива Кировской области производится подсчет количества выкрестов, находившихся на территории Вятской губернии в конце XIX – начале XX в. Также исследуются мотивы смены религии выкрестами, их демографические характеристики, география расселения на территории Вятско-Камского региона. Все крестившиеся евреи губернии разделены нами на несколько групп: чиновники, политические ссыльные, члены семей военнослужащих. В особую категорию выкрестов мы отнесли тех евреев, которые совершили обряд крещения в православную веру не в Вятской губернии, но в рассматриваемые хронологические рамки проживали на территории региона. Также на основе данных некоторых сохранившихся в архиве дел констатируется, что смена веры использовалась евреями как инструмент в сфере личных и семейных отношений. После анализа собранного массива архивных данных делается вывод о том, что массового и многочисленного перехода членов вятской общины евреев в православие во второй половине XIX – начале XX в. не наблюдалось. Просмотр доступных нам дел Вятской духовной консистории за период с 1873 по 1916 г. позволил установить 28 фамилий вятских евреев-выкрестов. За исключением семьи Мордуха Розенберга, никто из значимых членов диаспоры, долго живших в Вятской губернии, не покинул общину путем выбора новой веры.

Ключевые слова: евреи, выкресты, православие, смена вероисповедания, политическая ссылка, черта оседлости, Вятская губерния.

В последние десятилетия в историографии появились исследования о евреях-выкрестах в разных регионах Российской империи. Историки подробно изучили этот вопрос применительно к территориям Европейского Севера, Урала, Поволжья, Сибири [1; 2; 5–7]. Однако на материале Вятской губернии подсчет крестившихся евреев не производился. Лишь Т. В. Проценко в диссертации о еврейском населении Урала упоминает прошение о принятии в православие мещанина г. Вятки Гершева Гутмана, обратившегося в Екатеринбургскую духовную консисторию [7, с. 308]. О поселившемся на территории региона еврее-выкресте (Абрам (Илья) Ваксин) упоминает в своей диссертации удмуртский историк Дарья Пюрияйнен [8, с. 148].

В то же время сохранившийся в фонде Вятской духовной консистории Центрального государственного архива Кировской области массив документов позволяет исследовать данный вопрос обстоятельно и всесторонне. Целью статьи является подсчет количества членов вятской еврейской диаспоры, перешедших в конце XIX – начале XX в. в православие, изучение их географии расположения на территории региона, исследование мотивов смены религии выкрестами.

В Вятской губернии, как и в других регионах России, часть еврейской общины перешла в православие. В Российской империи в общей сложности на протяжении XIX в. около 69 400 евреев приняли православие и около 15 тыс. – католичество и лютеранство [4, с. 96]. Причины переходов были разными, но продиктованы они были в первую очередь отличием в положении евреев от других жителей страны. На евреев правительством были наложены многочисленные различного рода ограничения в перемещении и проживании в пределах государства.

Категории евреев, пользовавшихся правом жить вне черты оседлости, менялись, но в основном это были купцы первой гильдии, те, кто получил высшее образование, и отставные солдаты, набранные по Рекрутскому уставу до 1874 г. Временные разрешения на проживание могли также получать мелкие торговцы, ремесленники, аптекари, фельдшеры, повивальные бабки и т. д. – именно они оказывались в наиболее уязвимом положении и часто становились жертвами кампаний по выселению.

Для перехода в православие в сознательном возрасте еврей должен был сначала изучить катехизис. При крещении он публично должен был объявить о своей вере в смерть, по-

гребение и воскресение Иисуса Христа ради избавления всего человечества от грехов, а также признать его своим личным спасителем. После крещения евреи обязывались носить нателенные кресты, молиться, осенять себя крестным знамением, посещать богослужения. Хоронили выкрестов также по православному обряду на христианских кладбищах.

По мнению историка В. Ю. Рабиновича, «переход в православие сулил возможность приобретения большого количества льгот и послаблений. Вместе с принятием крещения еврей не только менял свое имя и фамилию. Он получал все права (в том числе и право свободного жительства и перемещения по Империи), налоговые льготы, денежное пособие для переезда в другую местность, послабления для причисления к сословиям и т. д. Таким образом переход приносил вполне ощутимые выгоды» [5, с. 142]. Однако, с другой стороны, отказ от иудаизма означал для еврея потерю своей национальной принадлежности, а в глазах единоверцев мог трактоваться как предательство. Нередко выкресты, обрывая связи со своими соплеменниками, так и не находили своего места в новом окружении, которое по-прежнему относилось к ним настороженно.

Первые сведения о евреях-выкрестах на Вятке датированы концом XVIII в. Краевед В. А. Любимов смог установить, что «новокрещенный жидовнин» Александр Иванович Санников в 1775 г. в Сретенской церкви венчался с младшей дочерью Онисима Вернеева Параскевой», благодаря чему породнился со знаменитой семьей художников Исуповых [3, с. 259]. О дальнейшей судьбе Санникова исследователю удалось узнать, что он был рядовым Котельничской штатной команды. Любимов смог найти в метрических книгах конца XVIII в. еще несколько эпизодов интеграции евреев в вятскую жизнь через крещение и свадьбы с местными девушками. Так, в 1787 г. крестился и женился еврей из города Слонима Павел Софонов, а в 1802 г. – купец Амшей Зильберберг. В 1806 г. во Владимирской церкви Вятки мещанин из Орши Израиль Мойшовис принял православие и был наречен Александром Аршауловым.

Наибольших успехов среди крещеных евреев удалось достичь Павлу Софонову (пр. 1759–1809), который не просто вошел в среду богатейшего местного купечества, но и занимал важные посты в системе власти. В 1789 г. Софонов служил судьей в вятском совестном суде, в 1794–1796 гг. работал бургомистром в городском магистрате. Свой капитал Софонов заработал благодаря торговле хлебом и пушниной, в Вятке жил в собственном полукаменном доме [16, л. 67об., 68]. В 1805–1807 гг. он исполнял должность вятского городского головы.

В начале XIX в. вопрос о численности всех евреев губернии поднимался в связи с началом Отечественной войны 1812 г. Перед руководством региона была поставлена задача пересчитать всех иностранцев и исповедующих неправославную веру. В документах упоминаются и евреи, сменившие религию. Так, епископ Вятский и Слободской Гедеон 9 октября 1812 г. сообщил губернатору Федору Фон-Брадке, что в городе Нолинске был крещен «в веру греко-российскую» еврей из города Орши Могилевской губернии Александр Зеленсон, его новое имя – Андрей [13, л. 233]. В аптеке, находившейся под ведомством Приказа общественного призрения, в этот же период служил помощником аптекаря 24-летний Григорий Глазевиц. Он рассказал чиновникам, что его отец приехал в Россию еще в 1780-е гг. и стал российским подданным. Глазевиц-младший в Вятке отказался от еврейской веры и перешел в католичество.

Для подсчета количества евреев, сменивших веру во второй половине XIX – начале XX в., мы использовали документы архивного фонда Вятской духовной консистории. Ее чиновники каждый год заводили дела «О присоединившихся к православию», где была указана статистика крещеных. Всего в фонде духовной консистории (ф. 237) Центрального государственного архива Кировской области (далее – ЦГАКО) за период с 1873 по 1916 г. было обнаружено 19 подобных дел за 1885–1892, 1894–1896, 1898–1899, 1901–1902, 1907–1908, 1910, 1913 гг. Их просмотр показал, что только 28 евреев сменили веру. Из них большинство крестилось в губернском городе, также отмечены подобные случаи в Орлове, Котельниче, Сарапуле, Елабуге, Царевосанчурске и даже в некоторых деревнях и селах региона. В основном крещеные евреи были мещанами довольно молодого возраста в диапазоне от 18 до 24 лет, самым пожилым стал Авраам Аврутов, который принял православие в 48 лет в Троицком соборе слободы Кукарка Яранского уезда [10, л. 56].

Среди крещеных евреев можно выделить несколько групп. Во-первых, это чиновники. В дореволюционной России без смены веры им было бы практически невозможно добиться продвижения по службе, поэтому такие случаи крещения встречались часто. В рассматриваемый период в Вятке отмечены три самых значимых подобных эпизода. В 1886–1887 гг. два члена вятского окружного суда: Соломон Сахар и Исаак Левентон (с супругой Идой) – были крещены в Знаменской церкви. В 1891 г. во Владимирской церкви крестился 38-летний Изра-

иль Смарков вместе со всей своей семьей: женой и пятью детьми. Принявший имя Азарий чиновник служил землемером и таксатором в Вятской лесоустроительной партии Лесного ведомства Министерства государственных имуществ.

Смену веры Смарков обосновывал таким образом: «Я, жена моя и все мои дети желаем принять ныне в веру православную и содержать оную до конца жизни неизменно с искренним нашим убеждением в правоте и божественном происхождении Христианской религии и в Божестве ее Истинного сына Божия Господа Иисуса Христа» [9, л. 2]. Смарков был крещен во Владимирской церкви, которую регулярно посещали чиновники канцелярии губернатора и сам начальник губернии. Восприемниками его стали товарищ прокурора окружного суда Алексей Иванов и супруга горного инженера Павла Боклевского Надежда.

Во-вторых, крестились несколько ссыльных евреев: Шая Цепелевич в Царевосанчурске, Ревекка Ревзон в Уржумском уезде, Абель Рудашевский в Спасском соборе Вятки. В фонде канцелярии губернатора ЦГАКО сохранилось дело Абеля Рудашевского [14]. На момент ссылки в 1899 г. ему было 24 года, он происходил из местечка Интурки Виленского уезда, где работал сапожником. Местом проживания в Вятской губернии для Рудашевского на три года был выбран г. Котельнич. Из уездного города Абель несколько раз направлял в канцелярию губернатора жалобы. Он хотел, чтобы ему выдали денежное пособие, но чиновники отказывали, так как считали, что молодой человек может заработать своим ремеслом.

Но сетовал Рудашевский и на невозможность трудиться в месте ссылки. В 1899 г. он писал губернатору, что хотел бы заниматься ремонтом сапог в Котельниче, но у него ничего не получается. В частности, Абель указывал: «...В Котельниче нет кожевенных заводов, вырабатывающих готовые кожи для обуви, и местные мастера-сапожники добывают все необходимые материалы в Вятке и даже из более отдаленных крупных центров. В силу этого материал стоит им несравненно дешевле. Я не могу того делать, так как на каждую поездку в Вятку должен испрашивать разрешения Господина Губернатора, что с временем на ответ требует срока до двух месяцев. Поручать на комиссию покупку необходимых материалов Котельничским сапожникам я не могу уже потому, что они отказываются от такой комиссии, не желая своими услугами создавать себе лишнего конкурента. Покупать же в Котельниче кожу и прочие материалы у Котельничских торговцев стоит настолько дорого, что работать становится невозможно... Наконец, в качестве простого вольнонаемного рабочего к местным мастерам я не могу поступить при всем моем желании, ввиду того, что последние относятся с боязнью ко мне, как к политическому ссыльному...» [14, л. 31–32].

Рудашевский просил перевести его в слободу Кукарку или в Вятку, но губернатор Николай Клингенберг не разрешал. Также Рудашевский был недоволен тем, как по-хамски общается с ним помощник уездного исправника. В этих условиях в январе 1902 г. Абель принимает решение креститься под именем Евгений Александров, а после освобождения из ссылки он хотел переселиться в Уссурийский край [14, л. 58].

В-третьих, в этот период крестили членов семей отставных солдат, которые в середине – второй половине XIX в. составляли костяк вятской еврейской диаспоры. В 1894 г. 19-летняя Мирьема Гиршкович, дочь отставного нижнего чина из Санкт-Петербурга, крестилась в Петропавловской церкви села Светлянского. Другая солдатская дочь, Ревекка Градель, указала в документах, что «по праву рождения принадлежала к обществу иудеев», но воспитывалась среди христиан и все друзья были православными, поэтому еще несовершеннолетняя хотела креститься, но это удалось сделать лишь в возрасте 18 лет [11, л. 300]. Восприемницей на крещении в одной из церквей Преображенского женского монастыря Вятки стала вдова генерала Ирина Шестакова. В 1888 г. в Казанско-Богородицком соборе г. Орлова именем Мария крещена жена отставного рядового вятского губернского батальона, причисленного к мещанам г. Вятки Мордуха (Мордко) Янкелева Розенберга. Этот случай можно считать единственным, когда из еврейской общины Вятки выбыла через крещение одна из старейших и значимых семей местной диаспоры. Еще в 1876 г. Мордух Розенберг и его дети числятся среди еврейских семейств губернского города, но в конце 1880-х гг. в списках евреев региона их уже нет.

Примечателен также эпизод с крещением 28-летнего Гешеля Залманова (Илья Кабалкин). Он ранее обучался в Казанском университете, а после этого переехал в Сарапул, где был в 1891 г. крещен в Воскресенском соборе. История Кабалкина интересна тем, что диплом о высшем образовании для евреев был очень важен, ведь он с 1879 г. давал право селиться вне черты оседлости. Но если студента отчисляли из вуза, то молодой человек терял этот иммунитет и его должны были выслать местные власти. За данным процессом внимательно следили губернские

чиновники, в фонде канцелярии вятского губернатора сохранился подобный циркуляр о студентах-евреях, хотя высших учебных заведений в Вятской губернии не было [18, л. 26]. Вероятно, университет Гешель закончить не смог, право жить, где пожелает, потерял и решил креститься в Сарапуле, чтобы дальше находиться в Вятско-Камском регионе.

При крещении указывалось, в честь каких православных святых человек получает имя. Так, врач Белла Раскина была наречена Тамарой в честь царицы Грузии, Абрам Аврутов стал Александром в честь святого Александра Невского, Хана Розенберг – Марией в честь Марии Магдалины. В некоторых случаях сохранились сведения о том, какую духовную работу проделывают перед крещением. Например, в документах Фрейде Шрагер указано, что она «за недавнее время научилась писать свое имя, отчество и фамилию и читать печатный шрифт на русском языке и изучила Символ Веры и краткие молитвы» [12, л. 55]. После этого 8 декабря 1902 г. Шрагер под именем Феодосия была крещена в Златоустовской церкви села Ныр Яранского уезда.

Иногда в церемонии перехода из иудаизма в христианство участвовали статусные лица, высокопоставленные чиновники и купцы. Если процесс происходил не в губернском городе – то уездный исправник или воинский начальник. Так, восприемником при крещении ссыльного Шаи Цепелевича стал городской голова Царевосанчурска Василий Мавричев, в Вятке в документах отмечены ставшие восприемниками богатые предприниматели Петр Тихонов и Александр Тырышкин.

К ссыльным на процедуру крещения приезжали их родственники и друзья из мест прежнего проживания. Так, знакомые посетили крещение Ревекки Ревзон именем Ольга в Свято-Духовской церкви села Русский Турек Уржумского уезда. Ранее Ревзон находилась в ссылке в Томске, и именно оттуда прибыли в Вятскую глубинку восприемники – заштатный священник села Итата Мариинского уезда Стефан Мараморов и томская мещанка Ефросинья Кулаева. На крещении Шаи Цепелевича побывала его мать Хана Исаева, которая приехала из местечка Постава Виленского уезда и подтвердила, что Цепелевич холост [11, л. 105].

Иногда смена веры использовалась евреями как некий инструмент в сфере личных и семейных отношений. Подобная история произошла в 1912–1913 гг. в Сарапульском уезде Вятской губернии. Зубной техник Нафталий Берков Голландский поругался со своей супругой Бейле Лейбовой. Они жили вместе с 1906 г. в разных городах России: Мензелинске, Томске, а с 1907 г. – в Сарапуле. Бейле ревновала Нафталия к его начальнице Елизавете Ехлаковой, руководившей небольшой клиникой в уездном городе. Как оказалось позже, Голландская была права – ее супруг в 1912 г. внезапно бросил семью, подал заявление о разводе, уехал в Воткинский завод и, приняв православие под именем Анатолия Борисовича, полностью прекратил общение с супругой.

На руках у Бейле остались двое маленьких детей и пожилой отец, 6 ноября 1912 г. от «воспаления мозгов» умер старший сын Исаак. Ситуация осложнялась тем, что если бы духовная консистория утвердила развод с супругом, то Голландскую выселили бы из Вятской губернии как потерявшую основания для проживания вне черты оседлости. Подобный процесс уже был запущен губернским правлением, в документах которого четко фиксировалось, что «жены евреев-ремесленников имеют право повсеместного проживания в России лишь при мужьях-ремесленниках... за неимением лично ремесленных документов... подлежат выселению в черту оседлости...» [15, л. 813–813об.].

Голландская начала писать во все инстанции, рассказывая о своих бедах и распутстве мужа, просила разрешить ей жить с отцом в Сарапуле. Обещала в случае, если Нафталий вернется, крестить по православным обычаям детей, рожденных после 1912 г. В итоге Бейле оставили право жить в Сарапуле благодаря тому, что духовная консистория не утвердила прошение ее мужа о разводе, формально их брак продолжил существование, а это означало, что статус Бейле не изменился. В обширной переписке по этому делу содержатся упоминания о том, что попытки развода и перехода в православие со стороны Нафталия были продиктованы корыстными соображениями: он хотел избавиться от жены и детей, получить финансовую поддержку от богатой Ехлаковой, развивать свой бизнес и т. д.

Собранная нами статистика по крещеным евреям в Вятской губернии не может быть полной, так как многие дела о переходе из разного рода религий в православие в архиве не сохранились. Также мы не учитываем тех евреев, которые крестились в других регионах России, но, пользуясь обретенной свободой для перемещений, проживали в пределах Вятской губернии. Их уже не фиксировала духовная консистория, однако такие выкресты были в поле зрения полиции, из документов которой мы можем узнать о судьбе как минимум одного крещеного еврея в Вятке, переехавшего в город.

Мещанин города Тобольска Самуил Берг, крещенный в Сибири, обосновался на рубеже XIX–XX вв. на окраине Вятки и завел доходный дом в двух верстах от города в расчете на получение прибыли от гостей. Однако в скором времени апартаменты Берга получили статус «нехорошей квартиры» и постоянно фигурировали в полицейских сводках. В 1909 г. полицмейстер описал дом Берга как «притон темных личностей, а именно рецидивистов, укрывающихся от суда проституток...» [17, л. 2].

10 мая полицмейстер Райков лично вместе с вице-губернатором Григорьевым нагрянул с обыском в дом Берга и произвел проверку всех людей, ночевавших там. Оказалось, что в одной комнате спит Берг с семьей, а в другой – восемь гостей. Все девушки оказались проститутками, один из мужчин – вор-рецидивист, осужденный за кражу денег в Спасском соборе. Среди постояльцев был и гражданин, три раза находившийся на лечении в психиатрическом отделении губернской земской больницы.

Пристав I части Вятки сообщил в полицию, что судьба владельца дома Самуила Берга очень непростая: «Содержа у себя как бы вроде притона Самуил Берг, по-видимому, пользуется от этих лиц только квартирной платой и в тоже время ничуть ими не дорожит, так как всегда охотно, зная все секреты воров, ввиду совместного с ними сожительства, передает в руки полиции и других властей» [17, л. 8]. По показаниям Самуила были раскрыты дела об убийствах проституток Корякиной и Рогачевой, задержан сбежавший из-под ареста вор Шилов, предотвращен побег арестованных за кражи Перминова и Крысова. Сам Берг не замешан в каких-либо преступлениях, живет бедно и считает свой бизнес неуспешным, однако не пускать к себе уже привыкшую к жительству у него публику он не может и опасается за свою жизнь. В октябре 1910 г. Берг был арестован и подвергнут тюремному заключению на 6 месяцев.

Об еще одной истории выкреста, приехавшего в Вятскую губернию из другого региона, можно узнать из документов канцелярии губернатора. Часовщик Абрам (Илья) Ваксин в конце 1850-х гг. меняет веру и переезжает в г. Сарапул Вятской губернии. Удмуртский историк Дарья Пюрияйнен отмечает, что «переезд в город бывшего еврея был воспринят местными властями настороженно негативно» [8, с. 148]. Ваксин не получил пособие, которое полагалось новообращившимся, и вынужден был вступить в длительную переписку с вятским губернатором Николаем Муравьевым. Когда канцелярия губернатора выдала ему лишь 15 руб. серебром, Илья Андреевич, ссылаясь на статью 1387 IX тома свода Законов, изданного в 1857 г., надеялся на увеличение размера пособия и требовал 135 руб. серебром на покупку дома.

Общение с чиновниками затянулось, в канцелярии губернатора отказывались доплачивать средства, но Ваксин продолжал жаловаться: «Ассигнования одному мне в меньшем размере пятнадцати рублей серебром какового пособия, по дороговизне строительных материалов, даже на устройство самой маленькой хижины для житья одному без семейства не достанет. А личного моими трудами приобретения, через починку часов в Сарапуле, где все жизненные потребности неимоверно дороги, на дневное пропитание семейства не достаточно...» [8, с. 148]. В итоге губернское начальство в августе 1859 г. выплатило Ваксину 37 руб. 50 коп., но на дальнейшие его просьбы не реагировало и денег более не выделило.

Комментируя историю Ваксина, Дарья Пюрияйнен полагает, что при переходе в православие и переезде в Вятскую губернию Ваксиним двигали разного рода мотивы, но не только прагматические. Он стал единственным часовщиком в уездном городе и через крещение планировал войти в экономическую верхушку местного общества. С другой стороны, сам Ваксин писал губернатору, что долго жил среди православных и ассимилировался в этой среде; в частности, еще до принятия новой веры в семье уже использовались православные имена.

Просмотр документов архивного фонда Вятской духовной консистории позволяет сделать вывод о том, что массового и многочисленного перехода членов вятской общины евреев в православие во второй половине XIX – начале XX в. не наблюдалось. За исключением семьи Мордуха Розенберга, никто из значимых членов диаспоры не покинул ее путем выбора новой веры. Таким образом, самые статусные выкресты обосновались в Вятке еще в конце XVIII в. – это купеческая семья Аршауловых и ставший городским головой г. Вятки Павел Софонов. Трудности политической ссылки также не повлияли существенно на смену веры. Намного большее число евреев просто сбежало с места вынужденного пребывания. Вятская еврейская диаспора сохраняла преданность своей вере даже несмотря на мощный прессинг властей и полиции, а также многочисленные ограничения. При этом в регионе проживало немало и евреев, крестившихся вне пределов Вятской губернии, но их точное количество еще предстоит подсчитать.

Список литературы

1. Вибс И. Н. Вероисповедная политика самодержавия в Западном крае: 1830–1855 : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 231 с.
2. Кумпан Е. Н. Конфессиональная политика Российской империи и ее реализация на Северо-Западном Кавказе в 1861–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005. 258 с.
3. Любимов В. А. Старая Вятка. Квартал за кварталом. Первая часть. Начало. Киров, 2004. 480 с.
4. Минц М. М. Евреи в России в XIX – первой половине XX в. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Информационно-аналитический журнал. 2019. № 2. 224 с.
5. Рабинович В. Ю. Евреи дореволюционного Иркутска как предпринимательское меньшинство : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1998. 236 с.
6. Романовская Л. Р. Иноверцы в Российской империи: историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 259 с.
7. Проценко Т. В. Еврейское население Урала в XIX–XX вв.: демографическое и этнокультурное развитие : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. 316 с.
8. Пюрийнен Д. М. Население уездного города Сарапула во второй половине XIX – начале XX в.: социокультурный аспект: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2009. 304 с.
9. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. 237. Оп. 194. Д. 533.
10. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 195. Д. 286.
11. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 201. Д. 180.
12. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 204. Д. 86.
13. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 7. Д. 1.
14. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 103.
15. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 604. Д. 123.
16. ЦГАКО. Ф. 630. Оп. 3. Д. 1.
17. ЦГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 889.
18. ЦГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 24.

Baptized Jews in the Vyatka Governorate in the Late 19th – Early 20th Centuries

Kasanov Anton Sergeevich

PhD in Historical Sciences, independent researcher. Russia, Kirov. E-mail: kasanv@rambler.ru

Abstract. The topic of the formation and development, changes in the size of the Jewish diaspora in the Vyatka Governorate has become an object of study for historians only recently. One of the significant research goals in the current period is to count the people who left Judaism and became converts to Christianity in the region. In this article, based on documents from the Vyatka Spiritual Consistory of the Central State Archives of the Kirov Region, the number of converts who were in the Vyatka Governorate in the late 19th – early 20th centuries is calculated. The motives for converts to Christianity, their demographic characteristics, and the geography of their settlement in the Vyatka-Kama region are also examined. We divided all baptized Jews of the province into several groups: officials, political exiles, and family members of military personnel. We included in a special category of converts those Jews who performed the rite of baptism into the Orthodox faith not in the Vyatka province, but lived in the region during the chronological framework under consideration. Also, based on the data of some files preserved in the archive, it is stated that the change of faith was used by Jews as a tool in the sphere of personal and family relations. After analyzing the collected array of archival data, we conclude that there was no mass and numerous conversion of members of the Vyatka Jewish community to Orthodoxy in the second half of the 19th – early 20th centuries. A review of the files of the Vyatka spiritual consistory available to us for the period from 1873 to 1916 allowed us to establish 28 names of Vyatka Jews who converted. With the exception of the family of Mordukh Rosenberg, none of the significant members of the diaspora who lived for a long time in the Vyatka province left the community by choosing a new faith.

Keywords: Jews, converts, Orthodoxy, change of religion, political exile, Pale of Settlement, Vyatka province.

References

1. Vibe I. N. *Veroispovednaya politika samoderzhaviya v Zapadnom krae: 1830–1855 : dis. ... kand. ist. nauk* [Confessional policy of the autocracy in the Western region: 1830–1855 : dis. ... PhD in Historical Sciences]. SPb., 2009. 231 p.
2. Kumpan E. N. *Konfessional'naya politika Rossijskoj imperii i ee realizaciya na Severo-Zapadnom Kavkaze v 1861–1917 gg. : dis. ... kand. ist. nauk* [Confessional policy of the Russian Empire and its implementation in the North-West Caucasus in 1861–1917 : dis. ... PhD in Historical Sciences]. Krasnodar, 2005. 258 p.

3. Lyubimov V. A. *Staraya Vyatka. Kvartal za kvartalom. Pervaya chast'. Nachalo* [Old Vyatka. Quarter by quarter. Part one. The beginning]. Kirov, 2004. 480 p.
4. Minc M. M. *Evrei v Rossii v XIX – pervoj polovine XX v.* [Jews in Russia in the 19th – first half of the 20th century] // *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 5, Istoriya: Informacionno-analiticheskij zhurnal* – Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 5, History: Information and Analytical Journal. No. 2. 2019. 224 p.
5. Rabinovich V. Yu. *Evrei dorevolucionnogo Irkutskaja kak predprinimatel'skoe men'shinstvo : dis. ... kand. ist. nauk* [Jews of pre-revolutionary Irkutsk as an entrepreneurial minority : dis. ... PhD in Historical Sciences]. Irkutsk, 1998. 236 p.
6. Romanovskaya L. R. *Inovercy v Rossijskoj imperii: istoriko-pravovoe issledovanie : dis. ... kand. yur. nauk* [Non-Orthodox believers in the Russian Empire: historical and legal research : dis. ... PhD in Legal Sciences]. Nizhny Novgorod, 2006. 259 p.
7. Proshchenok T. V. *Evrejskoe naselenie Urala v XIX–XX vv.: Demograficheskoe i etnokul'turnoe razvitie : dis. ... kand. ist. nauk* [Jewish population of the Urals in the 19th–20th centuries: Demographic and ethnocultural development : dis. ... PhD in Historical Sciences]. Ekaterinburg, 2000. 316 p.
8. Pyuriyajnen D. M. *Naselenie uezdnogo goroda Sarapula vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: soci-okul'turnyj aspekt : dis. ... kand. ist. nauk* [Population of the district town of Sarapul in the second half of the 19th – early 20th century: sociocultural aspect : dis. ... PhD in Historical Sciences]. Izhevsk, 2009. 304 p.
9. CSAKR (Central State Archive of the Kirov Region). F. 237. Op. 194. D. 533.
10. CSAKR. F. 237. Op. 195. D. 286.
11. CSAKR. F. 237. Op. 201. D. 180.
12. CSAKR. F. 237. Op. 204. D. 86.
13. CSAKR. F. 582. Op. 7. D. 1.
14. CSAKR. F. 582. Op. 160. D. 103.
15. CSAKR. F. 583. Op. 604. D. 123.
16. CSAKR. F. 630. Op. 3. D. 1.
17. CSAKR. F. 721. Op. 1. D. 889.
18. CSAKR. F. 795. Op. 1. D. 24.

Поступила в редакцию: 14.03.2025

Принята к публикации: 24.09.2025

Импорт некоторых важных сухопутных вооружений Россией в Первую мировую войну

Попов Григорий Германович¹, Сафаралиева Диляра Гаджиметовна²

¹кандидат экономических наук, доцент, Московский институт современного академического образования. Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-3060-5030. E-mail: GGPopov2009@mail.ru

²кандидат экономических наук, заместитель директора, Московский дом национальностей. Россия, г. Москва. E-mail: dilyarags@mdn.ru

Аннотация. В статье рассматривается военно-экономическое сотрудничество России с ее союзниками по Антанте в Первую мировую войну в ракурсе вопроса поставок наиболее важных сухопутных вооружений. Авторы, опираясь на архивные материалы, считают, что поставки вооружений из стран – союзниц по Антанте приобрели весомое значение в системе обеспечения Вооруженных сил России начиная с последнего квартала 1916 г. и сам импорт вооружений Россией был спровоцирован серией микрокризисов на фронтах. В статье говорится о том, что импорт Россией вооружений незначительно повлиял на рост огневой мощи российской армии к концу 1917 г. Авторы показывают, что поставки иностранных вооружений оказались слишком поздними для того, чтобы изменить ситуацию на Восточном фронте в пользу России. При этом акцент в программах поставок сухопутных вооружений в Россию в 1916–1917 гг. делался на тяжелых орудиях. Россия была готова отказаться на рубеже 1916–1917 гг. от импорта тяжелых пулеметов, так как производство этого типа оружия было налажено внутри государства на достаточном уровне. В конце 1916 – начале 1917 г. для армии России оставался актуальным вопрос обеспечения винтовками, поставки которых от союзников были недостаточными, когда США свои обязательства к февралю 1917 г. выполнили в очень незначительных масштабах.

Ключевые слова: Первая мировая война, Антанта, военные технологии, вооружения армии России в Первую мировую войну, импорт Россией вооружений в Первую мировую войну, Восточный фронт Первой мировой войны.

Введение. Сотрудничество России с союзниками по Антанте сохраняет свою актуальность как научная тема, так как ее изучение позволяет глубже разобраться в вопросе отставания России в начале XX в. Но был ли импорт военной техники и вооружений результатом аномального развития промышленного капитализма в России или же он стал ответом на возникавшие в ходе Первой мировой войны микрокризисы?

Микрокризисы мы противопоставляем макрокризисам, последние являются процессами, значительно отражающимися на всем государстве, включая, разумеется, и народное хозяйство. Пример макрокризиса – дефицит энергии в конце Первой мировой войны, это затрудняло работу всей промышленности России и привело к Февральской революции. Нехватка вспомогательных специальных автомобилей на фронте и в тылу была микрокризисом, так как это отражалось на отдельных аспектах работы государства. Несколько микрокризисов могут совместно привести к тяжелым последствиям, как, например, это было в ситуации с поражениями армии Российской империи в 1915 г. [12, с. 459].

Цель настоящей научной статьи сводится к тому, чтобы показать, как микрокризисы влияли на процесс развития поставок импортных вооружений в Россию в годы Первой мировой войны и какова была роль этого импорта в процессе довооружения и перевооружения действующей армии России в динамике на материалах воинских соединений уровней фронта и армии. Соответственно, нам требуется рассмотреть в хронологическом порядке динамику поставок интересующих нас военных товаров в отражении этого процесса в сведениях по оснащенности российских сухопутных сил. Мы также обращаемся к проблеме реальных масштабов выполнения союзниками России по Антанте обязательств по поставкам вооружений.

Материалы и методы. Информационной базой работы стали преимущественно материалы Российского государственного военно-исторического архива (далее – РГВИА), включая в особенности фонд № 2003 «Штаб Верховного главнокомандующего». Большую пользу для нашего исследования принес также фонд № 2031 РГВИА «Штаб главнокомандующего армией Северного фронта», где в соответствующих документах имеются данные о материальной

части соединений этого фронта, по которым в рамках данного примера видно значение поставок союзников по Антанте вооружений в Россию. То же самое касается фонда № 2067 РГВИА «Штаб главнокомандующего армиями Юго- Западного фронта».

Фонд № 2144 РГВИА стал для нас интересным с точки зрения снабжения войск России в Первую мировую войну на оперативном уровне; то же самое касается фонда № 2011 РГВИА «Артиллерийское управление при Верховном главнокомандующем г. Могилев».

При подготовке данной работы использовались также опубликованные документы, изданные еще во время Первой мировой войны Главным артиллерийским управлением (далее – ГАУ).

В работе нашли отражение историко-проблемный и компаративистский методы в сравнительно-сопоставительной форме, к последнему мы обязаны обратиться для лучшего понимания действительной потребности российских вооруженных сил в иностранных вооружениях и военной технике на фоне собственного национального производства и выпуска военной продукции и снабжения вооруженных сил в других странах, в первую очередь в кайзеровской Германии. Мы ограниченно применяем компаративистский метод, так как работа посвящена вопросам развития Вооруженных сил России в Первую мировую войну. Работа базируется преимущественно на архивных документах.

Обсуждение. Тема военно-экономического сотрудничества в формате Антанты недостаточно проработана в историографии. Актуальной на эту тему остается монография А. Л. Сидорова, изданная в начале 1970-х гг. [34]; она повторяет базовые положения, выдвинутые этим автором в 1950-е гг. [33], когда Первая мировая война обсуждалась в основном в контексте марксистско-ленинской парадигмы (ранее издавалась подобный фундаментальный труд Г. И. Шигалина [38]). В связи с этим в данной работе в разделе про иностранные поставки для военных ведомств России приведено много фактов, но без сравнительного анализа ни с другими государствами – участниками Первой мировой войны, ни с Советским Союзом межвоенного периода, ни с Российской империей немного более ранних периодов. Отсюда, например, непонятно, много это или мало – 2500 единиц станков, заказанных за границей в 1914 г. для трех оружейных заводов [34, с. 252]. Многие приводимые у А. Л. Сидорова суммы затрат на зарубежные закупки фактически являлись незначительными, если их переводить в английскую валюту.

В 2017 г. была опубликована монография-сборник под редакцией А. Ю. Павлова [11]. Однако у этой работы есть недостатки, вытекающие из методики: авторы (не только этого сборника) не критично относятся к свидетельствам современников описываемых событий, при этом редко используют сравнительный анализ. Например, И. Э. Магадаев [11, с. 265], посвятивший раздел артиллерии российской армии, пишет со ссылкой на А. А. Маниковского и один архивный документ ГАУ, что к лету 1914 г. российская армия обладала относительно небольшим количеством тяжелых орудий. Возникает вопрос: относительно чего? И второе: между Россией и ее противниками в Первой мировой войне существовала разница в определении того, что считать тяжелым орудием. При этом И. Э. Магадаев называет цифру около 800 тяжелых орудий со ссылкой на ГАУ, но у самой могущественной на то время империи – Великобритании – имелось примерно в пять раз меньше тяжелых орудий к июлю 1914 г. [39, р. 5] Одна из работ, где освещается интересующий нас вопрос, – научная статья В. В. Синиченко [33], которая основана на материалах документов из фонда № 369 РГВИА, где мало сведений о фактической подаче зарубежных вооружений в действующую армию (на базе материалов этого фонда можно понять только общую ситуацию с данным вопросом). Работы военного историка П. В. Виноградова [3, 4] также интересны для нашего исследования, но в них не отражена проблема эффекта этих поставок непосредственно для фронтовых соединений.

В России господствовал и продолжает преобладать сформулированный марксистами и западными либералами подход к объяснению импорта вооружений Российской империей, который связывает данный тип импорта с отсталостью страны [2, с. 10], в рамках чего принимаются во внимание в основном количественные показатели, но незначительное внимание обращается на потери как фактор зарубежных закупок, на планирование операций (например, подготовку к генеральным наступлениям против Германии и Австро-Венгрии), а также на интенсивность боевых действий.

Известный историк Первой мировой войны И. В. Поткина в своей недавней работе выдвинула концептуальное объяснение причины тяжелых военных неудач России в конце Первой мировой войны – конфронтацию оппозиции по отношению к власти [14, с. 121]; в связи с этим И. В. Поткина, как И. Н. Шапкин [37, с. 24], считает, что имперское правительство сумело перевести экономику страны на военные рельсы.

Результаты. Главными военными товарами для России были винтовки и пулеметы, импорт покрывал от 50 до 60 % от потребностей вооруженных сил в них. К августу 1914 г. у России имелись 4 458 253 винтовки и карабина [19, л. 69]. С учетом производства в последнем квартале 1914 г. этого должно было быть достаточно для оснащения армии (свою негативную роль здесь сыграли потери винтовок на поле боя, но до весны 1915 г. их нельзя назвать значительными). Осложнение с поставками винтовок в армию становится заметным к концу лета 1915 г.: Северному фронту (далее – СФ) не хватало 78 365 винтовок к 31 августа 1915 г. [24, л. 53]. В начале августа 1915 г. у Юго-западного фронта (далее – ЮзФ) некомплект винтовок составил 98 000 шт. Даже в ноябре 1916 г. в запасах СФ оставались винтовки Бердана, ряд частей был вооружен карабинами [24, л. 257]. Нехватка винтовок заставила командование СФ в конце 1916 г. задуматься о выдаче вспомогательным подразделениям охотничьих ружей [24, л. 253].

В сентябре 1915 г. после отступления в Галиции ЮзФ испытывал серьезные сложности со стрелковым оружием: на фронтовых и армейских складах имелось только 785 трехлинеек, 32 736 берданок, 1044 винтовки Арисака и 109 999 трофейных австрийских винтовок 8 мм [21, л. 603]. Однако к середине июля 1915 г. положение было лучше: только на двух складах ЮзФ (Киев и Ровно) было 1275 трехлинеек, 24 651 берданка, 48 375 австрийских винтовок [21, л. 404]. Факт: винтовок союзников по Антанте, кроме небольшого количества японских, на ЮзФ в июле и сентябре 1915 г. не было.

В общей сложности с августа 1914 по апрель 1917 г. Россией было импортировано 3 713 200 винтовок [1, с. 266], отечественный выпуск достиг 3 286 232 шт. [1, с. 265]. Россия получила из других стран и от собственной промышленности к моменту Октябрьской революции 1917 г. около 11 392 000 винтовок [1, с. 299].

В 1915 г. из-за границы Россия получила 1 316 152 винтовки, что составило 60 % от всех поступивших в армию [8, с. 78], но это официальные цифры, приведенные у А. П. Залюбовского. В течение последнего квартала 1915 г. – зимы 1916 г. в Россию поступило из других государств, по другим данным, 1 350 000 винтовок [13, с. 67]. В конце 1916 г. Северный, Западный (далее – ЗФ) и ЮзФ имели в действующих частях 1 939 000 винтовок, некомплект был определен как 142 000 шт. [20, л. 11], то есть незадолго до Февральской революции проблема «винтовочного голода» была в значительной мере решена, но в период особо тяжелого кризиса на фронтах в 1915 г. – нет.

У боевой пехоты СФ к 1 декабря 1916 г. было на вооружении много винтовок отечественного производства: 195 360 трехлинеек против 175 824 винтовок Арисака. У СФ были еще 8128 винчестеров, 6120 карабинов Арисака находилось в полковых командах [24, л. 99]. У ЮзФ положение с винтовками российского производства было лучшим в начале апреля 1916 г.: 425 215 трехлинеек против 108 162 австрийских винтовок, винчестеров числилось только 848 шт. во вспомогательных частях [27, л. 4].

Производством трехлинеек были заняты не только российские заводы, но также и американские фирмы «Винчестер», «Ремингтон» и «Вестингауз». «Винчестер» выполнила заказ для России в 300 000 винтовок к концу 1916 г., остальные обязались поставить 3 300 000 шт. к апрелю 1917 г. [4, с. 106–107], но официальный Петроград получил около 10 % от этого количества к этому времени [4, с. 107].

Заграничные поставки стрелкового ручного оружия оставались фактически не столь значительными, судя по одному отчетному документу ГАУ от середины мая 1917 г.: на склады этого управления к тому времени поступило 21 830 винчестеров, в остатках находилось 220 винтовок Веттерли [18, л. 3об.]. Скорее всего, ГАУ перед Февральской революцией уже не надеялось на поставки винтовок из США, поэтому в Лондоне велись переговоры с англичанами об уступке 2,7 млн ружей (трехлинейки, выпущенные на английских предприятиях, или английские винтовки, переделанные под русский патрон), которые были уже включены в январе 1917 г. в план снабжения армии [6, с. 5]. Решение по этой поставке принималось окончательно в конце октября 1916 г. [6, с. 5].

Не менее сложно складывалась ситуация со снабжением русской армии пулеметами и артиллерийскими системами (табл. 1, 2). Если производство последних было неплохо налажено перед Великой войной и во время ее, то пулемет оставался до 1916 г. новым и сложным для российских заводов продуктом.

Таблица 1

**Производство и заграничные поставки артиллерийских орудий
для российской армии, шт. (составлено по: [1, с. 151])**

Было в частях и запасах на начало войны (начало августа 1914 г.)	8028
Произведено в 1914–1917 гг.	11 684
Поставлено орудий союзниками в 1915–1917 гг.	2418

Несмотря на то что поставлено артиллерийских орудий было немного, импорт оказался в вопросе снабжения армии этими вооружениями очень важным, так как до конца 1916 г. отечественная промышленность не располагала необходимыми мощностями для выпуска некоторых типов тяжелых орудий.

К июлю 1915 г. на ЮзФ возникли сложности с орудиями, это было связано, помимо прочего, с износом орудий, особенно это касалось 42-линейных тяжелых орудий (они были уже сильно расстреляны), также этих систем не имелось в запасах ЮзФ, как и полевых орудий образца 1900 г. и горных – образца 1904 г. [21, л. 522–525]. К тому же последние две системы уже были морально устаревшими и нуждались в замене на орудия образцов 1902 и 1909 гг. соответственно [21, л. 522]. Но положение ЮзФ к середине 1915 г. нельзя назвать безнадежным: в войсках этого фронта имелось 1002 легких орудия, 96 48-линейных гаубиц образца 1909 г., 210 горных орудий, 24 42-линейных пушки, 48 6-дюймовых гаубиц, 12 пушек Паккарда 120 мм и немного систем других типов [21, л. 395]. По этим статистическим данным видно, что поставки иностранных артиллерийских систем от союзников по Антанте имели для ЮзФ малое значение.

В связи с кризисом второй половины весны 1915 г. высшее командование активно вело формирование новых артиллерийских бригад в Киевском военном округе, в связи с чем туда шла поставка японских орудий фирмы «Арисака», из которых сформировали 30 батарей [21, л. 459], орудий иных стран происхождения нами в данном документе не обнаружено.

Сильного недостатка в снарядах у ЮзФ не имелось [21, л. 520]. На это косвенно указывает также статистика поступления снарядов для легких орудий на склады 8-й армии: в период с июля 1914 по июль 1916 г. – 1 045 975 снарядов этого типа [21, л. 48]. Скажем для сравнения: за второе полугодие 1941 г. советская промышленность поставила ВС СССР 1523 тыс. снарядов для полковой пушки 76 мм и 1929 тыс. для дивизионных орудий 76 мм [9, с. 383]. Другой пример: к середине июля 1915 г. на складах ЮзФ имелось только для орудий 76 мм 1 408 963 снаряда [21, л. 406].

Что касается периода знаменитого Брусиловского прорыва, то по состоянию на 29 мая 1916 г. ЮзФ имел небольшое количество тяжелых орудий для столь масштабного наступления (165 ед.), среди которых присутствует немного пушек типа «Канэ» [27, л. 289]. Спустя почти месяц количество тяжелых орудий в распоряжении ЮзФ возросло до 210 шт., но среди них было только несколько систем «Канэ», остальные – отечественного производства [15, л. 208].

В боевом расписании артиллерии 3-й армии (ЗФ) от середины марта 1917 г. отражено, что из достаточно большого парка орудий 17 шт. относились к гаубицам «Шнайдера» образца 1910 г. против 432 орудий российского производства [16, л. 3].

У ЗФ, СФ и ЮзФ к 15 ноября 1916 имелись (сюда не вошли системы в ремонте): 4840 легких орудий образца 1902 г., 446 легких орудий образца 1900 г., японских орудий «Арисака» – 173, горных образца 1909 г. – 363, 48-линейных гаубиц – 806, 42-линейных скорострельных пушек – 115, 42-линейных образца 1877 г. – 199, гаубиц 6-дюймовых полевых 182, гаубиц 6-дюймовых крепостных – 171, 6-дюймовых пушек 120 пудов – 310, прочих орудий – 1134 [20, л. 10–11] (судя по этим цифрам, зависимость России в конце Первой мировой войны от зарубежных поставок артиллерийских вооружений была не столь большой). Скажем для сравнения, что перед началом операции «Михаэль» во Франции союзники имели около 3000 орудий против приблизительно 6000 немецких [31, с. 452], но, правда, на меньшую протяженность фронта.

Судя по сведениям Ставки от середины мая 1917 г., иностранные поставки артиллерийских систем не были столь значительными: новых 45-линейных орудий английского производства, поступивших на склады в тылу, числилось 25 шт. [18, л. Зоб.]. Но в ноябре 1916 г. на трех главных фронтах этих систем не было. 6-дюймовых английских гаубиц на складах имелось 16 [18, л. Зоб.]. При этом снабжение артиллерийскими боеприпасами было, несмотря на Февральскую революцию и ухудшение управления военным производством, на очень высо-

ком уровне: только для легких полевых орудий 76 мм имелось 3 345 000 шрапнельных снарядов и 3 045 000 гранатных [18, л. 3об.].

В конце декабря 1917 г. 1-я армия СФ имела 102 тяжелых орудия [17, л. 6], это неплохой результат снабжения даже для Великой Отечественной войны. В 1-й армии все орудия были представлены отечественными образцами. В 5-й армии СФ в конце декабря 1917 г. насчитывалось 668 орудий, из которых 118 тяжелых [17, л. 7]. Но орудий иностранного производства мы не выявили, кроме 23 единиц английских 45-линейных орудий [17, л. 14]. 24 45-линейных орудия английского производства упоминаются также в связи с составом артиллерийских вооружений 12-й армии СФ 23 сентября 1917 г. [22, л. 275]. В 10-й армии ЗФ из 92 тяжелых орудий в начале сентября 1916 г. 4 были 11-дюймовыми гаубицами французской фирмы «Шнайдер» и 4 – японскими системами 105 мм [30, л. 117].

Легкие полевые орудия быстро расстреливались, в связи с этим перед готовившимся в мае 1917 г. генеральным наступлением высшее командование решило к январю того же года разместить дополнительный заказ в Великобритании на выпуск 5714 легких орудий 1902 г. [6, с. 3] Но данное соглашение не было заключено, в списках поставленных из Англии военных товаров эти системы вооружений не значатся [6, с. 4].

Надо сказать, что российские военные власти были недовольны количеством английских поставок в первом полугодии 1917 г. [31, с. 505]. Из ведомости ГАУ от 11 июля 1917 г. не следует, что до 1 января 1917 г. Великобритания отправила в Россию из числа тяжелых орудий, подлежащих доставки в Россию, только 16 6” гаубиц [31, с. 504]. Однако в XX корпусе числились в начале января 1917 г. 4 батареи с кодом 6” [27, л. 58], но это 6-дюймовая полевая гаубица образца 1910 г. российского производства. На сложности у российской армии с тяжелой артиллерией в начале 1917 г. указывает тот факт, что перед наступлением в Прибалтике в феврале 1917 г. штаб СЗФ хотел запросить из резерва Ставки даже отдельный осадный артиллерийский дивизион, укомплектованный 6-дюймовыми осадными орудиями образца 1877 г. [27, л. 2].

По боевому составу артиллерии 10-й армии на 1 июля 1917 г. есть более подробные сведения о наличии на фронте этой армии систем именно зарубежных образцов, французских орудий было у этой армии 34 шт., из 278 шт. тяжелых орудий 10-й армии английских крупнокалиберных было 24 ед. [29, л. 493–495].

В конце октября 1917 г. положение с тяжелой артиллерией в армии России нельзя назвать очень хорошим, но мы не можем говорить и о критической ситуации: из 1203 тяжелых орудий на фронтах и в тылу 449 ед. [18, л. 101] идентифицированы нами как иностранного производства. В изученном нами документе от октября того же года указано, что на вооружении состояли 196 орудий 12» Шнейдера [18, л. 101]. В этом, как и в ряде других подобных, документе орудия, произведенные на Обуховском заводе, имеют одноименную с этим предприятием идентификацию.

В другом документе за сентябрь 1917 г. мы обнаружили, что непосредственно на фронтах и в резерве у России имелось 96 английских шестидюймовых гаубиц, 4 японские 20-см гаубицы, 72 гаубицы 8 дюймов фирмы «Виккерс» из Японии [18, л. 95], имелись также 24 11-дюймовые гаубицы фирмы «Шнайдер», в то же время гаубиц Обуховского завода было только 30 305 мм шт. [18, л. 95].

Германия, скажем для сравнения, имела на всех фронтах 8 700 тяжелых орудий по состоянию на 1 ноября 1916 г. [34, с. 443], во время заключения Брестского мира Германия имела на Западном фронте более 6000 тяжелых орудий [34, с. 523]. Соответственно, поставки иностранных тяжелых орудий в Россию при Временном правительстве и незадолго до Февральской революции оказались достаточно масштабными, но, как сказано в одной русской поговорке, «ложка хороша к обеду».

Поставки пулеметов для России возросли в конце Первой мировой войны (табл. 2), главным экспортером были США.

Таблица 2

Производство и импорт пулеметов, шт. (составлено по: [1, с. 258–266])

Было в частях и запасах на начало войны (начало августа 1914 г.)	4157
Произведено в 1914–1917 гг.	27927
Импортировано в 1915–1917 гг.	42438

Отставание в производстве пулеметов генерал Н. Н. Головин объяснил недостатками в обработке деталей (проблема предельной точности) [7, с. 295].

Пулеметы были широко представлены на СФ в начале октября 1915 г.: в 5-й армии имелось 217 шт. российского выпуска и 28 трофейных [24, л. 37], в 12-й армии было 210 отечественных пулеметов и 13 иностранных (4 из них австрийских трофейных) [24, л. 37].

К концу декабря 1916 г. обеспеченность пулеметами СФ изменилась, но основным был пулемет максим отечественного производства, из 4000 пулеметов фронта 2502 шт. – максимы, 85 – переделанные под русский патрон трофейные модели, 372 – пулеметы типа кольт, 158 – ружья-пулеметы Мадсена [24, л. 95].

По состоянию на середину мая 1917 г. положение с обеспечением действующей армии пулеметами оценивалось высшим командованием как неудовлетворительное. В войсках было в наличии 13 268 пулеметов системы «Максим» и 3088 – системы «Кольт» при потребности 20 086 шт. и 7 730 шт. пулеметов этих типов соответственно. Помимо максимов и кольтов, в частях действующей армии было также 589 пулеметов других марок. При этом на вооружении оставалось много трофейных единиц: 643 шт., переделанных под трехлинейный патрон, 1204 шт. австрийских, 55 шт. германских.

Действующая армия на фронтах имела на вооружении 18 857 пулеметов [18, л. 9]. В конце 1916 г. тяжелые пулеметы уже не входили в «пакет» иностранных закупок вооружений. Русскому правительственному комитету в Лондоне было поручено сделать заказы на 85 137 ружей-пулеметов, а также 1332 авиационных пулемета [6, с. 5]. Связано это было с подготовкой большого наступления весной 1917 г., когда ставка делалась на подвижные ударные подразделения (они получили наименование «ударники») и авиационные соединения. Иными словами, для выполнения оборонительных задач тяжелых пулеметов сухопутным силам армии России хватало.

План широкомасштабного довооружения армии появился до 1 сентября 1916 г. и формировался еще в период Брусиловского прорыва. В рамках этого плана правительство намеревалось закупать за границей только тяжелые орудия, особенно тяжелых гаубиц 20 см, 8 дюймов, 11 дюймов, 12 дюймов, собственная промышленность могла обеспечить не более 23 % от их потребности [5, с. 120].

Заключение. Первая мировая война имела непредсказуемый ход, все стороны ошибались в расчетах по снабжению войск, включая обеспечение сухопутными вооружениями. Кризис 1915 г., судя по снабжению Юго-Западного фронта, значительно повлиял на решения по поводу наращивания закупок иностранных сухопутных вооружений.

Влияние политики на процесс поставок в Россию вооружений из государств – союзников по Антанте, как мы думаем, было до и после Февральской революции. Но, поскольку этот вопрос выходит за рамки предмета нашего исследования, мы здесь можем предложить только гипотетические выводы: альянс Антанта включал в себя разные политические режимы с различными внешнеполитическими целями, между этими режимами, разумеется, имели место противоречия, если хотя бы вспомнить «Большую игру»; более сговорчивое с западными демократиями Временное правительство имело на своей стороне серьезные симпатии, нежели неохотно шедший на внешнеполитические компромиссы император Николай II. Тем не менее по тяжелой артиллерии и пулеметам иностранные поставки имели для России очень большое значение, если принимать во внимание ограниченные возможности Обуховского артиллерийского завода.

Тот факт, что ГАУ значительно изменило планы закупок сухопутных вооружений у союзников в конце 1916 г., указывает на резкое изменение планов Ставки на предмет кампании 1917 г. в пользу не имевшего аналогов ранее наступления, которое должно было начаться, судя по всему, не ранее мая 1917 г. Но при этом приоритет в обеспечении армии сухопутными вооружениями для такого наступления отдавался иностранным поставкам, несмотря на явные риски из сфер политики и логистики.

Список литературы

1. Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). Т. 2. М. : Воениздат МВ СССР, 1949. 344 с.
2. Бокарев Ю. П. Мобилизационная экономика в России и Германии в годы Первой мировой войны. Опыт компаративного исследования // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века : сб. материалов Всерос. науч. конф. Челябинск, 28–29 ноября 2009 г. / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. Челябинск : Энциклопедия, 2009. С. 9–22.

3. *Виноградов П. В.* Морские перевозки и их роль в снабжении русской армии стратегическими материалами в годы Первой мировой войны // Известия Российского государственного университета им. А. И. Герцена. 2008. № 60. С. 74–80.
4. *Виноградов П. В.* Российско-американское военно-экономическое сотрудничество в годы Первой мировой войны // Россия и АТР. 2012. № 2. С. 103–110.
5. Главное артиллерийское управление. Доклад начальника Главного артиллерийского управления военному министру через генерала Фролова. 20 октября 1916 г. Петроград : Б. и., 1916. 167 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_735148%7CB5374A2C-1B51-493A-A313-6A225B054D96/ (дата обращения: 01.08.2025 г.).
6. Главное артиллерийское управление. Ведомость предметов артиллерийского снабжения, подлежащих заказу за границей. Петроград : Б. и., 1917. 9 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_193176%7C0A23614C-408B-41ED-8BDC-C87F4D02B813/ (дата обращения: 01.08.2025 г.).
7. *Головин Н. Н.* Военные усилия России в Мировой войне. М. : Кучково Поле, 2001. 439 с.
8. *Залюбовский А. П.* Снабжение русской армии в Великую войну винтовками, пулеметами, револьверами и патронами к ним. Белград : Издание Центрального правления Общества Русских офицеров-артиллеристов за рубежом, 1936. 127 с.
9. Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / ред. П. Н. Кулешов. Кн. 1. М. ; Тула : Главное ракетно-артиллерийское управление, 1977. 518 с.
10. *Назаренко К. Б.* Ответы на десять вопросов по истории Февральской революции // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. 2017. Т. 5. С. 60–66.
11. Порох, золото и сталь. Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны : монография / ред. А. Ю. Павлов. СПб. : Изд-во РХГА, 2017. 532 с.
12. *Попов Г. Г., Барабаш О. Б., Булгарова Б. А. и др.* Начальный этап Горлицкой операции (1915 г.). Причинно-следственные связи поражения Русской армии // Былые годы. 2024. № 19 (1). С. 454–464.
13. *Поликарпов В. В.* Русская военно-промышленная политика. 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы. М. : Центрполиграф, 2015. 383 с.
14. *Поткина И. В.* В преддверии катастрофы. Государство и экономика России в 1914–1917 годах. СПб. : Нестор-История, 2022. 380 с.
15. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 453.
16. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 529.
17. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 609.
18. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 727.
19. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 733.
20. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1017.
21. РГВИА. Ф. 2011. Оп. 1. Д. 3 (12).
22. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 214.
23. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 243.
24. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 392.
25. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 632.
26. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 452.
27. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 568.
28. РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 36.
29. РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 361.
30. РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 401.
31. История Первой мировой войны 1914–1918 гг. / ред. И. И. Ростунов. Т. 2. М. : Наука, 1975. 606 с.
32. Русская тяжелая артиллерия Первой мировой // Военно-исторический журнал. Интернет-Приложение. 2020. 07 апр. URL: history.milportal.ru/russkaya-tyazhelaya-artilleriya-pervoj-mirovoj/ (дата обращения 13.12.2024).
33. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции / ред. А. Л. Сидоров. Ч. 2. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. 656 с.
34. *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М. : Наука, 1973. 656 с.
35. *Синиченко В. В.* К вопросу о поставках в Россию вооружения и снаряжения из-за границы в 1914–1916 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17, № 1. С. 214–225.
36. *Строков А. А.* Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М. : Воениздат, 1974. 616 с.
37. *Шапкин И. Н.* Опыт перестройки российского народного хозяйства и управления в годы Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 1. С. 7–24.
38. *Шигалин Г. И.* Военная экономика в Первую мировую войну. М. : Военное издательство Министерства обороны Союза ССР. 1956. 332 с.
39. *Hughes J.* The Monstrous Anger of the Guns. The development of British artillery tactics. 1914–1918 : Thesis submitted for the Degree of Doctor of Philosophy. History Department. University of Adelaide, 1992. 341 p.

Import of some important land weapons by Russia in the First World War

Popov Gregory Germanovich¹, Safaralieva Dilara Gadzhimetovna²

¹PhD in Economic Sciences, associate professor, Moscow Institute of Modern Academic Education.
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-3060-5030. E-mail: GGPopov2009@mail.ru

²PhD in Economic Sciences, Deputy Director, Moscow House of Nationalities. Russia, Moscow.
E-mail: dilyarags@mdn.ru

Abstract. The article examines the military-economic cooperation between Russia and its allies in the Entente during the First World War from the perspective of the supply of the most important land weapons. The authors rely on archival materials. The authors believe that arms supplies from Allies had got significant importance in the supply system of the Russian Armed Forces since the last quarter of 1916, and Russia's arms imports themselves were provoked by a series of micro crises on fronts. The authors show that Russia's arms imports had little effect on the growth of the Russian army's firepower by the end of 1917. The authors show that the supply of foreign weapons turned out to be too late to change the situation on the Eastern Front in favor of Russia. At the same time, the emphasis in the programs for the supply of land weapons to Russia in 1916–1917 was on heavy guns. The authors show that Russia was ready to abandon the import of heavy machine guns at the turn of 1916–1917, since the production of this type of weapon was established at a sufficient level within the state. In late 1916 and early 1917, the issue of providing rifles remained relevant for the Russian army, the supply of which from the Allies was insufficient, when the United States fulfilled its obligations on a very small scale by February 1917.

Keywords: World War I, Entente, military technologies, weapons of the Russian army in the First World War, import of weapons by Russia in the First World War, East Front of World War I.

References

1. Barsukov E. Z. *Artilleriia russkoi armii (1900–1917 gg.)* [Russian Army Artillery (1900–1917)]. Vol. 2. M., Voenizdat MV SSSR, 1949. 344 p.
2. Bokarev Yu. P. *Mobilizatsionnaiy ekonomika v Rossii i Germanii v gody pervoi mirovoy voiny. Opyt komparativnogo issledovaniia* [The mobilization economy in Russia and Germany during the First World War. Comparative research experience] // *Mobilizatsionnaia model' ekonomiki: istoricheskii opyt Rossii XX veka, sbornik materialov Vserossiiskoy nauchnoy konferentsii, Cheliabinsk, 28–29 noiabria 2009* – Mobilization model of the economy: historical experience of Russia in the 20th century: collection of materials of the All-Russian scientific conference. Chelyabinsk, November 28–29, 2009 / by ed. G. A. Goncharova, S. A. Bakanova. Chelyabinsk, Encyclopedia, 2009. Pp. 9–22.
3. Vinogradov P. V. *Morskiiye perevozki i ikh rol' v snabzhenii russkoy armii strategicheskimi materialami v gody Pervoy mirovoy voiny* [Maritime transportation and their role in supplying the Russian army with strategic materials during the First World War] // *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta im A. I. Gertsena* – Proceedings of the Russian State University n. a. A. I. Herzen. 2008. No. 60. Pp. 74–80.
4. Vinogradov P. V. *Rossiisko-amerikanskoe voenno-ekonomicheskoe sotrudnichestvo v gody Pervoy mirovoy voiny* [Russian-American military-economic cooperation during the First World War] // *Rossiiia i ATR* – Russia and the Asia-Pacific Region. 2012. No. 2. Pp. 103–110.
5. *Glavnoe artillerijskoe upravlenie. Doklad nachal'nika Glavnogo artillerijskogo upravleniya voennomu ministru cherez generala Frolova. 20 oktyabrya 1916 g.* [The Main Artillery Directorate. Report of the Chief of the Main Artillery Directorate to the Minister of War through General Frolov. October 20, 1916]. Petrograd, 1916. 167 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_735148%7CB5374A2C-1B51-493A-A313-6A225B054D96/ (date accessed: 08.01.2025).
6. *Glavnoe artillerijskoe upravlenie. Vedomost' predmetov artillerijskogo snabzheniya, podlezhashchikh zakazu zagranicej* [The Main Artillery Directorate. A list of artillery supplies to be ordered abroad]. Petrograd, B. I., 1917. 9 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_193176%7C0A23614C-408B-41ED-8BDC-C87F4D02B813/ (date accessed: 08.01.2025).
7. Golovin N. N. *Voennye usiliia Rossii v Mirovoy voine* [Russia's military efforts in World War II]. M., Kuchkovo Pole, 2001. 439 p.
8. Zaliubovskiy A. P. *Snabzhenie russkoi armii v Velikuiu voinu vintovkami, pulemetami, revol'verami i patronami k nim* [Supplying the Russian army with rifles, machine guns, revolvers and ammunition during the Great War]. Beograd, Publishing house of the Central Board of the Society of Russian Artillery Officers Abroad, 1936. 127 p.
9. *Artillerijskoe snabzhenie v Velikoy Otechestvennoy vojne 1941–1945* [Artillery supply in the Great Patriotic War of 1941–1945] / by ed. P. N. Kuleshov. Book 1. M., Tula, Main Missile and Artillery Directorate, 1977. 518 p.
10. Nazarenko K. B. *Otveti na desyat' voprosov po istorii Fevral'skoj revolyucii* [Answers to ten questions on the history of the February Revolution] // *Problemy' istorii i istoriografii. Rossiya v e'pokhu revolyucij i reform* – Russia in the era of revolutions and reforms. Problems of history and historiography. 2017. Vol. 5. Pp. 60–66.

11. *Porokh, zoloto i stal', Voenno-texnicheskoe sotrudnichestvo v gody' Pervojmirovoy vojny' : monografiya* [Gunpowder, gold and steel. Military-technical cooperation during the First World War : monograph] / by ed. A. Yu. Pavlov. SPb., Publishing house of the Russian State Academy of Arts, 2017. 532 p.
12. *Popov G. G., Barabash O. B., Bulgarova B. A. et al. Nachal'nyj e'tap Gorliczkoy operacii (1915). Prichinno-sledstvenny'e svyazi porazheniya Russkoy armii* [The Initial Stage of the Gorlitskaya Operation (1915). Causal Relationships] // *By'ly'e gody' – Bygone years*. 2024. No. 19 (1). Pp. 454–464.
13. *Polikarpov V. V. Russkaya voenno-promyshlennay apolitika 1914–1917. Gosudarstvennye zadachi i chastnye interesy* [Russian military-industrial policy 1914–1917. Government tasks and private interests]. M., Tsentrpoligraf, 2015. 281 p.
14. *Potkina I. V. V preddverii katastrofy. Gosudarstvo i ekonomika Rossii v 1914–1917 godakh* [On the eve of the disaster. The Russian State and Economy in 1914–1917]. SPb., Nestor-Istoriia, 2022. 380 p.
15. RSMHA (Russian State Military Historical Archive). F. 2003. Op. 1. D. 453.
16. RSMHA. F. 2003. Op. 1. D. 529.
17. RSMHA. F. 2003. Op. 1. D. 609.
18. RSMHA. F. 2003. Op. 1 D. 727.
19. RSMHA. F. 2003. Op. 2. D. 733.
20. RSMHA. F. 2003. Op. 2. D. 1017.
21. RSMHA. F. 2011. Op. 1. D. 3.
22. RSMHA. F. 2031. Op. 1. D. 214.
23. RSMHA. F. 2031. Op. 2. D. 243.
24. RSMHA. F. 2031. Op. 2. D. 392.
25. RSMHA. F. 2031. Op. 2. D. 632.
26. RSMHA. F. 2067. Op. 1. D. 452.
27. RSMHA. F. 2067. Op. 1. D. 568.
28. RSMHA. F. 2144. Op. 1. D. 36.
29. RSMHA. F. 2144. Op. 1. D. 361.
30. RSMHA. F. 2144. Op. 1. D. 401.
31. *Istoriya Pervoy mirovoy vojny' 1914–1918* [History of the First World War 1914–1918] / by ed. I. I. Rostunov. Vol. 2. M., Nauka (Sciences), 1975. 606 p.
32. *Russkaya tyazhelaya artilleriya Pervoj mirovoj* [Russian heavy artillery of the First World War] // *Voenno-istoricheskij zhurnal. Internet-Prilozhenie. 07.04.2020* – Military historical journal. An Online Application. 04/07/2020. Available at: history.milportal.ru/russkaya-tyazhelaya-artilleriya-pervoj-mirovoj.
33. *Ekonomicheskoe polozhenie Rossii na kanune Velikoy Oktyabr'skoy socialisticheskoy revolyucii* [The economic situation of Russia on eve of the Great October Social Revolution] / by ed. A. L. Sidorov. Ch. 2. M., L., Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1957. 656 p.
34. *Sidorov A. L. Ekonomicheskoe polozhenie Rossii v gody' Pervoy mirovoy vojny'* [The economic situation of Russia during the First world war]. M., Nauka (Sciences), 1973. 656 p.
35. *Sinichenko V. V. K voprosu o postavkakh v Rossiю vooruzheniia i snariazheniia iz-za granitsy v 1914–1916* [On the issue of arms and equipment supplies to Russia from abroad in 1914–1916] // *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologiy – Izvestiya Laboratory of Ancient Technologies*. 2021. Vol. 17. No. 1. Pp. 214–225.
36. *Strokov A. A. Vooruzhenny'e sily' i voennoe iskusstvo v pervojmirovoy vojne* [The Armed forces and the art of war in the First World War]. M., Voenizdat, 1974. 616 p.
37. *Shapkin I. N. Opyt perestroiky rossiiskogo narodnogo khoziaistva i upravleniia v gody Pervoy mirovoy voiny* [The Experience of Restructuring the Russian National Economy and Management during the First World War] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia* – Herald of Saint Petersburg University. History. 2023. Vol. 68. Is. 1. Pp. 7–24.
38. *Shigalin G. I. Voennaya ekonomika v Pervuyu mirovuyu vojnu* [The military economy in the First World War]. M., Military Publiding house of War ministry of USSR. 1956. 332 p.
39. *Hughes J. The Monstrous Anger of the Guns. The development of British artillery tactics. 1914–1918* : Thesis submitted for the Degree of Doctor of Philosophy. History Department. University of Adelaide, 1992. 341 p.

Поступила в редакцию: 27.08.2025

Принята к публикации: 14.01.2026

EDN: FIVJWK

УДК 94(571.1)

Уровень жизни в период «Белой Сибири» в малых уездных городах (на примере города Мариинска)

Сухачев Егор Владимирович

аспирант по специальности «Отечественная история», Федеральный исследовательский центр угля
и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук. Россия, г. Кемерово.

E-mail: suha4evegor@yandex.ru

Аннотация. В представленной научной статье освещается вопрос уровня жизни горожан в малых уездных городах Западной Сибири. Актуальность исследования во многом обусловлена преобладанием изучения уровня жизни и влияющих на него факторов в крупных городах Западной Сибири. Цель исследования заключается в рассмотрении факторов, повлиявших на жизнь горожан в малых уездных городах, через призму материалов периодической печати и архивных источников. Для рассмотрения изменений уровня жизни используется показатель прожиточного минимума. В статье автор также рассматривает соотношение официального прожиточного минимума (сведения о нем публиковались на страницах периодической печати) и реального, расчеты которого проводились. В состав прожиточного минимума входила стоимость продуктов питания на местном рынке, а также другие расходы (стоимость квартиры, стирка белья, культурные развлечения, затраты на одежду и т. д.). Автор данной статьи приходит к выводу, что топливный, продовольственный кризисы привели к ухудшению уровня жизни горожан и, как следствие, к увеличению реальных затрат горожан на товары первой необходимости, несмотря на попытки правительства А. В. Колчака повысить жалование граждан различных специальностей. Тяжелая ситуация, связанная с понижением уровня жизни горожан г. Мариинска, сохранялась на протяжении всего исследуемого периода.

Ключевые слова: повседневная жизнь, прожиточный минимум, Белая Сибирь, г. Мариинск.

Один из ключевых показателей жизни человека в период кризисных явлений в обществе – уровень жизни. Изучение данного вопроса в современной отечественной исторической науке достаточно новое направление. Гражданская война привела к изменениям во всех сферах общественной жизни: беженство, нарушение поставок продовольствия, эпидемии, топливные кризисы – все эти факторы в значительной мере оказали влияние на повседневную жизнь городского обывателя. Изучение данного вопроса применительно к крупным городам Западной Сибири (Томск, Новониколаевск, Омск) в значительной мере представлено работами В. Г. Кокоулина «Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.)» [18], «Томск в годы революции и гражданской войны (февраль 1917 – декабрь 1919 г.)» [19], «Новониколаевск в годы революции, Гражданской войны и “военного коммунизма”» (февраль 1917 – март 1921 г.)» [20], где автор рассматривает различные аспекты повседневной жизни людей, в том числе затрагивает вопрос продовольственного и топливного кризисов.

Рассмотрение вопросов повседневной жизни Омска представлено в монографии С. Г. Сизова «Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 г.)» [31], где автор рассматривает различные аспекты жизни людей, в том числе первопричины возникновения топливного, продовольственного кризисов и взаимосвязь с другими причинами, повлиявшими на жизнь горожан. Отдельные статьи, посвященные элементам уровня жизни городского обывателя Омска, представлены в работах «Прожиточный минимум в Белом Омске в 1918–1919 годах» [32], «Цены и зарплаты в Омске в 1918–1919 годах: к вопросу об уровне жизни служащих в столице Белой России» [33].

Отдельные аспекты изучения уровня жизни в данный период времени, в частности рассмотрение вопроса, связанного с обеспечением городов продовольственными товарами, освещены в исследованиях В. М. Рынкова «Государственные продовольственные заготовки в Сибири в 1914–1919 гг.» [25], «Продовольственный рынок Сибири во второй половине 1918–1919 гг.: пространственные и отраслевые модели» [27]. Изучение вопросов, связанных с соотношением размеров прожиточного минимума и уровнем жалований, представлено в работах «Оплата труда государственных служащих в Сибири в антибольшевистский период» [28], «Прожиточный минимум городского населения на востоке России в годы Гражданской войны» [29], «Власть, деньги и люди: сибирский обыватель в тисках финансового кризиса (1918–1920 гг.)» [30].

Тем не менее рассмотрение вопросов, связанных с уровнем жизни в малых уездных городах, ограничивалось лишь фиксацией тяжелого положения горожан, что, в свою очередь, показывает актуальность изучаемой темы для исследователей. Установление ключевых факторов, способствующих изменению уровня жизни в малых уездных городах, а также их положительное или отрицательное воздействие на уровень жизни горожан через призму прожиточного минимума будет являться целью данной статьи. В качестве объекта исследования мы возьмем малый уездный город Томской губернии, расположенный на Транссибирской магистрали, – Мариинск, где основная численность городского населения не превышала 30 000 человек.

В проводимом исследовании были использованы традиционные методы научного исследования, а также подходы в рамках методологической базы. В качестве основы применен локальный подход, позволяющий сузить территориальные рамки исследования одним городом. Ключевыми научными принципами исследования стали принципы объективности и историзма. Объективность, в свою очередь, предполагает достоверное изучение различных видов источников. Историзм как один из ключевых принципов позволяет рассмотреть различные явления и события с учетом временных реалий, в которых они произошли. Помимо упомянутых методов, в работе применяется также междисциплинарный подход, который позволяет применять методы из смежных социальных и гуманитарных дисциплин. Основная источниковая база нашего исследования будет основываться на материалах периодической печати, издававшихся в Мариинске (газета «Звено», журнал «Народные мысли»), а также газетах и журналах, выходивших в Томске и Омске. Другим источником, использованным в нашей работе, станут архивные материалы фондов Государственного архива Томской области (далее – ГАТО), а также материалы фондов Государственного архива Российской Федерации (далее – ГА РФ); кроме того, в работе мы будем анализировать сведения из протоколов Мариинского уездного земского собрания.

Еще со времен Первой мировой войны многие города Западной Сибири начали сталкиваться с различными кризисными явлениями, такими как топливные и продовольственные кризисы. В период Гражданской войны данные явления в значительной мере усилились. Одним из ключевых факторов, приводивших к провоцированию топливного и продовольственного кризисов в городе, стала неспособность властей города обеспечить его всем необходимым ввиду финансового кризиса в городской казне, начавшегося с первых дней установления власти белых в июне 1918 г.: «...Кризис этот – отсутствие денежных средств в городских управах на самые неотложные расходы...» [9, с. 4]. Нередко для обеспечения города власти прибегали к помощи местных кооперативов, совместно ведя заготовку продуктов питания или топлива. Однако отсутствие денег у кооперативов также отражалось на их работе. В частности, кооперативом «Дровотоп» из-за отсутствия финансирования не была произведена заготовка дров для города [11, с. 4], что привело к росту дефицита данного товара и повышению цен на него. В декабре 1918 г. из-за отсутствия дров были закрыты низшие городские школы.

Помимо возникшего топливного кризиса в городе, на повседневную жизнь обывателя повлиял рост цен на ряд продовольственных товаров. В данный период времени наблюдается значительное повышение цен на муку и хлеб, вызванное неурожаем в уезде. В частности, стоимость ржаной муки в июне 1918 г. составляла 12 рублей 10 копеек, за пуд, к декабрю ее стоимость выросла в два раза и стала составлять уже 22 рубля. Выдаваемая в городских продовольственных лавках мука была низкого качества: «...мука выдается самого низшего сорта в сравнении с предыдущими выдачами...» [14, с. 4].

Приведенные выше факторы стали ключевыми, в значительной мере повлиявшими на уровень жизни обывателя Мариинска. Теперь стоит обратить внимание на другой медиатор, характеризующий уровень жизни, – прожиточный минимум. Для начала необходимо дать расшифровку данного понятия. Согласно определению, приводимому С. Г. Сизовым [32, с. 1], это уровень дохода, необходимый для удовлетворения своих базовых потребностей.

В указанный период времени официальные данные о размере прожиточного минимума для Мариинска, предоставляемые губернскими органами власти, начинают появляться только во второй половине 1919 г. – именно в тот период времени, когда в значительной мере наблюдается повышение стоимости продуктов первой необходимости. Аналогичные расчеты также наблюдаются по отношению к прожиточному минимуму для городов Тайги, Кузнецка и Бийска. В октябре 1919 г. размер прожиточного минимума в Мариинске составлял 650 рублей 73 копейки [7, л. 213]. В ноябре 1919 г. данный показатель увеличился до 931 рубля 7 копеек [7, л. 179]. Состав товаров первой необходимости на одного человека, рассчитанный различными правительственными учреждениями Томска, Омска, был приблизительно одинаковым.

Тем не менее затраты на предметы и товары первой необходимости для жителей Мариинска были рассчитаны и опубликованы сотрудниками Мариинского союза кооперативов в материалах журнала «Народные мысли» на основе расчетов Томска и Омска [20, с. 32].

В состав предметов первой необходимости входили следующие продукты: «Мясо – 15 фунтов, рыба свежая – 1 фунт, рыба соленая – 1 фунт, колбаса – $\frac{3}{4}$ фунта, сало свиное – 1 фунт, масло топленое – 3 фунта, молоко – 3 четверти, яйца – 10 штук, картофель – 15 фунтов, капуста – 5 фунтов, морковь – 5 фунтов, лук – 5 фунтов, перец – 5 фунтов, лавровый лист – 5 фунтов, крупа разная – 6 фунтов, горох – 1 фунт, рис – 1 фунт, мука ржаная – 30 фунтов, мука пшеничная – 20 фунтов, соль – 1 фунт, чай – $\frac{1}{4}$ фунта, сахар 1 $\frac{1}{2}$ фунта» [20, с. 32].

Если к данной сумме добавить затраты на стирку белья, одежду, оплату за жилье и т. д., то мы получим реальный размер минимального прожиточного минимума. В данные расчеты также необходимо включить данные о семье. Затраты на жену составляли 50 % от общего потребления взрослого работника, на ребенка – 25 %. Для определения и дальнейшего расчета сведений о прожиточном минимуме мы должны привести сведения о ценах на местном рынке как основном месте приобретения товаров жителями Мариинска. В июне 1918 г. стоимость ржаной муки составляла 12 рублей 10 копеек за пуд (30 копеек за фунт). В дальнейшем ее стоимость увеличивалась, и в декабре 1918 г. ее цена составляла уже 22 рубля (55 копеек за фунт). В октябре 1919 г. на рынке за пуд ржаной муки предлагали 66 рублей (1 рубль 65 копеек за фунт) [5, л. 26об.–28]. Аналогичное увеличение цены наблюдалось и на молочные продукты. Если стоимость топленого масла в ноябре 1918 г. составляла 160 рублей за пуд (4 рубля за фунт), то к ноябрю 1919 г. его стоимость возросла и стала составлять 720 рублей за пуд (18 рублей за фунт) [5, л. 35об.–36]. Цена за кринку молока в период с августа 1918 г. до октября 1919 г. увеличилась в 10 раз [38, с. 4]. Резкий рост цен в несколько раз также наблюдался на другие продовольственные товары: картофель, мясо, капусту, соль, сахар [3, с. 4; 14, с. 4; 24, с. 40]. В архивных источниках и материалах периодической печати нередко встречаются сведения о товарах с формулировкой «не имеется на рынке», что говорит о дефиците или малочисленности товара.

Теперь же мы обратимся к данным о размере получаемого жалования жителями Мариинска и его соотношении с ценами на рынке (см. таблицу 1) [11, с. 3; 12, с. 4; 13, с. 4; 34, с. 3; 35, с. 4; 36, с. 3; 37, с. 4; 38, с. 3; 39, с. 4; 40, с. 1; 41, с. 4; 2, с. 3; 6, л. 14; 7, л. 30об.; 8, л. 261; 22, с. 71; 23, с. 72].

Таблица 1

Размер жалований в г. Мариинске в 1918–1919 гг.

Наименование специальности	Размер жалования	
	1918 г.	1919 г.
Заведующий училищем (мужским высшим начальным училищем)	3000 рублей/250 рублей	6000 рублей/ 500 рублей
Учитель общеобразовательных предметов (мужского высшего начального училища)	2400 рублей/200 рублей	4500 рублей/ 375 рублей
Секретарь городской думы	40 рублей	–
Младшие пожарной команды	150 рублей	150 рублей
Старший пожарной команды	175 рублей	175 рублей
Милиционеры пешие	250 рублей	275 рублей
Участковый начальник милиции	350 рублей	450 рублей
Врач при Мариинской уездной больнице	250 рублей + 150 квартирные	–
Начальник городской и уездной милиции	450 рублей	750 рублей
Секретарь Мариинского союза кооперативов	400 рублей + 75 рублей на дороговизну	950 рублей
Городской техник	500 рублей	650 рублей
Бухгалтер Мариинского союза кооперативов	450 рублей + 75 рублей на дороговизну	–

За исследуемый промежуток времени мы можем наблюдать увеличение размера жалования в связи с принятием того или иного закона со стороны правительства Колчака с целью его перерасчета, как это произошло с преподавателями учебных заведений и сотрудниками правопорядка. Стоит отметить, что решение о повышении размера жалований в связи с возросшей стоимостью продуктов питания предпринимали том числе местные органы власти и кооперативы для своих сотрудников. Размер жалования у секретаря Мариинского союза кооперативов увеличился в два раза.

Стоит отметить ситуацию, связанную с беженцами, прибывающими в город. Представители той или иной специальности были прикреплены к различным учреждениям города и получали жалование, утвержденное правительством. Один из прибывших в 1919 г. беженцев милиционер Акакий Степашкин из эвакуированного Кустаная был прикреплен к Мариинской городской милиции в должности пешего милиционера [8, л. 96–96об.]. Несмотря на повышение жалования для некоторых специальностей, размер прежнего не менялся на протяжении всего исследуемого периода, в частности у представителей пожарной команды города.

Сравнивая размер прожиточного минимума, приводимый в официальной статистике, стоит обратить внимание на то, что многие жители города не могли себе позволить минимальный набор продуктов, указываемый при расчете прожиточного минимума, что, в свою очередь, нередко приводило к прошению о прибавке «на дороговизну» жителями города у городской управы. На заседании Мариинской городской управы от 8 мая 1919 г. рассматривался вопрос о просьбе служителя Мариинского приемного покоя (Мариинская городская больница) Дмитриева об увеличении ему размера жалования на 80 рублей вместо прежних 70. Было принято решение увеличить ему жалование с возложением на него дезинфекционных обязанностей [10, л. 17об.].

Приведенные официальные сведения о прожиточном минимуме в городе в октябре и ноябре 1919 г. позволяют сформировать общее представление о дороговизне; теперь же мы попробуем произвести приблизительные расчеты для определения реального прожиточного минимума для других месяцев с учетом тех данных, которые у нас имеются. Говоря о мойке одежды, найме квартиры, отоплении, покупке одежды, мы будем оперировать данными, приведенными сотрудниками Мариинского союза кооперативов в октябре 1919 г. В качестве сравнения данных мы используем равный промежуток времени для определения разницы прожиточного минимума для жителей Мариинска. В ноябре 1918 г. потребление на одного человека выглядело следующим образом: мясо (15 фунтов) – $1,9$ (за фунт) $\cdot 15 = 28,5$ рубля; рыба свежая (1 фунт) = 3,5 рубля; сало свиное (1 фунт) = 3 рубля; масло топленое (3 фунта) – $3 \cdot 4 = 12$ рублей; молоко (3 четверти) – (считая, что в одной четверти 2 кринки) – $2 \cdot 6 = 12$ рублей; яйца (десяток) – 3,5 рубля; картофель (15 фунтов) – 2 (за фунт) $\cdot 15 = 30$ рублей; Капуста (5 фунтов) – $5 \cdot 1,5$ (за фунт) = 7,5 рубля; морковь (5 фунтов) – $5 \cdot 2 = 10$ рублей; лук (5 фунтов) – $5 \cdot 10 = 50$ рублей; ржаная мука (30 фунтов) – $30 \cdot 0,55 = 16,5$ рубля; пшеничная мука (20 фунтов) – $20 \cdot 0,7 = 14$ рублей. Всего же на ежемесячное продовольственное довольствие человеку необходимо было затрачивать приблизительно 220 рублей 50 копеек. Затраты на квартиру исчислялись в сумме 555 рублей + 60 рублей мойка белья + 45 рублей на культурные развлечения. Приблизительные затраты на одного человека с учетом продовольственных и непродовольственных затрат составляли: 220,5 рубля + 60 рублей + 45 рублей = 325,5 рубля на одного человека. С учетом стоимости квартиры общие расходы на одного человека составляли 880 рублей 50 копеек плюс 50 % на жену и плюс 25 % на ребенка. Размер прожиточного минимума на одну семью выглядит следующим образом: 325,5 рубля + 163 рубля (50 % на жену) + 81,3 рубля (25 % на ребенка) = 569,8 рубля (без учета затрат на квартиру) + 555 рублей = 1124 рубля 8 копеек. Расчет прожиточного минимума на одного человека в ноябре 1918 года уже не соответствовал официальным данным о прожиточном минимуме в октябре и ноябре 1919 г., т. е. он был значительно больше. Часть жителей города уже в ноябре 1918 г. не могла себе позволить те или иные продукты питания, что, в свою очередь, вероятнее всего, приводило к поиску дополнительной работы или к кражам.

Следующий месяц, который мы рассмотрим, это июнь 1919 г. Данные о стоимости продуктов питания приводятся в журнале «Народные мысли» в выпуске за октябрь 1919 г. В июне 1919 г. размер реального прожиточного минимума на одного работника составлял 240,35 рубля на продукты питания + 60 рублей (мойка белья) + 45 рублей (культурные развлечения) = 345,35 рубля на одного человека (без учета квартиры) (900 рублей 35 копеек с учетом квартиры) + 176 рублей 60 копеек (+ 50 % на жену) + 86 рублей (+25 % на ребенка) = 607 рублей 35 копеек (без учета квартиры) + 555 рублей (затраты на квартиру) = 1162 рубля 35 копеек (ежемесячные затраты на семью с одним ребенком). Реальный прожиточный минимум продолжал оставаться высоким по сравнению с ноябрем 1918 г., рост произошел на 38 рублей.

Расчеты для октября и сентября 1919 г. производились сотрудниками Мариинского союза кооперативов. На продукты питания в месяц уходит 369 рублей 50 копеек, на предметы первой необходимости (одежда) – 389 рублей, мойка белья – 60 рублей в месяц. Культурные потребности – 45 рублей. Всего же на одного человека приходилось 863 рубля 50 копеек (без учета квартиры) [21, с. 32] (с учетом стоимости квартиры 1418 рублей 50 копеек). С учетом семьи (жены и ребенка) прожиточный минимум составил 2066 рублей 12 ½ копеек [21, с. 32] в сентябре и октябре 1919 г.

Размер прожиточного минимума на одну семью в период с июня 1918 г. по октябрь 1919 г. возрос на 903 рубля 78 копеек, т. е. фактически в два раза. Тяжелую ситуацию с обеспечением продовольствием и нехваткой жалования на продукты первой необходимости отмечали в январе 1920 г. корреспонденты газеты «Известия Мариинского ревкома»: «Рост цен на продукты первой необходимости, бешено возраставший в последние два месяца, привел к тяжелому положению жизни трудящегося населения. Месячного заработка хватало лишь на 5–7 дней...» [18, с. 2].

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, хочется отметить, что тяжелая ситуация с уровнем жизни в крупных городах Западной Сибири также наблюдалась и в малых уездных городах. Во многом она была связана с финансовым кризисом городских властей и различных кооперативных организаций, неурожаем в уезде. Все эти факторы приводили к общему росту цен на местном рынке и, как следствие, повышению реального размера прожиточного минимума. Несмотря на увеличение жалований и их перерасчет, многие жители города фактически находились за чертой бедности. Указанные элементы в общей совокупности позволяют сделать вывод о том, что уровень жизни на всем протяжении периода «Белой Сибири» стремительно снижался, что, в свою очередь, ставило людей фактически на грань бедности.

Список литературы

1. Вестник Томской губернии. 1919. № 49.
2. Вестник Томской губернии. 1919. № 70.
3. ГАТО (Государственный архив Томской области). Р-312. Оп. 1. Д. 14.
4. ГАТО. Ф-3. Оп. 41. Д. 2202.
5. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 134.
6. ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 147.
7. ГАТО. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 245.
8. ГАТО. Р-1362. Оп. 1. Д. 502.
9. Государственный архив Российской Федерации. Р-141. Оп. 11. Д. 111.
10. Звено. 1918. № 9.
11. Звено. 1918. № 11.
12. Звено. 1918. № 12.
13. Звено. 1918. № 15.
14. Звено. 1918. № 29.
15. Звено. 1918. № 30.
16. Звено. 1919. № 12.
17. Известия Мариинского ревкома. 1920. № 4.
18. Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск : Офсет, 2013. 386 с.
19. Кокоулин В. Г. Томск в годы революции и гражданской войны (февраль 1917 – декабрь 1919 г.) / Общественная организация «Сибирь – наука: XXI век» ; Сиб. ин-т полит. истории. Новосибирск : [б. и.], 2012. 312 с.
20. Кокоулин В. Г. Новониколаевск в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1921 г.) / [ред. Г. В. Кокоулин] ; Общественная организация «Сибирь – наука: XXI век» ; Сибирский институт политической истории. Новосибирск : [б. и.], 2010. 324 с.
21. Народные мысли. 1919. № 17–18.
22. Протоколы Мариинского Уездного Земского Собрания. Чрезвычайная сессия 8–12 июля 1918 г. Приложение № 8.
23. Протоколы Мариинского Уездного Земского Собрания. Чрезвычайная сессия 8–12 июля 1918 г. Приложение № 11.
24. Правительственный вестник. 1918. № 6.
25. Правительственный вестник. 1919. № 162.
26. Рынков В. М. Государственные продовольственные заготовки в Сибири в 1914–1919 гг. // Налоги и заготовки в сибирской деревне, 1890–1920 гг. / Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт истории объединенного института истории, филологии и философии. Новосибирск : Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2004. С. 78–97.
27. Рынков В. М. Продовольственный рынок Сибири во второй половине 1918–1919 гг.: пространственные и отраслевые модели // Исторические вызовы и экономическое развитие России : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, Екатеринбург, 25–26 сентября 2019 года. Екатеринбург : АльфаПринт, 2019.
28. Рынков В. М. Оплата труда государственных служащих в Сибири в антибольшевистский период // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, № 1. С. 35–40.
29. Рынков В. М. Прожиточный минимум городского населения на востоке России в годы Гражданской войны // Социокультурные трансформации населения Сибири в XX веке : сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. Новосибирск : Сибирское научное издательство, 2011. С. 112–133.
30. Рынков В. М. Власть, деньги и люди: сибирский обыватель в тисках финансового кризиса (1918–1920 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 4 : сб. науч. ст. / науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск : Параллель, 2013. С. 140–172.

31. Сизов В. Г. Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 г.) : монография. Омск : СибАДИ, 2018. 240 с.

32. Сизов С. Г. Прожиточный минимум в Белом Омске в 1918–1919 годах // Емельяновские чтения : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 75-летию образования Курганской области, Курган, 20 апреля 2018 года / отв. ред. В. В. Менщиков. Курган : Курганский государственный университет, 2019. С. 96–97.

33. Сизов С. Г. Цены и зарплаты в Омске в 1918–1919 годах: к вопросу об уровне жизни служащих в столице Белой России // 1917 год в истории России и судьбах народов Поволжья : материалы Межрегион. науч.-практ. конф., Чебоксары, 13 октября 2017 года. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2018. С. 65–74.

34. Сибирская жизнь. 1918. № 38.

35. Сибирская жизнь. 1918. № 62.

36. Сибирская жизнь. 1918. № 66.

37. Сибирская жизнь. 1918. № 78.

38. Сибирская жизнь. 1918. № 86.

39. Сибирская жизнь. 1918. № 93.

40. Сибирская жизнь. 1919. № 101.

41. Сибирская жизнь. 1919. № 132.

Standard of Living in Small County Towns during the "White Siberia" Period (using Mariinsk as an example)

Sukhachev Egor Vladimirovich

postgraduate student in Russian History, Federal Research Center for Coal and Coal Chemistry,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Russia, Kemerovo. E-mail: suha4evegor@yandex.ru

Abstract. This research article examines the standard of living in small county towns in Western Siberia. The relevance of this study is largely due to the prevalence of studies on standard of living and the factors influencing it in large cities of Western Siberia. The purpose of this study is to examine factors influencing the lives of residents in small county towns through the lens of periodicals and archival sources. Furthermore, the subsistence minimum indicator is used to examine changes in standard of living. Its composition is also provided based on periodicals. In the article, the author also examines the ratio of the official subsistence minimum to the official subsistence minimum. Information published in periodicals and actual calculations were conducted based on the cost of food products available on the local market, as well as other expenses (rent, laundry, cultural entertainment, clothing, etc.) that were included in the subsistence minimum. The author of this article concludes that the influence of various factors, such as the fuel and food crisis, led to a deterioration in the standard of living of city residents and, as a result, an increase in real expenditures on essential goods. Increases in salaries for various professions by the government of A. V. Kolchak did not improve the situation. The dire situation associated with the declining standard of living of Mariinsk residents persisted until the fall of the White regime in December 1919.

Keywords: everyday life, subsistence minimum, White Siberia, Mariinsk.

References

1. *Vestnik Tomskoy Gubernii* [Tomsk Province Bulletin]. No. 49. 1919.
2. *Vestnik Tomskoy Gubernii* [Tomsk Province Bulletin]. No. 70. 1919.
3. SATO (State Archive of Tomsk Oblast). R-312. Inv. 1. File. 14.
4. SATO. F-3. Inv. 41. File. 2202.
5. SATO. F. R 1362. Inv. 1. File. 134.
6. SATO. F. R-1362. Inv. 1. File. 147.
7. SATO. F. R.1. Inv. 1. File. 245.
8. SATO. F. R-1362. Inv. 1. File. 502 .
9. State Archives of the Russian Federation. R. 141. Inv. 11. File. 111.
10. *Zveno* [Link]. No. 9. 1918.
11. *Zveno* [Link]. No. 11. 1918.
12. *Zveno* [Link]. No. 12. 1918.
13. *Zveno* [Link]. No. 15. 1918.
14. *Zveno* [Link]. No. 29. 1918.
14. *Zveno* [Link]. No. 30. 1918.
16. *Zveno* [Link]. No. 12. 1919.
17. *Izvestiya of the Mariinsky Revolutionary Committee* [News of the Mariinsky Revolutionary Committee]. No. 4. 1920.
18. *Kokoulin V. G. Povsednevnyaya zhizn' gorozhan Sibiri v voenno-revolucionnyye gody (iyul' 1914 – mart 1921 g.)* [Everyday Life of Siberian Citizens during the Military-Revolutionary Years (July 1914 – March 1921)]. Novosibirsk, Ofset, 2013. 386 p.

19. Kokoulin V. G. *Tomsk v gody revolyucii i grazhdanskoj vojny (fevral' 1917 – dekabr' 1919 g.)* [Tomsk during the Revolution and Civil War (February 1917 – December 1919)] / *Obshchestvennaya organizatsiya "Sibir" – nauka: XXI vek*; *Sib. in-t polit. istorii* – Public organization "Siberia – Science: XXI Century"; Sib. institute of polit. history. Novosibirsk, b. i., 2012. 312 p.
20. Kokoulin V. G. *Novonikolaevsk v gody revolyucii, Grazhdanskoj vojny i "voennogo kommunizma" (fevral' 1917 – mart 1921 g.)* [Novonikolaevsk during the Revolution, Civil War, and "War Communism" (February 1917 – March 1921)] / ed. by G. V. Kokoulin; *Obshchestvennaya organizatsiya "Sibir" – nauka: XXI vek*; *Sib. in-t polit. istorii* – Public organization "Siberia – Science: XXI Century"; Sib. institute of polit. history. Novosibirsk, b. i., 2010. 324 p.
21. *Narodnye Mysli* [People's Thoughts]. No. 17–18. 1919.
22. *Protokoly Mariinskogo Uezdnoho Zemskogo Sobraniya, Chrezvychajnaya sessiya 8–12 iyulya 1918 g.* [Minutes of the Mariinsky District Zemsky Assembly, Extraordinary Session, July 8–12, 1918], Appendix No. 8.
23. *Protokoly Mariinskogo Uezdnoho Zemskogo Sobraniya, Chrezvychajnaya sessiya 8–12 iyulya 1918 g.* [Minutes of the Mariinsky District Zemsky Assembly, Extraordinary Session, July 8–12, 1918], Appendix No. 11.
24. *Government Herald* [Government Gazette]. No. 6. 1918.
25. *Government Herald* [Government Gazette]. No. 162. 1919.
26. Rynkov V. M. *Gosudarstvennye prodovol'stvennye zagotovki v Sibiri v 1914–1919 gg.* [State food procurements in Siberia in 1914–1919] // *Nalogi i zagotovki v sibirskoj derevne, 1890–1920 gg.* – Taxes and procurements in the Siberian village, 1890–1920 / *Rossiyskaya akademiya nauk, Sibirskoe otdelenie, Institut istorii ob"edinennogo instituta istorii, filologii i filosofii* – Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Institute of History of the United Institute of History, Philology and Philosophy. Novosibirsk, Novosibirsk National Research State University, 2004. Pp. 78–97.
27. Rynkov V. M. *Prodovol'stvennyj rynek Sibiri vo vtoroj polovine 1918–1919 gg.: prostranstvennyye i otraslevyye modeli* [The Siberian Food Market in the Second Half of 1918–1919: Spatial and Sectoral Models] // *Istoricheskie vyzovy i ekonomicheskoe razvitiye Rossii: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem, Ekaterinburg, 25–26 sentyabrya 2019 goda* – Historical Challenges and Economic Development of Russia: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation, Yekaterinburg, September 25–26, 2019. Yekaterinburg, AlfaPrint, 2019.
28. Rynkov V. M. *Oplata truda gosudarstvennykh sluzhashchikh v Sibiri v antibol'shevistskij period* [Remuneration of Civil Servants in Siberia during the Anti-Bolshevik Period] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* – Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2007. Vol. 6, No. 1. Pp. 35–40.
29. Rynkov V. M. *Prozhitochnyj minimum gorodskogo naseleniya na vostoке Rossii v gody Grazhdanskoj vojny* [The Subsistence Minimum of the Urban Population in the East of Russia During the Civil War] // *Sociokul'turnye transformatsii naseleniya Sibiri v XX veke: sb. nauch. tr.* – Sociocultural Transformations of the Population of Siberia in the 20th Century: Collection of Scientific Papers / *Institut istorii SO RAN* – Institute of History SB RAS. Novosibirsk, Siberian Scientific Publishing House, 2011. Pp. 112–133.
30. Rynkov V. M. *Vlast', den'gi i lyudi: sibirskij obyvatel' v tiskakh finansovogo krizisa (1918–1920 gg.)* [Power, Money, and People: The Siberian Ordinary Man in the Grip of the Financial Crisis (1918–1920)] // *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke. Vyp. 4: sb. nauch. st.* – Power and Society in Siberia in the 20th Century. Is. 4. Collection of Scientific Articles / scient. ed. V. I. Shishkin. Novosibirsk, Parallel, 2013. Pp. 140–172.
31. Sizov V. G. *Belaya stolica Rossii: povsednevnyaya zhizn' Omska (iyun' 1918 – noyabr' 1919 g.)* : *monographia* [The White Capital of Russia: Everyday Life in Omsk (June 1918 – November 1919) : monograph] Omsk, SibADI. 2018. 240 p.
32. Sizov S. G. *Prozhitochnyj minimum v Belom Omske v 1918–1919 godakh* [The Living Wage in White Omsk in 1918–1919] // *Emel'yanovskie chteniya: materialy Vseros. nauch. konf., posvyashch. 75-letiyu obrazovaniya Kurganskoj oblasti, Kurgan, 20 aprelya 2018 goda* – Emel'yanovsky Readings: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 75th Anniversary of the Formation of the Kurgan Region, Kurgan, April 20, 2018 / resp. ed. V. V. Menshchikov. Kurgan, Kurgan State University, 2019. Pp. 96–97.
33. Sizov S. G. *Ceny i zarplaty v Omske v 1918–1919 godakh: k voprosu ob urovne zhizni sluzhashchikh v stolice Beloj Rossii* [Prices and wages in Omsk in 1918–1919: on the standard of living of employees in the capital of White Russia] // *1917 god v istorii Rossii i sud'bah narodov Povolzh'ya: materialy Mezhhregion. Nauch.-prakt. konf., Cheboksary, 13 oktyabrya 2017 goda* – 1917 in the history of Russia and the destinies of the peoples of the Volga region: Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Conference, Cheboksary, October 13, 2017. Cheboksary, Chuvash State Institute of Humanities, 2018. Pp. 65–74.
34. *Sibirskaya zhizn'* [Siberian Life]. No. 38. 1918.
35. *Sibirskaya zhizn'* [Siberian Life]. No. 62. 1918.
36. *Sibirskaya zhizn'* [Siberian Life]. No. 66. 1918.
37. *Sibirskaya zhizn'* [Siberian Life]. No. 78. 1918.
38. *Sibirskaya zhizn'* [Siberian Life]. No. 86. 1918.
39. *Sibirskaya zhizn'* [Siberian Life]. No. 93. 1918.
40. *Sibirskaya zhizn'* [Siberian Life]. No. 101. 1919.
41. *Sibirskaya zhizn'* [Siberian Life]. No. 132. 1919.

Поступила в редакцию: 20.10.2025

Принята к публикации: 05.02.2026

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

EDN: CDKOAG

УДК 94(470)(510)

Установление авиационного сообщения между Китаем и Советским Союзом

Новиков Михаил Васильевич

доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль. E-mail: m.novikov@yspu.org

Аннотация. Рассматривается история советско-китайских переговоров об открытии авиационного сообщения между Советским Союзом и Китайской Республикой (далее – КР), начавшихся в 1935 г. и успешно завершившихся в 1939 г. Отмечается, что инициатива начала переговоров принадлежала китайской стороне. Это было связано как с развитием этого вида транспорта в мире в целом, так и с особенностями геополитического положения КР, оказавшейся в сухопутной транспортной изоляции после оккупации в 1931–1932 гг. Японией Севера-Востока Китая, где находился единственный современный сухопутный транспортный коридор с Советским Союзом и Европой – Китайско-Восточная железная дорога. В ходе переговоров, сопровождавшихся длительными перерывами, как правило, не по вине советской стороны, обсуждались вопросы зон использования китайских самолетов с китайскими экипажами и советских самолетов с советскими экипажами, возможное сотрудничество с немецкой авиационной компанией «Евразия», создание смешанной советско-китайской авиационной компании и др. Подчеркивается, что вопрос создания смешанной советско-китайской компании для обслуживания авиационной линии Хами – Алма-Ата оказался наиболее сложным, в его решении принимали участие Политбюро ЦК ВКП(б) и лидер Китая Чан Кайши. Проблемы уставного капитала и таможенных пошлин на ввозимые в Китай советские материалы были решены в самом конце переговорного процесса. Подчеркивается, что серьезную роль в открытии гражданского авиационного сообщения между Китаем и Советским Союзом сыграла созданная Наркоматом обороны СССР авиационная трасса Алма-Ата – Ланьчжоу для перегонки советских военных самолетов в Китай в рамках секретных советско-китайских договоренностей об оказании Китаю военной помощи в войне против Японии.

Ключевые слова: советско-китайские переговоры, соглашение, советско-китайская авиационная компания, Хами, Алма-Ата, уставной капитал, таможенная пошлина.

Исполнилось 90 лет с начала советско-китайских переговоров об открытии авиационного сообщения между двумя странами. Эта тема нашла свое отражение, как правило, в общих работах и советских, и российских исследователей по истории Китая и советско-китайских отношений [2, с. 344, 345; 7, с. 398, 401; 12, с. 139, 140]. Целью данной статьи является детальное рассмотрение переговорного процесса, в ходе которого возникали различные инициативы и предложения; часть из них вошла в текст соглашения о создании советско-китайской авиационной компании «Хами-Ата», другие были отклонены как не отвечавшие национальным интересам одной из договаривавшихся сторон.

Установление воздушного сообщения между Советским Союзом и Китайской Республикой можно рассматривать только в контексте развития советско-китайских отношений в 1920–1930-е гг., которые включали в себя установление дипломатических отношений с пекинским правительством Китайской Республики (далее – КР) в 1924 г., советскую военно-финансовую поддержку революционного Гоминьдана в борьбе с реакционным пекинским правительством в 1924–1927 гг., разрыв дипломатических отношений с гоминьдановским правительством Китайской Республики и их восстановление в 1932 г. Полуфеодальный, полукOLONиальный Китай [8, с. 142] с буржуазно-демократической коррупционной гоминьдановской политической надстройкой с подозрением относился к Советскому Союзу, который оказывал финансовую и военную помощь китайским коммунистам в их вооруженной борьбе с Гоминьданом. В лице милитаристско-фашистской Японии, однако, Гоминьдан получил еще

более опасного соседа, недвусмысленно заявившего о своем намерении сделать Китай своей колонией с помощью вооруженной силы. Эти обстоятельства разделили китайскую элиту на сторонников сближения с Советским Союзом и сторонников сближения с Японией; как оказалось в дальнейшем, большинство все-таки выступало за сближение с СССР. В рамках непоследовательной, противоречивой политики сближения с СССР правительство Китайской Республики инициировало сотрудничество в сферах культуры [10] и создания транспортной инфраструктуры, в военной сфере и др.

До 1931 г. Китай имел единственный современный сухопутный транспортный коридор, который связывал его с Советским Союзом и далее с Европой, – Китайско-Восточную железную дорогу. С оккупацией Японией Северо-Востока Китая и созданием там враждебного Китаю марионеточного государства Маньчжоу-го (диго) этот сухопутный транспортный коридор стал Китаю недоступен, страна оказалась в сухопутной транспортной изоляции.

В данной ситуации естественно появление в Китае нескольких проектов по развитию инфраструктуры как сухопутного, так и воздушного транспорта, в том числе в направлении Советского Союза. 20 июня 1935 г. министр путей сообщения КР Чжу Цзяхуа в беседе с послом СССР в Китае Д. В. Богомоловым начал разговор о проблемах воздушного сообщения, имея в виду большие неудобства, и прежде всего политические, которые являлись следствием отсутствия прямой воздушной линии с Европой. Было очевидно, что китайского министра не устраивала деятельность авиационной германской компании «Евразия», самолеты которой летали в Европу по длинному южному маршруту в обход территории СССР. Богомолов заметил, что ни о каком сотрудничестве со стороны СССР с авиационной компанией нацистской Германии речи быть не может, и задал вопрос: «Почему бы вам не организовать смешанное общество с нами?» Ответ министра был обнадеживающим: «Китайское правительство хотело бы само организовать линию через Синьцзян» [3, с. 744]. В августе 1935 г. состоялась беседа Богомолова с председателем совета управляющих Банка Китая Сун Цзывэнем, в ходе которой речь зашла об инициативе министра путей сообщения Чжу Цзяхуа – об организации воздушного сообщения с Советским Союзом и Европой. В ходе беседы Богомолов заявил, что «если это является действительно желанием китайского правительства, то я полагаю, что можно было бы конкретно обсудить вопрос о создании китайско-советской смешанной компании связи через Синьцзян от Хами до Урумчи и дальше до советской границы. От советской границы на Европу СССР установит свою линию» [3, с. 744].

27 февраля 1936 г. Чжу Цзяхуа в ходе беседы с Богомоловым вернулся к теме организации воздушного сообщения Китая с Советским Союзом и Европой. Он сообщил, что китайское правительство не может разрешить создания смешанной советско-китайской авиакомпания, так как в этом случае Япония сразу же потребовала бы установления какой-нибудь новой японо-китайской авиационной линии, что для Китая неприемлемо. Он озвучил просьбу китайского правительства о возможности создания чисто китайской авиационной линии через Синьцзян [3, с. 744, 745].

В ходе встречи с Богомоловым 4 августа 1937 г. секретарь Чан Кайши Чэнь Лифу подчеркнул, что он говорит от себя лично, а не от имени правительства Китая; он отметил, что в связи с войной против Японии Китай остался совершенно отрезанным от Европы. Чэнь Лифу поинтересовался, каким может быть ответ советского правительства на китайское предложение установить авиационное сообщение через Синьцзян с тем условием, чтобы китайские самолеты летали до Урумчи, где происходила бы пересадка на советские самолеты. Богомолов в ответ напомнил о советском предложении создать смешанную советско-китайскую авиационную компанию для организации воздушного сообщения на этом направлении, на что Чэнь Лифу пообещал переговорить об этом с министром путей сообщения [3, с. 745].

Советское предложение о создании смешанной советско-китайской авиационной компании далеко не сразу было принято китайской стороной. 9 апреля 1937 г. Чэнь Лифу вновь завел разговор с Богомоловым о прямой воздушной линии между Китаем и Советским Союзом. Он изложил мнение заместителя министра путей сообщения Пэна Сюэпэя по этому вопросу, которое сводилось к следующему: подготовка договора о создании смешанной советско-китайской компании потребует много времени, поэтому наиболее целесообразно, чтобы полеты через Синьцзян организовало синьцзянское провинциальное правительство – от Нанкина до Хами самолетами китайско-германской авиационной транспортной компании «Евразия», далее – советскими самолетами [13, с. 453].

На следующий день Богомолов получил ответ из НКВД, составленный на основе Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) [11, с. 661], на свою посланную накануне телеграмму. Заместитель народного комиссара иностранных дел СССР Б. С. Стомоняков сообщил, что правительство СССР согласно с китайским предложением, чтобы временно воздушное сообщение между Китаем и СССР было организовано правительством Синьцзяна, однако оно категорически против того, чтобы участок авиационной линии от Нанкина до Хами обслуживался германской компанией «Евразия»: «Германия, являющаяся союзником Японии, получила бы в руки фактически контроль над связью между Китаем и СССР в самое важное для Японии время. Мы предлагаем поэтому вернуться к первоначальному китайскому предложению о том, чтобы связь до Синьцзяна осуществлялась китайскими правительственными самолетами, при этом без всякого участия в этом деле иностранцев» [14, с. 458].

13 августа 1937 г. заместитель министра путей сообщения Пэн Сюэпэй посетил Богомолова с предложением об установлении прямой воздушной линии от города Сиань через Синьцзян и СССР в Европу на Берлин или Париж по усмотрению советской стороны. Пэн отметил, что авиационная линия от Сиани до Хами будет обслуживаться китайскими правительственными самолетами без участия иностранных компаний, линия Хами – Урумчи – Чугучак – авиационной компанией, созданной правительством Синьцзяна, и от границы Синьцзяна до Европы – советскими самолетами. Пэн подчеркнул, что создаваемая почтово-пассажирская воздушная линия «будет чрезвычайно доходной, так как вся почта пойдет по этому направлению» [15, с. 460]. Пэн отверг предложение СССР о создании смешанной советско-китайской авиационной компании на том основании, что Китай в принципе отвергает создание смешанных обществ с иностранными государствами и что уже принято решение о ликвидации существовавших смешанных обществ «Евразия» (германский капитал) и «Китайская национальная корпорация» (английский капитал). Богомолов подчеркнул в телеграмме, что этот «разговор с Пэном был, по существу, первым официальным разговором по этому вопросу» [15, с. 461]. 17 августа Стомоняков телеграфировал Богомолову: «Сообщите китайскому правительству о нашем принципиальном согласии с предложенными ими условиями прямой советско-китайской воздушной связи от Сиани через Синьцзян и Москву на Париж» [3, с. 745].

Активизировавшийся в августе 1937 г. переговорный процесс об установлении воздушного сообщения Китая с Советским Союзом и Европой, несомненно, был связан с подготовкой и подписанием 21 августа 1937 г. советско-китайского Договора о ненападении, который, по сути, больше напоминал договор о взаимной помощи, а также с началом Японией 7 июля 1937 г. полномасштабной войны с Китаем. В соответствии с устными секретными договоренностями, аффилированными с Договором, Китай просил срочно организовать в счет будущего советского кредита поставку военных самолетов, и прежде всего истребителей, а также направить в Китай советских летчиков-инструкторов [16, с. 469].

На следующий день после подписания Договора о ненападении, 22 августа 1937 г., Стомоняков направил Богомолову телеграмму, в которой сообщалось о решении правительства СССР предоставить Китайской Республике кредит для оплаты военных поставок и о продаже Китаю 150–200 военных самолетов: «Мы обсуждаем вопрос о скорейшей посылке самолетов через Ганьсу» [17, с. 93]. Сообщая итоги переговоров с Чэнь Лифу об организации советской военной помощи Китаю, Богомолов отразил в ней многочисленные просьбы китайской стороны о срочной посылке истребителей с советскими летчиками-инструкторами: «Это сильно подбодрит китайцев в их борьбе» [18, с. 99, 100].

Принимая политическое решение об ускорении процесса помощи Китаю военной авиацией, советское руководство отчетливо представляло неизбежные логистические трудности, обусловленные протяженностью коммуникаций и отсутствием соответствующей инфраструктуры. Перегонка боевых самолетов в Китай началась одновременно с созданием минимально необходимой инфраструктуры. Совершая в настоящее время беспосадочный авиационный рейс Москва – Гуанчжоу, мы даже не задумываемся, что в середине 1930-х гг. винтовые самолеты могли совершить этот перелет лишь за несколько дней с посадками на промежуточных аэродромах, ориентируясь на рельеф местности, рискуя столкнуться с высокими горными массивами [9, с. 213].

Для самолетов военной авиации были проложены два маршрута: южный маршрут из Алма-Аты через провинцию Синьцзян до Ланьчжоу, северный проходил от Иркутска через Монголию до Ланьчжоу. Воздушный мост Алма-Ата – Ланьчжоу для перегонки военных самолетов в Китай начал создаваться одновременно со строительством Северо-Западной автомо-

бильной трассы Сары-Озек (Казахстан) – Ланьчжоу по тому же самому маршруту: Кульджа, Шихо, Урумчи, Гучен, Хами, Аньси, Сучжоу, Ляньчжоу, Ланьчжоу. Именно в этих населенных пунктах создавались промежуточные военные авиабазы. Главная авиабаза располагалась в Алма-Ате. Здесь производились сборка и предполетная подготовка перегонявшихся в Китай самолетов, здесь же располагалось руководство авиационной трассы [9, с. 213].

Военная авиационная трасса начала функционировать в октябре 1937 г. Ее главной задачей была перегонка в Китай боевых самолетов, кроме того, она использовалась для оперативной переброски в Китай летного состава, военных советников, инструкторов, технического персонала, а также срочных военных грузов и различной корреспонденции. В качестве транспортных самолетов использовались тихоходные бомбардировщики «ТБ-3», новейшие бомбардировщики «ДБ-3А», с которых снималось бомбардировочное оборудование и устанавливались дополнительные бензобаки, а также другие, в том числе гражданские воздушные суда [2, с. 314]. Как отмечает известный российский специалист в области китайской авиации А. А. Демин, созданная осенью 1937 г. военная авиационная трасса Алма-Ата – Ланьчжоу сыграла огромную роль при организации почтово-пассажирской авиационной линии Чунцин – Москва [2, с. 344].

Наступившая после августа 1937 г. пауза в китайско-советских переговорах об установлении воздушного сообщения через Синьцзян была прервана в начале 1938 г. 10 февраля новый посол СССР в Китае И. Т. Луганец-Орельский направил в НКВД телеграмму с информацией, полученной от Пэн Сюэпэя, из которой следовало, что Чан Кайши и министр путей сообщения одобрили проект установления прямой почтово-пассажирской авиационной линии Ханькоу – Ланьчжоу – Хами – Урумчи – СССР. По их предложению на территории Китая эта авиационная линия должна быть чисто китайской, а далее – советской. Затем советский полпред представил уточняющие вопросы, на которые китайская сторона хотела получить срочные ответы от советской стороны: «1. До какого пункта должна распространяться китайская часть линии: Урумчи, Алма-Ата или какого-либо пункта на границе. 2. Можно ли из СССР обеспечить авиабензином авиалинию от границы до Ланьчжоу включительно. 3. Можно ли рассчитывать на покупку радиостановок для всех аэродромов линии (3–4 установки). 4. До получения из Америки закупаемых самолетов “Дуглас” можно ли “одолжить” им 2–3 пассажирских самолета с оплатой за пользование. 5. Также дать на службу необходимое количество летчиков и техперсонала. Пэн Сюэпэй предполагает организовать полеты один раз в неделю» [19, с. 208]. От себя полпред добавил, что на все вопросы можно дать положительные ответы, а конечным пунктом китайской линии назначить Урумчи [19, с. 208].

В новых китайских предложениях об открытии воздушного сообщения были названы следующие начальные, промежуточные и конечные пункты обслуживания китайской стороной: Ханькоу – Сиань – Ланьчжоу – Урумчи – Алма-Ата. Для этих целей министерство путей сообщения обязалось выделить два пассажирских самолета из авиационной компании «Евразия» с китайскими летчиками и китайскими опознавательными знаками, а всю воздушную линию считать правительственной [20, с. 228]. Это предложение в части продления чисто китайской линии до Алма-Аты было отвергнуто советским правительством. 3 мая 1938 г. народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов в телеграмме Луганцу-Орельскому недвусмысленно дал понять, что участок авиационной линии от СССР до Хами должен обслуживаться советскими самолетами и летчиками, а от Хами в сторону Ланьчжоу и далее – китайскими [21, с. 236].

Думается, что выбор Хами в качестве пересадочного пункта был не случайным, так как здесь в 1938 г. начала активную работу советская военная авиационная база по сборке советских истребителей, которые доставлялись от железнодорожной станции Сары-Озек (Казахстан) в Хами в разобранном виде на советских грузовых автомобилях по Северо-Западной автомобильной трассе, построенной в кратчайшие сроки усилиями советских инженеров-дорожников и солдат китайской армии [9, с. 208–212].

Предложение Литвинова о том, чтобы считать Хами пересадочным пунктом, было принято китайской стороной. 13 мая 1938 г. Луганец-Орельский известил НКВД о получении им официального сообщения от министра путей сообщения Китая об организации авиационной линии Ханькоу – Алма-Ата, причем участок от Ханькоу до Хами должен был обслуживаться китайскими правительственными самолетами с китайскими экипажами, а участок от Хами до Алма-Аты – смешанным советско-китайским обществом, специально организуемым для этой цели [22, с. 244]. Полпред также известил НКВД о решении китайского правительства предо-

ставить германской авиационной компании «Евразия» возможность обслуживать авиационную линию Чэнду – Цинхой – Южный Синьцзян (без посадки) – Кабул [22, с. 244].

Как следует из документов, китайское предложение об открытии авиационной линии Ханькоу – Хами – Алма-Ата рассматривалось на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), где было принято решение одобрить предложение китайского правительства об осуществлении полетов по данной линии советско-китайской компанией. Главному управлению гражданского воздушного флота (ГУГВФ, «Аэрофлот») совместно с НКВД было предложено «разработать и представить в Инстанцию (Политбюро ЦК ВКП(б). – М. Н.) проект образования советско-китайского общества и проект мероприятий, необходимых для осуществления регулярной воздушной линии от Алма-Аты до Хами» [23, с. 257]. Одновременно в этом же послании советскому полпреду в Китае было настоятельно предложено просить правительство Китая запретить полеты «Евразии» через Южный Синьцзян, указав на то, что «мы считаем нежелательными регулярные немецкие полеты вдоль наших границ и что с подобными представлениями мы уже обратились к Ирану и Афганистану» [23, с. 257].

Китайская неторопливость в решении различных проблем в тот период неоднократно отмечалась и советскими дипломатами, и военными специалистами. Создание советско-китайской авиационной линии в 1930-е гг. не избежало этой участи. 29 августа 1938 г. Литвинов был вынужден направить Луганцу-Орельскому телеграмму с требованием сообщить результаты переговоров по вопросу открытия авиационной линии Алма-Ата – Хами: «Заинтересованные ведомства торопят с ответом, так как из-за этого задерживается уточнение потребных средств и материалов» [24, с. 298].

Как видно из записи беседы (9 ноября 1938 г.) Луганца-Орельского с министром связи Китая Чжан Цзяо, отвечавшим за заключение международных договоров, в предыдущий период от августа до ноября советник советского посольства М. И. Ганин и начальник департамента Министерства связи КР Пань Гуанцзюнь вели переговоры об организации смешанной авиакомпания, но по некоторым вопросам договориться не смогли. К числу несогласованных относились вопросы о размерах основного капитала смешанного общества, об арбитраже и о кратком названии компании. В ходе беседы полпред и министр договорились о том, что «будет лучше всего, если предварительно представители СССР и Китая в Урумчи подсчитают необходимые для создания компании суммы с тем, чтобы потом не прибегать к изменениям уже установленного размера капитала Компании» [4, с. 350]. Что касается вопроса об арбитраже, то выяснилась нерешенность вопроса о том, между какими китайскими и советскими государственными структурами будет подписываться договор о создании смешанного общества – между Министерством связи КР и Главным управлением гражданского воздушного флота СССР или между государствами, что потребовало дополнительных консультаций с правительствами Советского Союза и Китая. Вопрос о кратком наименовании создаваемой компании был связан с определенными комплексами китайской стороны. Чжан, в частности, отметил, «что, если принять краткое наименование с обозначением двух государств с постановкой на 2-м месте Китая, остальные элементы Китая будут разводить разговоры о том, что Китай поставлен 2-е место потому, что он слаб, а СССР на 1-е место, потому что силен. Будет очень много нежелательных разговоров. Чжан сказал, что он не возражает, если краткое наименование совсем не будет употребляться» [4, с. 351].

К февралю 1939 г., несмотря на переговоры представителей ГУГВФ и Минсвязи Китая в Урумчи, вопрос о размере основного капитала смешанной авиационной компании так и не был решен. Об этом сообщил в НКВД Луганец-Орельский телеграммой от 14 февраля 1939 г. Он представил в телеграмме результаты своей беседы с министром связи Китая, которые сводились к следующему: китайская сторона определила весь капитал в 500 тыс. американских долларов, понимая, что этой суммы будет недостаточно, но она согласна на увеличение только при условии предоставления ей кредита советским правительством; китайская сторона считает возможным начать эксплуатацию авиационной линии не дожидаясь окончательного решения финансовых вопросов, для чего она просит советское правительство взять на себя обеспечение авиационной линии всем необходимым (самолетами, кадрами и прочим оборудованием); пробные рейсы Чунцин – Алма-Ата китайская сторона планирует организовать 17 февраля 1939 г. китайскими самолетами и пилотами до Хами или Урумчи, откуда необходимо организовать полеты будущей смешанной авиационной компании. Заканчивая телеграмму, полпред просил добиться соответствующих указаний для ГУГВФ об открытии регулярных рейсов и об определении размера основного капитала смешанной компании. Он

обратился с просьбой выяснить, согласно ли советское правительство на выделение кредита китайской стороне и на каких условиях [25, с. 395].

7 марта 1939 г. Луганец-Орельский получил послание от Литвинова, в котором содержалось решение Политбюро ЦК ВКП(б) по поводу предыдущих предложений китайской стороны: договор о советско-китайской компании может быть подписан от имени Министерства связи Китая и «Аэрофлота»; компания может быть кратко названа «Хами-Ата»; в операционный фонд (125 тыс. американских долларов) стороны вносят наличными поровну; акционерный капитал устанавливается в 1 млн американских долларов; каждая сторона приобретает равное количество акций; китайская сторона в счет своей доли может взять оплату труда рабочих и поставку стройматериалов; «Аэрофлот» покрывает свою долю самолетами, оборудованием, импортными стройматериалами по средним мировым ценам; самолеты, оборудование, стройматериалы подлежат освобождению от таможенных пошлин; все остальное, если не будет вывезено в течение двух лет, подлежит обложению [26, с. 168].

10 марта 1939 г. в ходе беседы Луганца-Орельского, располагавшего инструкциями из Москвы, и министра связи Китая Чжан Цзяо решались отложенные вопросы относительно советско-китайской авиационной компании. Они договорились, что соглашение об образовании советско-китайской авиационной компании подпишут представители Главного управления гражданского воздушного флота СССР и Министерства связи КР, затем было принято советское предложение о кратком наименовании компании – «Хами-Ата», для Китая – «Ха-А». Размер основного капитала определили в 1 млн американских долларов, причем акции делились поровну, 50 % и 50 %. Установили, что на оперативные расходы стороны после подписания соглашения немедленно вносят по 62500 американских долларов. Было также одобрено советское предложение о погашении основного капитала с советской стороны самолетами, оборудованием, строительными материалами, с китайской стороны – строительными материалами, оплатой рабочей силы при создании аэродромов, возведении зданий и др. Возникла небольшая дискуссия относительно понятия «стоимость самолетов» и оборудования «по средним мировым рыночным ценам», которая в ходе беседы была разрешена. В конце беседы речь зашла о таможенной пошлине на ввозимые из СССР самолеты, оборудование, строительные материалы и др. Полпред предложил освободить все необходимое для обеспечения работы авиационной линии, включая автомобили, от пошлины. После непродолжительной дискуссии о сроках отмены пошлины на неиспользуемые самолеты, оборудование, материалы китайский министр согласился с доводами советского полпреда и взял на себя обязанность решить эту проблему с Министерством финансов КР. Подводя итог своей беседе, советский полпред и китайский министр заявили, что они считают необходимым открыть движение по авиационной трассе, не дожидаясь подписания соглашения [5, с. 402–404].

22 июня 1939 г. новый народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов направил в Политбюро ЦК ВКП(б) записку о близком завершении советско-китайских переговоров об открытии авиационной линии Хами – Алма-Ата. Он отметил, что остались нерешенными два вопроса: сроки погашения китайской стороной их доли уставного капитала и проблема беспошлинного ввоза из СССР на территорию Китая самолетов, оборудования и строительных материалов. Молотов предложил пойти на уступку и согласиться с предложением китайской стороны о двухгодичном сроке погашения доли уставного капитала. Что касается возражений китайской стороны против беспошлинного ввоза материалов из СССР, то они мотивировали это соображениями государственного престижа и нежеланием создавать прецедент, предлагая оставить в соглашении пункт об обязательных таможенных платежах и в то же время подписать секретное приложение к соглашению, в котором будут перечислены самолеты, оборудование и материалы, освобождаемые от пошлины. Резюмируя, Молотов заявил: «Мы согласны с китайским предложением о специальном приложении, не подлежащем оглашению, в котором будут перечислены предметы, беспошлинно ввозимые. Однако предложенный китайцами список надо дополнить включением в него: радиостанций и радиооборудования, всех видов автотранспорта и метеооборудования». Молотов также предложил поддержать просьбу китайской стороны об организации тренировок китайских летчиков «в качестве третьих пилотов на самолетах компании в пределах возможности» [1, с. 494–496].

1 августа 1939 г. временный поверенный в делах СССР в Китае И. И. Северный в разговоре с Чан Кайши заметил, что заключение соглашения об авиалинии Хами – Алма-Ата затягивается, китайский лидер пообещал это проверить. 9 сентября 1939 г. соглашение наконец-то было подписано между Главным управлением гражданского воздушного флота СССР и

Министерством связи КР о создании советско-китайской авиационной компании «Хами-Ата» с капиталом в 1 млн американских долларов с равными долями участия. Предполагалось, что компания будет обслуживать авиационную линию Хами – Алма-Ата, спецрейсы Урумчи – Чунцин, Урумчи – Шихо, Урумчи – Шаин-Сумбе. 19 декабря 1939 г. китайский генерал Хэ Яоцзу заявил, что он прибыл в Москву «в связи с открытием воздушной линии Алма-Ата – Хами и что вновь открытая линия еще больше сблизит Китай и Советский Союз» [6, с. 551].

Документы НКВД свидетельствуют, что продолжавшиеся почти пять лет советско-китайские переговоры об установлении прямого авиационного сообщения Чунцин – Хами – Алма-Ата – Москва завершились подписанием соответствующего соглашения 9 сентября 1939 г. Переговорный процесс был начат по инициативе китайской стороны, остро нуждавшейся в установлении авиационного сообщения с Советским Союзом и Европой. Наиболее активное участие в переговорах с советской стороны приняли полпреды СССР в Китае Д. В. Богомолов и И. Т. Луганец-Орельский, заместитель народного комиссара иностранных дел Б. С. Стомоняков, народные комиссары иностранных дел М. М. Литвинов и В. М. Молотов, самые принципиальные вопросы решались на уровне Политбюро ЦК ВКП(б). С китайской стороны переговоры вели министр путей сообщения Чжу Цзяхуа и его заместитель Пэн Сюэпэй, министр связи Чжан Цзяо, Чан Кайши и его секретарь, с 1938 г. министр образования Чэнь Лифу. В ходе переговоров решались как простые, так и принципиальные вопросы, шло согласование позиций. К числу принципиальных, потребовавших многолетнего обсуждения, можно отнести: создание смешанной советско-китайской авиационной компании, против чего вначале возражала китайская сторона, а затем приняла это советское предложение; определение советской и китайской зон ответственности на авиационной трассе, в итоге было принято советское предложение – Чунцин – Хами и Хами – Алма-Ата; возможное участие немецкой авиакомпании «Евразия» в советско-китайском проекте, против чего возражала советская сторона; размер уставного капитала создаваемой советско-китайской компании и принципы его погашения; освобождение от таможенных пошлин ввозимых в Китай советских самолетов, аэродромного оборудования, строительных материалов, автомобилей, радиостанций и радиооборудования.

Важную роль в открытии авиационной линии Чунцин – Хами – Алма-Ата – Москва сыграла операция “Z” по оказанию Советским Союзом военной помощи Китайской Республике в отражении японской агрессии, самой важной частью которой была перегонка советских истребителей и бомбардировщиков в Китай. Создаваемая с октября 1937 г. для этой цели военная авиационная трасса Алма-Ата – Ланьчжоу, включая промежуточные аэродромы, была проложена потому же маршруту, что и линия гражданской авиации. По ходу переговоров трижды менялся конечный пункт авиационной линии на территории Китая – Нанкин, Ханькоу, Чунцин, что было связано с оккупацией японской армией Нанкина (1937 г.) и Ханькоу (1938 г.). С 1939 по 1946 г. компания перевезла 2370 пассажиров, 1088 т грузов, 87 т почтовых отправлений [12, с. 139, 140].

Список литературы

1. В Политбюро ЦК ВКП(б). 22 июня 1939 г. // Документы внешней политики СССР 1939. Т. XXII : в 2 кн. Кн. 1. Январь – август. М. : Международные отношения, 1992. С. 494–496.
2. Демин А. А. Авиация Великого соседа. Кн. 1. У истоков китайской авиации. М. : Русские витязи, 2008. 544 с.
3. Документы внешней политики СССР. Том двадцатый. Январь – декабрь 1937 г. М. : Политиздат, 1976. 815 с.
4. Запись беседы полпреда СССР в Китайской Республике И. Т. Луганца-Орельского с министром связи Чжан Цзяо... 19 ноября 1938 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 350–352.
5. Запись беседы полпреда СССР в Китайской Республике И. Т. Луганца-Орельского с министром связи Чжан Цзяо об организации китайско-советской авиационной компании. 10 марта 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 402–404.
6. Запись беседы заместителя наркома иностранных дел С. А. Лозовского с генералом Хэ Яоцзу и послом Китайской Республики в СССР Ян Цзэ... 19 декабря 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 551–553.

7. История Китая с древнейших времен до начала XXI века : в 10 т. / гл. ред. С. Л. Тихвинский. Т. VII: Китайская Республика (1912–1949) / отв. ред. Н. Л. Мамаева. М. : Наука, 2013. 863 с.
8. Мао Цзэдун. Китайская революция и Коммунистическая партия Китая // Избранные произведения. Т. 3 / пер. с кит. М. : Политиздат, 1953. 446 с.
9. Новиков М. В. СССР в борьбе с фашизмом: советская помощь Испанской Республике (1936–1939 гг.) и Китайской Республике (1937–1945 гг.) Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024. 399 с.
10. Новиков М. В. Партийно-государственное руководство развитием советско-китайского культурного сотрудничества в 1934–1945 гг. // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 210–223.
11. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о воздушном сообщении между СССР и КР. 10 августа 1937 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М. : Памятники исторической мысли, 2010. С. 661.
12. Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974). М. : Наука, 1977. 368 с.
13. Телеграмма полномочного представителя СССР в Китае в народный комиссариат иностранных дел СССР, из Шанхая. 9 августа 1937 г. // Документы внешней политики СССР. Том двадцатый. Январь – декабрь 1937 г. М. : Политиздат, 1976. С. 453.
14. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР в Китае Д. В. Богомолу. 10 августа 1937 г. // Документы внешней политики СССР. Том двадцатый. Январь – декабрь 1937 г. М. : Политиздат, 1976. С. 457, 458.
15. Телеграмма полномочного представителя СССР в Китае в народный комиссариат иностранных дел СССР. 13 августа 1937 г. // Документы внешней политики СССР. Том двадцатый. Январь – декабрь 1937 г. М. : Политиздат, 1976. С. 460, 461.
16. Телеграмма полномочного представителя СССР в Китае в Народный комиссариат иностранных дел СССР. 21 августа 1937 г. // Документы внешней политики СССР. Том двадцатый. Январь – декабрь 1937 г. М. : Политиздат, 1976. С. 469.
17. Телеграмма заместителя наркома иностранных дел СССР Б. С. Стомонякова полпреду СССР в Китайской Республике Д. В. Богомолу... 22 августа 1937 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 93.
18. Телеграмма полпреда СССР в Китайской Республике Д. В. Богомолова в НКВД СССР о военных поставках СССР Китаю. 27 августа 1937 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 99, 100.
19. Телеграмма полпреда СССР в Китайской Республике И. Т. Луганца-Орельского в НКВД СССР... 10 февраля 1938 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 208.
20. Телеграмма полпреда СССР в Китайской Республике И. Т. Луганца-Орельского в НКВД СССР... 8 апреля 1938 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 228.
21. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полпреду СССР Китайской Республики И. Т. Луганцу-Орельскому об авиалинии Алма-Ата – Хами – Ланьчжоу. 3 мая 1938 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 236.
22. Телеграмма полпреда СССР в Китайской Республике И. Т. Луганца-Орельского в НКВД СССР по вопросу авиалинии Ханькоу – Алма-Ата. 13 мая 1938 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 244.
23. Телеграмма заместителя наркома иностранных дел СССР Б. С. Стомонякова полпреду СССР в Китайской Республике И. Т. Луганцу-Орельскому с изложением постановления советского правительства по авиалинии Алма-Ата – Хами. 5 июня 1938 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 257.
24. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полпреду СССР в Китайской Республике И. Т. Луганцу-Орельскому по вопросу авиалинии Алма-Ата – Хами. 29 августа 1938 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 298.
25. Телеграмма полпреда СССР в Китайской Республике И. Т. Луганца-Орельского в НКВД СССР по вопросу установления воздушного сообщения между СССР и Китайской Республикой. 14 февраля 1939 г. // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 395.
26. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Китае И. Т. Луганцу-Орельскому. 7 марта 1939 г. // Документы внешней политики СССР 1939. Т. XXII : в 2 кн. – Кн. 1. Январь – август. М. : Международные отношения, 1992. С. 168.

Establishment of aviation links between China and the Soviet Union

Novikov Mikhail Vasilyevich

Doctor of Historical Sciences, professor, honored scientist of the Russian Federation, head of the Department of Theory and Methods of Professional education of Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky.
Russia, Yaroslavl. E-mail: m.novikov@yspu.org

Abstract. The article examines the history of the soviet-chinese negotiations on the opening of aviation links between the Soviet Union and the Republic of China (KR), which began in 1935 and successfully concluded in 1939. It is noted that the initiative to start negotiations belonged to the chinese side. This was due both to the development of this type of transport in the world as a whole, and to the peculiarities of the geopolitical position of the China Republic, which found itself in land transport isolation after the occupation in 1931–1932 by Japan the North-East of China, where the only modern land transport corridor with the Soviet Union and Europe was located – the China-Eastern railway. During the negotiations, which were accompanied by long breaks, usually through no fault of the soviet side, issues of zones for the use of chinese aircraft with chinese crews and soviet aircraft with soviet crews, possible cooperation with the German aviation company "Eurasia", the creation of a mixed soviet-chinese aviation company, etc. were discussed. It is emphasized that the issue of creating a mixed soviet-chinese company to service the Khami–Alma-Ata aviation line turned out to be the most difficult, with the participation of the Politburo of the Central Committee of the CPSU(b) and chinese leader Chiang Kai-shek. The problems of the authorized capital and customs duties on soviet materials imported into China were resolved at the very end of the negotiation process. It is emphasized that the Alma-Ata – Lanzhou air route created by the People's commissariat of defense of the USSR for transporting soviet military aircraft to China within the framework of secret soviet–chinese agreements on providing military assistance to China in the war against Japan played a serious role in opening civil aviation links between China and the Soviet Union.

Keywords: soviet-chinese negotiations, agreement, soviet-chinese aviation company, Hami, Alma-Ata, authorized capital, customs duty.

References

1. *V Politbyuro TsK VKP(b). 22 iyunya 1939 g.* [In the Politburo of the Central Committee of the CPSU(b). June 22, 1939] // *Dokumenty vneshnei politiki SSSR 1939* – Documents of the USSR foreign policy. Vol. XXII. 1939. In 2 books. Book 1. January–August. M., International relations, 1992. Pp. 494–496.
2. *Demin A. A. Aviatsiya Velikogo soseda* [Aviation of the Great Neighbor]. Book 1. At the origins of Chinese aviation. M., Russian Knights, 2008. 544 p.
3. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR* [Documents of the USSR foreign policy]. Vol. twenty. January–December 1937. M., Politizdat, 1976. 815 p.
4. *Zapis' besedy polpreda SSSR v Kitaiskoi Respublike I. T. Lugantsa-Orel'skogo s ministrom svyazi Chzhan Tszyaao... 19 noyabrya 1938 g.* [Recording of a conversation between the USSR Envoy to the Republic of China, I. T. Lugants-Orel'sky, and the Minister of Communications, Zhang Jiaao... on November 19, 1938] // *Russko-kitaiskie otnosheniya v XX veke* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book. 1: 1937–1944. M., Monuments of historical thought, 2000. Pp. 350–352.
5. *Zapis' besedy polpreda SSSR v Kitaiskoi Respublike I. T. Lugantsa-Orel'skogo s ministrom svyazi Chzhan Tszyaao ob organizatsii kitaisko-sovetskoi aviatsionnoi kompanii. 10 marta 1939 g.* [Recording of a conversation between the USSR Envoy to the Republic of China, I. T. Lugants-Orel'sky, and the Minister of Communications, Zhang Jiaao, about the organization of a Sino-Soviet aviation company. March 10, 1939] // *Russko-kitaiskie otnosheniya v XX veke* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book. 1: 1937–1944. M. Monuments of historical thought, 2000. Pp. 402–404.
6. *Zapis' besedy zamestitelya narkoma inostrannykh del S. A. Lozovskogo s generalom Khe Yaotszu i poslom Kitaiskoi Respubliki v SSSR Yan Tsze... 19 dekabrya 1939 g.* [Recording of a conversation between Deputy People's Commissar of Foreign Affairs S. A. Lozovsky and General He Yaozu and Ambassador of the Republic of China to the USSR Yang Tse... December 19, 1939] // *Russko-kitaiskie otnosheniya v XX veke* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book. 1: 1937–1944. M., Monuments of historical thought, 2000. Pp. 551–553.
7. *Istoriya Kitaya s drevneishikh vremen do nachala XXI veka* [The history of China from ancient times to the beginning of the 21st century]. In 10 vols. Vol. VII: Republic of China (1912–1949). M., Nauka (Science), 2013. 863 p.
8. *Mao Tzedun. Kitaiskaya revolyutsiya i Kommunisticheskaya partiya Kitaya* [The Chinese Revolution and the Chinese Communist Party] // *Izbrannye proizvedeniya* – Selected works. Vol. 3 / transl. from Chinese by M. Politizdat, 1953. 446 p.
9. *Novikov M. V. SSSR v bor'be s fashizmom: sovetskaya pomoshch' Ispanskoi Respublike (1936–1939 gg.) i Kitaiskoi Respublike (1937–1945 gg.)* [The USSR in the fight against fascism: Soviet aid to the Spanish Republic

(1936–1939) and the Republic of China (1937–1945)]. Yaroslavl, RIO YSPU, 2024. 399 p.

10. *Novikov M. V. Partiino-gosudarstvennoe rukovodstvo razvitiem sovetsko-kitaiskogo kul'turnogo sotrudnichestva v 1934–1945 gg.* [Party-state leadership of the development of Soviet-Chinese cultural cooperation in 1934–1945] // *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* – Verkhnevolzhsky Philological Bulletin. 2025. No. 1 (40). Pp. 210–223.

11. *Postanovlenie Politbyuro TsK VKP(b) o vozdušnom soobshchenii mezhdu SSSR i KR. 10 avgusta 1937 g.* [Resolution of the Politburo of the Central Committee of the CPSU(b) on air service between the USSR and the Republic of China on August 10, 1937] // *Russko-kitaiskie otnosheniya v XX veke* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. III: Soviet-Chinese relations (September 1931 – September 1937). M., Monuments of historical thought, 2010. P. 661.

12. *Sladkovskii M. I. Istoriya torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii SSSR s Kitaem (1917–1974)* [The history of trade and economic relations between the USSR and China (1917–1974). M., Nauka (Science), 1977. 368 p.

13. *Telegramma polnomochnogo predstavatelya SSSR v Kitae v narodnyi komissariat inostrannykh del SSSR, iz Shankhaya. 9 avgusta 1937 g.* [Telegram from the Plenipotentiary Representative of the USSR in China to the People's Commissariat of Foreign Affairs of the USSR, from Shanghai. August 9th, 1937] // *Dokumenty vneshnei politiki SSSR* – Documents of the USSR foreign policy. Vol. twenty. January–December 1937. M., Politizdat, 1976. P. 453.

14. *Telegramma zamestitelya narodnogo komissara inostrannykh del SSSR polnomochnomu predstavatelyu SSSR v Kitae D. V. Bogomolovu. 10 avgusta 1937 g.* [Telegram from the Deputy People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR to the Plenipotentiary Representative of the USSR in China, D.V. Bogomolov. August 10, 1937] // *Dokumenty vneshnei politiki SSSR* – Documents of the USSR foreign policy. Vol. twenty. January–December 1937. M., Politizdat, 1976. P. 457, 458.

15. *Telegramma polnomochnogo predstavatelya SSSR v Kitae v narodnyi komissariat inostrannykh del SSSR. 13 avgusta 1937 g.* [Telegram from the Plenipotentiary Representative of the USSR in China to the People's Commissariat of Foreign Affairs of the USSR. August 13, 1937] // *Dokumenty vneshnei politiki SSSR* – Documents of the USSR foreign policy. Vol. twenty. January–December 1937. M., Politizdat, 1976. Pp. 460, 461.

16. *Telegramma polnomochnogo predstavatelya SSSR v Kitae v Narodnyi komissariat inostrannykh del SSSR. 21 avgusta 1937 g.* [Telegram from the Plenipotentiary Representative of the USSR in China to the People's Commissariat of Foreign Affairs of the USSR. August 21, 1937] // *Dokumenty vneshnei politiki SSSR* – Documents of the USSR foreign policy. Vol. twenty. January–December 1937. M., Politizdat, 1976. Pp. 469.

17. *Telegramma zamestitelya narkoma inostrannykh del SSSR B. S. Stomonyakova polpredu SSSR v Kitaiskoi Respublike D. V. Bogomolovu... 22 avgusta 1937 g.* [Telegram from Deputy People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR B. S. Stomonyakov to the USSR Envoy to the Republic of China D. V. Bogomolov... August 22, 1937] // *Russko-kitaiskie otnosheniya v XX veke* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book. 1: 1937–1944. M., Monuments of historical thought, 2000. P. 93.

18. *Telegramma polpreda SSSR v Kitaiskoi Respublike D. V. Bogomolova v NKID SSSR o voennykh postavkakh SSSR Kitayu. 27 avgusta 1937 g.* [Telegram from the Plenipotentiary of the USSR in the Republic of China, D. V. Bogomolov, to the NKID of the USSR on military supplies from the USSR to China. August 27, 1937] // *Russko-kitaiskie otnosheniya v XX veke* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book. 1: 1937–1944. M., Monuments of historical thought, 2000. Pp. 99, 100.

19. *Telegramma polpreda SSSR v Kitaiskoi Respublike I. T. Lugantsa-Orel'skogo v NKID SSSR... 10 fevralya 1938 g.* [Telegram from the USSR Envoy to the Republic of China, I. T. Lugants-Orel'sky, to the NKID of the USSR... February 10, 1938] // *Russko-kitaiskie otnosheniya v XX veke* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book. 1: 1937–1944. M., Monuments of historical thought, 2000. P. 208.

20. *Telegramma polpreda SSSR v Kitaiskoi Respublike I. T. Lugantsa-Orel'skogo v NKID SSSR... 8 aprelya 1938 g.* [Telegram from the USSR Envoy to the Republic of China, I. T. Lugants-Orel'sky, to the NKID of the USSR... April 8, 1938] // *Russko-kitaiskie otnosheniya v XX veke* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book. 1: 1937–1944. M., Monuments of historical thought, 2000. P. 228.

21. *Telegramma narodnogo komissara inostrannykh del SSSR M. M. Litvinova polpredu SSSR Kitaiskoi Respubliki I. T. Lugantsu-Orel'skomu ob avialinii Alma-Ata – Khami – Lan'chzhou. 3 maya 1938 g.* [Telegram from the People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR M. M. Litvinov to the Plenipotentiary of the USSR of the Republic of China I. T. Lugants-Orel'sky about the Alma Ata–Khami–Lanzhou airline. May 3, 1938] // *Russko-kitaiskie otnosheniya v XX veke* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book. 1: 1937–1944. M., Monuments of historical thought, 2000. P. 236.

22. *Telegramma polpreda SSSR v Kitaiskoi Respublike I. T. Lugantsa-Orel'skogo v NKID SSSR po voprosu avialinii Khan'kou – Alma-Ata. 13 maya 1938 g.* [Telegram from the USSR Envoy to the Republic of China, I. T. Lugants-Orel'sky, to the USSR Ministry of Foreign Affairs on the issue of the Hankow–Alma-Ata airline. May 13, 1938] // *Russko-kitaiskie otnosheniya v XX veke* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book. 1: 1937–1944. M., Monuments of historical thought, 2000. P. 244.

23. *Telegramma zamestitelya narkoma inostrannykh del SSSR B. S. Stomonyakova polpredu SSSR k Kitaiskoi Respublike I. T. Lugantsu-Orel'skomu s izlozheniem postanovleniya sovetskogo pravitel'stva po avialinii Alma-Ata – Khami. 5 iyunya 1938 g.* [Telegram from Deputy People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR B. S. Stomonyakov to the USSR Envoy to the Republic of China I. T. Lugants-Orel'sky outlining the decree of the Soviet government on the Alma Ata–Khami airline. June 5, 1938] // *Russko-kitaiskie otnosheniya v XX veke* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book. 1: 1937–

1944. M., Monuments of historical thought, 2000. P. 257.

24. *Telegramma narodnogo komissara inostrannykh del SSSR M. M. Litvinova polpredu SSSR v Kitaiskoi Respublike I. T. Lugantsu-Orel'skomu po voprosu avialinii Alma-Ata – Khami. 29 avgusta 1938 g.* [Telegram from the People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR, M. M. Litvinov, to the USSR Envoy to the Republic of China, I. T. Lugants-Orel'sky, on the Alma Ata-Khami airline. August 29, 1938] // *Russko-kitaiskie otnosheniya v XX veke – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book. 1: 1937–1944. M., Monuments of historical thought, 2000. P. 298.*

25. *Telegramma polpreda SSSR v Kitaiskoi Respublike I. T. Lugantsa-Orel'skogo v NKID SSSR po voprosu ustanovleniya vozdušnogo soobshcheniya mezhdu SSSR i Kitaiskoi Respublikoi. 14 fevralya 1939 g.* [Telegram from the Plenipotentiary of the USSR in the Republic of China, I. T. Lugants-Orel'sky, to the NKID of the USSR on the establishment of air communication between the USSR and the Republic of China. February 14, 1939] // *Russko-kitaiskie otnosheniya v XX veke – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1937–1945. Book. 1: 1937–1944. M., Monuments of historical thought, 2000. P. 395.*

26. *Telegramma narodnogo komissara inostrannykh del SSSR M. M. Litvinova polnomochnomu predstavitel'yu SSSR v Kitae I. T. Lugantsu-Orel'skomu. 7 marta 1939 g.* [Telegram from the People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR, M. M. Litvinov, to the Plenipotentiary Representative of the USSR in China, I. T. Lugants-Orel'sky. March 7, 1939] // *Dokumenty vneshnei politiki SSSR 1939 – Documents of the USSR foreign policy. Vol. XXII. 1939. In 2 books. Book 1. January–August. M., International relations, 1992. P. 168.*

Поступила в редакцию: 08.12.2025

Принята к публикации: 28.01.2026

Нацистская пропаганда в песенниках штурмовых отрядов гитлеровской партии

Пчелкина Анастасия Константиновна

аспирант кафедры всеобщей истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль. ORCID: 0009-0004-4911-1294. E-mail: p4elkina.nas@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу песенников нацистских штурмовых отрядов (СА). Историки чаще всего используют песни различных организаций НСДАП и Третьего рейха в качестве примера нацистской пропаганды, в то время как песенник является комплексным источником, требующим отдельного изучения. Содержащиеся в песенниках тексты не только внушали нацистские идеи, но и способствовали сплочению общества и членов нацистских организаций. Целью статьи является источниковедческий анализ песенника СА. Сборники были исследованы и как материальный носитель, и как средство нацистской пропаганды, разработанное специально для штурмовых отрядов. В рамках статьи было рассмотрено несколько песенников штурмовых отрядов, проанализировано их содержание – тексты и визуальный ряд.

Исполнение песен членами национал-социалистических организаций изучается в контексте становления аппарата нацистской пропаганды. Дана характеристика первым песенникам, выявлено их содержание. Проведено сравнение песенников СА и СС. Оно показало наличие общих текстов, что обусловлено спецификой возникновения СС. В ходе анализа визуального ряда, представленного в песенниках, выявлена просветительская составляющая этого издания. Было установлено несколько элементов текстовой составляющей: непосредственно тексты песен, заметки о нацистских «героях» и наставления от «фюреров» (Адольфа Гитлера, Эрнста Рёма, Виктора Лутце, Эдмунда Хейнеса). Для изучения песен был использован метод контент-анализа. По результатам контент-анализа обнаружены слова-маркеры, характеризующие организацию СА, внушаемую нацистской пропагандой модель поведения штурмовиков, описывающие образ врага. Результаты исследования могут быть значимы для специалистов-историков при изучении нацистской пропаганды, при сравнительных исследованиях диктатур XX века.

Ключевые слова: штурмовые отряды, нацистская пропаганда, нацистская идеология, песенник, Хорст Вессель.

Коллективное исполнение и прослушивание песен играли важную роль в сплочении членов низовых организаций гитлеровской партии, формировании коллективной идентичности и внушении идей национал-социализма. Митинги, партийные съезды, мероприятия НСДАП и ее дочерних организаций сопровождалась маршевой музыкой и песнями. Исполнение песен рекомендовалось как одна из форм досуга в Союзе немецких девушек [1, с. 169–173] и женской Службе труда [2, с. 171–173]. Репертуар разрабатывался центральными аппаратами этих организаций, для пения отводилось специальное время в распорядке дня ячеек Союза немецких девушек и женских трудовых лагерей. Исследователями установлено, что песни и пение занимали не меньшее место в политической социализации и культивировании чувства общности и солидарности, чем другие формы и методы воспитательной работы [9, с. 285]. Песенники штурмовых отрядов (СА) являются важным источником для изучения представлений штурмовиков о самих себе, о задачах нацистского движения и штурмовых отрядов, о Гитлере, Германии и ее врагах.

По окончании Второй мировой войны державами-победительницами был издан перечень национал-социалистической литературы, подлежащей изъятию. В списке, принятом в советской оккупационной зоне 1 апреля 1946 г. [11], среди прочих наименований книг и журналов содержатся песенники штурмовых отрядов, охранных отрядов (СС), гитлерюгенда (ГЮ), Имперской службы труда (РАД) и вермахта. Отметим, что анализируемые нами источники не включены в актуальный список экстремистской литературы, составленный Министерством юстиции Российской Федерации. В России и ряде стран Европы предусмотрена уголовная ответственность за использование нацистской символики, включая лозунги и приветствия. Несмотря на запреты, соответствующие лозунги находят распространение в кругах неонацистов. В сентябре 2024 г. ФРГ потряс скандал, причиной которому стало выкрикивание на фе-

стивале в Красной ратуше в Берлине нацистских лозунгов под песню итальянского исполнителя Джиджи Д'Агостино «L'Amour toujours». Трек, вышедший еще в 1999 г., приобрел популярность в кругах крайне правых, поскольку на музыку хорошо легли ксенофобские лозунги, в том числе «Германия для немцев, иностранцы – вон!». С октября 2023 по июль 2024 г. по всей Германии было зарегистрировано 400 случаев публичной демонстрации этого лозунга, исполненного на мотив танцевального хита [12]. При этом средства массовой информации ФРГ подчеркивают, что органами власти не ведется систематического учета подобных случаев, и 400 – это только зафиксированный минимум.

В исследованиях по истории штурмовых отрядов песенникам как историческим источникам уделяется недостаточно внимания. Ученые, как правило, отмечают, что все пропагандистские марши, митинги, погромы сопровождалось песнями. Глубокое изучение нацистских песенников как исторического источника и их пропагандистского потенциала до сих пор не было проведено. Изредка исследователи используют тексты песен в качестве примера, иллюстрации нацистской пропаганды [6, с. 143]. Отечественные авторы, вслед за западными коллегами, также не уделяют этому источнику достаточного внимания, хотя есть единичные публикации, в которых обращается внимание на пропагандистский потенциал нацистских песен [4, с. 194]. Между тем песенник является не только источником по истории нацистской пропаганды, но также отражает ценности, которые прививались членам СА. Кроме текстов, песенник содержит иллюстративный материал, который может быть полезен для исследования истории штурмовых отрядов.

С развитием науки и техники музыка стала доступна широким слоям населения и превратилась из элитного развлечения в массовое. Немецкая музыкальная культура 1920-х – начала 1930-х гг. была представлена классической, народной, танцевальной музыкой, маршами, шлягерами и джазом. Первый песенник НСДАП был издан в 1925 г. В нем содержались народные и военные песни, а также песни членов нацистского движения [3, с. 374]. Стоит отметить, что ряд песен, исполняемых гитлеровцами, был известен обывателям. Узнаваемости способствовало и то, что нацисты накладывали свои тексты на популярные музыкальные мотивы. По этой причине в песенниках практически не встречаются ноты; изредка после названия песни в скобках может быть указано «исполняется на мотив...».

Нацистские песенники издавались во всех землях Германии. До 1930 г. они открывались песней Дитриха Эккарта «Буря! Буря! Буря!», о чем свидетельствует содержание сборника, изданного в 1929 г. [5, с. 139]. После убийства Хорста Весселя и превращения его в главного «мученика» нацистского движения его песня «Знамена ввысь!» потеснила произведение Эккарта.

В 1933 г. по заказу Верховного руководства СА (ОСАФ) в книгоиздательстве Йозефа Губера был издан песенник штурмовых отрядов [13]. Книжка размером 4*5 дюйма (около 10 на 13 см) была карманного формата и явно предполагала постоянное ношение с собой. Песенник был объемным – 304 страницы. Он включал в себя тексты песен и графические иллюстрации художника-пропагандиста Альберта Райха. Сборник открывает изображение штурмовика, несущего знамя со свастикой. Песенник интересен в первую очередь предисловием начальника штаба СА Эрнста Рёма: «Товарищи из СА и СС, этот сборник песен принадлежит вам. Как служебный устав СА дает вам ориентиры для превращения СА с тысячами ее подразделений в единый организм, так и этот сборник песен должен помочь вам провозгласить единство вашей идеи одними и теми же песнями. Даже больше, чем слово, песня обращается к сердцу. Повсюду в Германии, где товарищи по СА маршируют в одинаковой коричневой форме и распространяют одинаковое мировоззрение, звучит одна и та же песня о свободе и родине» [13, с. 3]. В песеннике около 100 страниц занимают песни штурмовых отрядов, 120 страниц отведено под нацистские боевые песни и марши, 47 – под патриотические песни, а десятую часть объема книги составляют религиозные гимны и шуточные песни. Сборник открывают песни лиц, значимых для нацистского движения. Первая песня – «Знамена ввысь!» Хорста Весселя, за ней следуют стихи Дитриха Эккарта и Оскара Роберта Ахенбаха. В общей сложности они занимают 12 страниц. Хотя в сборнике тексты размещены согласно определенной иерархии, в содержании в конце песенника тексты располагаются в алфавитном порядке с указанием страницы. Книга также содержит рекламу других книг, изданных Губером, и рекламу портретов Гитлера. Этот песенник переиздавался до 1934 г. Он не попал в список 1946 г., вероятно, потому, что в ходе «ночи длинных ножей» 30–31 июня 1934 г. были ликвидированы высшие офицеры и руководство СА, штурмовые отряды вследствие этого утратили свое политическое значение, а песенник был изъят из обращения самими нацистами. В настоящее время книга является би-

блиографической редкостью и предметом особого интереса коллекционеров; ее можно встретить на сайтах зарубежных аукционов.

Издание песенника СА не прекратилось после «ночи длинных ножей». Хотя штурмовые отряды утратили статус ведущей силы нацистского движения, они оставались важным инструментом национал-социалистической пропаганды. В 1938 г. в Мюнхене центральным издательством НСДАП было предпринято очередное издание песенника [14]. Книга открывается фотографией, на которой Гитлер пожимает руку штурмовику, – нарочитая демонстрация преданности фюреру и Германии. Кроме того, песенник содержит написанное рукой начальника штаба СА Виктора Лутце обращение к владельцу книги. Этот сборник переиздавался; издание 1939 г. внесено в список запрещенной литературы 1946 г. Вместе с ним был запрещен и вышедший в 1939 г. песенник Эрика Лауэра (Lauer) «Пение в СА».

Помимо песенника, централизованно изданного ОСАФ, имели хождение сборники песен региональных организаций СА. Свой песенник был, например, в Силезии. Отметим, что его содержание перекликается со сборником от ОСАФ, хотя силезский песенник меньшего объема. Независимо от региональной принадлежности, штурмовики пели одни и те же песни.

Силезский песенник СА издан в 1933 г. в «Народном издательстве Штайнберга и Уттикаля» в Бреслау. Сборник составлен обергруппенфюрером СА Эдмундом Хейнесом. Хейнес был главой полиции Бреслау – столицы Нижней Силезии. Он участвовал в Первой мировой войне и был награжден Железным крестом; после войны вступил в добровольческий корпус «Оберланд», затем в фрайкор Россбаха. Хейнес стал членом нацистского движения в 1921 г. и был одним из «старых борцов» – тех, кто вступил в партию и СА до 1933 г. В 1923 г. он принимал участие в «пивном путче» – первой и неудачной для нацистов попытке государственного переворота. В партии Хейнес сделал хорошую карьеру, в частности, с 1930 г. был депутатом рейхстага. Хейнес был убит в «ночь длинных ножей» [16, с. 192–193].

Стоимость книги составляла 30 пфеннигов, эта цена указана на обложке. Для сравнения отметим, что баварский песенник стоил 20 пфеннигов, выпуск антисемитской газеты «Дер Штурмер» – 20 пфеннигов, сокращенное издание «Моей борьбы» – 10 пфеннигов. В условиях, когда штурмовики должны были сами обеспечивать себя униформой, оружием, необходимой литературой, песенник, как и другие нацистские идеологические издания, был доступен большинству штурмовиков.

На обложке песенника содержится рукописное наставление Эдмунда Хейнеса: «Штурмовики Адольфа Гитлера, пойте свои боевые песни, будьте жизнерадостными и смелыми...» [15, с. 1]. Сборник открывается фотографией Гитлера с его автографом и напечатанной подписью: «Я преуспел в жизни. Я буду бороться за немецкий народ. Я буду бороться за его будущее и величие» [15, с. 3]. За фотографией Гитлера следуют фотографии самого Хейнеса, Германа Геринга и Хорста Весселя. Уже с первых страниц владельцу песенника внушается его исключительная роль в истории Германии, а фюрер предстает нравственным ориентиром. Любопытно, что в песеннике отсутствует фотография начальника штаба СА Эрнста Рёма.

Песенник преследовал задачу политического просвещения, о чем свидетельствует наличие в нем фотографий погибших силезских гитлеровцев. После текста «Знамена ввысь!» представлена фотография торжественной похоронной процессии штурмовика Адольфа Херстенбергера. За ней следуют фотографии 19 погибших членов движения. На принадлежность этих людей к НСДАП и ее организациям указывают сокращения: SAM (SA-Mann), HJ (Hitlerjugend), Pg (Parteigenosse). Таким образом, 16 человек были штурмовиками, один состоял в гитлерюгенде и один был членом партии. Идентификация девятнадцатого погибшего, некоего Янке, вызывает трудности, поскольку не указана его принадлежность к НСДАП или ее дочерним организациям. Янке сфотографирован в гражданской одежде, на которой нет ни одного отличительного признака, по которому было бы возможно установить его принадлежность нацистскому движению. Все нацистские «мученики» сфотографированы либо в гражданской одежде, и в таком случае принадлежность к движению выдает только значок НСДАП, либо в коричневой рубашке без знаков различия. Больше фотографий в гражданской одежде (12 из 19). Под фотографиями указаны место, дата и причина смерти (в основном, разумеется, смерть насильственная). Возраст погибшего указан только в одном случае – локальным «мучеником» движения стал 12-летний член гитлерюгенда Руби Хенке. Наличие в этом издании информации о местных павших гитлеровцах демонстрирует масштабы политики героизации членов движения.

Силезский сборник содержит 105 песен, из них дважды повторяется «Знамена ввысь!» – второй раз с добавленными куплетами. В песеннике содержатся нацистские и военные песни,

немецкие народные песни, марши. Нацистские песни составляют 40 % сборника. Под текстами национал-социалистов, включенных в книгу, не всегда указано авторство, однако некоторые написаны членами НСДАП. Самый известный пример – песня главного «мученика» движения Хорста Весселя «Знамена ввысь!». Кроме того, в песеннике содержится текст Дитриха Эккарта «Буря, буря, буря!». После него напечатана краткая справка, рассказывающая о роли Эккарта в истории движения. Также в песенник включен марш составителя сборника Эдмунда Хейнеса «Под знаменем свастики». Тексты трех песен принадлежат функционеру гитлерюгенда Вернеру Альтендорфу. Составленный им песенник «Идет молодежь», изданный в Потсдаме в 1935 г., также был запрещен в 1946 г. и подлежал изъятию.

Песни национал-социалистов могли быть посвящены памятным событиям в истории партии или лицам, составившим нацистский «пантеон героев». К первым относится, например, песня Адольфа Вагнера «Многие пали в Мюнхене» о событиях 9 ноября 1923 г., известных как «пивной путч». В тексте воздается дань памяти 16 штурмовикам, погибшим у Фельдхернхалле за честь и свободу Германии («В Мюнхене многие пали за честь, свободу и хлеб» [15, с. 39]). Две песни: «Песня Шлагетера» и «Склонить знамена перед мертвыми (обещание Альберту Лео Шлагетеру)» – посвящены Альберту Лео Шлагетеру, еще одному «мученику» движения. В числе текстов авторства национал-социалистов есть и посвященные отдельным землям и городам: Бранденбургу («Меркише Хайде»), Силезии («По-прежнему тихо в силезских лесах»).

В силезском песеннике содержатся тексты, которые исполняли не только члены СА. Содержание сборника перекликается с песенником СС («SS-Liederbuch»), выпущенным Центральным издательством НСДАП в 1937 г. В них совпадает 31 песня. В их число входят песни патриотического характера, например «Германия превыше всего» или песни о Силезской земле и разных немецких городах; немецкие военные песни и марши XVIII–XIX вв. («Синие драгуны», «Три лилии»); песни Первой мировой войны («У меня был товарищ»); нацистские песни о штурмовиках и движении («Знамена ввысь!», «Многие пали в Мюнхене»). Перенос текстов из одного сборника в другой объясняется тем, что СС возникли в структуре СА и членам штурмовых и охранных отрядов внушались одинаковые ценности: мужество, братство, борьба за свободу Германии, верность Адольфу Гитлеру, готовность отдать свою жизнь за дело национал-социализма.

Переходя к характеристике текстов, отметим широкий репертуар силезского песенника, который был обусловлен, с одной стороны, социальным составом штурмовых отрядов, а с другой – стремлением нацистов получить поддержку разных слоев населения. Преобладание старых немецких песен и маршей, песен Первой мировой войны, на наш взгляд, характеризует СА как ветеранскую организацию (что на 1933 г. уже было не совсем так). В ряде случаев нацисты накладывали на свои стихи музыку песен Первой мировой, что должно было способствовать их узнаваемости. Не стала исключением и «Знамена ввысь!», которая исполнялась под музыку песни саперов «Аргоннский лес» («Argonnenwald»). Песни патриотического содержания, восхваляющие красоту немецких земель, указывают на акцент на национальную идею. Наличие песен, обращенных к рабочим, позволяет установить, что нацисты заигрывали с рабочим классом, видели в пролетариате не врага, но потенциального товарища. Этот тезис присутствует и в нацистской пропагандистской литературе. В песне «Выходите, заблудшие товарищи» содержится призыв к рабочим выходить из коммунистической партии и присоединяться к нацистскому движению. Кроме того, в тексте подчеркивается, что гитлеровцы борются именно за рабочий класс, за «свободу, работу и хлеб» [15, с. 37]. Действительно, рабочие вдохновлялись нацистскими лозунгами и обещаниями и вступали в партию и в штурмовые отряды. По подсчетам западных исследователей, в 1929–1930 гг. более 50 % членов СА составляли рабочие (43,8 % квалифицированных и 13,4 % неквалифицированных рабочих) [10, с. 54]. Рабочие не видели разницы между политическими программами нацистов и коммунистов, нередко были переходы коммунистов в СА и наоборот.

Песни национал-социалистов внушали штурмовикам определенную модель поведения, описывали пример достойной службы Гитлеру и Германии, подобный рыцарскому служению, – рыцарство упоминается в текстах 43 раза. Обращение к образу ландскнехта неудивительно. Ландскнехт – узнаваемый, характеризующий немецкую армию эпох Средневековья и Возрождения образ, романтизированный немецкой культурой XIX столетия. Нацисты использовали романтизированный образ воина и романтизировали саму борьбу. Геббельс называл членов СА героями мужества и преданности [8, с. 133]. Штурмовик непоколебим и подобен

крепкому дубу [15, с. 33], он «тверд и стоек в борьбе» [15, с. 35], должен быть смелым, мужественным и верным. Слова «смелость/мужественность» (Mut) и «верность» встречаются в песеннике 15 и 24 раза соответственно. Особое внимание уделяется жертвенности и характерному для нацистов культу смерти. Слова «умирать» и «смерть, мертвый» упоминаются в текстах 30 и 31 раз соответственно. Несколько раз встречается словосочетание «почетная смерть». Штурмовик живет борьбой, она доставляет ему радость, и он «с радостью идет на смерть» [15, с. 36]. Борьба носит священный характер, поскольку преследует цель «воскрешения Германии» [15, с. 35]. ореол святости имеют также нацистские знамена, в особенности «Знамя крови 9 ноября», и павшие товарищи, которые, согласно тексту песни Хорста Весселя, маршируют вместе с живыми.

Штурмовики представлены как исключительно мужское сообщество, основанное на товариществе. Применительно к членам СА в песнях чаще всего встречаются слова «братья» (25 раз), «товарищ» (23 раза), реже – «солдаты Гитлера» (шесть раз), «штурмовики» (три раза), единично – «мушкетеры», «гитлеровцы», «борцы НСДАП», «коричневая армия немецкой революции». В текстах подчеркивается, что штурмовики – семейные люди, они оставляют своих жен, детей и родителей ради борьбы. Особое место занимает образ матери, который фигурирует в восьми текстах. Обращение к матери преисполнено нежными чувствами.

Одним из элементов нацистской пропаганды была демонстрация молодости участников движения, что нашло отражение и в песеннике. В частности, в песне «Идет гитлеровец» упоминается восемнадцатилетний знаменосец. На наш взгляд, акцент на молодом возрасте штурмовиков должен был привлечь в движение послевоенное поколение, дать ему возможность «поиграть в войну», не испытав в ней разочарование, как их отцы в Первой мировой войне [10, с. 41], а также дополнительно придать борьбе за Германию романтический характер.

В воспоминаниях В. В. Чубинского, в 1946–1950 гг. служившего в Советской военной администрации в Германии, рассказано о немецкой девушке-домработнице, которая в свободное время распевала немецкие песни, в том числе гимн гитлерюгенда. Для Чубинского и его сослуживцев стало открытием, что в нацистских песнях, исполнявшихся до прихода Гитлера к власти, акцент делался на социально-экономические проблемы, а не на ксенофобию и разжигание войны [7, с. 164–165]. Тем не менее вместе с призывами к борьбе за свободу, работу и хлеб песни формировали образ врага. Этот образ обобщенный, обезличенный. Соперники нацистов – евреи и коммунисты, причем в текстах они не разделяются, а являются чем-то цельным. В нескольких песнях упоминается Москва как логово врага. Врагам, а именно это слово чаще всего встречается при характеристике противников нацистов, приписываются такие негативные качества, как лицемерие, ворчливость, завистливость и ненависть к немцам. Кроме «врага», единично встречаются слова и словосочетания «злодеи», «еврейский трон», «иностранные евреи», «красная орда» и «красная диктатура». Чаще всего гитлеровцы сравнивают своих противников с дьяволом (упоминается 14 раз), выводя политическое противостояние на уровень священной борьбы. В текстах содержатся призывы к насилию, что вторит тезису Гитлера о том, что иначе движению не одержать победы в борьбе за улицы немецких городов: идея может победить идею только вооруженным путем. В песнях подчеркивается, что гитлеровцы находятся в состоянии перманентной войны со своими врагами и каждый бой может стать для штурмовика последним. Слово «красный» трижды встречается в связке со словом «нищета» (Elend), следовательно, подразумевается, что нацисты приведут Германию к процветанию. Посредством песен гитлеровцы провозглашают, что лишь после изгнания евреев из страны наступит новая веха в истории Германии и «немцы станут счастливыми» [15, с. 35], а основными принципами новой Германии станут свобода, справедливость и единство [15, с. 91–92]. В текстах содержится явная критика Веймарской республики и призыв к борьбе против демократического государственного устройства и против коммунизма. Евреи и коммунисты обвиняются во всех социально-экономических проблемах немцев, и в этом плане нацистские тексты перекликаются с антисемитскими карикатурами еженедельника Юлиуса Штрейхера «Дер Штюрмер». И в периодическом издании, и в песнях провозглашались одни и те же лозунги и призывы.

Песенник штурмовых отрядов является специфическим источником по истории национал-социалистического движения. Он носил не только утилитарную функцию, но также служил своеобразной учебной книгой по истории движения, о чем говорит наличие в силезском песеннике исторической справки о Дитрихе Эккарте, фотогалереи погибших силезских штурмовиков. Песенник способствовал формированию коллективной идентичности членов СА: внушал еди-

ные ценности, представления о памятных событиях, ритуалах. До прихода Гитлера к власти песни были самым простым и доступным способом трансляции идей национал-социализма. В текстах делался акцент на униженном положении Германии после Первой мировой войны, социально-экономических проблемах страны, усугубившихся в период Великой депрессии. В текстах встречаются расхожие нацистские лозунги («Германия, пробудись» и «Мы сражаемся за свободу, работу и хлеб»), которые использовались также в плакатах, пропагандистском кинематографе и литературе. Вывести страну из кризиса призваны нацисты во главе с Адольфом Гитлером. На улицах немецких городов лицом движения являются бойцы штурмовых отрядов. Нацистская пропаганда периода борьбы за власть создала романтизированный образ штурмовика – защитника Германии. Он солдат коричневой армии, бесстрашный, способный на самопожертвование, верный своему вождю «рыцарь». Содержащиеся революционные призывы за создание нового государства, построенного на принципах свободы, справедливости, на национальном принципе, шли рука об руку с насильственными методами нацистов. И хотя гитлеровцы еще не говорили о тотальном физическом уничтожении евреев, но ясно давали понять, что именно они являются корнем бед Германии и от них надо избавиться.

Список литературы

1. Ермаков А. М. «Школа немецкой нации»: женская Служба Труда в гитлеровской Германии : монография. Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2006. 260 с.
2. Ермаков А. М. Союз немецких девушек в нацистской Германии : монография. Изд. 2-е, испр. и доп. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. 362 с.
3. Зачевский Е. А. История немецкой литературы времен Третьего рейха (1933–1945). СПб. : Крига, 2014. 896 с.
4. Мещанинова Л. И., Чубинский В. В. Песни немецких фашистов // Нева. 1993. № 1. С. 190–194.
5. Рудницкий Е. Н. Музыка и музыканты Третьего рейха. М. : Классика XXI, 2017. 640 с.
6. Фест И. К. Гитлер: биография. Т. 2 / пер. с нем. А. Федорова. Пермь : Алетей, 1993. 483 с.
7. Чубинский В. В. Моя «оккупация» Германии. Русский офицер в Берлине и окрестностях. СПб. : Образование – Культура, 2005. 528 с.
8. Behrenbeck S. Der Kult um die toten Helden. Vierow : SH-Verl., 1996. 631 S.
9. Brauer J. Feeling Political by Collective Singing: Political Youth Organization in Germany, 1920–1960 // Feeling Political. Emotions and Institutions since 1789. Palgrave Macmillan. 2022. Pp. 277–306.
10. Grant T. Stormtroopers and Crisis in the Nazi Movement: Activism, Ideology and Dissolution. Routledge, 2004. 192 p.
11. Liste der auszusondernden Literatur. URL: <http://www.polunbi.de/bibliothek/1946-nslit.html#ein> (дата обращения: 30.03.2025).
12. Rechtsextreme Parole wird zum «Sommerhit»: deutschlandweit fast 400 Fälle. URL: https://www.ndr.de/der_ndr/presse/mitteilungen/Rechtsextreme-Parole-wird-zum-Sommerhit-deutschlandweit-fast-400-Faelle,pressemeldungndr24648.html (дата обращения: 26.03.2025).
13. SA-Liederbuch. Joseph Huber Verlag, 1933. 304 S. URL: https://www.usmbbooks.com/SA_songbook.html (дата обращения: 26.03.2025).
14. SA-Liederbuch. München : Zentralverlag der NSDAP, 1938. 248 S. URL: <https://www.papiersammler.com/shop/SA-Liederbuch-p261743715> (дата обращения: 26.03.2025).
15. Schlesisches SA-Liederbuch. Breslau : Völkischer Verlag Steinberg & Uttikal, 1933. 99 S.
16. Weiß H. Biographisches Lexikon zum Dritten Reich. Fischer Taschenbuch Verlag, 2002. 509 S.

Nazi propaganda in the songbooks of the NSDAP's storm troops

Pchelkina Anastasiya Konstantinovna

postgraduate student of Department of the World History, Yaroslavl State Pedagogical University
n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. ORCID: 0009-0004-4911-1294. E-mail: p4elkina.nas@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the songbooks of the Nazi storm troops (SA). Historians most often use the songs of various organizations of the NSDAP and the Third Reich as an example of Nazi propaganda, while the songbook is a complex source that requires separate study. The lyrics contained in the songbooks not only inspired Nazi ideas, but also contributed to the cohesion of society and members of Nazi organizations. The purpose of the article is a source-based analysis of the SA songbook. The collections were investigated both as a material medium and as a means of Nazi propaganda, developed specifically for assault troops. As part of the study, several songbooks of the assault troops were reviewed, their content was analyzed – texts and visuals.

The performance of songs by members of National Socialist organizations is considered in the context of the formation of the Nazi propaganda apparatus. The characteristics of the first songbooks are given, their content is revealed. The SA and SS songbooks are compared. It showed the presence of common texts, which is due to the specifics of the SS. During the analysis of the visual series presented in the songbooks, the educational component of this publication was revealed. Several elements of the text component have been identified: the lyrics themselves, notes about the Nazi "heroes" and instructions from the "Führers" (Adolf Hitler, Ernst Röhm, Victor Lutze, Edmund Heines). The method of content analysis was used to study the songs. According to the results of the content analysis, marker words were found that characterize the organization of the SA, the model of behavior of stormtroopers inspired by Nazi propaganda, and describe the image of the enemy. The results of the study may be significant for historians in the study of Nazi propaganda, in comparative studies of 20th century dictatorships.

Keywords: storm troopers, Nazi's propaganda, Nazi's ideology, songbook, Horst Wessel.

References

1. Ermakov A. M. *"Shkola nemeckoj nacii": zhenskaja Sluzhba truda v gitlerovskoj Germanii : monografija* ["School of the German Nation": Women's Labor Service in Hitler's Germany : monograph]. Yaroslavl', Publishing house of Yaroslavl' State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky, 2006, 260 p.
2. Ermakov A. M. *Sojuz nemeckih devushek v nacistskoj Germanii : monografija* [League of German Girls in Nazi Germany : monograph]. 2nd ed., corrected and enlarged. Yaroslavl', Publishing house of Yaroslavl' State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky, 2017, 362 p.
3. Zachevskij E. A. *Istorija nemeckoj literatury vremen Tret'ego rejha (1933–1945)* [History of German Literature during the Third Reich (1933–1945)]. SPb., Kriga, 2014, 896 p.
4. Meshhaninova L. I., Chubinskij V. V. *Pesni nemeckih fashistov* [Songs of German Fascists] // *Neva – Neva*. 1993. No. 1. Pp. 190–194.
5. Rudnickij E. N. *Muzyka i muzykanty Tret'ego rejha*. [Music and Musicians of the Third Reich]. M., Classic XXI, 2017, 640 p.
6. *Fest I. K. Gitler: biografija. T. 2* [Hitler: A Biography. Vol. 2] / transl. from German by A. Fedorova. Perm', Aletea, 1993, 483 p.
7. Chubinskij V. V. *Moja "okkupacija" Germanii. Russkij oficer v Berline i okrestnostjah* [My "Occupation" of Germany. A Russian Officer in Berlin and Its Environs]. SPb., Obrazovanie – Kultura (Education – Culture), 2005, 528 p.
8. Behrenbeck S. *Der Kult um die toten Helden*. Vierow : SH-Verl., 1996. 631 S.
9. Brauer J. *Feeling Political by Collective Singing: Political Youth Organization in Germany, 1920–1960* // *Feeling Political. Emotions and Institutions since 1789*. Palgrave Macmillan. 2022. Pp. 277–306.
10. Grant T. *Stormtroopers and Crisis in the Nazi Movement: Activism, Ideology and Dissolution*. Routledge, 2004. 192 p.
11. Liste der aussondernden Literatur. Available at: <http://www.polunbi.de/bibliothek/1946-nslit.html#ein> (date accessed: 30.03.2025).
12. Rechtsextreme Parole wird zum "Sommerhit": deutschlandweit fast 400 Fälle. Available at: https://www.ndr.de/der_ndr/presse/mitteilungen/Rechtsextreme-Parole-wird-zum-Sommerhit-deutschlandweit-fast-400-Faelle,pressemeldungndr24648.html (date accessed: 26.03.2025).
13. SA-Liederbuch. Joseph Huber Verlag, 1933. 304 S. Available at: https://www.usmbooks.com/SA_songbook.html (date accessed: 26.03.2025).
14. SA-Liederbuch. München : Zentralverlag der NSDAP, 1938. 248 S. Available at: <https://www.papiersammler.com/shop/SA-Liederbuch-p261743715> (date accessed: 26.03.2025).
15. Schlesisches SA-Liederbuch. Breslau : Völkischer Verlag Steinberg & Uttikal, 1933. 99 S.
16. Weiß H. *Biographisches Lexikon zum Dritten Reich*. Fischer Taschenbuch Verlag, 2002. 509 S.

Поступила в редакцию: 26.12.2025

Принята к публикации: 28.01.2026

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

EDN: FGUIPM

УДК 327.8(44)

Внешние связи заморских регионов Франции в Индо-Пацифике*

**Минкова Кристина Владимировна¹, Ашикбаева Ильдана Адильевна²,
Пешкова Софья Антоновна³**

¹доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет. Россия, г. Санкт-Петербург. ResearcherID: 730215.

ORCID: 0000-0001-5833-6808. E-mail: k.minkova@spbu.ru

²стажер Центра канадских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет. Россия, г. Санкт-Петербург. ResearcherID: 143802. ORCID: 0009-0005-4708-7750.

E-mail: st112512@student.spbu.ru

³стажер Центра канадских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет. Россия, г. Санкт-Петербург. ResearcherID: 143814. ORCID: 0009-0005-1928-8934.

E-mail: sspeshkova@yandex.ru

Аннотация. Актуальность темы данного исследования определяется возрастающей ролью Индо-Тихоокеанского региона (далее – ИТР) в международных отношениях и стремлением внерегиональных или опосредованно региональных игроков усилить свое влияние в Индо-Пацифике. Цель статьи – рассмотреть интересы Франции и ее заморских территорий в ИТР, проанализировать правовую основу, основные направления и результаты внешних связей французских регионов в Индо-Пацифике. Предмет исследования – парадипломатия заморских территорий Французской Республики.

Основную источниковую базу исследования составили официальные документы Французской Республики, а также научные и аналитические статьи и новостные материалы.

Авторы приходят к выводу в том, что в последние годы политика Франции в ИТР значительно трансформировалась и конкретизировалась, а заморские территории призваны сыграть ключевую роль в реализации амбициозных планов Пятой республики по развитию сотрудничества со странами региона. Парадипломатия заморских территорий Франции осуществляется на солидной правовой базе; все заморские регионы имеют правительственные институты, полностью или частично ответственные за внешние связи. При этом заморские автономии Франции имеют собственные интересы в регионе, не всегда совпадающие с интересами центра, и ведут борьбу за расширение своих прав. Однако Париж стремится сохранять контроль над внешними сношениями своих заморских территорий, и на данный момент их внешнеполитическая деятельность все еще осуществляется в рамках общефранцузской стратегии и под контролем Парижа.

Результаты статьи могут иметь практическое и научное применение. Научное связано с тем, что в отечественной историографии внешние связи заморских территорий Франции крайне мало исследованы, хотя их изучение представляет интерес. Практическое – опыт парадипломатии заморских территорий Франции можно изучать и применять для укрепления позиций Российской Федерации в том числе в ИТР.

Ключевые слова: заморские регионы Франции, Индо-Тихоокеанский регион, парадипломатия, Французская Республика, Реюньон, Новая Каледония, Французская Полинезия.

Введение. На протяжении столетий Франция была активным игроком в Индо-Тихоокеанском регионе (далее – ИТР), однако после прихода на пост президента Э. Макрона действия Пятой Республики в данном регионе получили новый импульс. Внутриполитический кризис, частичный слом традиционной внешней политики и сложности, которые переживает сегодня Европейский союз (ЕС), оказывают влияние не только на саму Францию, но и на ее заморские территории в Индо-Пацифике.

© Минкова Кристина Владимировна, Ашикбаева Ильдана Адильевна, Пешкова Софья Антоновна, 2026

¹ Статья выполнена в рамках Инициативного проекта СПбГУ «Парадипломатия административно-территориальных единиц унитарных и федеративных государств».

Несмотря на то что некоторые регионы материковой Франции в последние годы все громче заявляют о себе на международной арене, внешнеполитическую активность своих заморских регионов Париж пытается ограничивать, контролировать и использовать в рамках своей стратегии в ИТР. Наиболее жесткий контроль устанавливается над автономиями (например, Новой Каледонией и Французской Полинезией), что периодически приводит к росту напряженности между ними и центром и попыткам последнего дезавуировать местные инициативы. При этом менее зависимые от центра территории все же имеют больший простор для деятельности на внешнем треке, тогда как международная активность других заморских территорий Франции практически полностью встроена во внешнюю политику центрального правительства. Таким образом, французская практика сочетает элементы сотрудничества и конкуренции, формируя гибридную систему взаимодействия между центром и заморскими территориями.

Очевидно, однако, что Франция не сможет долго игнорировать новые тренды в международных отношениях, а именно возрастающую роль субнациональных акторов как новых субъектов, обладающих собственными интересами, не всегда совпадающих с интересами их центральных правительств. Настоящая статья посвящена поиску ответов на следующие вопросы: какова правовая база международной деятельности заморских территорий Франции? Каковы их внешнеполитические интересы? Действительно ли они привержены общефранцузской стратегии в регионе? Продолжат ли они поддерживать Париж и обеспечивать реализацию его внешнеполитических интересов в условиях снижения влияния центра? Не станет ли сложившаяся ситуация тем трамплином, с которого заморские территории Франции совершат самостоятельный прыжок на международную арену?

Термин «парадипломатия» был введен в научный оборот в 1990 г. И. Духачеком и П. Солдатосом – исследователями международной деятельности субъектов федераций. Так, парадипломатия определяется как «прямое продолжение, в различной степени, международной деятельности со стороны субгосударственных правительств» [1, с. 34], где приставка пара- обозначает параллельную, дополняющую и конфликтующую деятельность по отношению к центру. Американский политолог С. Уолф считает обособленность деятельности субгосударственных образований от государственной политики «внешнеполитическим потенциалом», направленным на достижение собственных интересов [92, р. 141].

Российский исследователь Ю. Г. Акимов выделяет несколько классических типов взаимодействия между внешней политикой центрального правительства и международной активностью его административно-территориальных единиц. При *параллельном* типе национальные правительства не препятствуют международной деятельности субъектов. *Конфликтный* тип характеризуется настороженностью или негативным отношением центрального правительства к парадипломатии регионов и имеет несколько степеней – от мягкой «состязательной» формы до жесткой «запретительной» и даже «репрессивной», когда центр блокирует международную активность территорий. *Синергетический* тип подразумевает взаимовыгодное сотрудничество центра и региона; центр получает возможность использовать субнациональные акторы для решения специфических региональных задач, а регионы – поддержку национального правительства, его ресурсы и возможности. Для унитарных государств часто оказывается наиболее характерной *ауксилиарная* парадипломатия, в рамках которой его части активно участвуют в достижении поставленных центром внешнеполитических задач [1, с. 35–39].

В отечественной и зарубежной историографии политика Франции в Индо-Пацифике освещается преимущественно через анализ эволюции самого концепта региона и стратегических документов государств, заинтересованных в его развитии. Сам концепт ИТР как антикитайского геополитического пространства был впервые предложен в 2007 г. индийским экспертом Г. Кураной. В данной статье автор определяет ИТР как морское пространство, включающее Индийский океан и западную часть Тихого океана [42, р. 150].

В российской научной традиции первоначально формируется корпус общих исследований, посвященных трансформации Индо-Тихоокеанского региона. Так, в 2023 г. вышла коллективная монография «Новая реальность Индо-Тихоокеанского пространства», в которой современное состояние и перспективы развития ИТР рассматриваются через эволюцию роли в нем Китая, США, Индии, Японии и АСЕАН, при этом ни интересы Европейского союза в целом, ни политика заморских территорий Франции в этом регионе в данном издании не исследуются [6]. Схожий анализ представлен в работах Д. Стрельцова, где Индо-Тихоокеанский регион рассматривается как новая конфигурация глобальной системы международных отношений, формирующаяся под воздействием конкуренции ведущих держав [9]. А. Беспалов

обращает внимание на смену парадигмы от АТР к Индо-Пацифике, трактуя данный концепт как политически нагруженную конструкцию, отражающую перераспределение сил в Азии [2].

В рамках специальных исследований, посвященных Франции, анализируется эволюция ее внешнеполитических приоритетов в регионе. В работах К. Зуевой и П. Тимофеева анализируются особенности внешней политики Э. Макрона, включая сочетание прагматизма и атлантической солидарности, что объясняет заинтересованность президента Франции в Индо-Тихоокеанском регионе [5]. А. Захаров рассматривает развитие стратегического партнерства Франции и Индии как один из ключевых элементов французской политики в регионе [4]. В отечественной научной литературе анализ французских интересов в Индо-Тихоокеанском регионе проводится в работах А. Ю. Чихачева, который исследует основы современной внешней политики Франции в Индо-Пацифике, а также военно-политическую стратегию Республики после создания AUKUS [11; 12]. Дополнительный анализ обновленной Индо-Тихоокеанской стратегии Франции представляется А. А. Гариным, рассматривающим ее ключевые положения и институциональные механизмы реализации [3]. Т. А. Цыплина исследует восприятие Францией самой концепции Индо-Тихоокеанского региона и особенности ее интерпретации в рамках национальной внешнеполитической стратегии [10]. Тем не менее в российских исследованиях практически не проводится комплексный анализ парадипломатии отдельных французских регионов в Индо-Пацифике.

В зарубежной литературе внимание сосредоточено в основном на стратегической адаптации европейских государств к новым региональным реалиям (С. Странджо) [85], тогда как французская позиция раскрывается преимущественно через официальные программные документы 2018–2025 гг. и экспертные публикации оборонно-стратегического характера. Анализируются ключевые вызовы и интересы Франции в Индо-Пацифике, включая военно-стратегическое присутствие, значение заморских территорий и роль Франции как индо-тихоокеанской державы (К. Пиполо) [76]. Публикации, посвященные отдельным заморским территориям (П. Мийе), акцентируют их стратегическое значение, но не предлагают комплексного рассмотрения парадипломатической активности французских регионов в контексте реализации общей стратегии по отношению к Индо-Пацифике [60–62].

В рамках общих зарубежных исследований французская стратегия рассматривается через призму геополитической переоценки роли Франции как державы с глобальными интересами. А. Мопен анализирует французское присутствие в Индийском океане как устойчивый элемент долгосрочной геополитической конфигурации [59], И. Сен-Мезар связывает его с обеспечением безопасности морских коммуникаций и поддержанием баланса сил [83], а А. Джилли интерпретирует новый “raison d'être” («смысл существования») Франции в Индо-Пацифике как институционализацию ее статуса индо-тихоокеанской державы в условиях усиления китайского фактора [35].

Специальные зарубежные исследования сосредоточены на отдельных направлениях реализации французской политики. П. Пажон рассматривает участие Франции в форматах Quad Plus и механизмах многостороннего взаимодействия, подчеркивая стремление Парижа встроиться в архитектуру региональной безопасности без формального вступления в антикитайские коалиции [74]. Д. Пандей анализирует укрепление французского присутствия в Индийском океане в контексте оборонной дипломатии [75], М. Хамид исследует франко-индийское стратегическое партнерство и его последствия для регионального баланса сил [37], а в ряде работ (Ясмин) подчеркивается значение региона для обеспечения энергетической и оборонной безопасности Франции [93].

Как в российских, так и в зарубежных научных исследованиях подробно рассматривается регион Индо-Пацифики и стратегические приоритеты Франции в данном пространстве. Однако парадипломатическая активность заморских территорий в рамках реализации общей стратегии Франции остается фрагментарно освещенной и не становится предметом самостоятельного комплексного анализа, что и определяет наш исследовательский интерес в данной работе.

Французское видение Индо-Тихоокеанского региона. Заморские территории Франции являются, по сути, форпостом этой страны (и Европейского союза в целом) в Индо-Пацифике. Соответственно, французское видение региона в контексте настоящей статьи представляет особую важность.

Несмотря на то что приоритетным для Франции традиционно был европейский регион, азиатское направление не оставалось без внимания. После визита Ж. Ширака в Индию в

1998 г. были заложены основы стратегического партнерства Франции с этой страной [8]. Ширак поддержал Индию после проведения ею ядерных испытаний, за что во многом заслужил статус ее «друга» [40]. Николя Саркози продолжил развивать отношения с Индией [84] и другими странами Индо-Тихоокеанского региона. Во время президентства Франсуа Олланда в 2013 г. была опубликована Белая книга по обороне и национальной безопасности, в которой было уделено особое внимание стратегическому положению заморских территорий, нуждающихся в защите центрального правительства. В документе подчеркивалось, что безопасность Индийского океана, морской доступ к Азии, является приоритетом для Франции и для Европы [34, р. 55]. В Тихоокеанском регионе Франция полностью выполняет свои обязанности как политическая и морская держава, имеющая присутствие в регионе [34, р. 56]. Особый акцент делался именно на необходимости защиты заморских территорий и на развитии стратегических партнерств с Индией и Австралией. Однако тогда политика Парижа в отношении Индо-Тихоокеанского региона опиралась на двустороннее сотрудничество и не имела комплексного характера. Последующая эволюция французской стратегии в ИТР показала, что она вышла за рамки простого обеспечения безопасности заморских территорий, охватив при этом широкий спектр вопросов.

Действительно, было бы ошибочно полагать, что Эммануэль Макрон начал развивать французскую Индо-Тихоокеанскую стратегию с нуля. Его предшественниками была заложена база для сотрудничества со странами региона. Тем не менее он был первым лидером Франции, кто начал популяризировать концепцию Индо-Пацифики, по сути, способствуя моде на ее исследование и развитие. Первоначальные ориентиры единой французской стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе были озвучены президентом в 2018 г. в его выступлениях во время поездок в Индию [20; 21], Австралию [22] и Новую Каледонию [23]. Затем стратегия была закреплена официально в 2021 г. [86] и в 2022 г. [31]. Новая Стратегия Франции в Индо-Пацифике, принятая в июле 2025 г., отражает нарастающую конфликтность в регионе. Теперь ИТР – это арена для соперничества между великими державами, растущей самоуверенности Китая и сильной торговой напряженности [32, р. 8]. Франция же позиционирует себя как сила, выступающая за мир, стабильность, сотрудничество и процветание [32, р. 10]. В документе не раз подчеркивается, что Пятая Республика отвергает блоковый менталитет и разделение на сферы влияния и выступает за неконфронтационный подход, основанный на партнерстве [32, р. 8]. Она призывает к формированию открытого, безопасного и инклюзивного пространства, свободного от всех форм принуждения, основанного на уважении международного права, многосторонности и национального суверенитета. Однако, несмотря на призывы к инклюзивности региона, в Стратегии прослеживается явное нежелание видеть Китай одним из ключевых государств, формирующих повестку в ИТР. КНР – «партнер-конкурент и системный соперник» [32, р. 16].

Французская стратегия в Индо-Пацифике основана на четырех приоритетах: повышение центральной роли заморских департаментов и регионов, укрепление партнерских отношений в области суверенитета со странами Индо-Тихоокеанского региона, поддержка многосторонности и структурирование региональных организаций, а также активное содействие реализации Индо-Тихоокеанской стратегии ЕС [86], принятой в 2021 г. [32, р. 10].

Далее мы остановимся подробнее на первом из заявленных приоритетов, который непосредственно касается заморских территорий. Как уже упоминалось ранее, в реализацию стратегии Франции в ИТР непосредственно вовлечены ее заморские департаменты, регионы и сообщества, которые являются как участниками, так и бенефициарами этого процесса. Важно учитывать, что в Индо-Пацифике находятся 7 из 13 заморских территорий Франции. Как говорится в тексте Стратегии, эти территории полностью привержены реализации общепарижской политики благодаря своему географическому положению, своим сильным сторонам и влиянию [32, р. 19].

Будучи одним из ключевых игроков в Европейском союзе и в силу особенностей формирования внешней политики стран ЕС, Париж неизменно учитывает фактор ЕС в своих международных делах, в том числе и в отношении Индо-Пацифики, став не только ключевой движущей силой в этом направлении, но и своеобразным «наставником» для других членов объединения при принятии их национальных стратегий в ИТР.

Пятая Республика действительно пытается разработать свое особое видение региона. Оно может быть привлекательным не только для остальной Европы, которую Париж так активно пытается вовлечь в Индо-Тихоокеанскую политику, но и для других стран. Особый под-

ход Франции, как говорится в Стратегии 2025 г., заключается в альтернативном варианте для государств, которые не желают выбирать «патрона» между великими державами и участвовать в разделе мира на сферы влияния. Она предлагает диверсификацию партнерских отношений, которая помогает сохранить свободу действий и расширяет возможности партнеров для маневра в условиях растущей стратегической конкуренции [32, p. 16].

Правовая основа реализации внешних связей регионов Франции. Международная деятельность заморских территорий Франции регулируется развитой и многоуровневой системой норм публичного права, которая обеспечивает согласованность действий органов самоуправления заморских регионов и сообществ с национальными (центральными) органами власти. С 1980-х гг. французские регионы начали получать расширенные компетенции в сфере международных отношений. Современная система управления внешними связями регионов Франции включает в себя центральные органы государственной власти, органы местного и регионального самоуправления, а также наднациональные структуры Европейского союза. Каждый из этих уровней управления имеет собственную нормативно-правовую базу, которую необходимо учитывать при анализе правовых основ деятельности заморских территорий Франции.

В Конституции Франции 1958 г. осуществление внешних связей и подписание международных договоров относится к юрисдикции центрального правительства. Ст. 52 наделяет президента Республики правом ведения переговоров о заключении договоров и их ратификации, а также правом получения информации о тех соглашениях, которые не требуют ратификации. Статьи 74–75 Конституции Франции устанавливают особый правовой статус заморских территориальных сообществ. Для каждой территории предусматривается собственный Устав, определяемый органическим законом. Органы власти этих территорий самостоятельно решают значительную часть вопросов внутренней политики (экономическое регулирование, социальная политика, образование, здравоохранение и пр.) и международной деятельности (участие в международных региональных организациях, открытие представительств); появляется возможность передачи полномочий от государства органам местного управления заморскими территориями в сфере международных связей (в соответствии с Уставом и одобрением парламента Франции). Также закрепляется сохранение жителями заморских территорий право на адаптацию законодательства метрополии к особенностям заморских административно-территориальных образований [88].

Первым нормативным актом, наделившим французские субъекты реальной автономией, стал закон № 82-213 от 2 марта 1982 г. «О правах и свободах общин, департаментов и регионов» [56]. Он положил начало процессу децентрализации, закрепив юридическую и административную автономию регионов, которая впоследствии стала фундаментом их внешней активности.

Директивный закон № 92-125 от 6 февраля 1992 г. «О территориальном управлении Республики» впервые прямо разрешил французским регионам участвовать в международной деятельности (ст. 131) [50]. Этот акт стал ключевым шагом в признании международной правосубъектности территориальных сообществ на внутригосударственном уровне.

Генеральный кодекс территориальных сообществ от 24 февраля 1996 г. систематизировал положения закона 1992 г. и стал главным нормативным источником, регулирующим внешние связи субъектов. В нем были закреплены право на заключение договоров с иностранными территориальными сообществами, обязанность сообщать Министерству Европы и иностранных дел Франции о подобных соглашениях, право на участие в международных организациях, если это не противоречит интересам государства, право на участие в европейских программах территориального сотрудничества и т. д. [16].

Конституционный закон № 2003-276 от 28 марта 2003 г. «О децентрализованной организации Республики» закрепляет децентрализованный характер устройства Республики и вносит изменения в ряд статей, регулирующих заморские территории. Так, он устанавливает принципы самоуправления территориальными образованиями и их финансовой автономии, вводится институт местного консультативного референдума, право народа на подачу петиций и пр. [49].

Закон № 2007-147 от 2 февраля 2007 г. «О внешних действиях территориальных сообществ и их объединений» еще больше расширил и конкретизировал нормы Закона 1992 г., закрепив международную деятельность как полноправную компетенцию территориальных органов власти [52].

Закон № 2014-773 от 7 июля 2014 г. «О руководящих принципах и планировании, касающихся политики развития и международной солидарности» закрепил роль территориальных органов власти в развитии международных связей, подчеркнув их вклад в поддержку программ развития и солидарности, а также предоставив возможность прямого участия регионов и заморских территорий в международных проектах при согласовании действий с национальными стратегиями в области сотрудничества и устойчивого развития. Он также подчеркнул их значимость в системе французской внешней политики на региональном уровне [53].

Закон № 2015-991 от 7 августа 2015 г. «О новой территориальной организации Республики» наделил регионы новыми блоками полномочий и перераспределил их между уровнями власти таким образом, чтобы регионы имели больше возможностей для межрегионального сотрудничества, повышения международной привлекательности и экономического развития [54]. Закон усилил возможности экономической, культурной и образовательной интеграции заморских территорий в международные проекты, одновременно поддерживая согласованность действий с национальными стратегиями Франции, в том числе в Индо-Тихоокеанском регионе.

Таким образом, эволюция законодательной базы в 1982–2015 гг. демонстрирует постепенное расширение полномочий территориальных органов власти, включая заморские регионы, в международной сфере. На данный момент заморские территории стали полноценными субъектами внешней политики Франции, однако их деятельность остается подконтрольной национальным органам власти.

Политика Франции (а значит, и французских регионов) в Индо-Пацифике основывается на ряде программных документов. В первую очередь это Белая книга «Французская стратегия в Азии и Океании до 2030 г. – переход к инклюзивной азиатской Индо-Пацифике» 2018 г. Она содержит семь ориентиров для проведения политики, направленной на обеспечение безопасности, независимости, а также на поддержание солидарности и усиление влияния Франции в регионе [87]. Для заморских территорий (в первую очередь Реюньона, Новой Каледонии, Французской Полинезии и Майотты) Стратегия 2018 г. стала основой для их встраивания в геоэкономические и дипломатические инициативы Франции в Индо-Пацифике.

Следующий важный документ – обновленная концепция безопасности «Франция и безопасность в Индо-Пацифике», представленная Министерством обороны Пятой Республики в мае 2018 г. [45] В ней ИТР был впервые определен как единое геополитическое пространство, соединяющее Индийский и Тихий океаны, а также обозначена необходимость развития сети союзов, экономических и оборонных механизмов сотрудничества. Именно в этот период термин «Индо-Пацифика» закрепляется в официальных документах, что свидетельствует о переходе к целостному видению региона и осознанию роли заморских территорий как стратегических опорных пунктов.

Важнейшим директивным документом оборонной политики стал доклад Министерства вооруженных сил Франции «Франция и безопасность в Индо-Тихоокеанском регионе» 2019 г., в котором были подробно изложены стратегические приоритеты Республики, а Индо-Пацифика впервые определяется как зона прямых национальных интересов Франции [30].

В «Стратегии обороны в Индо-Тихоокеанском регионе» 2019 г. было представлено более подробное описание роли Франции, ее приоритетов, а также главных вызовов и угроз, существующих в обозначенном пространстве. В этой стратегии подчеркивается значение заморских территорий как опорных точек национальной оборонной инфраструктуры [46].

В обновленной версии Стратегии обороны в Индо-Тихоокеанском регионе 2021 г. акцент сместился на развитие сотрудничества в области обмена сведениями о морской среде, мониторинга безопасности и обмена разведывательными данными между такими странами, как Индия, Австралия, Япония и страны Юго-Восточной Азии. Также подчеркивается приоритет многосторонних форматов взаимодействия, в том числе в рамках инициатив ЕС, обозначенных в «Европейской стратегии в Индо-Пацифике» (2021) [47].

Наконец, Обзор национальной стратегии 2025 г. стал первым документом, в котором Франция признает Индо-Пацифику ключевым регионом для мировой экономики и геополитического соперничества. Франция считает стабильность в Индо-Тихоокеанском регионе частью своих национальных интересов, признавая влияние напряженности в Восточной Азии на безопасность Европы. В связи с этим планируется усиление французского присутствия посредством развития сети военно-морских баз, укрепления партнерских отношений и демон-

страции силы – в частности, через развертывание авианосных групп, подводных лодок и боевых самолетов в зоне Индийского и Тихого океанов [82].

На данный момент основополагающим документом, обозначающим ключевые интересы Франции в Индо-Пацифике, является Французская стратегия в Индо-Пацифике 2025 г. Как упоминалось ранее, Стратегия представляет собой наиболее комплексную и актуальную формулировку политики Франции в регионе, основанную на ее уникальном статусе индо-тихоокеанской державы благодаря заморским территориям.

Таким образом, анализ программных документов наглядно демонстрирует растущую заинтересованность Франции в Индо-Тихоокеанском регионе и эволюцию ее интересов в ИТР.

Институциональная основа реализации внешних связей французских заморских территорий в ИТР. Для наиболее полного понимания механизма осуществления внешних связей французских заморских территорий необходимо выявить институты, которые обеспечивают и регулируют их парадипломатию. Французская модель парадипломатии изначально развивалась в тесной связи с централизованной государственностью, сама международная деятельность административно-территориальных единиц долгое время рассматривалась сквозь призму административного права и децентрализации, а не международных отношений. Сегодня она представляет собой сложную, но достаточно четко выстроенную систему. Ответственные институты – это не только о формально-правовых пределах парадипломатии, но и о реальных механизмах ее функционирования, что дает возможность оценить степень согласованности действий различных уровней власти, увидеть институциональные инновации и определить, каким образом государство сохраняет контроль над внешней деятельностью, не препятствуя инициативности субнациональных акторов.

Национальные центральные органы представлены в виде нескольких структур, регулирующих деятельность заморских территорий во внешней политике Республики. В первую очередь это Министерство заморских территорий [66], отвечающее за координацию действий правительства во французских заморских территориях с учетом компетенции, характерной для каждой территории [24]. В составе министерства существует несколько подразделений, одно из которых – Главное управление по делам заморских территорий (Direction générale des outre-mer, DGOM) – занимается разработкой и координацией государственной политики в заморских регионах, обеспечивая адаптацию национальных программ к специфике этих территорий [44].

Министерство Европы и иностранных дел (MEAE) [64] является ведущим органом контроля деятельности по децентрализованному сотрудничеству. В структуре министерства ключевую роль играет Управление по вопросам внешних связей территориальных образований (Délégation pour les collectivités territoriales et la société civile, DCTCIV) [63], которое не только контролирует соблюдение правовых норм, но и осуществляет сопровождение, консультирование, продвижение и частичное финансирование внешних действий территориальных сообществ (Actions Extérieures des Collectivités Territoriales, AECT) [67].

Национальная комиссия по децентрализованному сотрудничеству (CNCD) [43] – консультативный орган межведомственного сотрудничества при Министерстве Европы и иностранных дел Французской Республики, призванный обеспечивать согласованность, координацию и прозрачность международной деятельности французских субъектов. Комиссия ведет реестр соглашений, а также издает ежегодные отчеты, содержащие правовое оформление внешней деятельности городов и регионов Франции. Данный орган важен в контексте рассмотрения правовой базы французских субъектов за счет своей координирующей и стратегической роли в развитии парадипломатии Франции. Выступая посредником между центральными и местными органами власти, CNCD служит основной национальной площадкой для диалога, где обсуждаются вопросы международных связей французских регионов.

Систему институциональной поддержки парадипломатии сложно представить без национальных агентств и государственных учреждений, которые обеспечивают финансовое, экспертное и организационное сопровождение международных проектов.

Французское агентство по развитию (Agence Française de Développement, AFD) [14] – государственное финансовое учреждение Франции, которое поддерживает и дополняет дипломатическую деятельность Франции. AFD финансирует и поддерживает проекты, направленные на улучшение условий жизни, стимулирование экономического роста и защиту планеты, в том числе в Индо-Тихоокеанском регионе. Агентство играет ключевую роль в системе развития парадипломатии за счет того, что интегрирует региональные инициативы в более ши-

рокие стратегические рамки внешней политики Франции. Наряду с AFD система включает механизмы международного гражданского волонтерства “Le volontariat civil international (VIE, VIA)” [65]. Данная организация занимается обеспечением волонтерских миссий в различные регионы, в том числе в Индо-Тихоокеанский, за счет чего расширяются социальные, культурные и профессиональные связи на всех уровнях внешней политики.

Стоит обратить внимание на то, что заморские территории Франции имеют разные статусы (заморские департаменты и регионы, заморские сообщества, административно-территориальные образования с особым статусом и прочие заморские территории), вытекающие из этого разные полномочия в области осуществления внешних сношений и, соответственно, разные институты, отвечающие за парадипломатию. Рассмотрим модели управления внешними связями на примере Реюньона, Новой Каледонии и Французской Полинезии как регионов, существенно различающихся по уровню автономии, институциональному статусу и политической динамике (ст. 72–74 Конституции 1958 г.) [88].

Реюньон имеет статус заморского департамента и региона Франции (*département et région d'outre-mer, DROM*). Законом № 2007-147 от 2 февраля 2007 г. полномочия субъекта ограничены, но внешние связи в формате децентрализованного сотрудничества разрешены [52]. Международную деятельность региона регулируют несколько институтов.

Региональный совет Реюньона (*Le conseil régional de La Réunion*) – главный орган региональной власти, представляющий собой совещательное собрание, осуществляющее деятельность по развитию заморской территории и ее внешних связей. В компетенции Совета, помимо развития местной экономики, образования, транспорта и прочего, входят укрепление регионального сотрудничества, участие в различных международных программах, управление и контроль за распределением средств, направляемых Европейским союзом [79].

Ведомственный совет Реюньона (*Conseil départemental de La Réunion*) [25] – совещательный орган местного самоуправления социального уровня, реализующий программы поддержки населения и участвующий в международных социальных инициативах. Наряду с Региональным советом участвует в развитии внешних связей прежде всего через укрепление солидарности и расширение программ обменов в бассейне Индийского океана [19].

Новая Каледония – регион с наивысшей среди заморских территорий Франции степенью автономии. Ее компетенции в области внешних сношений закреплены в разделе XIII Конституции Французской Республики и в ст. 28–38 Органического закона № 99-209 от 19 марта 1999 г. о Новой Каледонии [56, Section 2 (Articles 28 à 38)]. Регион имеет несколько институтов, осуществляющих его внешнюю деятельность.

В компетенцию Конгресса Новой Каледонии (*Congrès de la Nouvelle-Calédonie*) – совещательной ассамблеи, выполняющей функции законодательного органа – входит принятие законов и нормативных актов, утверждение бюджета, вынесение заключений по законопроектам, ратификация международных соглашений, утверждение конвенций и пр. [18].

Правительство Новой Каледонии (*Gouvernement de la Nouvelle-Calédonie*) – политический орган исполнительной власти Новой Каледонии, занимающийся регулированием тарифов, цен, распоряжением имущества и бюджета, подготовкой законов и заключением международных соглашений, а также осуществляющий представительство территории в ее внешних связях [36].

Французская Полинезия обладает статусом заморского сообщества и имеет особое название – «заморская страна в составе Республики» (*pays d'outre-mer au sein de la République*). Территория имеет достаточно высокую степень автономии, которая регулируется Органическим законом № 2004-192 от 27 февраля 2004 г. об автономном статусе Французской Полинезии [57].

Правительство Французской Полинезии (*Gouvernement de la Polynésie française*) – исполнительный орган заморской территории, обладающий полномочиями в сферах образования, здравоохранения, экономического регулирования, транспорта, энергетики, а также внешних связей в рамках децентрализованного сотрудничества. Правительство возглавляет президент Французской Полинезии, который определяет основные направления внутренней политики, заключает международные соглашения о децентрализованном сотрудничестве в пределах переданных ему полномочий, а также представляет заморскую территорию во внешних связях. К особым полномочиям Французской Полинезии относится возможность иметь представительство в иностранном государстве или международной организации, в

этом случае весь переговорный процесс и назначение представителей также находятся в компетенции президента заморской территории [57, art. 63–101].

Ассамблея Французской Полинезии (*Assemblée de la Polynésie française*) – законодательный орган заморской территории, принимающий законы, утверждающий программу правительства, бюджет субъекта, а также осуществляющий парламентский контроль, в том числе за ее международной деятельностью [57, art. 102–146].

Значительную роль в поддержании парадипломатии административно-территориальных единиц Франции играют ассоциации и объединения регионов, которые осуществляют организационную, экспертную и лоббистскую поддержку международной активности регионов. «Объединенные города Франции» (*Cités Unies France, CUF*) – французская ассоциация, основанная в 1975 г. и объединяющая французские территориальные образования, участвующие в международном взаимодействии. Она действует как платформа для обмена опытом, выстраивания партнерств и методического сопровождения международных проектов [15]. Ассоциация регионов Франции (*Régions de France*), регулируемая законом от 1 июля 1901 г. [51], представляет столичные и заморские регионы и приравненные к ним территориальные образования перед государственными властями [81]. Она лоббирует их интересы в вопросах международного позиционирования и устойчивого развития, публикует обзоры участия регионов в международных стратегиях. Благодаря этим структурам формируется институциональная среда, в которой регионы могут координировать усилия, обмениваться опытом и выдвигать предложения по совершенствованию правовой базы.

Не менее важным является региональный уровень, ключевыми элементами институциональной структуры которого выступают региональные советы, специализированные департаменты по международному сотрудничеству и зарубежные представительства регионов.

Несмотря на то что внешние сношения территориальных сообществ Франции формально регулируются национальными институтами Франции, в реальности их вектор формируется не только внутри национальной правовой системы, но и в рамках наднациональных структур Европейского союза.

Европейская комиссия разрабатывает стратегические документы ЕС, которые определяют рамки внешней политики альянса. Она также осуществляет распределение финансовых ресурсов, в том числе по грантовым программам, доступным для регионов Франции, что фактически делает комиссию одним из ключевых инвесторов и регуляторов парадипломатической активности. Важным направлением является формирование нормативных правил участия регионов в европейских внешнеполитических инициативах, включая меры по развитию устойчивости, цифровизации, климатической политики и партнерств ЕС с Индо-Тихоокеанским регионом [27].

Европейский комитет регионов (далее – ЕКР) представляет собой консультативный орган, объединяющий представителей местных и региональных органов власти всех стран ЕС и институционализирующий участие регионов и городов в формировании политики Евросоюза. В числе прочих функций Комитета – обеспечение интересов территориальных сообществ при разработке европейского законодательства. Во французской парадипломатии ЕКР играет роль платформы представления интересов заморских территорий, обеспечивая им поддержку в координации позиций с другими регионами и вовлечении в широкие стратегии ЕС, включая политику в Индо-Пацифике [28].

Система ответственных институтов, регулирующих и поддерживающих внешние связи французских территориальных сообществ, демонстрирует четко выстроенную многоуровневую модель управления, в которой сочетание правовых норм и практической деятельности национальных и наднациональных органов создает прочную основу для поддержки такой международной деятельности субъектов, которая отвечает интересам Республики и Европейского союза. Такой институциональный фундамент делает Францию одним из наиболее активных европейских акторов в ИТР за счет парадипломатии заморских территорий.

Парадипломатия Реюньона в Индо-Пацифике. Регион Реюньон занимает поистине уникальное положение в рамках стратегии Франции в Индо-Пацифике. Именно он позволяет Пятой Республике обеспечивать устойчивое присутствие в Индийском океане и распространять свое влияние на весь Индо-Тихоокеанский регион.

Ввиду своего географического расположения регион Реюньон по большей части сотрудничает со странами Индийского океана (Индия, Маврикий и Мадагаскар). При этом Индия как одна из ведущих стран Индо-Тихоокеанского региона занимает среди приоритетных

партнеров Франции и региона Реюньон особое место. Об этом свидетельствует и частое упоминание Индии в Стратегии 2025 г. Так, например, подчеркивается, что франко-индийское партнерство опирается на общую приверженность развитию стратегической автономии обеих стран [32, р. 16]. В настоящее время на острове на постоянной основе размещено около 1600 французских военнослужащих [62]. В контексте растущего влияния Китая и обострения региональных противоречий значимость региона Реюньон во внешней политике Пятой Республики и ЕС увеличивается.

Рассмотрим участие этой заморской территории в региональных многосторонних организациях, таких как Комиссия по Индийскому океану, Ассоциация стран Индийского океана (далее – АРСИО) и Военно-морской симпозиум в Индийском океане (далее – IONS).

Комиссия по Индийскому океану – субрегиональная организация, играющая важную роль в решении вопросов, касающихся климатических изменений и морской безопасности, экономического развития островных государств, входящих в ее состав, и так далее [17]. Ассоциация стран Индийского океана и Военно-морской симпозиум в Индийском океане преследуют схожие цели, однако основной фокус делается на обеспечении безопасности на море. АРСИО – межправительственная организация, занимающаяся продвижением регионального сотрудничества в регионе Индийского океана [39]. Военно-морской симпозиум в Индийском океане – это добровольная межправительственная инициатива, направленная на расширение морского сотрудничества между военно-морскими силами прибрежных государств региона Индийского океана путем предоставления открытого и инклюзивного форума для обсуждения актуальных для региона морских вопросов [13]. Во всех этих структурах Франция прямо или косвенно представлена регионом Реюньон. Фактически же вся деятельность осуществляется прежде всего под эгидой Франции. Только в Комиссии по Индийскому океану Реюньон указывается как отдельный действующий субъект. В АРСИО Франция является полноценным членом благодаря Реюньону, так как устав организации предусматривает членство только для субъектов, входящих в состав данного региона [29]. В IONS Франция также входит в прибрежный район Восточной Африки за счет Реюньона [33].

Как уже упоминалось ранее, Реюньон сотрудничает с рядом островных государств региона. Так, например, в августе 2025 г. делегация с острова Реюньон совместно с представителями Майотты и Мадагаскара посетила Республику Маврикий для изучения торговых и инвестиционных возможностей с особым упором на создание совместных предприятий и проектов регионального развития. Маврикий, в свою очередь, выразил стремление к укреплению коммерческих связей в регионе. Важными направлениями для сотрудничества могут стать циркулярная экономика и возобновляемая энергетика, где предприятия Реюньона могут сыграть значительную роль [90].

Важным инфраструктурным проектом может стать сотрудничество между Мозамбиком и Реюньоном в рамках кооперации Большого морского порта Реюньона (далее – GPMDLR), портового управления провинции Кабо-Дельгаду в Мозамбике (далее – CFM) и Франко-Мозамбикской торгово-промышленной палатой (далее – CCIFM), направленный на содействие созданию совместного экономического и торгового пространства. Проект предполагает развитие взаимодействия между портовым и логистическим секторами Реюньона и Мозамбика. В 2021 г. было подписано соглашение между GPMDLR и CFM по обмену опытом в области развития концепции «умного порта» [80].

Похожий проект реализуется в рамках сотрудничества порта Реюньона с портовым управлением Сейшельских островов. Цель программы заключается в максимизации пользы от двустороннего экономического сотрудничества. Она подразумевает развитие взаимодействия двух портовых администраций путем обмена знаниями, опытом и информацией по технологиям «умного порта» и «зеленого порта», развитие общих навыков и опыта в портовом секторе и логистике, причем Реюньон выступает в роли «донора» опыта, обучая Портовую ассоциацию Сейшельских островов применению экологического подхода к управлению портовой инфраструктурой [80].

В качестве одного из каналов сотрудничества используется Университет Реюньона (*Université de La Réunion*). Так, в 2022 г. был создан франко-индийский кампус, объединивший семь французских и индийских высших учебных заведений и призванный укрепить академическое и научное сотрудничество с Индией в сфере биотехнологий и искусственного интеллекта. Одним из проектов кампуса стала инициатива «Инновации с помощью растений и искусственного интеллекта для Индии и Франции», в рамках которой в ноябре 2024 г. прошла

встреча на территории Реюньона. Курирует данный проект, который предусматривает получение двойных дипломов магистра и доктора наук в области биотехнологий натуральных продуктов и искусственного интеллекта для обработки медицинских данных, университет Реюньона [48]. Таким образом, академическая дипломатия университета Реюньона выступает в качестве вспомогательного инструмента реализации внешних связей острова (и – опосредованно – Франции).

Внешнеполитическое взаимодействие Реюньона, как субнационального актора, и центрального правительства в Париже относится к конфликтно-синергетическому типу. Регион Реюньон – неотъемлемая часть общефранцузской Индо-Тихоокеанской стратегии, он играет стратегическую роль в Индийском океане и получает значительную поддержку центра при реализации своих внешних связей через членство в региональных организациях. Это характерно для синергетического типа. Однако не следует забывать и о стремлении Реюньона к расширению своей автономии, в том числе и в сфере внешнеполитической активности. Так, в январе 2025 г. на конференции «Независимость Реюньона: взгляд на колониальное наследие Франции и путь к суверенитету», которая была организована Бакинской инициативной группой и прошла в Баку, председатель движения за независимость в Реюньоне “Ka Ubuntu” Ромен Катамбара заявил, что Франция хочет ассимилировать культуру региона и заставить его жителей забыть свою идентичность, а также обвинил метрополию в социально-экономических проблемах территории [7]. Тем не менее на Реюньоне, по сравнению с Новой Каледонией (об этом далее), градус сепаратистской борьбы заметно ниже. Движения за независимость существуют, однако не имеют существенного политического влияния. В этом аспекте между центром и субнациональным актором проявляется конфликт, в рамках которого последний пытается продвинуть и защитить свою собственную идентичность.

Внешние связи региона Новая Каледония в ИТР. Новая Каледония располагается в юго-западной части Тихого океана. Ввиду наличия там крупных запасов никеля Архипелаг занимает важное экономическое и геополитическое положение [63]. Это регион со сложным политическим ландшафтом, постоянно выступающий за свою независимость.

Новая Каледония наряду с Французской Полинезией входит в состав Тихоокеанского сообщества (Pacific Community, SPC), штаб-квартира которого расположена в ее столице, Ну-меа. В 2023 г. между Новой Каледонией и SPC было подписано четырехлетнее Соглашение о партнерстве, которое укрепляет связи, активизирует деятельность SPC и подтверждает, что Новая Каледония остается штаб-квартирой организации. Один из приоритетов, озвученных в соглашении, состоит в развитии технологического сотрудничества между странами Тихоокеанского сообщества и Новой Каледонией [70].

Вместе с Французской Полинезией Новая Каледония входит в состав постоянных членов Форума тихоокеанских островов (Pacific Islands Forum, ФТО) – межправительственной и субрегиональной организации, созданной для углубления сотрудничества между странами и административно-территориальными единицами Тихоокеанского региона. Французская Полинезия также является членом организации. Форум тихоокеанских островов работает над реализацией Тихоокеанского видения мира, гармонии и процветания [92]. После получения постоянного членства в ФТО в 2016 г. Новая Каледония активно развивает отношения с Новой Зеландией. В 2024 г. они подписали новый Совместный план сотрудничества [41], где в качестве приоритетов обозначено институциональное, торгово-экономическое и гуманитарное сотрудничество, включающее в себя образование, техническую и профессиональную подготовку, а также укрепление спортивных, культурных и творческих связей. Осуществляется взаимодействие и в сфере безопасности [41, р. 8]. Так, силы обороны Новой Зеландии и французские вооруженные силы в Новой Каледонии регулярно взаимодействуют по таким направлениям, как реагирование на стихийные бедствия, поисково-спасательные операции, морское наблюдение и совместные учения [72].

После вхождения в состав Форума новый импульс получили и отношения Новой Каледонии с Австралией. Для австралийцев поездка в Новую Каледонию – это возможность улучшить свое знание французского языка [58]. Одной из самых перспективных сфер двустороннего взаимодействия является туризм. Тем не менее в период президентства Эммануэля Макрона полноценное независимое от Франции сотрудничество Новой Каледонии с Австралией вряд ли возможно. Потеря контроля над внешними сношениями и обороной Новой Каледо-

нии, на наш взгляд, не соответствует планам Макрона по реализации своей Индо-Тихоокеанской стратегии.

В мае 2024 г. Новую Каледонию потрясли массовые выступления, начавшиеся после одобрения Национальным собранием Франции нового конституционного закона, согласно которому проживающие в Новой Каледонии более десяти лет граждане Франции получали право голосовать на провинциальных выборах. Канаки, коренные жители Новой Каледонии, опасаются, что предоставленная иммигрантам возможность голосовать на выборах подорвет шансы территории на обретение независимости. События мая 2024 г. унесли жизни нескольких коренных канаков, что обострило ситуацию [68]. В октябре того же года обеспокоенные обстановкой и последствиями беспорядков в Новой Каледонии лидеры ФТО посетили архипелаг, чтобы оценить политические и экономические проблемы территории. Опасения лидеров альянса были не в последнюю очередь вызваны стремлением Парижа получить больший контроль над никелевой промышленностью Новой Каледонии. Запасы никеля имеют большое значение для экономики территории и стратегически важны для Франции и Европы. Предложения французского правительства расширить число избирателей и увеличить контроль над никелевой промышленностью встретили сопротивление у коренных жителей архипелага, которые считают, что эти шаги уменьшают их влияние на управление делами территории. Нестабильная обстановка в Новой Каледонии несет риски для осуществления полноценного сотрудничества в сферах торговли, инвестиций и региональной безопасности. Миссия ФТО отражает его приверженность поддержке мирного самоопределения и справедливого экономического развития в Тихоокеанском регионе [73]. Ситуация в Новой Каледонии служит напоминанием о важности региональной солидарности, поэтому миссия лидеров ФТО на архипелаге имеет исключительное значение в контексте борьбы территории за независимость.

В июле 2025 г. тремя сторонами: центральной властью в Париже, сторонниками независимости Новой Каледонии и лоялистами Новой Каледонии – было подписано Буживальское соглашение. Если французский парламент проголосует за его интеграцию в Конституцию Пятой Республики, а население Новой Каледонии одобрит соглашение на референдуме, Новая Каледония станет ассоциированным «Государством Новая Каледония» в составе Французской Республики. При этом ее население будет иметь двойное гражданство – Франции и Новой Каледонии. В контексте настоящего исследования важно, что государство Новая Каледония получит значительные компетенции в сфере внешних сношений. Предполагается, что она будет осуществлять свою внешнюю политику с соблюдением международных обязательств и основополагающих интересов Франции прежде всего в сфере безопасности и обороны. В потенциале Новая Каледония сможет стать полноправным членом ООН.

19 января 2026 г. в Париже было подписано новое соглашение между Францией и пятью парламентскими группами НК (Elysee-Oudinot Accord). Хотя формально оно призвано расширить и уточнить Буживальское, на деле оно лишь усложняет ситуацию, несмотря на признание прав канаков. Так, Елисейское соглашение – Соглашение Удино гласит, что «осуществление права на самоопределение будет выражаться в постоянной возможности передачи полномочий, которые все еще принадлежат правительству». Сама передача полномочий может осуществиться только при одобрении ее двумя третями членов парламента Новой Каледонии и повлечь за собой перераспределение полномочий между органами ее власти [69].

Сложный процесс одобрения данных изменений может затянуться до середины лета 2026 г., что потребует очередного переноса местных и региональных выборов в Новой Каледонии, которые уже трижды переносились из-за сложной политической ситуации в стране.

Важно отметить, что и Буживальское соглашение, и январские переговоры в Париже бойкотировались Национальным социалистическим фронтом освобождения канаков – крупнейшей коалицией, выступающей за независимость Новой Каледонии, продолжающей призывать к ее полной и окончательной независимости от Франции [69].

Исход борьбы между сторонниками независимости Новой Каледонии и центральной властью станет важным положительным или отрицательным примером для других заморских территорий Франции. В своих претензиях на независимость Новая Каледония может рассчитывать на поддержку со стороны таких региональных организаций, как ФТО, и это дает ей дополнительный стимул к борьбе.

Парадипломатия Французской Полинезии в ИТР. Французская Полинезия располагается в южной части Тихого океана и включает в себя пять архипелагов и 118 островов. На исключительную экономическую зону (далее – ИЭЗ) этой заморской территории приходится

почти половина всей ИЭЗ Франции, которая является второй по величине в мире. Французская Полинезия не уступает другим заморским территориям Пятой Республики в важности в контексте реализуемой Индо-Тихоокеанской стратегии. Сегодня Французская Полинезия в рамках Пятой Республики пользуется широкой автономией, обладает собственными законами и институтами, включая президента, правительство и парламент. Несмотря на то что некоторые принципиальные для французского правительства вопросы, такие как национальная оборона и внутренняя безопасность, остаются в ведении Парижа, в определенных случаях внешние связи могут быть предметом общей компетенции [61].

Французская Полинезия входит в состав Тихоокеанского сообщества и Форума тихоокеанских островов. Помимо этого она является членом международной группы правительственного сотрудничества «Группа лидеров Полинезии». В основные области сотрудничества в рамках Группы входит сохранение культуры, устойчивость к изменению климата, устойчивый туризм и межостровное сообщение в области воздушного и морского транспорта, а также здравоохранение и образование [77]. В ноябре 2024 г. во Французской Полинезии прошла встреча Группы полинезийских лидеров. Тогда секретарь Министерства иностранных дел и иммиграции Тезаэру Херрманн озвучила некоторые инициативы по развитию сотрудничества, в частности улучшение авиасообщения между Островами Кука и Французской Полинезией в результате значительных усилий по восстановлению взаимодействия в различных областях после COVID-19 [78].

После полноценного вхождения Французской Полинезии в состав Форума тихоокеанских островов в 2016 г. Новая Зеландия, Австралия и другие участники организации интенсифицировали сотрудничество с нею. В 2018 г. Австралия и Французская Полинезия провели в Брисбене второй семинар по повышению осведомленности о морской тематике Тихого океана, направленный на поиск совместных ответов на вызовы морской безопасности региона [38]. Новая Зеландия оказывает поддержку студентам из Французской Полинезии в получении образования и/или опыта работы в рамках программы новозеландских стипендий на краткосрочное обучение [71].

Как и Новая Каледония, Французская Полинезия имеет долгую историю борьбы за независимость. Тем не менее Пятая Республика пока не стремится деколонизировать заморскую территорию, отвергнув ее претензии на независимость на заседании специального комитета ООН по деколонизации в 2023 г. и продолжая поддерживать свое активное военное присутствие на островах. Президент Французской Полинезии Моэтай Бразерсон публично заявлял о том, что рассмотрит возможность проведения референдума о независимости от Франции в ближайшие 10–15 лет. Он отметил, что готов идти медленным путем, чтобы обеспечить независимость «правильным образом», начав с построения «экономической самодостаточности» Французской Полинезии. Бразерсон подчеркнул, что качественный переход к независимости важнее поспешных шагов. Предполагается, что «экономическая самодостаточность» Французской Полинезии будет основываться на устойчивом туризме, энергетическом переходе, а также на мерах по развитию местного сельскохозяйственного сектора и приоритетного развития цифровой экономики. Вполне вероятно, что сотрудничество в данных сферах станет приоритетом парадипломатии Французской Полинезии в регионе и, в перспективе, станет основой для обретения территорией сначала экономической, а затем и политической независимости. Кейс Французской Полинезии, так же как и два рассмотренных выше, служит иллюстрацией конфликтно-синергетического типа взаимодействия. Камнем преткновения между центром и территорией может стать вопрос о глубоководной добыче полезных ископаемых. Сейчас Эммануэль Макрон солидарен с Бразерсоном и поддерживает запрет на их добычу. Однако президент Французской Полинезии опасается, что после следующих президентских выборов во Франции мнение центра может измениться [89]. В случае, если нежелательный для Бразерсона сценарий случится, данный вопрос рискует стать причиной обострения отношений Французской Полинезии с Парижем.

Как видим, ограниченная автономия французских заморских территорий не позволяет им полноценно и полностью самостоятельно участвовать в региональном сотрудничестве среди государств Индо-Пацифики. Парадипломатия этих территорий развивается под строгим контролем центрального правительства, которое не заинтересовано в даровании им широких полномочий, в том числе в сфере проведения внешней политики. Если заморские территории Пятой Республики все же когда-либо добьются независимости, то изучать их внеш-

неполитические контакты уже нужно будет с точки зрения дипломатии полноценных независимых государств.

Закключение. В период президентства Э. Макрона политика Французской Республики в Индо-Тихоокеанском регионе значительно трансформировалась. Появились программные документы, конкретные цели и задачи внешнеполитической деятельности Франции в этом регионе. В Стратегии Франции в Индо-Пацифике 2025 г. подчеркивается исключительная роль ее заморских территорий разного статуса в реализации амбициозных планов по развитию сотрудничества со странами региона.

Парадипломатия заморских территорий Франции осуществляется на солидной правовой базе, основу которой составляют Генеральный кодекс территориальных сообществ 1996 г. и ряд более поздних законов. Все заморские регионы имеют правительственные институты, полностью или частично ответственные за внешние связи.

На данном этапе взаимодействие Пятой Республики и ее заморских территорий в реализации Стратегии 2025 г. осуществляется в основном по синергетическому типу. Париж видит в заморских территориях инструмент для решения своих внешнеполитических задач в Индо-Тихоокеанском регионе (расширение своего влияния, поддержка ЕС, противодействие экспансии Китая), а они, в свою очередь, используют широкие возможности и ресурсы центра для достижения своих собственных целей на внешнем треке (укрепление региональных экономических и политических связей, наращивание собственного авторитета).

Впрочем, новые тенденции в международных отношениях, в рамках которых все больше частей унитарных государств заявляют о наличии и стремлении к реализации собственных интересов на международной арене, не обошли и Францию. В последние годы ее заморские автономии (прежде всего Новая Каледония) ведут ожесточенную борьбу за расширение своих прав, так что взаимодействие между ними и Парижем подчас приобретает конфликтный характер. Несмотря на то что заморские территории должны проводить внешнеполитический курс Пятой Республики, они не готовы отказаться от реализации собственных, не ориентированных на центр и не подчиняющихся ему внешних связей, особенно в Индо-Пацифике.

Однако Франция пока не готова пойти на предоставление своим заморским территориям полной свободы действий и стремится сохранять контроль над их внешними сношениями. Сложная внутривластная ситуация в Пятой Республике может открыть возможности для более независимой парадипломатии заморских территорий, но на данный момент их внешнеполитическая деятельность все еще осуществляется в рамках общепарижской стратегии и под контролем Парижа.

Наиболее выгодным и центру, и заморским территориям направлением парадипломатии последних является их активное участие в региональных организациях Юго-Восточной Азии, таких как Тихоокеанское сообщество и Форум тихоокеанских островов. В настоящее время сотрудничество со странами ИТР по большей части осуществляется именно в рамках подобных структур. Кроме того, политико-экономическая обстановка в заморских территориях привлекает пристальное внимание со стороны стран-участников этих организаций, что может быть использовано в качестве точки опоры при выстраивании их собственного курса в Индо-Пацифике.

Список литературы

1. Акимов Ю. Г. Международная деятельность субнациональных акторов и внешняя политика государства: варианты взаимодействия и интерпретации // Сравнительная политика. 2021. Т. 12, № 3. С. 33–41. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10026. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47082681> (дата обращения: 28.02.2026).

2. Беспалов А. Прощай, АТР, здравствуй, Индо-Пацифика? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 01.07.2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/proshchay-atr-zdravstvuy-indo-patsifika/> (дата обращения: 22.02.2026).

3. Гарин А. А. Обновленная Индо-Тихоокеанская стратегия Франции: анализ ключевых положений // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. 4, № 4(53). С. 67–76. DOI: 10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-067-076. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47949497> (дата обращения: 28.02.2026).

4. Захаров А. Индия и Франция: союз солнца и океана // Российский Совет по международным делам. 30.03.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/brics/indiya-i-frantsiya-soyuz-solntsa-i-okeana/> (дата обращения: 22.02.2026).

5. Зуева К. П. Внешняя политика Президента Франции Э. Макрона: прагматизм под маской атлантизма? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62, № 12. С. 83–91. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-12-83-91. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36717262> (дата обращения: 28.02.2026).
6. Новая реальность индо-тихоокеанского пространства / под общ. ред. В. В. Михеева ; отв. ред. А. В. Ломанов, В. Г. Швыдко. М. : ИМЭМО РАН, 2023. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=65509631> (дата обращения: 28.02.2026).
7. Проводится конференция «Независимость Реюньона: взгляд на колониальное наследие Франции и путь к суверенитету» // АЗЕРТАДЖ. 2025. 21 янв. URL: https://azertag.az/ru/xeber/provoditsya_konferenciya_nezavisimost_reyunona_vzglyad_na_kolonialnoe_nasledie_francii_i_put_k_suverenitetu_video-3381247 (дата обращения: 26.11.2025).
8. Стратегическое партнерство Франции и Индии в четырех вопросах // *Дипломатия Франции*. 2023. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/dossiers-pays/inde/le-partenariat-strategique-franco-indien-en-4-questions/> (дата обращения: 17.02.2026).
9. Стрельцов Д. В. Индо-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений // *Международная жизнь*. 2018. № 9. С. 65–74. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35575618> (дата обращения: 28.02.2026).
10. Цыплина Т. А. Взгляд Франции на концепцию Индо-Тихоокеанского региона // *Международный (бес)порядок: исторические, политические, правовые, экономические, гуманитарные и социально-культурные аспекты* : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием, Самара, 25–26 ноября 2021 года. Самара : Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 2022. С. 50–53. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49752683> (дата обращения: 28.02.2026).
11. Чихачев А. Ю. Военно-политическая стратегия Франции в ИТР после создания AUKUS // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67, № 12. С. 60–70. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-12-60-70. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=63750711> (дата обращения: 28.02.2026).
12. Чихачев А. Ю. Основы современной внешней политики Франции в Индо-Тихоокеанском регионе // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2020. № 1(838). С. 111–123. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43123983> (дата обращения: 28.02.2026).
13. About IONS // *Indian Ocean Naval Symposium*. URL: <https://ions.global/> (дата обращения: 02.11.2025).
14. Agence Française de Développement (AFD). URL: <https://www.afd.fr> (дата обращения: 14.11.2025).
15. Cités Unies France. URL: <https://cites-unies-france.org/> (дата обращения: 14.11.2025).
16. Code general des collectivites territoriales. Légifrance – Le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000559852> (дата обращения: 05.11.2025).
17. Commission de l'Océan Indien // Préfet de La Réunion. URL: <https://www.reunion.gouv.fr/Actions-de-l-Etat/Cooperation-ocean-Indien/Commission-de-l-Ocean-Indien> (дата обращения: 01.11.2025).
18. Congrès de la Nouvelle-Calédonie. Le Congrès de la Nouvelle-Calédonie – Institutions du territoire. URL: <https://www.nouvelle-caledonie.gouv.fr/Services-de-l-Etat/La-Nouvelle-Caledonie/Institutions-du-territoire/Le-congres-de-la-Nouvelle-Caledonie> (дата обращения: 28.11.2025).
19. Conseil départemental de La Réunion. Plan de mandature 2021-2028. URL: <https://www.departement-974.fr/actualite/plan-de-mandature-conseil-departemental-de-reunion-2021-2028> (дата обращения: 28.11.2025).
20. Déclaration de M. Emmanuel Macron, Président de la République, sur les relations entre la France et l'Inde, à New Delhi le 10 mars 2018 // *République Française*. 10.03.2018. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/205148-declaration-de-m-emmanuel-macron-president-de-la-republique-sur-les-r> (дата обращения: 05.02.2026).
21. Déclaration de M. Emmanuel Macron, Président de la République, sur les relations entre la France et l'Inde, à New Delhi le 11 mars 2018 // *République Française*. 11.03.2018. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/205205-declaration-de-m-emmanuel-macron-president-de-la-republique-sur-les-r> (дата обращения: 05.02.2026).
22. Déclaration de M. Emmanuel Macron, Président de la République, sur les relations entre la France et l'Australie, à Sydney le 2 mai 2018 // *République Française*. 02.05.2018. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/206113-declaration-de-m-emmanuel-macron-president-de-la-republique-sur-les-r> (дата обращения: 05.02.2026).
23. Déclaration de M. Emmanuel Macron, Président de la République, sur les relations entre la France et les pays du Pacifique sud, à Nouméa le 4 mai 2018 // *République Française*. 04.05.2018. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/205953-declaration-de-m-emmanuel-macron-president-de-la-republique-sur-les-r> (дата обращения: 05.02.2026).
24. Décret n° 2025-1018 du 29 octobre 2025 relatif aux attributions du ministre des outre-mer. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000052457177> (дата обращения: 28.11.2025).
25. Département de La Réunion. URL: <https://departement974.fr/> (дата обращения: 25.11.2025).
26. Frécon E. France's Indo-Pacific strategy in creating a multipolar global order // *ThinkChina*. March 1, 2022. URL: <https://www.thinkchina.sg/politics/frances-indo-pacific-strategy-creating-multipolar-global-order> (дата обращения: 17.02.2026).
27. European Commission. Official website. URL: <https://commission.europa.eu> (дата обращения: 14.11.2025).

28. European Committee of the Regions. About us. URL: <https://cor.europa.eu/en/about> (дата обращения: 14.11.2025).
29. France and the Indian Ocean Rim Association (IORA) // France Diplomacy. 2022. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/regional-strategies/indo-pacific/regional-based-organisations-of-the-indo-pacific/article/france-and-the-indian-ocean-rim-association-iora> (дата обращения: 17.02.2026).
30. France's Defence Strategy in the Indo-Pacific 2019. URL: https://dkiapcss.edu/wp-content/uploads/2020/02/France-Defence-Strategy_in_the_Indo-Pacific_2019.pdf (дата обращения: 01.12.2025).
31. France's Indo-Pacific Strategy // France Diplomacy. 2022. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/en_dcp_a4_indopacifique_022022_v1-4_web_cle878143-1.pdf (дата обращения: 05.02.2026).
32. France's Indo-Pacific Strategy // France Diplomacy. 2025. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/regional-strategies/indo-pacific/the-indo-pacific-a-priority-for-france/> (дата обращения: 01.11.2025).
33. French Navy hosts Indian Ocean Naval Symposium at Reunion Island // Manorama Yearbook. 2021. URL: <https://www.manoramayearbook.in/current-affairs/world/2021/07/02/french-navy-hosts-indian-ocean-naval-symposium-at-reunion-island.html> (дата обращения: 17.02.2026).
34. French White Paper. Defense and National Security // Ministère de la Défense. France. 2013. URL: https://otan.delegfrance.org/IMG/pdf/White_paper_on_defense_2013.pdf (дата обращения: 20.02.2026).
35. Gilli A. France's New Raison D'être in the Indo-Pacific // Mind the Gap: National Views of the Free and Open Indo-Pacific / ed. by M. Stirling. German Marshall Fund of the United States. 2019. Pp. 18–21. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep21474.6> (дата обращения: 22.02.2026).
36. Gouvernement de la Nouvelle-Calédonie. URL: <https://gouv.nc/> (дата обращения: 28.11.2025).
37. Hameed M. Indo-French Strategic Partnership in the Indian Ocean: Implications for Pakistan // January 2024. Barech International Islamic University, Islamabad. DOI: 10.53963/pjmr.2024.002.6. URL: https://www.researchgate.net/publication/388258289_IND-FRENCH_STRATEGIC_PARTNERSHIP_IN_THE_INDIAN_OCEAN_IMPLICATIONS_FOR_PAKISTAN (дата обращения: 22.02.2026).
38. Increasing our engagement with French Polynesia // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/french-polynesia/increasing-our-engagement-with-french-polynesia> (дата обращения: 02.11.2025).
39. Indian Ocean Rim Association // IORA. URL: <https://www.iora.int/indian-ocean-rim-association> (дата обращения: 01.11.2025).
40. Jacques Chirac was a true global statesman, a friend of India: PM Modi // The Hindu. 2019. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/jacques-chirac-was-a-true-global-statesman-a-friend-of-india-pm-modi/article29526126.ece> (дата обращения: 17.02.2026).
41. Joint Cooperation Plan 2024–2027. URL: <https://www.mfat.govt.nz/assets/Countries-and-Regions/Pacific/New-Caledonia-New-Zealand-New-Caledonia-Joint-Cooperation-Plan-2024-2027.pdf> (дата обращения: 5.02.2025).
42. Khurana G. Security of Sea Lines: Prospects for India–Japan Cooperation // Strategic Analysis. 2007. Vol. 37, No. 1. Pp. 139–153. URL: https://www.academia.edu/7710744/Security_of_Sea_Lines_Prospects_for_India_Japan_Cooperation (date accessed: 28.02.2026).
43. La Commission Nationale de la Coopération Décentralisée (CNCD). Légifrance – Le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/action-exteri-eure-des-collectivites-territoriales/la-commission-nationale-de-la-cooperation-decentralisee-cncd/> (дата обращения: 05.11.2025).
44. La DGOM – Direction générale des outre-mer // Ministère des Outre-mer. URL: <https://www.outre-mer.gouv.fr/ministere/la-dgom-direction-generale-des-outre-mer> (дата обращения: 28.11.2025).
45. La France et la sécurité en Indopacifique 2018. URL: https://jp.ambafrance.org/IMG/pdf/la_france_et_la_securite_en_indo-pacifique_-_2018.pdf?24706/08dcacd5d3d62e8cc287dce366906a9c874ec121 (дата обращения: 01.12.2025).
46. La stratégie de défense française en Indopacifique 2019. URL: <https://www.defense.gouv.fr/sites/default/files/dgris/La%20Stratégie%20de%20défense%20française%20en%20Indopacifique%20-%202019.pdf> (дата обращения: 01.12.2025).
47. La stratégie de la France dans l'Indopacifique 2021. URL: https://www.andrewerickson.com/wp-content/uploads/2021/07/France_Indo-Pacific-Strategy_20210728.pdf (дата обращения: 01.12.2025).
48. Launch of the Erasmus+ project with India on life and health sciences at the University of La Réunion // Université de La Réunion. 2024. URL: <https://www.univ-reunion.fr/en/pages/international-2/Launch-of-the-Erasmus-project-with-India-on-life-and-health-sciences-at-the-University-of-Reunion/> (дата обращения: 02.11.2025).
49. Loi constitutionnelle n° 2003-276 du 28 mars 2003 relative à l'organisation décentralisée de la République. Légifrance – Le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000601882> (дата обращения: 05.11.2025).
50. Loi d'orientation n° 92-125 du 6 février 1992 relative à l'administration territoriale de la République. Légifrance – Le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000722113> (дата обращения: 05.11.2025).
51. Loi du 1er juillet 1901 relative au contrat d'association. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGITEXT0000006069570> (дата обращения: 28.11.2025).

52. Loi n° 2007-147 du 2 février 2007 relative à l'action extérieure des collectivités territoriales et de leurs groupements. Légifrance – Le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000820338/> (дата обращения: 05.11.2025).

53. Loi n° 2014-773 du 7 juillet 2014 d'orientation et de programmation relative à la politique de développement et de solidarité internationale. Légifrance – Le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGISCTA000029211412> (дата обращения: 05.11.2025).

54. Loi n° 2015-991 du 7 août 2015 portant nouvelle organisation territoriale de la République. Légifrance – Le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000030985460> (дата обращения: 05.11.2025).

55. Loi n° 82-213 du 2 mars 1982 relative aux droits et libertés des communes, des départements et des régions. Légifrance – Le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000880039> (дата обращения: 05.11.2025).

56. Loi n° 99-209 organique du 19 mars 1999 relative à la Nouvelle-Calédonie. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000393606> (дата обращения: 25.11.2025).

57. Loi organique n° 2004-192 du 27 février 2004 portant statut d'autonomie de la Polynésie française. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000435515> (дата обращения: 28.11.2025).

58. *MacLellan N.* Neighbours: Australia and New Caledonia boost diplomatic and defence ties // *Islands Business*. September 18, 2020. URL: <https://islandsbusiness.com/news-break/neighbours-australia-and-new-caledonia-boost-diplomatic-and-defence-ties/> (дата обращения: 02.11.2025).

59. *Maupin A.* France in the Indian Ocean: A Geopolitical Perspective and Its Implications for Africa // *South African Institute of International Affairs. Policy Insights*. 2017. No. 42. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep25980> (дата обращения: 22.02.2026).

60. *Milhiet P.* Reframing the French Indo-Pacific: French Polynesia, a Model of Shared Sovereignty? // *The Diplomat*. 2025. June 28. URL: <https://thediplomat.com/2025/06/reframing-the-french-indo-pacific-french-polynesia-a-model-of-shared-sovereignty/> (дата обращения: 02.11.2025).

61. *Milhiet P.* Reframing the French Indo-Pacific: La Réunion, France's Strategic Outpost // *The Diplomat*. 2025. May 31. URL: <https://thediplomat.com/2025/05/reframing-the-french-indo-pacific-la-reunion-frances-strategic-outpost/> (дата обращения: 01.11.2025).

62. *Milhiet P.* Reframing the French Indo-Pacific: New Caledonia, How to Overcome the Geopolitical Impasse? // *The Diplomat*. 2025. July 5. URL: <https://thediplomat.com/2025/07/reframing-the-french-indo-pacific-new-caledonia-how-to-overcome-the-geopolitical-impasse/> (дата обращения: 02.11.2025).

63. Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères (France). Délégation pour les collectivités territoriales et la société civile (DCTCIV). URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/action-exterieure-des-collectivites-territoriales/la-delegation-pour-les-collectivites-territoriales-et-la-societe-civile-dctciv/> (дата обращения: 28.11.2025).

64. Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères (France). URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr> (дата обращения: 14.11.2025).

65. Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères (France). Volontariat. URL: <https://www.Diplomatie.gouv.fr/fr/services-aux-francais/preparer-son-expatriation/emploi/article/volontariat> (дата обращения: 14.11.2025).

66. Ministère des Outre-mer. URL: <https://www.outre-mer.gouv.fr/> (дата обращения: 28.11.2025).

67. Ministry for Europe and Foreign Affairs (France). External action of local government bodies – Action extérieure des collectivités territoriales. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/action-exterieure-des-collectivites-territoriales/> (дата обращения: 28.11.2025).

68. *Muckle A.* What's Behind the Deadly Riots in New Caledonia? // *The Diplomat*. May 21, 2024. URL: <https://thediplomat.com/2024/05/whats-behind-the-deadly-riots-in-new-caledonia/> (дата обращения: 05.02.2026).

69. New Caledonia agreement signed in Paris // *Islands Business*. 2026. January 20. URL: <https://islandsbusiness.com/news-break/new-caledonia-agreement-signed-in-paris/> (дата обращения: 20.02.2026).

70. New Caledonia, SPC renew partnership // *Pacific Island Times*. 2023. October 24. URL: <https://www.pacificislandtimes.com/post/new-caledonia-spc-renew-partnership> (дата обращения: 02.11.2025).

71. Our development cooperation in French Polynesia // *New Zealand Foreign Affairs&Trade*. URL: <https://www.mfat.govt.nz/en/countries-and-regions/australia-and-pacific/french-polynesia/our-development-cooperation-in-french-polynesia> (дата обращения: 02.11.2025).

72. Our development cooperation in New Caledonia // *New Zealand Foreign Affairs&Trade*. URL: <https://www.mfat.govt.nz/en/countries-and-regions/australia-and-pacific/new-caledonia/new-zealand-consulate-general-noumea-new-caledonia/our-development-cooperation-in-new-caledonia> (дата обращения: 02.11.2025).

73. Pacific Leaders address New Caledonia unrest with mission // *Australia-Pacific Islands Business Council*. 2024. November 12. URL: <https://apibc.org.au/2024/pacific-leaders-address-new-caledonia-unrest-with-mission/> (дата обращения: 02.11.2025).

74. Pajon C. France's Indo-Pacific Strategy and the Quad Plus // Journal of Indo-Pacific Affairs. 2020. No. 5. Pp. 165–178. URL: https://mgimo.ru/upload/2022/04/Journal%20of%20Indo-Pacific%20Affairs_Quad%20Plus%20Special%20Issue_2020.pdf (дата обращения: 28.02.2026).
75. Pandey P. France Consolidating its Presence in the Indian Ocean Region // Indian Council of World Affairs. 2025. June 2. URL: https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=13006&lid=7937 (дата обращения: 22.02.2026).
76. Pipolo C. Enjeux pour la France en Indo-Pacifique // Revue Défense Nationale. 2021. Vol. 838, No. 3. Pp. 90–95. URL: https://shs.cairn.info/article/RDNA_838_0090/pdf?lang=fr&ID_ARTICLE=RDNA_838_0090&download=1 (дата обращения: 28.02.2026).
77. Polynesian Leaders Group senior officials gather to progress Polynesian cooperation // Pacific News Service. 2024. November 11. URL: <https://pina.com.fj/2024/11/11/polynesian-leaders-group-senior-officials-gather-to-progress-polynesian-cooperation/> (дата обращения: 02.11.2025).
78. Polynesian Leaders Group Senior Officials Gather to Progress Polynesian Cooperation // Ministry of Foreign Affairs and Immigration, Government of the Cook Islands. 2024. November 8. URL: <https://mfai.gov.ck/newsupdates/polynesian-leaders-group-senior-officials-gather-progress-polynesian-cooperation> (дата обращения: 02.11.2025).
79. Région Réunion. URL: <https://regionreunion.com/> (дата обращения: 25.11.2025).
80. Regional Cooperation // Port Reunion. 2022. URL: <https://reunion.port.fr/en/regionalcooperation/> (дата обращения: 02.11.2025).
81. Régions de France. URL: <https://regions-france.org/> (дата обращения: 14.11.2025).
82. Revue nationale stratégique 2025 // Secrétariat général de la défense et de la sécurité nationale (SGDSN). URL: <https://www.sgdsn.gouv.fr/publications/revue-nationale-strategique-2025> (дата обращения: 01.12.2025).
83. Saint-Mézard I. French Strategic Interests in the Indian Ocean Region // The French Strategy in the Indian Ocean and the Potential for Indo-French Cooperation. S. Rajaratnam School of International Studies. 2015. Pp. 4–6. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep05929.5> (дата обращения: 22.02.2026).
84. Sarkozy concludes his India visit // Hindustan Times. 2008. January 27. URL: <https://www.hindustantimes.com/india/sarkozy-concludes-his-india-visit/story-Oubtx6UutSXS3pKfxqrOLM.html> (дата обращения: 17.02.2026).
85. Strangio S. Germany Joins the 'Indo-Pacific' Club // The Diplomat. 2020. September 3. URL: <https://thediplomat.com/2020/09/germany-joins-the-indo-pacific-club/> (дата обращения: 18.12.2025).
86. Stratégie de l'UE pour la coopération dans la région indo-pacifique // Commission européenne. 16.09.2021. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/fr/qanda_21_4709 (дата обращения: 05.02.2026).
87. Stratégie française en Asie-Océanie à l'horizon 2030 – Vers un espace asiatique indo pacifique inclusive. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/livre_blanc-com_fr-eng_cle876fb2-1.pdf (дата обращения: 01.12.2025).
88. The Constitution of the Fifth Republic. URL: <https://www.elysee.fr/en/french-presidency/constitution-of-4-october-1958> (дата обращения: 05.11.2025).
89. Tuuhia T. 'Playing gods with the cradle of life': French Polynesia's president issues warning over deep-sea mining // The Guardian. 2025. April 1. URL: <https://www.theguardian.com/world/2025/apr/01/French-polynesia-deep-sea-mining-pacific-warning-president-moetai-brotherson> (дата обращения: 06.02.2026).
90. Visit of a Delegation of Entrepreneurs from Réunion Island to Mauritius // Economic Development Board Mauritius. 2025. August 25. URL: <https://edbmauritius.org/newsroom/visit-of-a-delegation-of-entrepreneurs-from-reunion-island-to-mauritius> (дата обращения: 02.11.2025).
91. Who we are // Pacific Islands Forum. URL: <https://forumsec.org/2050> (дата обращения: 02.11.2025).
92. Wolff S. Paradiplomacy: Scope, Opportunities and Challenges // Bologna Center Journal of International Affairs. 2007. Vol. 10. Pp. 141–150. URL: <https://repository.unikom.ac.id/47807/1/Paradiplomacy.pdf> (дата обращения: 28.02.2026).
93. Yasmin. French Interests in Indian Ocean Region: A Path for Defence and Energy Security // Journal of Polity and Society. 2020. Vol. 12, No. 1. URL: <https://journalspoliticalscience.com/index.php/i/article/view/20/17> (дата обращения: 28.02.2026).

External Relations of the French Overseas Regions in the Indo-Pacific

Minkova Kristina Vladimirovna¹, Ashikbaeva Il'dana Adil'evna²,
Peshkova Sof'ya Antonovna³

¹Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of American Studies, Saint Petersburg State University. Russia, Saint Petersburg. ResearcherID: 730215. ORCID: 0000-0001-5833-6808.

E-mail: k.minkova@spbu.ru

²member of Center for Canadian Studies, Saint Petersburg State University. Russia, Saint Petersburg.

ResearcherID: 143802. ORCID: 0009-0005-4708-7750. E-mail: st112512@student.spbu.ru
³member of Center for Canadian Studies, Saint Petersburg State University, Russia, Saint Petersburg.
ResearcherID: 143814. ORCID: 0009-0005-1928-8934. E-mail: sspeshkova@yandex.ru

Abstract. The significance of this research stems from the increasing importance of the Indo-Pacific region in international affairs and the efforts of extra-regional and indirectly regional actors to enhance their influence in this area. The aim of this paper is to explore the interests of France and its overseas territories within the Indo-Pacific context, as well as to analyze the legal basis, main trends, and outcomes of the external interactions of French regions with the Indo-Pacific area.

This study focuses on the paradiplomatic activities of the overseas departments and territories of the French Republic. The primary sources for this investigation comprise official documents from the French government, as well as scholarly and analytical articles, and news reports.

The authors conclude that France's policy in the Indo-Pacific region has undergone significant transformation in recent years and has become more specific. The overseas territories are now called upon to play a crucial role in implementing the ambitious plans of the Fifth Republic to develop cooperation with countries in the region. The paradiplomacy of France's overseas territories is founded on a strong legal basis, with all overseas regions having government institutions responsible for external relations, either wholly or partially. At the same time, the overseas territories have their own interests in the region that may not always align with the interests of the central government, and they strive to expand their autonomy. However, Paris maintains control over the foreign affairs of its overseas territories and currently, their foreign policy is conducted within the framework of a Pan-French strategy under the direction of Paris.

The findings of this paper may have both practical and academic implications. The academic significance stems from the fact that foreign relations of France's overseas territories have received little attention in Russian historical research, despite their relevance. The practical significance lies in the possibility of studying and applying the experience of para-diplomacy in these territories to strengthen the position of the Russian Federation, potentially including in the Indo-Pacific region.

Keywords: French overseas regions, Indo-Pacific region, paradiplomacy, French Republic, Réunion, New Caledonia, French Polynesia.

References

1. Akimov Yu. G. *Mezhdunarodnaya deyatel'nost' subnatsional'nyh aktorov i vneshnyaya politika gosudarstva: varianty vzaimodeystviya i interpretatsii* [International Activities of Subnational Actors and Foreign Policy of the Nation State: Models of Interaction and Interpretations] // *Sravnitel'naya politika – Comparative Politics Russia*. 2021. Vol. 12. No. 3. Pp. 33–41. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10026. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47082681> (date accessed: 28.02.2026).
2. Bepalov A. *Proshchay, ATR, zdravstvuy, Indo-Pacifika?* [Goodbye, Asia-Pacific, Hello, Indo-Pacific?] // *Mezhdunarodnyy diskussionnyy klub "Valdai"* – International Discussion Club "Valdai". 01.07.2019. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/proshchay-atr-zdravstvuy-indo-patsifika/> (date accessed: 22.02.2026).
3. Garin A. A. *Obnovlennaya Indo-Tihookeanskaya strategiya Francii: analiz klyuchevykh polozheniy* [Updated Indo-Pacific Strategy of France: Analysis of Key Provisions] // *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya – Southeast Asia: Current Issues of Development*. 2021. Vol. 4. No. 4(53). Pp. 67–76. DOI: 10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-067-076. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47949497> (date accessed: 28.02.2026).
4. Zakharov A. *Indiya i Franciya: soyuz solnca i okeana* [India and France: Alliance of the Sun and the Ocean] // *Rossiyskiy Sovet po mezhdunarodnym delam – Russian International Affairs Council*. 30.03.2018. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/brics/indiya-i-frantsiya-soyuz-solntsa-i-okeana/> (date accessed: 22.02.2026).
5. Zueva K. P., Timofeev P. P. *Vneshnyaya politika Prezidenta Francii E. Makrona: pragmatizm pod maskoy atlantizma?* [Foreign Policy of President of France E. Macron: Pragmatism under the Mask of Atlanticism?] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 2018. Vol. 62. No. 12. Pp. 83–91. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-12-83-91. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36717262> (date accessed: 28.02.2026).
6. *Novaya real'nost' indo-tihookeanskogo prostranstva* [New Reality of the Indo-Pacific Space] / gen. ed. by V. V. Miheev; exec. ed. A. V. Lomanov, V. G. Shvydko. M., IMEMO RAN, 2023. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=65509631> (date accessed: 28.02.2026).
7. *Provoditsya konferenciya "Nezavisimost' Reyun'ona: vzglyad na kolonial'noe nasledie Francii i put' k suverenitetu"* [Conference "Independence of Réunion: A Look at the Colonial Heritage of France and the Path to Sovereignty" Is Being Held] // AZERTAC. January 21, 2025. Available at: <https://azertag.az/ru/xeber/provoditsya-konferenciya-nezavisimost-reyunona-vzglyad-na-kolonialnoe-nasledie-francii-i-put-k-suverenitetu-video-3381247> (date accessed: 26.11.2025).
8. *Strategicheskoe partnerstvo Francii i Indii v chetyreh voprosah* [Strategic Partnership between France and India in Four Questions] // *Diplomatiya Francii – France Diplomacy*. 2023. Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/dossiers-pays/inde/le-partenariat-strategique-franco-indien-en-4-questions/> (date accessed: 17.02.2026).

9. Strel'tsov D. V. *Indo-Tihookeanskiy region kak novaya real'nost' global'noy sistemy mezhdunarodnykh otnosheniy* [The Indo-Pacific Region as a New Reality of the Global System of International Relations] // *Mezhdunarodnaya zhizn'* – International Affairs Russia. 2018. No. 9. Pp. 65–74. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35575618> (date accessed: 28.02.2026).

10. Tsyplina T. A. *Vzglyad Francii na koncepciyu Indo-Tihookeanskogo regiona* [France's View on the Concept of the Indo-Pacific Region] // *Mezhdunarodnyy (bes)poryadok: istoricheskie, politicheskie, pravovye, ekonomicheskie, gumanitarnye i social'no-kul'turnye aspekty: sbornik materialov vserossiyskoy nauchnoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* – International (Dis)order: historical, political, legal, economic, humanitarian, social and kultural aspects: proceedings of the scientific conference, Samara, November 25–26, 2021. Samara, Samara National Research University n. a. Academician S. P. Korolev, 2022. Pp. 50–53. Available at: <https://www.Elibrary.ru/item.asp?id=49752683> (date accessed: 28.02.2026).

11. Chikhachev A. Yu. *Voenno-politicheskaya strategiya Francii v ITR posle sozdaniya AUKUS* [Military-Political Strategy of France in the Indo-Pacific after the Creation of AUKUS] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* – World Economy and International Relations. 2023. Vol. 67. No. 12. Pp. 60–70. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-12-60-70. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=63750711> (date accessed: 28.02.2026).

12. Chikhachev A. Yu. *Osnovy sovremennoy vneshney politiki Francii v Indo-Tihookeanskom regione* [Foundations of Contemporary Foreign Policy of France in the Indo-Pacific Region] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki* – Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2020. No. 1(838). Pp. 111–123. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43123983> (date accessed: 28.02.2026).

13. About IONS // Indian Ocean Naval Symposium. Available at: <https://ions.global/> (date accessed: 02.11.2025).

14. Agence Française de Développement (AFD). Available at: <https://www.afd.fr> (date accessed: 14.11.2025).

15. Cités Unies France. Available at: <https://cites-unies-france.org/> (date accessed: 14.11.2025).

16. Code general des collectivites territoriales. Légifrance – Le service public de la diffusion du droit. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000559852> (date accessed: 05.11.2025).

17. Commission de l'Océan Indien // Préfet de La Réunion. Available at: <https://www.reunion.gouv.fr/Actions-de-l-Etat/Cooperation-ocean-Indien/Commission-de-l-Ocean-Indien> (date accessed: 01.11.2025).

18. Congrès de la Nouvelle-Calédonie. Le Congrès de la Nouvelle-Calédonie – Institutions du territoire. Available at: <https://www.nouvelle-caledonie.gouv.fr/Services-de-l-Etat/La-Nouvelle-Caledonie/Institutions-du-territoire/Le-congres-de-la-Nouvelle-Caledonie> (date accessed: 28.11.2025).

19. Conseil départemental de La Réunion. Plan de mandature 2021-2028. Available at: <https://www.departement974.fr/actualite/plan-de-mandature-conseil-departemental-de-reunion-2021-2028> (date accessed: 28.11.2025).

20. Déclaration de M. Emmanuel Macron, Président de la République, sur les relations entre la France et l'Inde, à New Delhi le 10 mars 2018 // République Française. 10.03.2018. Available at: <https://www.vie-publique.fr/discours/205148-declaration-de-m-emmanuel-macron-president-de-la-republique-sur-les-r> (date accessed: 05.02.2026).

21. Déclaration de M. Emmanuel Macron, Président de la République, sur les relations entre la France et l'Inde, à New Delhi le 11 mars 2018 // République Française. 11.03.2018. Available at: <https://www.vie-publique.fr/discours/205205-declaration-de-m-emmanuel-macron-president-de-la-republique-sur-les-r> (date accessed: 05.02.2026).

22. Déclaration de M. Emmanuel Macron, Président de la République, sur les relations entre la France et l'Australie, à Sydney le 2 mai 2018 // République Française. 02.05.2018. Available at: <https://www.vie-publique.fr/discours/206113-declaration-de-m-emmanuel-macron-president-de-la-republique-sur-les-r> (date accessed: 05.02.2026).

23. Déclaration de M. Emmanuel Macron, Président de la République, sur les relations entre la France et les pays du Pacifique sud, à Nouméa le 4 mai 2018 // République Française. 04.05.2018. Available at: <https://www.vie-publique.fr/discours/205953-declaration-de-m-emmanuel-macron-president-de-la-republique-sur-les-r> (date accessed: 05.02.2026).

24. Décret n° 2025-1018 du 29 octobre 2025 relatif aux attributions du ministre des outre-mer. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000052457177> (date accessed: 28.11.2025).

25. Département de La Réunion. Available at: <https://departement974.fr/> (date accessed: 25.11.2025).

26. Frécon E. France's Indo-Pacific strategy in creating a multipolar global order // ThinkChina. March 1, 2022. Available at: <https://www.thinkchina.sg/politics/frances-indo-pacific-strategy-creating-multipolar-global-order> (date accessed: 17.02.2026).

27. European Commission. Official website. Available at: <https://commission.europa.eu> (date accessed: 14.11.2025).

28. European Committee of the Regions. About us. Available at: <https://cor.europa.eu/en/about> (date accessed: 14.11.2025).

29. France and the Indian Ocean Rim Association (IORA) // France Diplomacy. 2022. Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/regional-strategies/indo-pacific/regional-based-organisations-of-the-indo-pacific/article/france-and-the-indian-ocean-rim-association-iora> (date accessed: 17.02.2026).

30. France's Defence Strategy in the Indo-Pacific 2019. Available at: https://dkiapcss.edu/wp-content/uploads/2020/02/France-Defence_Strategy_in_the_Indo-Pacific_2019.pdf (date accessed: 01.12.2025).
31. France's Indo-Pacific Strategy // France Diplomacy. 2022. Available at: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/en_dcp_a4_indopacifique_022022_v1-4_web_cle878143-1.pdf (date accessed: 05.02.2026).
32. France's Indo-Pacific Strategy // France Diplomacy. 2025. Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/regional-strategies/indo-pacific/the-indo-pacific-a-priority-for-france/> (date accessed: 01.11.2025).
33. French Navy hosts Indian Ocean Naval Symposium at Reunion Island // Manorama Yearbook. 2021. Available at: <https://www.manoramayearbook.in/current-affairs/world/2021/07/02/french-navy-hosts-indian-ocean-naval-symposium-at-reunion-island.html> (date accessed: 17.02.2026).
34. French White Paper. Defense and National Security // Ministère de la Défense. France. 2013. Available at: https://otan.delegfrance.org/IMG/pdf/White_paper_on_defense_2013.pdf (date accessed: 20.02.2026).
35. Gilli A. France's New Reason D'être in the Indo-Pacific // Mind the Gap: National Views of the Free and Open Indo-Pacific / ed. by M. Stirling. German Marshall Fund of the United States. 2019. Pp. 18-21. Available at: <https://www.jstor.org/stable/resrep21474.6> (date accessed: 22.02.2026).
36. Gouvernement de la Nouvelle-Calédonie. Available at: <https://gouv.nc/> (date accessed: 28.11.2025).
37. Hameed M. Indo-French Strategic Partnership in the Indian Ocean: Implications for Pakistan // January 2024. Barech International Islamic University, Islamabad. DOI: 10.53963/pjmr.2024.002.6. Available at: https://www.researchgate.net/publication/388258289_INDO-FRENCH_STRATEGIC_PARTNERSHIP_IN_THE_INDIAN_OCEAN_IMPLICATIONS_FOR_PAKISTAN (date accessed: 22.02.2026).
38. Increasing our engagement with French Polynesia // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. Available at: <https://www.dfat.gov.au/geo/french-polynesia/increasing-our-engagement-with-french-polynesia> (date accessed: 02.11.2025).
39. Indian Ocean Rim Association // IORA. Available at: <https://www.iora.int/indian-ocean-rim-association> (date accessed: 01.11.2025).
40. Jacques Chirac was a true global statesman, a friend of India: PM Modi // The Hindu. 2019. Available at: <https://www.thehindu.com/news/national/jacques-chirac-was-a-true-global-statesman-a-friend-of-india-pm-modi/article29526126.ece> (date accessed: 17.02.2026).
41. Joint Cooperation Plan 2024-2027. Available at: <https://www.mfat.govt.nz/assets/Countries-and-Regions/Pacific/New-Caledonia/New-Zealand-New-Caledonia-Joint-Cooperation-Plan-2024-2027.pdf> (date accessed: 05.02.2025).
42. Khurana G. Security of Sea Lines: Prospects for India-Japan Cooperation // Strategic Analysis. 2007. Vol. 37, No. 1. Pp. 139-153. Available at: https://www.academia.edu/7710744/Security_of_Sea_Lines_Prospects_for_India_Japan_Cooperation (date accessed: 28.02.2026).
43. La Commission Nationale de la Coopération Décentralisée (CNCD). Légifrance - Le service public de la diffusion du droit. Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/action-exterieure-des-collectivites-territoriales/la-commission-nationale-de-la-cooperation-decentralisee-cncd/> (date accessed: 05.11.2025).
44. La DGOM - Direction générale des outre-mer // Ministère des Outre-mer. Available at: <https://www.outre-mer.gouv.fr/ministere/la-dgom-direction-generale-des-outre-mer> (date accessed: 28.11.2025).
45. La France et la sécurité en Indopacifique 2018. Available at: https://jp.ambafrance.org/IMG/pdf/la_france_et_la_securite_en_indo-pacifique_-2018.pdf?24706/08dcacd5d3d62e8cc287dce366906a9c874ec121 (date accessed: 01.12.2025).
46. La stratégie de défense française en Indopacifique 2019. Available at: <https://www.defense.gouv.fr/sites/default/files/dgris/La%20Stratégie%20de%20défense%20française%20en%20Indopacifique%20-%202019.pdf> (date accessed: 01.12.2025).
47. La stratégie de la France dans l'Indopacifique 2021. Available at: https://www.andrewerickson.com/wp-content/uploads/2021/07/France_Indo-Pacific-Strategy_20210728.pdf (date accessed: 01.12.2025).
48. Launch of the Erasmus+ project with India on life and health sciences at the University of La Réunion // Université de La Réunion. 2024. Available at: <https://www.univ-reunion.fr/en/pages/international-2/Launch-of-the-Erasmus-project-with-India-on-life-and-health-sciences-at-the-University-of-Reunion/> (date accessed: 02.11.2025).
49. Loi constitutionnelle n° 2003-276 du 28 mars 2003 relative à l'organisation décentralisée de la République. Légifrance - Le service public de la diffusion du droit. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000601882> (date accessed: 05.11.2025).
50. Loi d'orientation n° 92-125 du 6 février 1992 relative à l'administration territoriale de la République. Légifrance - Le service public de la diffusion du droit. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000722113> (date accessed: 05.11.2025).
51. Loi du 1er juillet 1901 relative au contrat d'association. Available at: <https://www.Legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGITEXT000006069570> (date accessed: 28.11.2025).
52. Loi n° 2007-147 du 2 février 2007 relative à l'action extérieure des collectivités territoriales et de leurs groupements. Légifrance - Le service public de la diffusion du droit. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000820338/> (date accessed: 05.11.2025).

53. Loi n° 2014-773 du 7 juillet 2014 d'orientation et de programmation relative à la politique de développement et de solidarité internationale. Légifrance – Le service public de la diffusion du droit. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGISCTA000029211412> (date accessed: 05.11.2025).

54. Loi n° 2015-991 du 7 août 2015 portant nouvelle organisation territoriale de la République. Légifrance – Le service public de la diffusion du droit. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000030985460> (date accessed: 05.11.2025).

55. Loi n° 82-213 du 2 mars 1982 relative aux droits et libertés des communes, des départements et des régions. Légifrance – Le service public de la diffusion du droit. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000880039> (date accessed: 05.11.2025).

56. Loi n° 99-209 organique du 19 mars 1999 relative à la Nouvelle-Calédonie. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000393606> (date accessed: 25.11.2025).

57. Loi organique n° 2004-192 du 27 février 2004 portant statut d'autonomie de la Polynésie française. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000435515> (date accessed: 28.11.2025).

58. *MacLellan N.* Neighbours: Australia and New Caledonia boost diplomatic and defence ties // *Islands Business*. September 18, 2020. Available at: <https://islandsbusiness.com/news-break/neighbours-australia-and-new-caledonia-boost-diplomatic-and-defence-ties/> (date accessed: 02.11.2025).

59. *Maupin A.* France in the Indian Ocean: A Geopolitical Perspective and Its Implications for Africa // *South African Institute of International Affairs. Policy Insights*. 2017. No. 42. Available at: <https://www.jstor.org/stable/resrep25980> (date accessed: 22.02.2026).

60. *Milhiet P.* Reframing the French Indo-Pacific: French Polynesia, a Model of Shared Sovereignty? // *The Diplomat*. 2025. June 28. Available at: <https://thediplomat.com/2025/06/reframing-the-french-indo-pacific-french-polynesia-a-model-of-shared-sovereignty/> (date accessed: 02.11.2025).

61. *Milhiet P.* Reframing the French Indo-Pacific: La Réunion, France's Strategic Outpost // *The Diplomat*. 2025. May 31. Available at: <https://thediplomat.com/2025/05/reframing-the-french-indo-pacific-la-reunion-frances-strategic-outpost/> (date accessed: 01.11.2025).

62. *Milhiet P.* Reframing the French Indo-Pacific: New Caledonia, How to Overcome the Geopolitical Impasse? // *The Diplomat*. 2025. July 5. Available at: <https://thediplomat.com/2025/07/reframing-the-french-indo-pacific-new-caledonia-how-to-overcome-the-geopolitical-impasse/> (date accessed: 02.11.2025).

63. Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères (France). Délégation pour les collectivités territoriales et la société civile (DCTCIV). Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/action-exterieure-des-collectivites-territoriales/la-delegation-pour-les-collectivites-territoriales-et-la-societe-civile-dctciv/> (date accessed: 28.11.2025).

64. Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères (France). Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr> (date accessed: 14.11.2025).

65. Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères (France). Volontariat. Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/services-aux-francais/preparer-son-expatriation/emploi/article/volontariat> (date accessed: 14.11.2025).

66. Ministère des Outre-mer. Available at: <https://www.outre-mer.gouv.fr/> (date accessed: 28.11.2025).

67. Ministry for Europe and Foreign Affairs (France). External action of local government bodies – Action extérieure des collectivités territoriales. Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/action-exterieure-des-collectivites-territoriales/> (date accessed: 28.11.2025).

68. *Muckle A.* What's Behind the Deadly Riots in New Caledonia? // *The Diplomat*. May 21, 2024. Available at: <https://thediplomat.com/2024/05/whats-behind-the-deadly-riots-in-new-caledonia/> (date accessed: 05.02.2026).

69. New Caledonia agreement signed in Paris // *Islands Business*. 2026. January 20. Available at: <https://islandsbusiness.com/news-break/new-caledonia-agreement-signed-in-paris/> (date accessed: 20.02.2026).

70. New Caledonia, SPC renew partnership // *Pacific Island Times*. 2023. October 24. Available at: <https://www.pacificislandtimes.com/post/new-caledonia-spc-renew-partnership> (date accessed: 02.11.2025).

71. Our development cooperation in French Polynesia // *New Zealand Foreign Affairs&Trade*. Available at: <https://www.mfat.govt.nz/en/countries-and-regions/australia-and-pacific/french-polynesia/our-development-cooperation-in-french-polynesia> (date accessed: 02.11.2025).

72. Our development cooperation in New Caledonia // *New Zealand Foreign Affairs&Trade*. Available at: <https://www.mfat.govt.nz/en/countries-and-regions/australia-and-pacific/new-caledonia/new-zealand-consulate-general-noumea-new-caledonia/our-development-cooperation-in-new-caledonia> (date accessed: 02.11.2025).

73. Pacific Leaders address New Caledonia unrest with mission // *Australia-Pacific Islands Business Council*. 2024. November 12. Available at: <https://apibc.org.au/2024/pacific-leaders-address-new-caledonia-unrest-with-mission/> (date accessed: 02.11.2025).

74. *Pajon C.* France's Indo-Pacific Strategy and the Quad Plus // *Journal of Indo-Pacific Affairs*. 2020. No. 5. Pp. 165–178. Available at: https://mgimo.ru/upload/2022/04/Journal%20of%20Indo-Pacific%20Affairs_Quad%20Plus%20Special%20Issue_2020.pdf (date accessed: 28.02.2026).

75. *Pandey P.* France Consolidating its Presence in the Indian Ocean Region // *Indian Council of World Affairs*. 2025. June 2. Available at: https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&id=13006&lid=7937 (date accessed: 22.02.2026).

76. *Pipolo C.* Enjeux pour la France en Indo-Pacifique // *Revue Défense Nationale*. 2021. Vol. 838, No. 3. Pp. 90–95. Available at: https://shs.cairn.info/article/RDNA_838_0090/pdf?lang=fr&ID_ARTICLE=RDNA_838_0090&download=1 (date accessed: 28.02.2026).
77. Polynesian Leaders Group senior officials gather to progress Polynesian cooperation // *Pacific News Service*. 2024. November 11. Available at: <https://pina.com.fj/2024/11/11/polynesian-leaders-group-senior-officials-gather-to-progress-polynesian-cooperation/> (date accessed: 02.11.2025).
78. Polynesian Leaders Group Senior Officials Gather to Progress Polynesian Cooperation // *Ministry of Foreign Affairs and Immigration, Government of the Cook Islands*. 2024. November 8. Available at: <https://mfai.gov.ck/news-updates/polynesian-leaders-group-senior-officials-gather-progress-polynesian-cooperation> (date accessed: 02.11.2025).
79. Région Réunion. Available at: <https://regionreunion.com/> (date accessed: 25.11.2025).
80. Regional Cooperation // *Port Reunion*. 2022. Available at: <https://reunion.port.fr/en/regionalcooperation/> (date accessed: 02.11.2025).
81. Régions de France. Available at: <https://regions-france.org/> (date accessed: 14.11.2025).
82. *Revue nationale stratégique 2025* // *Secrétariat général de la défense et de la sécurité nationale (SGDSN)*. Available at: <https://www.sgdsn.gouv.fr/publications/revue-nationale-strategique-2025> (date accessed: 01.12.2025).
83. *Saint-Mézard I.* French Strategic Interests in the Indian Ocean Region // *The French Strategy in the Indian Ocean and the Potential for Indo-French Cooperation*. S. Rajaratnam School of International Studies. 2015. Pp. 4–6. Available at: <https://www.jstor.org/stable/resrep05929.5> (date accessed: 22.02.2026).
84. Sarkozy concludes his India visit // *Hindustan Times*. 2008. January 27. Available at: <https://www.hindustantimes.com/india/sarkozy-concludes-his-india-visit/story-Oubtx6UutSXS3pKfxqrOLM.html> (date accessed: 17.02.2026).
85. *Strangio S.* Germany Joins the 'Indo-Pacific' Club // *The Diplomat*. 2020. September 3. Available at: <https://thediplomat.com/2020/09/germany-joins-the-indo-pacific-club/> (date accessed: 18.12.2025).
86. Stratégie de l'UE pour la coopération dans la région indo-pacifique // *Commission européenne*. 16.09.2021. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/fr/qanda_21_4709 (date accessed: 05.02.2026).
87. Stratégie française en Asie-Océanie à l'horizon 2030 – Vers un espace asiatique indo pacifique inclusive. Available at: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/livre_blanc-com_fr-eng_cle876fb2-1.pdf (date accessed: 01.12.2025).
88. The Constitution of the Fifth Republic. Available at: <https://www.elysee.fr/en/French-presidency/constitution-of-4-october-1958> (date accessed: 05.11.2025).
89. *Tuuhia T.* 'Playing gods with the cradle of life': French Polynesia's president issues warning over deep-sea mining // *The Guardian*. 2025. April 1. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2025/apr/01/French-polynesia-deep-sea-mining-pacific-warning-president-moetai-brotherson> (date accessed: 06.02.2026).
90. Visit of a Delegation of Entrepreneurs from Réunion Island to Mauritius // *Economic Development Board Mauritius*. 2025. August 25. Available at: <https://edbmauritius.org/newsroom/visit-of-a-delegation-of-entrepreneurs-from-reunion-island-to-mauritius> (date accessed: 02.11.2025).
91. Who we are // *Pacific Islands Forum*. Available at: <https://forumsec.org/2050> (date accessed: 02.11.2025).
92. *Wolff S.* Paradiplomacy: Scope, Opportunities and Challenges // *Bologna Center Journal of International Affairs*. 2007. Vol. 10. Pp. 141–150. Available at: <https://repository.unikom.ac.id/47807/1/Paradiplomacy.pdf> (date accessed: 28.02.2026).
93. *Yasmin.* French Interests in Indian Ocean Region: A Path for Defence and Energy Security // *Journal of Polity and Society*. 2020. Vol. 12, No. 1. Available at: <https://journalspoliticalscience.com/index.php/i/article/view/20/17> (date accessed: 28.02.2026).

Поступила в редакцию: 02.03.2026

Принята к публикации: 05.04.2026

EDN: EBCVBB

УДК 327.8(569.1)

Послевоенное урегулирование в Сирии – останется ли Германия в стороне?

Хдери Карина Юсефовна¹, Хдери Дина Юсефовна²

¹кандидат исторических наук, член совета правления Центра ближневосточных исследований, доцент Школы философии и культурологии, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики». Россия, г. Москва; преподаватель Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы.
Россия, г. Москва. ORCID: 0009-0001-5537-1779. E-mail: kh_der1@hotmail.com

²магистр факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-5063-8278. E-mail: khderi1999@gmail.com

Аннотация. С 2013 г. Германия практически прекратила официальные контакты с Дамаском, одновременно оставаясь одним из крупнейших доноров гуманитарной помощи и принимая миллионы сирийских беженцев. Однако с падением режима Б. Асада вектор участия Германии в восстановлении Сирии принципиально сменился с почти полной изоляции на активное включение во взаимодействие с новыми властями. В подобных условиях анализ перспектив участия Германии в послевоенном урегулировании Сирии является актуальным. Ключевой вопрос статьи заключается в следующем: останется ли Германия в стороне от процесса послевоенного урегулирования Сирии или станет активным участником международных усилий по ее восстановлению? Цель исследования – проанализировать дипломатические инициативы и заявления немецких властей после 2024 г., а также связанные с ними международные переговоры и проекты, чтобы определить позицию ФРГ в данной региональной повестке. В статье рассматриваются вопросы участия ФРГ в гуманитарных и экономических инициативах, а также анализируются официальные контакты с новыми сирийскими властями. Исследование выполнено методом контент-анализа официальных заявлений и документов ФРГ, выступлений лидеров, а также публикаций СМИ и отчетов международных организаций. Результаты показывают, что после 2024 г. Германия существенно активизировала свою вовлеченность. Правительство ФРГ представило 8-пунктный план урегулирования, возобновило дипломатические контакты, выделило значительные средства на гуманитарную и восстановительную помощь Сирии, добилося снятия экономических санкций, а также запустило новые экономические инициативы. Полученные данные свидетельствуют о том, что внешнеполитический курс Германии по Сирии сочетает преемственность с прагматичным стремлением к восстановлению отношений и стимулированию экономики. Однако этих действий недостаточно, чтобы конкурировать с региональными акторами. Результаты исследования могут быть использованы специалистами по международным отношениям и внешней политике при анализе процессов постконфликтного восстановления, а также при разработке стратегий сотрудничества ЕС и ФРГ с Ближним Востоком.

Ключевые слова: Германия, Сирия, послевоенное урегулирование, гуманитарная стратегия, дипломатическое сближение, миграционная политика, экономическое восстановление.

В марте 2011 г. на фоне захлестнувших страны Ближнего Востока процессов демократизации в Сирии начались протесты, переросшие впоследствии в гражданскую войну. В октябре 2012 г. США, Германия и другие страны – члены ЕС стали инициаторами резолюции по Сирии, внесенной впоследствии в Совет Безопасности ООН. Резолюция осуждала систематические нарушения в области прав человека и использование силы против мирных жителей со стороны сирийских властей. Вето на резолюцию наложили Китай и Россия. С самого начала сирийского кризиса Германия выступила за смену режима в Сирии, потребовав ухода президента Б. Асада в отставку [11].

В октябре 2013 г. президент Сирии Б. Асад предложил Берлину выступить в роли посредника в конфликте, что можно было воспринимать как положительный сигнал и знак доверия по отношению к немецкой дипломатии. Тем более удивительным стал ответ министра иностранных дел Г. Вестервелле, который с порога отверг предложение сирийского президента, сославшись на то, что посредником в данном конфликте является спецпредставитель ООН и ЛАГ Л. Брахими, ведь выступать в роли посредника вполне естественная для Германии роль и задача [11].

С 2013 г. по конец 2024 г. Германия практически свела на нет дипломатические контакты с Сирией, стараясь максимально дистанцироваться от режима Б. Асада. Однако почти полная остановка дипломатических контрактов не послужила препятствием активной гуманитарной и миграционной политике с акцентом на права человека. Так, Германия оставалась одним из крупнейших доноров гуманитарной помощи жителям Сирии, в то же время принимая миллионы беженцев на территории своего государства [18].

В конце ноября 2024 г. вооруженные оппозиционные формирования начали масштабное наступление на позиции сирийской армии. 8 декабря 2024 г. они вошли в Дамаск, Б. Асад оставил пост президента Сирии и покинул страну. Через два дня Мухаммед аль-Башир, возглавлявший так называемое Правительство спасения в провинции Идлиб, объявил о своем назначении руководителем сирийского кабинета министров переходного периода, который продлился до 1 марта 2025 г. [13].

Можно с уверенностью сказать, что конфликт в Сирии представляет важность для внешней политики Германии. Об этом свидетельствует сайт Федерального правительства ФРГ [33], где положение в Сирийской Арабской Республике выделено в отдельный раздел наряду с такими важными треками на Ближнем Востоке, как палестино-израильский конфликт, ядерная политика Ирана, кризис в Йемене.

Более того, во внешнеполитической иерархии ФРГ Ближний Восток входит в тройку лидеров после Европы и США. Повышенное внимание Берлина к региону определяется рядом факторов: исторической ответственностью немцев перед еврейским народом и вытекающим отсюда обязательством обеспечить право Израиля на существование и безопасность, зависимостью немецкой экономики от энергоносителей, поставляемых из арабских стран, а также близостью региона к Европе и исходящими из него угрозами, такими как терроризм, нелегальная миграция, региональные конфликты [12]. Стоит также отметить, что Германия не воспринимается арабскими странами в качестве колониальной державы, чего нельзя сказать о США, Франции и Великобритании, что дает дополнительные очки к имиджу независимого третейского судьи страны на Ближнем Востоке [17].

Если проанализировать коалиционные договоры германских правительств за период с 1990 по 2021 г., становится очевидным следующее. Во-первых, Германия намерена участвовать в урегулировании региональных конфликтов, таких как палестино-израильский конфликт, стабилизация ситуации в Сирии, Йемене и Ливии, а также урегулирование ситуации относительно иранской ядерной программы, не в качестве самостоятельного игрока, а лишь в рамках ООН и ЕС. Что касается Сирии, то Германия прежде всего заинтересована в предотвращении гуманитарной катастрофы. Это следует в том числе из коалиционного договора между Социал-демократической партией Германии (СДПГ), партией «Зеленых» и свободных демократов (СвДП) от 2021 г. «Отважиться на большой прогресс. Альянс за свободу, справедливость и устойчивость» [1].

Внешней политике посвящен седьмой раздел договора — «Ответственность Германии за Европу и мир». Он состоит из трех основных пунктов, которые демонстрируют в очередной раз преемственность внешнеполитического курса Федеративной Республики: «Европа», «Интеграция, миграция, убежище» и «Внешняя политика, безопасность, оборона, содействие развитию, обеспечение прав человека» [1].

Участники коалиционного договора отметили, что их целью является многостороннее сотрудничество со всеми странами мира, но особенно «с теми государствами, которые разделяют демократические ценности». Более того, «речь также идет о системном соревновании с авторитарными государствами и о стратегической солидарности с демократическими партнерами».

В связи с этим стоит упомянуть коалиционный договор 2025 г. «Ответственность за Германию», в котором подтвердились заявления о поддержке восстановления Сирии после смены режима Б. Асада в декабре 2024 г. Так, Германия будет содействовать восстановлению страны при соблюдении четких условий, прежде всего это соблюдение прав человека и предоставление возможности для участия всех групп населения в политической, и не только, жизни государства. Германия намерена создавать условия для возвращения беженцев с помощью экономической помощи и стабилизации обстановки в стране, возобновить депортации в Сирию, начиная с уголовно наказуемых лиц, и следовать миграционно-гуманитарной стратегии, помогая «на местах», тем самым снижая мотивацию для отъезда в Европу.

Как и раньше, основу внешнеполитического курса Берлина составляют внешняя политика и ее региональное измерение (Европа, США, Ближний Восток, где особое место уделено

отношениям с Израилем, Россией и т. д.), политика безопасности и обороны, политика содействия развитию. Как и во всех коалиционных договорах, центральное место занимает Европейский союз (ЕС). К основным вызовам, стоящим перед ЕС и ФРГ, отнесены изменение климата, цифровая трансформация и необходимость сохранения демократии.

Еще одной причиной повышенного внимания ФРГ к сирийскому кризису является факт того, что Германия выступает лидером среди европейских стран по количеству сирийских мигрантов. По данным министерства внутренних дел страны, к декабрю 2024 г. их число составляло порядка 1,3 млн человек, 18% из которых родились уже на территории ФРГ [14]. В связи с этим коалиционеры предлагают усилить контроль за нелегальной миграцией, де бюрократизировать и ускорить процесс рассмотрения прошений о предоставлении убежища, ускорить процесс высылки нелегалов. С другой стороны, они хотят упростить процесс интеграции легальных мигрантов, выполняющих законы и проявляющих соответствующее желание.

Новый виток, или Восстановление отношений. Смена режима Б. Асада в декабре 2024 г. и приход к власти нового временного правительства во главе с Мухаммедом аль-Баширом восстановили интерес всех региональных и международных акторов к Сирии, в том числе и Германии. Тогдашний канцлер Германии О. Шольц приветствовал смену режима Б. Асада, назвав данные события «хорошей новостью». Также Шольц призвал сирийские оппозиционные силы начать инклюзивный политический процесс, противостоять иностранному вмешательству и развивать мирные отношения с соседними странами, акцентируя внимание на том, что все религиозные общины и меньшинства должны иметь равные права и быть защищены [22]. Можно предположить, что новым властям придется продемонстрировать демонстративный отказ от своих идеологических установок для восстановления дипломатических и экономических отношений между странами. В связи с этим переходному правительству предстоит проделать большую работу для обеспечения механизмов для создания легитимности де-юре при наличии ряда структурных проблем, а именно: установление конституционной легитимности и национального диалога, экономическое восстановление страны, реформы системного местного самоуправления и организация деятельности местных советов, организация функционирования институтов гражданского общества и взаимодействие с общинами, а также реконструкция городов и поселков [26].

Что касается усилий в процессе политического урегулирования в Сирии, то Германия предпочтет отдать роль первой скрипки в процессе Турции, которая в связи со сменой власти в Сирии усилила свои позиции в регионе. Ряд немецких политиков уже поспешил заявить о необходимости оставаться в тесном контакте с турецкими партнерами. Так, пресс-секретарь МИД Германии С. Фишер раскритиковал попытки вмешательства России и Ирана, а именно авиаудары по оппозиционерам и поддержку ополченцев в Сирии соответственно, в то же время выделяя Турцию в качестве центрального актора в борьбе с кризисом, основываясь на наличии общей границы и около 4 млн сирийских беженцев. Он призвал все стороны конфликта защищать гражданское население и подчеркнул поддержку политической резолюции Совета Безопасности ООН 2254 от 18 декабря 2015 г., которая призывает к прекращению огня и политическому урегулированию в Сирии, описывая дорожную карту политического перехода [24].

С целью обеспечения скорейшего политического урегулирования и стабильности в Сирии МИД Германии предоставило план из восьми пунктов, а именно: мирный переход власти, защита территориальной целостности, открытый диалог с политическими субъектами, содействие гуманитарной помощи и восстановлению, противостояние прошлому и обеспечение подотчетности в соответствии с международным правом, уничтожение химического оружия, расширение дипломатического присутствия Германии в Сирии, обеспечение безопасного возвращения граждан в Сирию [23].

В декабре 2024 г. министр иностранных дел ФРГ А. Бербок заявила, что Германия увеличит свое присутствие в Сирии. Для этой цели был назначен специальный представитель в министерстве иностранных дел Т. Линднер. Бербок также заявила, что группировка «Хайят Тахрир аш-Шам» является решающим актором для будущей Сирии. Что касается террористического прошлого группировки, то Германия вместе с остальными партнерами будет искать возможные пути сотрудничества, учитывая террористические истоки новых властей.

В январе 2025 г. А. Бербок вместе со своим французским коллегой Жаном-Ноэлем Барро нанесла незапланированный визит в Сирию [9]. Это первый визит члена федерального правительства в Дамаск после падения режима Б. Асада в декабре 2024 г. В Дамаске состоялись переговоры с главой новой сирийской администрации Ахмедом Аш-Шараа (более известным

как Абу Мухаммед аль-Джулани). Целью визита была демонстрация поддержки новых властей в Сирийской Арабской Республике, где началась политическая перезагрузка. В МИД ФРГ отметили, что Германия поддерживает мирную передачу власти и процесс общественного примирения в стране.

Визит получил широкое освещение в средствах массовой информации, которые обратили внимание на то, что сирийские политики, встречавшие западных коллег, пожали руку французскому политику, при этом отказались протянуть руку А. Бербок, приложив руку к сердцу. Не стоит расценивать данный жест как отказ от выстраивания отношений с Берлином. Ситуация лишь свидетельствует о следовании этикету [32].

Рукопожатие в исламе означает, что два человека встречаются и после обмена приветствиями пожимают друг другу руки. Согласно изречениям Пророка, во время рукопожатия важно помолиться друг за друга и пожелать взаимного прощения у Всевышнего Аллаха. Данный элемент приветствия искореняет злобу и ненависть, приводя к дружелюбию и взаимному уважению. Однако имеются ограничения в том, с кем разрешается рукопожатие. Мужчине и женщине разрешается обмениваться рукопожатием только с лицами своего пола, а также с близкими родственниками, брак с которыми навсегда запрещен (махрам) [10].

Таким образом, отказ пожать руку А. Бербок не свидетельствует об отсутствии уважения к ней как к представителю Федеративной Республики. Более того, спустя мгновение вслед за министром к сирийской делегации подходит мужчина из немецкой делегации, которому сирийцы сами протягивают руки для приветствия.

Примечательно, что визит глава внешнеполитического ведомства Германии в Сирию нанесла совместно с французским коллегой. Это подтверждает тот факт, что Германия, как и ранее, будет выстраивать свою внешнеполитическую линию в регионе в механизмы Европейского сообщества.

Бербок ранее не раз называла себя последовательницей «феминистической внешней политики». Главной целью сторонников этой концепции являются поощрение гендерного равенства в других странах и защита прав меньшинств и женщин. С учетом взглядов нового руководства Сирии, а также царящих настроений в регионе можно отметить, что тема прав человека отойдет на задний план в отношении Сирии, если Германия будет стремиться обеспечить германскому бизнесу достойные позиции в восстанавливающейся после длительного конфликта Сирии [13].

Накануне визита в Сирию Бербок подчеркнула, что «новое начало» в этой стране возможно лишь с обеспечением доступа к политическим процессам всем сирийцам, вне зависимости от пола, этнической и религиозной принадлежности. Также министр заявила, что необходимо избежать попыток отсрочки проведения выборов или шагов к исламизации судебной власти и образования [13].

Визит министров иностранных дел Германии и Франции стал попыткой нащупать почву для понимания ситуации вокруг снятия санкций в будущем и формата отношений с новыми властями в Дамаске. Более того, страны Европейского союза еще не определились с тем, как относиться к новому режиму в Сирии, учитывая его прошлое и важность морально-этического направления во внешнеполитических установках Европы. Оценивая перспективы сотрудничества Сирии с европейскими государствами, в том числе с Германией, можно предположить, что будущая Сирия будет ориентироваться на выстраивание отношений с арабскими странами, нежели с европейскими государствами.

12 января 2025 г. на конференции в Эр-Рияде А. Бербок объявила о выделении 50 млн евро на гуманитарную помощь, а именно продовольствие, восстановление разрушенных домов и медицинскую помощь. Согласно заявлению, 25 млн евро пойдут в фонд ЮНИСЕФ ООН, который в том числе будет заниматься психологической помощью детям, пострадавшим во время войны, и восстановлением разрушенных школ [25].

В начале марта 2025 г. переходное правительство Сирии сообщило о проведении военной операции против сторонников Б. Асада на западе страны, а именно в провинциях Латакия, Тартус, Хама и Хомс, из-за того, что они якобы подняли восстание и атаковали новую власть. В результате жестокой операции погибло около 1500 человек гражданского населения, большей частью которого являются алавиты, а несколько тысяч человек смогли укрыться на российской авиационной базе в Хмеймиме. Глава МИД ФРГ Бербок в ходе визита в Сирию назвала целенаправленное убийство мирных жителей «тяжелым преступлением» и призвала переходное правительство привлечь виновных к ответственности [4].

Вдобавок к ранее выделенным 50 млн евро на гуманитарные нужды 17 марта А. Бербок объявила о выделении дополнительных 300 млн евро для продолжения политического урегулирования в Сирии, из которых 168 млн евро будут предоставлены внешнеполитическим ведомством и 133 млн евро – минэкономразвития. Кроме того, ФРГ поддерживает принимающие общины в Иордании, Ливане, Ираке и Турции исключительно через агентства ООН по оказанию помощи и неправительственные организации [2]. Можно констатировать тот факт, что Германия в очередной раз возвращается к излюбленным практикам во внешней политике на Ближнем Востоке, так называемой дипломатии «чековой книжки» и мягкой силе.

Еще одним свидетельством дипломатического потепления выступает факт открытия посольства Германии в Дамаске после 13-летнего перерыва. Дипломатическую миссию временно возглавит специальный посланник ФРГ Штефан Шнек до момента официального назначения посла, а выдачей виз будет продолжать заниматься посольство в Ливане. Однако, по заявлению МИД Германии, наличие представительства позволит «улучшить контакт с гражданским обществом и напрямую реагировать на серьезные отклонения». Более того, представители ФРГ вновь подчеркнули необходимость доступности всем гражданам Сирии: женщинам и мужчинам, представителям всех этносов и религий – свободы и безопасности для осуществления нового политического старта между Сирией и Германией [5].

После состоявшихся в феврале 2025 г. парламентских выборов в Германии к власти пришло правительство во главе с лидером христианских демократов Фридрихом Мерцем, начавшее свою работу в мае того же года. Согласно коалиционному соглашению под названием «Ответственность за Германию», новый кабинет сохранил преемственность ключевых направлений ближневосточной политики, в том числе в контексте содействия восстановлению Сирии при соблюдении четких условий, а именно соблюдении прав человека и предоставлении возможности для участия всех групп населения в политической, и не только, жизни государства. Однако в соглашении был усилен акцент на политическом урегулировании сирийского конфликта через многостороннюю дипломатию. На момент проведения данного исследования новое правительство находилось у власти лишь пару месяцев и пока не успело сделать достаточное количество шагов по взаимодействию с переходным правительством Сирии, однако некоторые тенденции на сирийском треке уже прослеживаются. Так, согласно заявлениям, сделанным МИД Германии на состоявшейся 18 августа 2025 г. правительственной пресс-конференции, Германия подтверждает свое намерение в качестве партнера вносить вклад в восстановление Сирии. Более того, представители МИД Германии указали на наличие «хорошего и конструктивного диалога» с сирийским переходным правительством и упомянули о проведении активной работы по репатриации преступников и опасных для общества людей в Сирию [19]. Более того, с июля по сентябрь 2025 г. министр иностранных дел Германии Йоганн Вадефуль неоднократно публично обращался к сирийской тематике, главным образом в контексте событий в провинции Сувейда и гуманитарной ситуации в стране в целом [21]. Его заявления также подчеркивали необходимость инклюзивного политического процесса, защиты меньшинств и готовности Германии совместно с европейскими партнерами поддерживать переходное правительство Сирии.

С февраля 2025 г. Германия постепенно предпринимала шаги для частичной или полной отмены экономических санкций, введенных против Сирии после начала гражданской войны. Для начала Европейский союз одобрил первый раунд послаблений в энергетическом секторе, при этом оставив ряд ограничений в финансовых и банковских сферах. Гуманитарные организации также просили о дальнейших послаблениях, так как подобные меры создают охлаждающий эффект, который отпугивает не склонных к риску инвесторов. Результатом пятимесячной внутренней работы ЕС стало единогласное решение министров иностранных дел отменить все экономические санкции, что облегчит доступ к финансовым средствам и ускорит восстановление страны после затяжного кризиса [6]. Однако ряд строгих ограничений на оружие, химикаты, товары двойного назначения и другое оборудование, которое может быть задействовано для репрессий, будет сохранен, что видится необходимой мерой сдерживания в свете проведения жестокой военной операции против сторонников бывшего президента Сирии.

Полная отмена экономических санкций против Сирии, которую несколько месяцев активно лоббировали представители Германии, проложила мост к первым попыткам налаживания контакта между странами в экономической сфере. Так, в начале июня 2025 г. во время телефонного звонка между министрами иностранных дел Германии Йоганном Вадефулем и

Сирии Асалом аль-Шайбани была достигнута договоренность о создании Объединенного экономического координационного совета [15]. По мнению представителей Германии, учреждение подобного совета поспособствует улучшению коммуникации, выявлению торговых и инвестиционных возможностей в Сирии, решению проблем роста экономических отношений и надзору за сотрудничеством между двумя странами во всех секторах. Еще одним шагом стала помощь в восстановлении электроэнергетического сектора, который необходим для нормализации всех аспектов повседневной жизни граждан. При поддержке немецкого концерна Siemens ведутся работы по перезапуску электростанции Дейр-Али в пригороде Дамаска [33]. Кроме того, немецкий институт IDOS выступил с предложением содействовать восстановлению Сирии через децентрализацию управления, поддержку местного самоуправления и укрепление социального договора, что послужит повышению легитимности и долгосрочной стабильности. В данном проекте главными акторами будут выступать такие учреждения, как Немецкое общество международного сотрудничества (GIZ) и Кредитный институт реконструкции (KfW), которые смогут оказать поддержку в пострадавших от конфликтов муниципалитетах и в ограниченных гражданских пространствах, а также Фонд Гумбольдта и Немецкая служба академического обмена (DAAD), которые имеют тесные связи с сирийскими выпускниками [16]. Наконец, в мае 2025 г. в ряде авторитетных СМИ появилась информация о том, что Сирия и Германия ведут переговоры о возможной передаче печати обновленного дизайна сирийской лиры немецким компаниям (*Bundesdruckerei* и *Giesecke + Devrient*) с целью заменить прежние поставки вновь эмитированной валютой [20].

Международный контекст сирийского урегулирования. С целью проведения сравнительного анализа представляется важным также уделить внимание вопросу смены политики других крупных государств ЕС, а именно Франции и Италии, в отношении Сирии. После падения режима Башара Асада в декабре 2024 г. государства Европейского союза начали постепенно формировать новую политику в отношении сирийского переходного правительства. При этом Германия, Франция и Италия как три ведущих члена ЕС продемонстрировали схожую установку на поддержку политического перехода и восстановление страны, но различаются по приоритетам и характеру вовлеченности.

Франция придерживается более осторожного, но политически активного курса. Париж официально признал формирование нового сирийского правительства 30 марта 2025 г., приветствуя «начало инклюзивного переходного процесса», увязывая восстановление Сирии с вопросами политической ответственности и защиты прав человека [29]. В марте 2025 г. Франция приняла участие в конференции “Syria Roadmap – Eastern Mediterranean Quint Meeting”, на которой была согласована стратегия постепенного снятия санкций и расширения помощи при условии соблюдения демократических принципов [29]. Таким образом, Франция делает акцент на политической легитимности и моральных критериях международного сотрудничества, выступая за сохранение инструментов давления на сирийское руководство до полной реализации переходного процесса.

Италия, в свою очередь, занимает более прагматичную и экономически ориентированную позицию. Министр иностранных дел Антонио Таяни в январе 2025 г. заявил, что Италия готова выступить «мостом между новым Дамаском и Европейским союзом» [27]. Рим сосредоточен прежде всего на гуманитарной и инфраструктурной помощи: во-первых, в марте Италия выделила около 70 млн евро на восстановление социальных и медицинских объектов, а также на укрепление продовольственной безопасности, во-вторых, в августе было объявлено о выделении еще 7 млн евро для поддержки реинтеграции беженцев и перемещенных лиц в Сирии, в-третьих, итальянское агентство по развитию (AICS) направило около 3 млн евро Всемирной организации здравоохранения с целью улучшения обнаружения заболеваний и реагирования на них в Сирии. При этом Италия активно участвует в региональных форумах Восточного Средиземноморья, продвигая идеи энергетической интеграции и участия итальянских компаний (ENI, Salini Impregilo) в сирийском восстановлении. В санкционной политике позиции трех стран также различаются: Германия поддержала частичное снятие ограничений с целью ускорить восстановление экономики, Франция выступает за их сохранение в политических целях, а Италия предлагает гибкий подход, увязывая отмену санкций с конкретными шагами переходного правительства.

Сравнение политики Германии, Франции и Италии показывает, что ФРГ занимает наиболее **сбалансированную и проактивную позицию** среди европейских акторов. Немецкий подход сочетает политические и гуманитарные аспекты с прагматичным экономическим интере-

сом. Берлин не только стремится поддерживать демократические институты, но и способствует практическому восстановлению Сирии. В отличие от Франции, делающей акцент на принципиальной правовой и ценностной стороне вопроса, и Италии, ориентирующейся на инфраструктурное сотрудничество и миграционную стабильность, Германия стремится стать ведущим посредником в европейской политике послевоенного урегулирования, интегрируя дипломатические, гуманитарные и экономические инструменты в единую стратегию.

Однако если провести сравнительный анализ сбалансированной и проактивной политики Германии и территориальных соседей Сирии на Ближнем Востоке, то можно заметить, что несмотря на все попытки Германии содействовать восстановлению Сирии при помощи гуманитарных программ, дипломатии «чековой книжки», а также мягкой силы и налаживать экономические связи со страной, способствуя проникновению немецкого частного бизнеса на сирийский внутренний рынок, другие международные акторы более активно проникают на внутренний рынок, занимая основные позиции. Так, можно привести в пример Турцию, имеющую общую границу с Сирией. Страна активно занимается снятием дипломатических барьеров, открывая посольство, пересматривая формат военного и гражданского присутствия в северной части Сирии и нормализуя дипломатические отношения между странами путем взаимных визитов и межведомственного сотрудничества. Стороны также взялись за восстановление экономических связей: были ликвидированы торговые и транзитные ограничения, создана дорожная карта по восстановлению торговли, что включает пересмотр тарифов и расширение возможностей для турецких компаний по инвестициям и поставкам по всей территории Сирии, вследствие чего сильно возросли объемы торговли между странами и международной грузовой и пассажирской транспортировки. Более того, в мае 2025 г. было анонсировано соглашение о поставке электроэнергии из Турции и строительство газопровода из Килиса в Алеппо объемом 6 млн м³ газа в день [31].

Для полноты исследования следует также рассмотреть подход Российской Федерации к сирийскому урегулированию, который принципиально отличается от европейского. В то время как Германия, Франция и Италия лишь в 2025 г. начали выстраивать новую стратегию взаимодействия с переходным правительством Сирии, Россия подошла к этим событиям с позиций долгосрочного участника конфликта. До падения режима Башара Асада Москва играла роль ключевого военного и политического союзника Дамаска, контролировала стратегические объекты в Тартусе и Латакии и выступала главным посредником в мирных переговорах. Смена власти в декабре 2024 г. стала для Кремля серьезным вызовом, потребовавшим быстрой перестройки внешнеполитической линии при сохранении базовых интересов.

Первоначальная реакция России на падение режима Асада вызвала в Москве срочную мобилизацию дипломатических и военных инструментов, что выразилось в заявлении Министерства обороны РФ о повышении уровня боевой готовности своих объектов в Тартусе и Хмеймиме для защиты персонала и техники, заявлении МИД России о поддержке «суверенитета, независимости и территориальной целостности Сирии» с акцентом на недопустимость внешнего вмешательства в процесс формирования переходных органов власти [7]. Одновременно Россия предоставила политическое убежище Башару Асаду и членам его семьи, что фактически закрепило завершение многолетнего альянса между Москвой и прежним сирийским руководством.

С начала 2025 г. Москва перешла ко второму этапу, а именно осторожному восстановлению диалога с новым сирийским руководством. Заместитель министра иностранных дел М. Л. Богданов заявил, что Россия готова сотрудничать с новыми структурами, представляющими волю сирийского народа и уважающими международное право, начались первые неформальные контакты между российскими дипломатами и представителями переходного правительства, где обсуждались вопросы безопасности российских объектов и участия в гуманитарных миссиях [3].

В мае 2025 г. начался этап переоценки формата отношений с заявления министра иностранных дел С. В. Лаврова о том, что Россия «переоценивает двусторонние соглашения с Сирией с учетом изменившихся политических обстоятельств», но намерена «оставаться ключевым партнером сирийского народа в деле восстановления государства» [8]. Москва добилась временного сохранения статуса своих военных объектов в Тартусе и Хмеймиме, продолжая переговоры с сирийским правительством о новых параметрах присутствия, параллельно иницилируя консультации с Ираном, Египтом и ОАЭ, направленные на координацию усилий по стабилизации Сирии.

Между тем после смены сирийского руководства Россия утратила статус единственного внешнего гаранта и вынуждена была перейти от политики патронажа к **стратегии ограниченного присутствия**. Современный российский курс ориентирован на сохранение военных объектов, минимизацию потерь и постепенную адаптацию к новым политическим условиям. Если до конца 2024 г. Москва определяла контуры сирийского урегулирования, то к концу 2025 г. она превратилась в одного из нескольких конкурирующих акторов (Турция, Катар, Саудовская Аравия, Иран) [28].

Заключение. Анализ внешнеполитических шагов Германии в отношении Сирии с момента ухода Б. Асада из власти по настоящий момент (за период декабрь 2024 – июль 2025 г.) свидетельствует о заметном повышении внимания Берлина к Арабской Республике. В свете смены режима Асада Германия предприняла ряд символических и практических мер: так, был возобновлен диалог на уровне МИД, когда в январе 2025 г. на незапланированный визит прибыли министр иностранных дел Германии А. Бербок с французским коллегой, а уже в марте 2025 г. открылось посольство ФРГ в Дамаске после 13-летнего перерыва. Параллельно Германия активно лоббировала снятие европейских экономических санкций в отношении Сирии, что было осуществлено к маю 2025 г., за исключением ограничений на оружие и товары двойного назначения. Эти действия указывают на готовность Берлина играть более заметную роль в постконфликтной Сирии и стимулировать ее восстановление.

В сравнении с предыдущими годами внешняя политика Германии демонстрирует как преемственность, так и существенные изменения. В коалиционном договоре прописано, что ключевым интересом ФРГ выступает содействие политическому процессу, направленному на преодоление сирийского конфликта, в сотрудничестве с международными партнерами. Традиционно Берлин настаивал на уходе Башара Асада и участвовал в урегулировании кризиса в Сирии преимущественно в рамках многосторонних структур, делая акцент на предотвращении гуманитарной катастрофы; это связано с тем, что Германия, испытывая на себе основное бремя миграционного кризиса, заинтересована в возвращении людей на родину. Формировавшаяся десятилетиями линия предусматривала значительную моральную и финансовую поддержку сирийскому населению при одновременном политическом давлении на режим через санкции.

Новые события конца 2024 г. изменили контекст: сейчас Германия вовлечена напрямую – возобновляет дипломатические отношения, назначает спецпредставителя и проводит переговоры с де-факто руководством страны. Вместе с тем сохраняются старые приоритеты: даже во время активного сближения Берлин делает акцент на гуманитарной поддержке, на включении всех слоев общества в политический процесс, а также на необходимости избежать попыток отсрочки проведения выборов или шагов к исламизации судебной власти и образования.

Основные приоритеты внешней политики ФРГ по Сирии можно разделить на гуманитарные, дипломатически-политические и экономические.

Гуманитарные усилия сосредоточены на предотвращении страданий мирного населения. Германия уже выделила существенные средства на помощь, а именно около 350 млн евро, с начала 2025 г. на продовольствие, жилье, медпомощь и психологическую реабилитацию. Эти вливания, а также направленная через ЮНИСЕФ и другие агентства ООН помощь призваны обезопасить уязвимые группы населения и способствовать скорейшему возвращению граждан домой. Такая программа поддержки ясно коррелирует с прежним курсом Берлина по предотвращению гуманитарной катастрофы.

Что касается дипломатически-политических мер, то Германия выступает за инклюзивное урегулирование конфликта. Берлин поддержал относительно мирную передачу власти новому правительству и поощряет всеобщий политический диалог. Официальные лица ФРГ публично призывают к участию в процессе всех этносов и религиозных общин Сирии, подчеркивая равные права для мужчин и женщин. Вместе с тем немецкая дипломатия критикует любое насилие против гражданского населения, требуя привлечения виновных к ответственности. При этом Германия продолжает действовать преимущественно через ЕС и ООН: например, совместный визит Бербок с главой МИД Франции и координация с турецкими партнерами отражают стремление выстроить сирийскую политику в согласии с европейскими подходами. Политическая повестка Берлина по-прежнему включает демократические ценности и права человека, хотя высказывания о «феминистской внешней политике» свидетельствуют о возможном отходе этих тем на второй план в условиях практического сближения.

Наконец, **экономические меры сводятся к тому, что** Германия предпринимает первые шаги в направлении экономического сотрудничества с Сирией. ФРГ активно лоббировала отмену санкций, что уже дало возможность для возрождения двусторонней торговли и инвестиций. В июне 2025 г. был согласован проект совместного экономического координационного совета, целью которого станет поиск торговых и инвестиционных возможностей и содействие отраслевому сотрудничеству. Немецкий бизнес и институты также участвуют в восстановлении экономических отношений: например, Siemens возобновляет работу электростанции в пригороде Дамаска, а институты развития (GIZ, KfW, фонды академических обменов) работают над децентрализацией управления и укреплением местного самоуправления. Более того, ведутся переговоры о передаче немецким компаниям печати новой сирийской лиры. Все это говорит о том, что экономическая составляющая ныне выходит в число приоритетов ближневосточного направления внешнеполитического курса ФРГ, наряду с традиционными гуманитарными и политическими целями.

У Дамаска на данный момент другие внешнеполитические и геостратегические приоритеты. Об этом свидетельствуют первые попытки наладить отношения со странами региона. Стоит напомнить, что Ахмад аль-Шараа, который является лидером поддерживаемой Турцией повстанческой группировки Тахрир аш-Шам, уже успел встретиться с различными региональными и внерегиональными чиновниками. Он подчеркнул необходимость сосредоточиться на экономическом развитии и восстановлении страны. По оценкам экспертов, новому руководству в Сирии требуется помощь всего региона для восстановления страны в размере 250–400 млрд долларов. Дамаск заинтересован в значительных финансовых средствах, которые на данный момент могут предложить страны Залива, без каких-либо оговорок. Турция и Катар будут первыми претендентами, которые попытаются занять рынок Сирии. Однако Саудовская Аравия и другие страны Персидского залива также будут готовы конкурировать.

Таким образом, современная линия Германии по Сирии сочетает элементы преемственности и смены курса. Сохраняется приверженность многостороннему формату принятия решений и оказанию помощи населению, однако практическая политика заметно смещается в сторону активного взаимодействия с вновь пришедшей властью. Укрепляя связи с Сирией через ЕС и союзников, ФРГ демонстрирует, что отказывается от прежнего принципа полной изоляции, сочетающегося с консенсусным подходом к решению конфликта. Это указывает на стратегический сдвиг к более прагматичной линии при сохранении декларированных гуманитарных и политических установок. Для Германии Сирия выступает скорее упущенной возможностью, поскольку предпринимаемые ею меры, хотя и являются большим шагом в сравнении с полной изоляцией, которой характеризовался период с 2012 г. по конец 2024 г., недостаточны для конкуренции с политикой и стратегиями основных акторов, а именно Турции и других стран Ближнего Востока.

Список литературы

1. Белов В. Quovadis внешняя политика Германии при новом трехпартийном правительстве? РСМД. 1 декабря 2021 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/quo-vadis-vnes-hnyaya-politika-germanii-pri-novom-trekhpartiyenom-pravitelstve/> (дата обращения: 22.07.2025).
2. Бербок: Германия выделит еще 300 млн евро для поддержки Сирии и региона // Информационное агентство ТАСС. 2025. 17 марта. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23417299> (дата обращения: 22.07.2025).
3. Богданов заявил, что Россия готова и далее оказывать необходимую помощь Сирии // Интерфакс. 2025. 11 февр. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1007268> (дата обращения: 11.11.2025).
4. В марте в Сирии были убиты более тысячи мирных жителей // DeutscheWelle. 2025. 20 марта. URL: <https://www.dw.com/ru/v-sirii-vnov-otkrylos-posolstvo-germanii/a-71983712> (дата обращения: 22.07.2025).
5. В Сирии вновь открылось посольство Германии // DeutscheWelle. 2025. 20 марта. URL: <https://www.dw.com/ru/v-sirii-vnov-otkrylos-posolstvo-germanii/a-71983712> (дата обращения: 22.07.2025).
6. ЕС отменяет все экономические санкции против Сирии, надеясь ускорить восстановление // Euronews. 2025. 21 мая. URL: <https://ru.euronews.com/my-europe/2025/05/21/eu-lifts-syria-sanctions> (дата обращения: 23.07.2025).
7. Заявление МИД России о ситуации в Сирии // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2024. 16 дек. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1987700/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000ea66499b544a587c05f6b4a1849cba883a551531da8f0ec2b56fdd950076212e087b7a25ea143000403b07f4843d7a687a9d00dbf053902e07832b5b3c41526a9e2d40c968b98671c62b543ab75704df47c3b8632062cс6е (дата обращения: 09.10.2025).
8. Лавров заявил об инвентаризации соглашений с Сирией // РБК. 2025. 31 июля. URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/07/2025/688b383b9a794738b9493e52> (дата обращения: 11.11.2025).

9. Министры иностранных дел Германии и Франции прибыли в Сирию с официальным визитом // Euronews. 2025. 3 янв. URL: <https://ru.euronews.com/2025/01/03/syria-french-german-delegation> (дата обращения: 22.07.2025).
10. Можно ли мусульманам пожать руку женщинам // Мусульманский Восток. 2022. 17 апр. URL: <https://sunna.su/mozhno-li-v-islame-pozhat-ruku-zhenschine/> (дата обращения: 22.07.2025).
11. Павлов Н. В., Хдери К. Ю. Ближневосточный вектор внешней политики ФРГ // Современная Европа. 2018. № 5(84). С. 37–48. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36482901> (дата обращения: 22.07.2025).
12. Павлов Н. В., Хдери К. Ю. ФРГ и кризис в Сирии: активный посредник или пассивный наблюдатель? // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 12. С. 78–86. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/12_2020/10-PAVLOV.pdf (дата обращения: 22.07.2025).
13. Представители властей Сирии отказали в рукопожатии главе МИД Германии // РИА Новости. 2025. 3 янв. URL: <https://ria.ru/20250103/berbok-1992439643.html> (дата обращения: 22.07.2025).
14. 22 % der Schutzsuchenden in Deutschland sind Syrerinnen und Syrer // Pressemitteilung Nr. N062 vom 12 Dezember 2024. Destatist Statistisches Bundesamt. Über: https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemittelungen/2024/12/PD24_N062_12.html (дата обращения: 22.07.2025).
15. A bold move: why did Germany rush to establish a joint economic council with Syria? // Al-Estiklal Newspaper. 2025. 23 June. URL: <https://www.alestiklal.net/en/article/a-bold-move-why-did-germany-rush-to-establish-a-joint-economic-council-with-syria> (дата обращения: 23.07.2025).
16. Musallam A., Mohammad J., Zintl T. Germany's role in Syria's reconstruction through decentralization. Bonn : IDOS. The Current Column, 2025. URL: <https://www.idos-research.de/en/the-current-column/article/germanys-role-in-syrias-reconstruction-through-decentralisation/> (дата обращения: 24.07.2025).
17. Deutschland ist der ideale Vermittler // Die Zeit. 16 Januar. Über: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2014-01/syrien-verantwortung-deutschland> (дата обращения: 09.10.2025).
18. Die dramatische Lage und das deutsche Engagement nach 10 Jahren Syrienkonflikt // Bundesministerium für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung. 2021. 15 März. Über: <https://www.bmz.de/de/laender/zehn-jahre-syrienkonflikt> (дата обращения: 22.07.2025).
19. Erklärungen des Auswärtigen Amtes in der Regierungspressekonferenz vom 13.08.2025 // Auswärtiges Amt. 2025. 13 August. Über: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/regierungspressekonferenz-2730208> (дата обращения: 09.10.2025).
20. Exclusive: Syria plans to print currency in UAE and Germany, ending Russian role // Reuters. 2025. May. URL: <https://www.reuters.com/markets/currencies/syria-plans-print-currency-uae-germany-ending-russian-role-2025-05-16/> (дата обращения: 09.10.2025).
21. Foreign Minister Wadephul on the situation in Syria // Federal Foreign Office. 2025. 17 July. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/syria-2727482> (дата обращения: 09.10.2025).
22. Germany calls for inclusive political process after fall of Assad regime // Anadolu Ajansi. 2024. 8 December. URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/germany-calls-for-inclusive-political-process-after-fall-of-assad-regime/3418111> (дата обращения: 22.07.2025).
23. Germany pledges \$51m in aid for Syria // ArabNews. 2025. 12 January. URL: <https://www.arabnews.com/node/2586125/saudi-arabia> (дата обращения: 22.07.2025).
24. Germany voices concern over Russian and Iranian meddling in Syria // Anadolu Ajansi. 2024. 6 December. URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/germany-voices-concern-over-russian-and-iranian-meddling-in-syria/3416434> (дата обращения: 22.07.2025).
25. Germany's plan for peace in Syria // Deutschland.de. 2024. 18 December. URL: <https://www.deutschland.de/en/topic/politics/stabilisation-syria-germany> (дата обращения: 22.07.2025).
26. Governance challenges in the upcoming phase: general concepts // Omran Center. 2025. 02 January. URL: <https://omranstudies.org/index.php/publications/papers/governance-challenges-in-the-upcoming-phase-general-concepts.html> (дата обращения: 11.11.2025).
27. Italy to be bridge between new Syria, EU – FM // ANSA English Desk. 2025. 10 January. URL: https://www.ansa.it/english/newswire/english_service/2025/01/10/ansaitaly-to-be-bridge-between-new-syria-eu-fm_ec3431a2-010e-4ce0-b4dd-a614aef180ff.html (дата обращения: 08.10.2025).
28. Adar S. et al. Der Fall des Assad-Regimes: Regionale und internationale Machtverschiebungen // SWP-Aktuell. 2025. 6 Februar. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/aktuell/2025A06_Fall_Assad-Regime.pdf (дата обращения: 11.11.2025).
29. Syria – Announcement of a new government // Ministry for Europe and Foreign Affairs. 2025. 30 March. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/syria/news/2025/article/syria-announcement-of-a-new-government-30-03-25> (дата обращения: 08.10.2025).
30. Syria roadmap – Eastern Mediterranean quint meeting // Elysee. 2025. 31 March. URL: <https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2025/03/31/syria-roadmap-eastern-mediterranean-quint-meeting> (дата обращения: 08.10.2025).
31. Syria to sign deal to import electricity from Turkey, minister says // Reuters. 2025. 4 May. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/syria-sign-deal-import-electricity-turkey-minister-says-2025-05-04/> (дата обращения: 05.08.2025).

32. Syrien-Reise zu schwieriger Zeit // Tagesschau. 2025. 20 März. Über: <https://www.tagesschau.de/ausland/asien/baerbock-syrien-114.html> (дата обращения: 08.10.2025).

33. The Federal Government supports the Syrian transition process // The Press and Information Office of Federal Government. 2025. 23 May. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-en/news/support-syria-2350346> (дата обращения: 08.10.2025).

34. Why is Germany deepening ties with Syria's new state? // Al-Estiklal Newspaper. 2025. March. URL: <https://www.alestiklal.net/en/article/why-is-germany-deepening-ties-with-syria-s-new-state> (дата обращения: 23.07.2025).

Post-war settlement in Syria: will Germany remain on the sidelines?

Khderi Karina Yusefovna¹, Khderi Dina Yusefovna²

¹PhD in Historical Sciences, member of the Board of the Center for Middle Eastern Studies, associate professor at the School of Philosophy and Cultural Studies, HSE University. Russia, Moscow; lecturer at the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Russia, Moscow. ORCID: 0009-0001-5537-1779. E-mail: kh_der@hotmail.com

²master of Faculty of Governance and Politics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-5063-8278. E-mail: khderi1999@gmail.com

Abstract. Since 2013, Germany has virtually ceased official contacts with Damascus, while remaining one of the largest donors of humanitarian aid and hosting millions of Syrian refugees. However, with the fall of Bashar al-Assad's regime, Germany's approach to Syria shifted fundamentally from near-total isolation to active engagement with the new authorities. In this context, analyzing the prospects for Germany's participation in Syria's post-war settlement is of high relevance. The key question of the article is whether Germany will remain on the sidelines of the post-war settlement process or become an active participant in the international effort to rebuild the country. The aim of the study is to analyze the diplomatic initiatives and statements of German officials after 2024, as well as related international negotiations and, in order to determine Germany's position on this regional agenda. The article examines Germany's involvement in humanitarian and economic initiatives and analyzes official contacts with the new Syrian leadership. The research is conducted using qualitative analysis of official German statements and documents, leader's speeches, as well as media publications and reports by international organizations. The findings show that after 2024, Germany significantly intensified its engagement: it presented an eight-point settlement plan, resumed diplomatic contacts, allocated substantial funds for humanitarian and reconstruction aid to Syria, contributed to the lifting of economic sanctions and launched new economic initiatives. The data indicate that Germany's foreign policy toward Syria combines continuity with a pragmatic drive to restore relations and stimulate the economy. However, these efforts are insufficient to compete with regional actors. The research results may be used by specialists in international relations and foreign policy when analyzing post-conflict recovery processes, as well as in developing strategies for EU and German cooperation with the Middle East.

Keywords: Germany, Syria, post-war settlement, humanitarian strategy, diplomatic rapprochement, migration policy, economic recovery.

References

1. Belov V. *Quo vadis: vneshnyaya politika Germanii pri novom trekhpartijnom pravitel'stve?* [Germany's Foreign Policy under the New Three-Party Government?] // *Rossiiskij sovet po mezhdunarodnym delam – Russian International Affairs Council*. 2021. 1 December. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/quo-vadis-vneshnyaya-politika-germanii-pri-novom-trekhpartijnom-pravitelstve/> (date accessed: 22.07.2025).

2. *Berbok: Germaniya vydelit eshche 300 mln evro dlya podderzhki Sirii i regiona* [Baerbock: Germany to allocate an additional €300 million to support Syria and the region] // *TASS Informatsionnoe Agentstvo – TASS News Agency*. 2025. 17 March. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/23417299> (date accessed: 22.07.2025).

3. Bogdanov zayavil, chto Rossiya gotova i daleye okazyvat' neobkhodimuyu pomoshch' Sirii [Bogdanov stated that Russia is ready to continue providing the necessary assistance to Syria] // *Interfaks – Interfax*. 2025. 11 February. Available at: <https://www.interfax.ru/russia/1007268> (date accessed: 11.11.2025).

4. *V marte v Sirii byli ubity bolee tysyachi mirnyh zhitelej* [Over a Thousand Civilians Killed in Syria in March] // *Deutsche Welle*. 2025. 20 March. Available at: <https://www.dw.com/ru/v-sirii-vnov-otkrylos-posolstvo-germanii/a-71983712> (date accessed: 22.07.2025).

5. *V Sirii vnov' otkrylos' posol'stvo Germanii* [German Embassy in Syria Reopens] // *Deutsche Welle*. 2025. 20 March. Available at: <https://www.dw.com/ru/v-sirii-vnov-otkrylos-posolstvo-germanii/a-71983712> (date accessed: 22.07.2025).

6. *ES otmenyaet vse ekonomicheskie sankcii protiv Sirii, nadeyas' uskorit' vosstanovlenie* [EU lifts all economic sanctions against Syria, hoping to accelerate reconstruction] // *Euronews*. 2025. 21 May. Available at: <https://ru.euronews.com/my-europe/2025/05/21/eu-lifts-syria-sanctions> (date accessed: 23.07.2025).

7. *Zayavlenie MID Rossii o situatsii v Sirii* [Statement by the Russian Ministry of Foreign Affairs on the Situation in Syria] // *Ministerstvo inostrannykh del Rossiyskoy Feredatsii* – Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 2024. 16 December. Available at: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1987700/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000ea66499b544a587c05f6b4a1849cba883a551531da8f0ec2b56fdd950076212e087b7a25ea143000403b07f4843d7a687a9d00dbf053902e07832b5b3c41526a9e2d40c968b98671c62b543ab75704df47c3b8632062ccc6e (date accessed: 09.10.2025).

8. Lavrov zayavil ob inventarizatsii otnoshenii s Siriei [*Lavrov announces review of relations with Syria*] // RosBiznesKonsalting – RBK. 2025. 31 July. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/31/07/2025/688b383b9a794738b9493e52> (date accessed: 11.11.2025).

9. *Ministry inostrannykh del Germanii i Francii pribyli v Siriyu s oficial'nym vizitom* [German and French foreign ministers arrive in Syria on official visit] // Euronews. 2025. 3 January. Available at: <https://ru.euronews.com/2025/01/03/syria-french-german-delegation> (date accessed: 22.07.2025).

10. *Mozhno li musul'manam pozhat' ruku zhenschinam* [Can Muslims Shake Hands with Women. Muslim East] // *Musul'manskij Vostok* – Muslim East. 2022. 17 April. Available at: <https://sunna.su/mozhno-li-v-islame-pozhat-ruku-zhenschine/> (date accessed: 22.07.2025).

11. Pavlov, N. V. & Khderi, K. Yu. Blizhnevostochnyj vektor vneshnej politiki FRG [The Middle Eastern Vector of Germany's Foreign Policy] // *Sovremennaya Evropa* – Contemporary Europe. 2018. No. 5(84), pp. 37–48. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36482901> (accessed 22.07.2025).

12. Pavlov N. V., Khderi K. Yu. *FRG i krizis v Sirii: aktivnyj posrednik ili passivnyj nablyudatel'?* [Germany and the Syrian Crisis: Active Mediator or Passive Observer?] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* – World Economy and International Relations. 2020. Vol. 64. No. 12. Pp. 78–86. Available at: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meim_o/12_2020/10-PAVLOV.pdf (date accessed: 22.07.2025).

13. *Predstaviteli vlastej Sirii otkazali v rukopozhatii glave MID Germanii* [Syrian authorities refuse to shake hands with German Foreign Minister] // *RIA Novosti* – RIA Novosti. 2025. 3 January. Available at: <https://ria.ru/20250103/berbok-1992439643.html> (date accessed: 22.07.2025).

14. 22 % der Schutzsuchenden in Deutschland sind Syrerinnen und Syrer // Pressemitteilung Nr. N062 vom 12 Dezember 2024. Destatist Statistisches Bundesamt. Über: https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2024/12/PD24_N062_12.html (date accessed: 22.07.2025).

15. A bold move: why did Germany rush to establish a joint economic council with Syria? // *Al-Estiklal Newspaper*. 2025. 23 June. Available at: <https://www.alestiklal.net/en/article/a-bold-move-why-did-germany-rush-to-establish-a-joint-economic-council-with-syria> (date accessed: 23.07.2025).

16. Musallam A., Mohammad J., Zintl T. Germany's role in Syria's reconstruction through decentralization. Bonn : IDOS. The Current Column, 2025. Available at: <https://www.idos-research.de/en/the-current-column/article/germanys-role-in-syrias-reconstruction-through-decentralisation/> (date accessed: 24.07.2025).

17. Deutschland ist der ideale Vermittler // *Die Zeit*. 16 Januar. Über: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2014-01/syrien-verantwortung-deutschland> (date accessed: 09.10.2025).

18. Die dramatische Lage und das deutsche Engagement nach 10 Jahren Syrienkonflikt // Bundesministerium für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung. 2021. 15 März. Über: <https://www.bmz.de/de/laender/zehn-jahre-syrienkonflikt> (date accessed: 22.07.2025).

19. Erklärungen des Auswärtigen Amtes in der Regierungspressekonferenz vom 13.08.2025 // Auswärtiges Amt. 2025. 13 August. Über: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/regierungspressekonferenz-2730208> (date accessed: 09.10.2025).

20. Exclusive: Syria plans to print currency in UAE and Germany, ending Russian role // Reuters. 2025. May. Available at: <https://www.reuters.com/markets/currencies/syria-plans-print-currency-uae-germany-ending-russian-role-2025-05-16/> (date accessed: 09.10.2025).

21. Foreign Minister Wadephul on the situation in Syria // Federal Foreign Office. 2025. 17 July. Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/syria-2727482> (date accessed: 09.10.2025).

22. Germany calls for inclusive political process after fall of Assad regime // Anadolu Ajansi. 2024. 8 December. Available at: <https://www.aa.com.tr/en/europe/germany-calls-for-inclusive-political-process-after-fall-of-assad-regime/3418111> (date accessed: 22.07.2025).

23. Germany pledges \$51m in aid for Syria // ArabNews. 2025. 12 January. Available at: <https://www.arabnews.com/node/2586125/saudi-arabia> (date accessed: 22.07.2025).

24. Germany voices concern over Russian and Iranian meddling in Syria // Anadolu Ajansi. 2024. 6 December. Available at: <https://www.aa.com.tr/en/europe/germany-voices-concern-over-russian-and-iranian-meddling-in-syria/3416434> (date accessed: 22.07.2025).

25. Germany's plan for peace in Syria // *Deutschland.de*. 2024. 18 December. Available at: <https://www.deutschland.de/en/topic/politics/stabilisation-syria-germany> (date accessed: 22.07.2025).

26. Governance challenges in the upcoming phase: general concepts // Omran Center. 2025. 02 January. Available at: <https://omranstudies.org/index.php/publications/papers/governance-challenges-in-the-upcoming-phase-general-concepts.html> (date accessed: 11.11.2025).

27. Italy to be bridge between new Syria, EU – FM // ANSA English Desk. 2025. 10 January. Available at: https://www.ansa.it/english/newswire/english_service/2025/01/10/ansaitaly-to-be-bridge-between-new-syria-eu-fm_ec3431a2-010e-4ce0-b4dd-a614aef180ff.html (date accessed: 08.10.2025).

28. Adar S. et al. Der Fall des Assad-Regimes: Regionale und internationale Machtverschiebungen // SWP-Aktuell. 2025. 6 Februar. Available at: https://www.swp-berlin.org/publications/products/aktuell/2025/A06_Fall_Assad-Regime.pdf (date accessed: 11.11.2025).

29. Syria – Announcement of a new government // Ministry for Europe and Foreign Affairs. 2025. 30 March. Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/syria/news/2025/article/syria-announcement-of-a-new-government-30-03-25> (date accessed: 08.10.2025).

30. Syria roadmap – Eastern Mediterranean quint meeting // Elysee. 2025. 31 March. Available at: <https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2025/03/31/syria-roadmap-eastern-mediterranean-quint-meeting> (date accessed: 08.10.2025).

31. Syria to sign deal to import electricity from Turkey, minister says // Reuters. 2025. 4 May. Available at: <https://www.reuters.com/business/energy/syria-sign-deal-import-electricity-turkey-minister-says-2025-05-04/> (date accessed: 05.08.2025).

32. Syrien-Reise zu schwieriger Zeit // Tagesschau. 2025. 20 März. Über: <https://www.tagesschau.de/ausland/asien/baerbock-syrien-114.html> (date accessed: 08.10.2025).

33. The Federal Government supports the Syrian transition process // The Press and Information Office of Federal Government. 2025. 23 May. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-en/news/support-syria-2350346> (date accessed: 08.10.2025).

34. Why is Germany deepening ties with Syria's new state? // Al-Estiklal Newspaper. 2025. March. Available at: <https://www.alestiklal.net/en/article/why-is-germany-deepening-ties-with-syria-s-new-state> (date accessed: 23.07.2025).

Поступила в редакцию: 27.08.2025

Принята к публикации: 14.11.2025

Ученики против учителя: судьба «школы» М. Н. Покровского

Кочешков Геннадий Николаевич

доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.
Россия, г. Ярославль. ORCID: 0000-0003-2630-6668. E-mail: kocheshg@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена крайне актуальной проблеме взаимоотношений учителя и ученика с точки зрения научной этики и морали. На примере жизни и судьбы академика М. Н. Покровского в статье подробно анализируются причины взлета и падения ученого, роль его учеников в организованной властями политической кампании по «разоблачению» теоретических и методологических положений историка. Большое внимание уделяется анализу статей молодых исследователей, бывших учеников Покровского, опубликованных в двухтомнике, вышедшем в 1939–1940 гг. Охарактеризованы причины публикаций авторов, обстоятельно исследована содержательная сторона отдельных публикаций, в которых политическая составляющая взяла верх над научной объективностью. В статье приведены фрагменты языковой стилистики, использованной бывшими учениками академика при анализе его трудов по истории России. Раскрыт механизм критической переоценки взглядов М. Н. Покровского, его теоретических воззрений на древнюю и новейшую историю России. Кампания по дискредитации академика Покровского имела вполне определенную цель: утвердить единомыслие в науке, не допустить отступлений от марксистско-ленинской методологии, классовых подходов в оценке исторических событий и явлений прошлого. Важное место в воспитании нового молодого поколения должны были занять учебники по истории для школьников разных возрастов. В статье раскрывается механизм подготовки новых учебных пособий, где главную роль играла утвердившаяся в СССР партийная идеология. Методологической основой публикации явились принципы историзма, объективности, научности. Не менее важен был и сравнительно-исторический метод, позволивший дать объективную оценку процессам, происходившим в историческом сообществе во второй половине 30-х гг. XX в.

Ключевые слова: «школа» М. Н. Покровского, «торговый капитал», научная этика, мораль, историческое сообщество.

Жизнь и творчество М. Н. Покровского, одного из основателей марксистской исторической школы в советской России, достаточно подробно изучены представителями отечественной историографии [2; 5; 8–10; 21].

Значительно меньше написано о так называемой «школе» М. Н. Покровского, о взаимоотношениях учителя со своими учениками, многие из которых в скором времени не просто откажутся следовать методологическим воззрениям академика, но и подвергнут жесткой критике, казалось бы, незыблемые, базисные, концептуальные основы марксистской исторической науки, разработанные и введенные в школьную и вузовскую практику М. Н. Покровским [1; 7; 20].

Цель данной статьи – исследовать истоки, природу и содержание критических замечаний бывших учеников по отношению к своему учителю – академику М. Н. Покровскому. Удивительно, но факт: в свое время М. Н. Покровский подверг жесткой критике теоретические взгляды своих учителей: П. Г. Виноградова, В. О. Ключевского – в угоду классовому подходу, сформировавшемуся в советской исторической науке. В частности, анализируя «Курс русской истории» (ч. 1) Ключевского, Покровский обвиняет автора в отсутствии логики изложения, эклектизме, противоречивости суждений: «Проф. Ключевский в разные периоды своей жизни был и позитивистом, и гегельянцем, индивидуалистом и сторонником “органического” понимания общества» [16, с. 50]. Выступая на Всесоюзной конференции историков-марксистов (декабрь 1928 – январь 1929 г.), Покровский все достижения прежней академической науки сравнил с «научным кладбищем», на котором покоятся труды известных авторов. «Что нового дала “школа Виноградова”?» – восклицает Покровский [18, с. 334]. Такую же судьбу пригото-

вил себе и сам М. Н. Покровский: его ученики, покорно следуя указаниям партийных функционеров, организовали целую серию политических кампаний по дискредитации своего учителя. «Услужливость» была оценена по достоинству: многие выходцы из «школы» М. Н. Покровского были в скором времени обласканы властью и получили награды, звания, должности за свое аморальное, безнравственное поведение. Именно во второй половине 1930-х гг. шел процесс активного превращения исторической науки в придаток партийного аппарата, безропотно выполняющий социальный заказ большевистской власти. Далеко не последнюю роль в этой хорошо продуманной политической акции огосударствления исторической науки сыграли такие известные ученики М. Н. Покровского, как М. В. Нечкина, А. М. Панкратова, А. Л. Сидоров и др.

Термин «школа Покровского» впервые был введен в употребление в 1936 г.: 27 января в газете «Правда» было опубликовано официальное сообщение «В Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б)», в котором были подвергнуты резкой критике «ошибочные исторические взгляды, свойственные так называемой “исторической школе Покровского”» [1, с. 36]. Под огонь критики, а впоследствии и репрессий попали не только ученики и последователи Покровского, но и «старая» большевистская гвардия. Политическая кампания, развернувшаяся во второй половине 1930-х гг., была использована для расправы с неугодными и опасными для сталинского режима учеными и политическими деятелями. Среди них были известные в научных кругах историки: первый директор «Ленинки» профессор В. И. Невский; профессора Н. Н. Ваняг, П. П. Парадизов; член-корреспондент Академии наук Белорусской ССР, первый декан исторического факультета Московского университета Г. С. Фридлянд; директор Московского института истории, философии и литературы А. Г. Пригожин; историки В. М. Далин, Л. Г. Райский и многие другие.

При изучении биографии М. Н. Покровского, знакомстве с его трудами и работами молодых исследователей, которых причисляют к «школе» академика-марксиста, вызывает сомнение сам термин «научная школа» М. Н. Покровского. Впервые об этом было сказано Н. В. Иллерицкой, утверждавшей, что «ни о какой преемственности, являющейся одним из признаков научной школы, и речи быть не могло» [7, с. 165]. С оценкой Н. В. Иллерицкой вполне можно согласиться. Во-первых, советский академик (кстати, обучаясь в дореволюционные годы в Московском университете, «подающий надежды» выпускник историко-филологического факультета так и не сумел написать и защитить магистерскую диссертацию) не создал крупных научных трудов. Четырехтомник «Русская история с древнейших времен», вышедший в 1910–1912 гг. из-под пера Покровского, привлек внимание общественности своей оригинальной трактовкой анализа событий русской истории. Но, как отмечал П. Н. Милюков, Покровский в своем труде использовал конъюнктурный прием: чтобы вызвать интерес к своему исследованию, Покровский использовал новую терминологию при описании социальной структуры общества: правящий класс на протяжении всей истории возникновения и дальнейшего развития государства он называет «феодалами», а торговую и промышленную социальные группы – «буржуазией» [12, с. 116]. Именно в этой работе Покровский впервые вводит в оборот термин «торговый капитализм» – главное изобретение будущего академика.

Во-вторых, история для Покровского являлась лишь средством для удовлетворения своих карьерных амбиций: не достигнув сколь-нибудь заметных успехов на научной ниве, Покровский вскоре стал быстро и стремительно строить политическую и чиновничью карьеру. Отвергая все предшествующие достижения дореволюционной исторической науки, используя при этом вульгаризаторские приемы, недостойные истинного ученого, Покровский заслужил признание новой власти. Но в скором времени советский академик сам стал мишенью критики со стороны государственных мужей. Его критика историков «государственной школы», доказывающих основополагающую роль государства, вызывала недовольство партийной элиты. Концепция «государственников», основные принципы которой были разработаны Б. Н. Чичериным, была близка и понятна сталинскому окружению: «Государство есть высшая форма общежития... В нем определенная народность... собирается в единое тело, получает единое отечество, становится народом. В нем верховная власть служит представительницею высшей воли общественной... Эта общественная воля подчиняет себе воли частные и устанавливает таким образом твердый порядок в обществе... Человек перестает быть вольною птицей, которая несется туда и сюда...» [22, с. 369–370].

В-третьих, в последние годы своей жизни Покровский публично признавал ошибочность некоторых своих теоретических положений. Так, в статье «Роль исторической науки в условиях социалистического строительства», опубликованной в 1930 г., автор вынужден со-

гласиться с тем, что на фоне грандиозных изменений, произошедших в СССР, «начинается пересмотр исторических взглядов и понятий. Даже то, что мы сами выработали в борьбе с буржуазным пониманием истории на предшествующем этапе нашего развития, теперь может оказаться уже устарелым» [19, с. 386–387].

В середине 1920-х гг. происходят серьезные изменения в системе исторического образования. Партийные руководители прекрасно понимали важность и значимость истории и как науки, и как идеологического инструмента в политическом воспитании масс. История должна была выполнять социальные заказы партии, служить проводником в светлое будущее страны, показывать теневые стороны прошлого с позиции классового подхода, марксистско-ленинской методологии. Для подготовки научных кадров, специалистов по истории с 1 сентября 1934 г. были восстановлены исторические факультеты Московского и Ленинградского университетов. Большое внимание уделялось истории большевизма. С этой целью организовывались семинары для подготовки будущих пропагандистов, лектории, кружки.

Одновременно шла подготовка новых учебников по истории для школьников. 15 мая 1934 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР», в котором отмечалось неудовлетворительное состояние изучения истории в общеобразовательных учреждениях: «Учебники и само преподавание носят отвлеченный, схематический характер. Вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей – учащимся преподносят абстрактное определение общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами» [6]. Содержались ли в этом документе косвенно критические замечания в адрес Покровского? Думается, что да. В своих ранних работах историк пытался предложить свою собственную, отличную от марксизма, классификацию стадий исторического развития, особо выделяя как самостоятельные этапы торговый и промышленный капитализм [10]. Кроме того, известно, что Покровский имел собственный взгляд на роль истории в школе, акцентируя внимание на классовом подходе при изучении исторических событий: «Та история, которая преподавалась в средней школе в старое время... отличалась тем, что в ней не было никакой истории... прежняя история в качестве героев имела отдельные лица. Наша история – должна быть историей рабочих и крестьян» [15, с. 4, 10–11].

Началась работа над созданием учебно-методических комплексов по истории, однако проекты учебников, подготовленные коллективом историков под руководством Н. Н. Ванаги, И. И. Минца и А. И. Лозинского, были подвергнуты критике со стороны партийных руководителей. При этом особое раздражение у них вызвал конспект учебника по истории СССР для средней школы, представленный авторским коллективом Н. Н. Ванаги. В замечаниях Сталина, Жданова и Кирова отмечалось, что данная группа историков не поняла и не выполнила задачу: «Конспект изобилует большим количеством ненаучных, неграмотных, с точки зрения марксизма, определений... В учебниках должно быть взвешено каждое слово, каждое выражение, каждое определение, должна быть продумана до конца каждая мысль, так как эта мысль будет воспринята десятками миллионов как последнее слово науки» [3, с. 10].

По указанию Сталина в стране был объявлен конкурс на лучший учебник по истории. 26 января 1936 г. Совет народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) издают постановление «Об учебниках истории». В нем отмечалось, что среди «некоторой части наших историков, особенно историков СССР, укрепились антимарксистские, антиленинские, по сути дела, ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку... Эти вредные тенденции и попытки ликвидации истории как науки связаны в первую очередь с распространением среди некоторых историков ошибочных исторических взглядов, свойственных так называемой “исторической школе Покровского”» [3, с. 12].

Для изучения и анализа представленных на конкурс учебников была создана комиссия под руководством А. А. Жданова. На основании итогов лучшим был признан учебник А. В. Шестакова. По мнению комиссии, в учебнике был соблюден историко-хронологический принцип при изложении событий, в нем присутствовала конкретика, история народов СССР не отрывается от истории общеевропейской. При этом в учебнике отсутствует всякое упоминание об исторической схеме М. Н. Покровского. Термины «торговый капитал», «промышленный капитал», введенные в обиход советским академиком, исчезли из новых учебников.

Постановление от 26 января 1936 г. положило начало жесткой кампании по разоблачению антинаучных взглядов Покровского. Бывшие ученики академика разом бросились обви-

нять своего учителя в антимарксизме, отходе от фундаментальных основ марксистско-ленинской методологии, заодно «отмывая» свои прежние грехи перед партийным руководством. В течение 1939–1940 гг. началась публикация статей, разоблачающих ошибки Покровского. Желающих засвидетельствовать свою преданность партии и лично Сталину было столь велико, что редакторскому коллективу пришлось издавать солидный двухтомник статей ученых-гуманитариев. Первый сборник был издан в 1939 г. и назывался «Против исторической концепции М. Н. Покровского». Второй сборник вышел в 1940 г. под общим названием «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского». По своей научной ценности статьи сильно отличались друг от друга: были и откровенно слабые с точки зрения науки публикации, авторы которых ставили перед собой чисто утилитарные задачи, но были и серьезные исследования, в которых содержалась вполне обоснованная критика взглядов М. Н. Покровского по отдельным вопросам русской и советской истории. Интересна сама структура двухтомника: в первом томе помещены статьи ученых – и молодых и довольно маститых, в которых авторы постарались выдержать более-менее спокойный тон критики (за исключением некоторых публикаций). Во втором томе помещены статьи явно апологетического характера: авторы не стесняются в грубых выражениях, нередко выходящих за рамки морали и научной этики. Складывается впечатление, что статьи написаны не учеными-гуманитариями, а идеологическими работниками, поставившими цель разоблачить опасные «троцкистские» взгляды М. Н. Покровского. Среди авторов первого сборника были и бывшие ученики Покровского: М. В. Нечкина, А. М. Панкратова, А. Л. Сидоров, и представители старой, «классической» университетской школы: С. В. Бахрушин, Б. Д. Греков, В. И. Пичета и др.

Открывает сборник статья А. М. Панкратовой «Развитие исторических взглядов М. Н. Покровского». В статье нет ни одного слова, ни одной фразы в защиту своего учителя. Вульгарный тон публикации, агрессия, грубые, жесткие выражения отмечают публикацию Панкратовой. Автор не пытается скрыть свою главную цель – отречься от своего учителя, заслужить доверие властей, вернуть доброе имя партийца (известно, что Панкратова в начале 1930-х гг. подвергалась гонениям из-за обвинений в «правом уклоне» и только заступничество М. Н. Покровского спасло ее от ареста). На протяжении всей статьи употребляется термин «так называемая школа» Покровского, к которой Панкратова, как выясняется, не имела никакого отношения. Особое внимание автор уделяет «разоблачению» концепции русского исторического процесса, разработанного академиком Покровским. Известно, что ученый связывал все изменения в русском обществе с активностью «торгового капитала» в сфере производственных отношений. Панкратова обвиняет Покровского в компиляциях, заимствовании данного термина у П. Струве и А. Богданова, доведя до абсурда значимость экономического фактора в развитии общественных отношений: «торговый капитал» у Покровского – «все-сильный дирижер русского исторического процесса» [14, с. 64].

В сборнике были опубликованы две статьи М. В. Нечкиной. В очерке ««Восстание Разина и Пугачева» в концепции М. Н. Покровского» исследователь предложила собственную версию истории крестьянско-казацких освободительных движений XVII–XVIII вв. В отличие от Панкратовой, Нечкина в критике Покровского придерживается приемов сдержанной, научной полемики, не допуская грубостей и вольностей. Научная этика, профессионализм, талант полемиста – все это было свойственно молодой, подающей большие надежды ученице Покровского. Признавая заслуги учителя в изучении причин восстаний, движущих сил, оценке роли отдельных социальных групп, тактике восставших, Нечкина в то же время высказывает категорическое несогласие с концептуальным выводом Покровского о том, что основной причиной крестьянских восстаний было развитие торгового капитала, затронувшего в том числе и сельские местности [13, с. 252]. Ошибочным представляется Нечкиной и стремление Покровского обнаружить в народных восстаниях некую политическую окраску. В частности, характеризуя пугачевский бунт, Покровский видел в нем начала буржуазной революции в России, что противоречило сути народных движений в XVIII столетии. «Стихийное крестьянское восстание не выдвигало и не могло выдвинуть политические лозунги борьбы с самодержавием» [13, с. 261].

Во второй статье Нечкина разбирает взгляды Покровского и его оценки декабристского движения. Академика интересовала эта тема, он опубликовал тринадцать статей по данной проблеме. При этом Покровский постоянно менял свои оценки освободительного движения начала XIX столетия: от полного отрицания революционности декабристов до признания «буржуазности» декабристской идеологии. При анализе декабристского движения Покров-

ский применяет методологические принципы экономического материализма, упрощая содержательную сторону программных заявлений дворян-радикалов. По мнению Покровского, восстание декабристов было вызвано массовым недовольством дворян в связи с высокими ценами на хлеб, что не соответствовало действительности. Как отмечает Нечкина, в 20-е гг. XIX в. цены на хлеб в России не росли, а наоборот, резко падали из-за кризиса, вызванного аграрным перепроизводством.

Еще один ученик, из «бывших», А. Л. Сидоров поместил в сборнике статью под названием «Ошибки М. Н. Покровского в оценке русско-японской войны». Сидоров не оригинален – те же обвинения в антимарксизме, отходе от ленинских методологических принципов при освещении Покровским истоков русско-японской войны. Особое недовольство у исследователя вызывает концепция торгового и промышленного капитала, которую Покровский применял при анализе первопричин русско-японского конфликта.

Вторую часть сборника «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского» открывает статья академика Ем. Ярославского под весьма символическим названием «Антимарксистские извращения и вульгаризаторство так называемой “школы” Покровского». Статья задает тон последующим публикациям авторов. Примечательно, что Ярославский не только не признает существование научной школы академика Покровского, но и не видит сколь-нибудь значимых заслуг ученого в формировании основ марксистской исторической науки в СССР. Ярославский указывает на серьезные ошибки Покровского в трактовке исторических фактов, искажающих реальную картину. По глубокому убеждению одного из главных идеологов сталинской партийно-государственной системы, Покровский так и не сумел овладеть теорией марксизма-ленинизма, оставшись на позиции экономического материализма. Необходимость разоблачения антинаучных взглядов Покровского Ярославский напрямую связывает с тем, что до недавнего времени учебник «Русская история в самом сжатом очерке» являлся единственным учебно-методическим пособием по русской истории, предлагавшим абсолютно неверную схему исторического процесса в России и нанесшим огромный вред исторической науке. «Под руководством Покровского, – подытоживал Ем. Ярославский, – подвизалась целая группа врагов народа... Фридлянд, Ванга и др.» [23, с. 24].

Но особо отличился в критическом запале еще один ученик Покровского – Е. А. Луцкий. С первых строк своей статьи автор «разоблачает» политическую физиономию академика, с ходу причисляя его к троцкистам: «Вплоть до 1924 г. Покровский стоял на троцкистско-бухаринской позиции отрицания возможности победы социализма в России и отрицал, по существу, социалистический характер Октябрьской революции» [11, с. 458]. Резкой критике Луцкий подвергает тезис Покровского об отсутствии в России экономической базы для построения социализма. В качестве доказательства своего обвинения Луцкий приводит выступление Покровского на Всесоюзной конференции историков-марксистов, в котором было заявлено, что «при чисто экономическом объяснении, при апелляции исключительно к законам экономики, игнорируя все остальное, нельзя было бы предсказать того, что действительно случилось – что мы прорвемся к социализму сквозь всякие законы, наперекор узко экономическим законам» [17, с. 269].

Статья завершается подробным анализом периодизации первых лет советской власти (1917–1923 гг.), предложенной Покровским. По убеждению Луцкого, схема периодизации надуманная, идущая вразрез с объективной реальностью. Вся история страны этих первых лет, по Покровскому, состояла в том, что большевики бросались от одной «иллюзии» к другой: «от пацифистских иллюзий» ударились в «угар милитаризации», «иллюзии» военного коммунизма вызвали «реакцию против военного коммунизма», период первоначального НЭПа связан с новыми «иллюзиями» [11, с. 485].

После выхода в свет двух сборников статей критика в отношении Покровского и его «школы» стала постепенно затихать. К этому времени в исторической науке в СССР окончательно и бесповоротно утвердилась марксистско-ленинская методология. Во всех учебных заведениях школьники и студенты штудировали «Краткий курс истории ВКП(б)», негласным редактором которого был И. Сталин. В советской историографии на долгие годы утвердились догматизм, схематизм, слепое копирование «великих» сталинских теоретических указаний.

В эпоху «оттепели» началась активная кампания по возвращению «забытых» или незаслуженно обвиненных в антимарксизме историков, среди которых значилась и фамилия Покровского. Бывшие ученики вдруг неожиданно прозрели и стали дружно признавать былые заслуги ученого. В начале 1960-х гг. в научном совете по проблеме «История исторической

науки» при Отделении истории АН СССР прошло несколько обсуждений, посвященных изучению наследия М. Н. Покровского. В ходе заседаний было принято решение опубликовать серию статей в память советского академика. Примечательно, что среди авторов фигурировала и фамилия Е. А. Луцкого, однако его статья так и не была опубликована. По утверждению редактора журнала «Истории СССР» В. Д. Мочалова, Луцкий в свое время «хуже всех травил Покровского» [4, с. 226].

Таким образом, проведенный анализ творческого наследия «школы» М. Н. Покровского позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в период становления советской марксистской исторической науки идеологические установки взяли верх над научными принципами. Во-вторых, жизнь и судьба М. Н. Покровского, бывшего в одно время непререкаемым авторитетом в научном сообществе, подтверждают обоснованность его формулы о том, что история – это политика, опрокинутая в прошлое. В-третьих, история «школы» М. Н. Покровского убеждает нас в том, что в науке взаимоотношения учитель – ученик должны строиться на принципах научной этики и морали, взаимоуважения, честности, корректности, признания как достижений исследователей в научной сфере, так и их ошибок.

Список литературы

1. *Артизов А. Н.* Судьба историков школы М. Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 34–48.
2. *Артизов А. Н.* М. Н. Покровский: финал карьеры – успех или поражение? // Отечественная история. 1998. № 1. С. 77–96.
3. *Дроздов П.* На фронте исторической науки. Решение партии и правительства об учебниках по истории и задачи советских историков // Историк-марксист. 1936. № 1(053). С. 9–22.
4. *Груздинская В. С.* «Реабилитация» М. Н. Покровского в сообществе историков: конец 50-х – 60-е гг. XX века // Ученые записки Казанского университета. 2020. Т. 162, кн. 3. С. 220–231.
5. *Дунаевский В. А.* Стоит ли вновь возвращаться к М. Н. Покровскому // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 173–175.
6. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1934. 16 мая.
7. *Иллерицкая Н. В.* Становление советской историографической традиции: наука, не обретшая лица // Советская историография. М. : Изд-во РГГУ, 1996. С. 162–190.
8. *Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю.* Изгнание науки: российская историография в 20-х – начале 30-х годов XX века // Отечественная история. 1994. № 3. С. 143–158.
9. *Кочешков Г. Н.* Методологические воззрения М. Н. Покровского // Ярославский педагогический вестник. 2014а. № 1, т. 1. С. 57–61.
10. *Кочешков Г. Н.* Марксистская концепция русского исторического процесса в трудах М. Н. Покровского // Вестник Костромского государственного университета. 2014б. № 4. С. 75–78.
11. *Луцкий Е. А.* Извращение М. Н. Покровским истории интервенции и гражданской войны в СССР (1918–1920) // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского : сб. ст. Часть вторая. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. С. 457–485.
12. *Милюков П. Н.* Величие и падение Покровского // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 114–126.
13. *Нечкина М.* Крестьянские восстания Разина и Пугачева в концепции М. Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского : сб. ст. Часть первая. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1939. С. 244–275.
14. *Панкратова А.* Развитие исторических взглядов М. Н. Покровского // Против исторической концепции М. Н. Покровского : сб. ст. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1939. С. 5–69.
15. *Покровский М. Н.* История и современность в программах школ II ступени. М. : Новая Москва, 1927. 22 с.
16. *Покровский М. Н.* Курс русской истории проф. В. Ключевского // Историческая наука и борьба классов. Вып. II. М. ; Л. : Госуд. соц.-экон. изд-во, 1933. С. 48–53.
17. *Покровский М. Н.* Ленинизм и русская история // Историческая наука и борьба классов. Вып. II. М. ; Л. : Госуд. соц.-экон. изд-во, 1933. С. 266–283.
18. *Покровский М. Н.* Всесоюзная конференция историков-марксистов // Историческая наука и борьба классов. Вып. II. М. ; Л. : Госуд. соц.-экон. изд-во, 1933. С. 332–341.
19. *Покровский М. Н.* Роль исторической науки в условиях социалистического строительства // Историческая наука и борьба классов. Вып. II. М. ; Л. : Госуд. соц.-экон. изд-во, 1933. С. 383–387.
20. *Соколов В. Ю.* История и политика. К вопросу о содержании и характере дискуссий советских историков 1920-х – начала 1930-х гг. Томск : Изд-во Томского университета, 1990. 204 с.
21. *Чернобаев А. А.* «Профессор с пикой», или Три жизни историка М. Н. Покровского. М. : Литература, 1992. 234 с.
22. *Чичерин Б. Н.* Опыт по истории русского права : сб. ст. М. : К. Солдатенков и Н. Щепкина, 1858. 400 с.
23. *Ярославский Ем.* Антимарксистские извращения и вульгаризаторство так называемой «школы» Покровского // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского : сб. ст. Часть вторая. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. С. 5–24.

Students against the teacher: the fate of M. N. Pokrovsky's "school"

Kocheshkov Gennady Nikolaevich

Doctor of Historical Sciences, head of the Department of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University
n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. ORCID: 0000-0003-2630-6668. E-mail: kocheshg@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the extremely urgent problem of the teacher-student relationship from the point of view of scientific ethics and morality. Using the example of the life and fate of academician M. N. Pokrovsky, the article analyzes in detail the reasons for the rise and fall of the scientist, the role of his students in the political campaign organized by the authorities to "expose" the theoretical and methodological provisions of the historian. Much attention is paid to the analysis of articles by young researchers, former students of Pokrovsky, published in a two-volume book published in 1939–1940. The reasons for the authors' publications are characterized, and the substantive side of individual publications in which the political component prevailed over scientific objectivity is thoroughly investigated. The article contains fragments of linguistic stylistics used by former students of the academician in the analysis of his works on the history of Russia. The mechanism of critical reassessment of M. N. Pokrovsky's views and his theoretical views on the ancient and modern history of Russia is revealed. The campaign to discredit Academician Pokrovsky had a well-defined goal – to establish unanimity in science, to prevent deviations from Marxist-Leninist methodology and class approaches in assessing historical events and phenomena of the past. History textbooks for schoolchildren of different ages were to play an important role in educating the new young generation. The article reveals the mechanism of preparation of new textbooks, where the main role was played by the established party ideology in the USSR. The methodological basis of the publication was the principles of historicism, objectivity, and scientific approach. No less important was the comparative historical method, which made it possible to give an objective assessment of the processes taking place in the historical community in the second half of the 1930s.

Keywords: "school" of M. N. Pokrovsky, "trading capital", scientific ethics, morality, historical community.

References

1. Artizov A. N. *Sud'ba istorikov shkoly' M. N. Pokrovskogo (seredina 1930-h godov)* [The fate of historians of the M. N. Pokrovsky school (mid 1930s)] // *Voprosy' istorii* – Questions of History. 1994. No. 7. Pp. 34–48.
2. Artizov A. N. M. N. Pokrovskij: final kar'ery' – uspeh ili porazhenie? [Mikhail Pokrovsky: is the end of a career a success or a defeat?] // *Otechestvennaya istoriya* – Russian history. 1998. No. 1. Pp. 77–96.
3. Drozdov P. *Na fronte istoricheskoy nauki. Reshenie partii i pravitel'stva ob uchebnikah po istorii i zadachi sovetskikh istorikov* [On the Frontiers of Historical Science: The Party and Government's Decision on History Textbooks and the Tasks of Soviet Historians] // *Istoriik-marksist* – Marxist Historian. 1936. No. 1(053). Pp. 9–22.
4. Gruzdinskaya V. S. "Reabilitaciya" M. N. Pokrovskogo v soobshhestve istorikov: konec 50-x – 60-e gg. XX veka [M. N. Pokrovsky's "Rehabilitation" in the Historical Community: the end of the 50s – 60s of the twentieth century] // *Ucheny'e zapiski Kazanskogo universiteta* – Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research. 2020. Vol. 162, Book. 3. Pp. 220–231.
5. Dunaevskij V. A. *Stoit li vnov' vozvrashhat'sya k M. N. Pokrovskomu* [Is it worth going back to M. N. Pokrovsky] // *Voprosy' istorii* – Questions of History. 1995. No. 2. Pp. 173–175.
6. *Izvestiya CIK SSSR i VCIK* [Izvestia of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee]. 16 maya 1934 g.
7. Illericzka N. V. *Stanovlenie sovetskoy istoriograficheskoy tradicii: nauka, ne obretshaya licza* [The formation of the Soviet historiographical tradition: a science that has not found a face] // *Sovetskaya istoriografiya* – Soviet historiography. M., Publishing House of RGGU, 1996. Pp. 162–190.
8. Krivosheev Yu. V., Dvornichenko A. Yu. *Izgnanie nauki: rossijskaya istoriografiya v 20-h – nachale 30-h godov XX veka* [The Exile of Science: Russian Historiography in the 20s and early 30s of the XX century] // *Otechestvennaya istoriya* – Russian history. 1994. No. 3. Pp. 143–158.
9. Kocheshkov G. N. *Metodologicheskie vozzreniya M. N. Pokrovskogo* [Methodological views of M. N. Pokrovsky] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* – Yaroslavl pedagogical bulletin. 2014a. No. 1, Vol. 1. Pp. 57–61.
10. Kocheshkov G. N. *Marksistskaya koncepciya russkogo istoricheskogo processa v trudah M. N. Pokrovskogo* [Marxist conception of the Russian historical process in the works by Mikhail Pokrovsky] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* – Vestnik of Kostroma State University. 2014b. No. 4. Pp. 75–78.
11. Luczkij E. A. *Izvrashhenie M. N. Pokrovskim istorii intervencii i grazhdanskoj vojny' v SSSR (1918–1920)* [M. N. Pokrovsky's perversion of the history of intervention and civil War in the USSR (1918–1920)] // *Protiv anti-marksistskoj koncepcii M. N. Pokrovskogo. Sbornik statej. Chast' vtoraya* – Against the anti-Marxist concept of M. N. Pokrovsky. Collection of articles. P. 2. M., L. Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1940. Pp. 457–485.
12. Milyukov P. N. *Velichie i padenie Pokrovskogo* [The Greatness and Fall of Pokrovsky] // *Voprosy' istorii* – Questions of History. 1993. No. 4. Pp. 114–126.
13. Nechkina M. *Krest'yanskie vosstaniya Razina i Pugacheva v koncepcii M. N. Pokrovskogo* [Peasant uprisings of Razin and Pugachev in the concept of M. N. Pokrovsky] // *Protiv antimarksistskoj koncepcii M. N. Pokrovskogo*

rovskogo. *Sbornik statej. Chast' pervaya* – Against the anti-Marxist concept of M.N. Pokrovsky. Collection of articles. P. 1. M., L. Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1939. Pp. 244–275.

14. Pankratova A. *Razvitie istoricheskikh vzglyadov M. N. Pokrovskogo* [The development of M. N. Pokrovsky's historical views] // *Protiv istoricheskoy koncepcii M. N. Pokrovskogo: sbornik statej* – Against the historical concept of M. N. Pokrovsky: a collection of articles. M., L., Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1939. Pp. 5–69.

15. Pokrovskij M. N. *Istoriya i sovremennost' v programmah shkol II stupeni* [History and modernity in secondary school curricula]. M., New Moscow, 1927. 22 p.

16. Pokrovskij M. N. *Kurs russoj istorii prof. V. Klyuchevskogo* [The course of Russian history by Professor V. Klyuchevsky] // *Istoricheskaya nauka i bor'ba klassov. Vy'pusk II* – Historical science and the class struggle. Is. II. M., L., Gosudarstvo. sots.-ekon. publishing house, 1933. Pp. 48–53.

17. Pokrovskij M. N. *Leninizm i russkaya istoriya* [Leninism and Russian History] // *Istoricheskaya nauka i bor'ba klassov. Vy'pusk II* – Historical Science and the Class Struggle. Is. II. M., L., Gosudarstvo. sots.-ekon. publishing house, 1933. Pp. 266–283.

18. Pokrovskij M. N. *Vsesoyuznaya konferenciya istorikov-marksistov* [All-Union Conference of Marxist Historians] // *Istoricheskaya nauka i bor'ba klassov. Vy'pusk II* – Historical science and the class struggle. Is. II. M., L., Gosudarstvo. sots.-ekon. publishing house, 1933. Pp. 332–341.

19. Pokrovskij M. N. *Rol' istoricheskoy nauki v usloviyax socialisticheskogo stroitel'stva* [The role of historical science in the conditions of socialist construction] // *Istoricheskaya nauka i bor'ba klassov. Vy'pusk II* – Historical science and the class struggle. Is. II. M., L., Gosudarstvo. sots.-ekon. publishing house, 1933. Pp. 383–387.

20. Sokolov V. Yu. *Istoriya i politika. K voprosu o sodержanii i xarakterе diskussij sovetskih istorikov 1920-x – nachala 1930-x gg.* [History and politics. On the issue of the content and nature of the discussions of Soviet historians of the 1920s and early 1930s]. Tomsk, Tomsk University Publishing House, 1990. 204 p.

21. Chernobaev A. A. *"Professor s pikoj", ili tri zhizni istorika M. N. Pokrovskogo* ["Professor with a Pike", or three lives of the historian M. N. Pokrovsky]. M., Literature, 1992. 234 p.

22. Chicherin B. N. *Opy't po istorii russkogo prava; Sb. st.* [Experience in the history of Russian law: Collection of articles]. M., K. Soldatenkov and N. Shchepkina, 1858. 400 p.

23. Yaroslavskij Em. *Antimarksistskie izvrashheniya i vul'garizatorstvo tak nazy'vaemoj "shkoly" Pokrovskogo* [Anti-Marxist distortions and vulgarization of the so-called "school" of Pokrovsky] // *Protiv antimarksistskoj koncepcii M. N. Pokrovskogo. Sbornik statej. Chast' vtoraya* – Against the anti-Marxist concept of M. N. Pokrovsky. Collection of articles. P. 2. M., L., Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1940. Pp. 5–24.

Поступила в редакцию: 06.03.2026

Принята к публикации: 08.04.2026

EDN: JJBDDU

УДК 930(496.1)

Модернистские тенденции в публикациях журнала «Маариф» в посттанзиматский период Османской империи

Нафиков Ильсур Закирзянович

кандидат исторических наук, доцент кафедры алтаистики, тюркских и центральноазиатских исследований, Казанский (Приволжский) федеральный университет.
Россия, г. Казань. ORCID: 0000-0001-9016-7944. E-mail: IZNafikov@kpfu.ru

Аннотация. Данное исследование посвящено комплексному анализу еженедельного научно-литературного журнала «Маариф» («Просвещение»), выходявшего в Османской империи с 1891 по 1896 год, как репрезентативного case study адаптации модернистского дискурса к условиям авторитарного режима султана Абдул-Хамида II. В эпоху жесткой цензуры, когда прямая политическая дискуссия была невозможна, «Маариф» провозгласил стратегию «Обсуждается всё, кроме политики». Эта рамка позволила журналу не просто избегать репрессий, но и стать активным агентом «тихой» социокультурной модернизации.

Целью исследования определено выявление дискурсивных стратегий, с помощью которых издание транслировало прогрессивные идеи, минуя идеологические барьеры. Исследование фокусируется на трех ключевых аспектах. Во-первых, рассматривается место «Маарифа» в контексте османской периодики и его адаптация к репрессивному медийному ландшафту. Во-вторых, анализируется научно-популярный дискурс журнала, который через рубрики о новых изобретениях и научных достижениях формировал рационалистическую картину мира и культивировал критическое мышление. В-третьих, детально исследуется вклад педагога Айше Сыдыки, чьи новаторские статьи о воспитании, основанные на принципах Песталоцци, не только продвигали новые педагогические парадигмы, но и обосновывали важную роль женского образования для национального прогресса, становясь ранним примером османского протофеминизма. Делается вывод, что, формально оставаясь аполитичным, «Маариф» сыграл ключевую роль в трансформации общественного сознания, пропагандируя научный рационализм, секуляризацию знания и новые социальные идеалы, тем самым закладывая интеллектуальные основы для будущих преобразований.

Ключевые слова: журнал «Маариф», Османская империя, Танзимат, модернизация, просвещение, научная популяризация, педагогика, Айше Сыдыка, цензура, периодическая печать.

Введение. Эпоха Танзимата (1839–1876) инициировала в Османской империи процесс глубокой социально-институциональной трансформации, однако с воцарением султана Абдул-Хамида II (1876–1909) вектор реформ радикально сместился. Курс на политическую централизацию и идеологическую консолидацию сопровождался созданием одной из наиболее репрессивных систем цензуры в османской истории. Цензура хамидовской эпохи регулировала не только содержание, но и форму высказывания, включая графические элементы и лексику, что эффективно исключало возможность прямой политической дискуссии и формировало климат интеллектуальной осторожности [2, s. 34–35; 4, s. 71]. В этих условиях ключевой исследовательский вопрос смещается с анализа открытой политической полемики к изучению стратегий адаптации и выживания модернистского дискурса. Как прогрессивные идеи: научный рационализм, секуляризация знания, новые социальные и педагогические модели – транслировались в общество, минуя идеологические барьеры режима? Центральным объектом данного исследования выступает еженедельный научно-литературный журнал «Маариф» («Просвещение»), издававшийся в 1891–1896 годах. Его редакционная стратегия, выраженная в девизе «Обсуждается всё, кроме политики» [8, s. 58], представляет собой классический пример того, что можно обозначить как адаптивную модернизацию.

Журнал сознательно занял аполитичную нишу, сосредоточившись на просвещении, науке, литературе и педагогике, что позволило ему не только избежать запрета, но и превратиться в активного агента «тихой» социокультурной трансформации. «Маариф» не был пассивным зеркалом эпохи, а представлял собой курируемое интеллектуальное пространство, где конструировалась и продвигалась специфическая модель модернистских идей, основанная на знании, рациональности и обновленной социальной этике [1, s. 589]. Цель настоящего исследования – провести комплексный анализ журнала «Маариф» как кейса адаптивной мо-

дернизации, выявив конкретные дискурсивные и редакционные стратегии, которые позволяли ему транслировать прогрессивные идеи в условиях авторитарного режима, и оценив его место в интеллектуальном ландшафте Османской империи 1890-х годов.

Журнал «Маариф» в контексте развития османской периодической печати. Правление Абдул-Хамида II (1876–1909) ознаменовалось введением строгой системы цензуры, радикально изменившей медийный ландшафт Османской империи. Регламентации подвергалось не только содержание, но и форма публикаций: запрещались многоточия и пунктирные линии, которые могли трактоваться как намек, сноски «продолжение следует», упоминания исторических топонимов вроде «Армении» и даже сама публикация правил цензуры [2, s. 42–43]. Эта система, подробно описанная Ф. Демирелем, создавала атмосферу «всепроницающего подозрения», где самоцензура становилась основным редакционным принципом [4, s. 71]. В этих условиях еженедельный журнал «Маариф», выходявший с августа 1891 по сентябрь 1896 года и издавший 238 номеров, занял уникальную и стратегически выверенную нишу. Его редакционная политика, формально декларировавшая аполитичность и ориентацию на «просвещение», позволила изданию не просто легально существовать, но и консолидировать вокруг себя аудиторию, жаждавшую интеллектуального обновления вне рамок официального протокола.

Чтобы точнее определить уникальность стратегии «Маарифа», необходим краткий сравнительный анализ с ключевыми типами периодики его эпохи. Во-первых, «Маариф» принципиально отличался от официозных или узковедомственных изданий, таких как педагогический журнал «Мектеп» (Mekteb), который, по оценке Н. Язджи, был в большей степени инструментом трансляции официальных учебных программ и министерских циркуляров [20, s. 76]. «Маариф» же, хотя и освещал педагогику, представлял ее как поле общественной дискуссии и научного поиска. Во-вторых, он занимал иную позицию, чем зарождающееся движение «Сервет-и Фюнун» (Servet-i Fünun), дебютировавшее в 1891 году. Если «Сервет-и Фюнун» культивировало элитарную, эстетскую литературу «искусства для искусства», часто уходя в мир сложных символов и отстраненных переживаний, то «Маариф» сознательно выбрал стратегию популяризации и общедоступности. Его миссия заключалась не в создании высокой литературы, а в просвещении, в демистификации мира через науку. Наконец, в-третьих, «Маариф» выжил там, где пала прямая политическая и сатирическая пресса, подобная газете «Ибрет» Намыка Кемаля, быстро запрещенной хамидовскими властями [2, s. 34–35]. Девиз «Обсуждается всё, кроме политики» [8, s. 58] был не капитуляцией, а гениальной тактической рамкой. Он позволял журналу фокусироваться на фундаментальных, «дополитических» основах модернизации: картине мира, системе образования, социальных ролях, гигиенических практиках. Таким образом, «Маариф» можно определить как научно-популярное и просветительское издание нового типа, которое использовало аполитичную риторику как щит для проведения глубокой социокультурной работы, заполнив вакуум между официозом, элитарным искусством и запрещенной публицистикой. Его устойчивое существование на протяжении пяти лет свидетельствует о точном расчете редакции, сумевшей найти формулу, одновременно удовлетворявшую запросы просвещенной публики и не пересекавшую красных линий хамидовского режима.

Конструирование рациональной картины мира: научно-популярный дискурс как инструмент «тихой» революции. Редакционная стратегия журнала «Маариф» была целенаправленно ориентирована на систематическую популяризацию естественно-научных и технических знаний, что преследовало далеко идущую цель: не просто информировать, а рационализировать мышление читателя и аккультурировать его к логике и достижениям современной, прежде всего западной, цивилизации [1, s. 589]. Ключевыми инструментами в этой миссии стали специализированные рубрики “Şuunât-ı Fenniye ve Medeniye” («Научные и культурные события») и “Yeni İcadlar” («Новые изобретения»), превратившие каждый номер журнала в мини-энциклопедию прогресса. Однако оригинальность «Маарифа» заключается не в самом факте публикации научных новостей, а в методе их презентации, который можно охарактеризовать как «дидактический позитивизм».

Контент-анализ публикаций демонстрирует репрезентативную широту тематического охвата, сознательно связывающую фундаментальную науку с практической жизнью. Так, Али Назим в серии иллюстрированных статей знакомил читателей с основами зоологии и ботаники, описывая виды от чайного дерева до геккона, тем самым вводя систематическое, классифицирующее знание о природе, пришедшее на смену умозрительным и религиозным описаниям [7, s. 13; 9, s. 284–285]. Параллельно Али Нусрет популяризировал знания в области

астрономии, физики и геологии, предлагая, например, научное объяснение принципам работы печного отопления, что заменяло бытовой опыт физическими законами [10, s. 88–90]. Особое внимание уделялось медицине и гигиене – областям, напрямую затрагивавшим телесность и повседневность читателя. Публиковались статьи о вреде сахара [5, s. 90–91], методах лечения гриппа и туберкулеза [6, s. 22–23; 19, s. 47], а также практические рекомендации по бытовой гигиене, такие как способы выведения пятен [3, s. 61]. Важнейшим методологическим приемом было объяснение через причинно-следственные связи, исключая сверхъестественное. Болезнь объяснялась не сглазом или карой, а «микробом» (mikrop), эпидемия – не божьим промыслом, а нарушением санитарных норм. Тем самым формируемый массив статей конструировал принципиально новую, рационалистическую и секулярную картину мира, которая объективно противостояла традиционным, часто мифологизированным представлениям, всё еще доминировавшим в массовом сознании [1, s. 589].

Этот дискурс выполнял двойную функцию. Во-первых, он прямо служил просветительским и утилитарным целям, вооружая читателя полезными знаниями. Во-вторых, и это было его глубинным идеологическим эффектом, он культивировал критическое, исследующее мышление как высшую познавательную ценность. Через систематическое разложение сложных явлений на простые, объяснимые причины журнал прививал установку на сомнение, проверку и логический анализ. «Ильм» (наука) в его трактовке становился не просто сводом фактов, а методологией, альтернативной как религиозному догматизму, так и бытовому суеверию [8, s. 58]. Таким образом, формально оставаясь в рамках, дозволенных цензурой Абдул-Хамида II, научно-популярный раздел «Маарифа» осуществлял глубокую эпистемологическую работу: он подрывал авторитет традиционных способов познания и обосновывал научный разум в качестве нового и безусловного авторитета в вопросах объяснения мира. Это делало «Маариф» не просто образовательным проектом, а важнейшим агентом социокультурной трансформации, готовившим почву для восприятия более широких модернизационных идей, включая социальные реформы, которые станут предметом следующего раздела анализа, посвященного педагогике.

Педагогика как социальный проект и ранний протофеминизм: синтез идей Айше Сыдыки в программе «Маарифа». Наиболее показательным и системным проявлением модернизационного вектора «Маарифа» стал его педагогический раздел, который вела Айше Сыдыка Ханым – одна из первых османских женщин-педагогов, создававших целостную образовательную теорию [8, s. 58]. Ее цикл статей “Terbiye” («Воспитание») представляет собой не просто методические рекомендации, а законченный социальный проект, органично встроенный в общую идеологию журнала. Если научно-популярные рубрики предлагали новый способ познания внешнего мира, то Айше Сыдыка обращалась к преобразованию внутреннего мира человека – детской психики и, как следствие, будущего общества. Ее концепция, релевантная идеям Иоганна Генриха Песталоцци, базировалась на антропоцентричном подходе: признании уникальности детской психологии и необходимости корреляции образовательных методов с когнитивными стадиями развития ребенка. «Бить ребенка за то, что он не способен рассуждать, – это такая же бесчеловечная несправедливость, как бить очень молодого... человека за то, что он не может поднять груз такой же тяжести, как сильный человек», – писала она, последовательно выступая против архаичной практики механической зубрежки и физических наказаний, тем самым применяя принцип научной причинности к сфере человеческих отношений [15, s. 21].

Центральным в ее концепции был тезис о детерминирующей связи качества образования с прогрессом нации. Она утверждала, что «умственное и физическое воспитание начинается с рождения», а ключевую роль в этом процессе играет просвещенная мать [14, s. 10]. Таким образом, педагогическая парадигма Айше Сыдыки была неразрывно связана с ранней версией феминистской повестки, поскольку обосновывала социальную значимость и необходимость систематического женского образования не как личной привилегии, а как фундамента национального развития [16, s. 30]. Это напрямую перекликалось с общим культом «полезного знания» в «Маарифе»: образованная женщина-мать представлялась здесь как самый эффективный «агент» передачи рациональных, гигиенических и гражданских норм следующему поколению, то есть как главная проводница той самой «тихой» модернизации, которую пропагандировал журнал. Показательна и ее позиция в вопросе вестернизации. Критикуя засилье иностранного влияния, в частности поверхностное изучение французского языка в ущерб турецкому, Айше Сыдыка отстаивала модель национального просвещения, проводя

четкую демаркацию между прагматической необходимостью знания иностранного языка и слепым подражанием чужим культурным кодам [13, s. 48]. Эта позиция делала ее проект не космополитичным, а османско-модернистским, что также соответствовало общей линии «Маарифа», стремившегося не к простому копированию Запада, а к выработке собственного пути прогресса, основанного на адаптации научного метода.

Таким образом, публикационная деятельность Айше Сыдыки Ханым в журнале «Маариф» представляет собой синтез ключевых модернизационных векторов издания: научного рационализма, социального реформизма и формирования осознанной национальной идентичности. Ее педагогическая концепция служила мощным инструментом трансформации общественного сознания на самом фундаментальном – семейно-бытовом – уровне. Аргументированная критика слепой вестернизации и акцент на просвещении женщин как «матерей нации» позволяют рассматривать ее наследие не только как вклад в педагогику, но и как яркий пример османского протофеминизма и педагогического национализма конца XIX века. Через фигуру Айше Сыдыки «Маариф» демонстрировал свою сложную, многоуровневую стратегию, направленную на выработку османского ответа на вызовы современности – ответа, основанного на разуме, социальной ответственности и культурном самоуважении.

Аудитория и воздействие: реконструкция читательского круга и каналов влияния «Маарифа». Одним из наиболее сложных, но критически важных вопросов, поставленных рецензентом, является проблема количественной и качественной оценки воздействия журнала на османское общество. Прямые данные о тиражах и социальном составе подписчиков «Маарифа» не сохранились, что характерно для многих изданий той эпохи. Однако, используя методологию истории книги и анализируя паратекстуальные элементы, уровень сложности контента и контекстуальные свидетельства, можно реконструировать модель целевой аудитории и возможные каналы ее влияния.

Прежде всего, языковой и стилистический анализ содержания журнала позволяет очертить круг его предполагаемых читателей. Тексты «Маарифа», хотя и стремились к популяризации, были написаны литературным османским языком средней сложности, с использованием научной и философской терминологии. Это указывает на аудиторию, уже обладавшую базовой литературной грамотностью и интеллектуальными запросами, выходящими за рамки развлекательного чтения. К таковой могли относиться: чиновники средней руки, преподаватели и студенты светских школ (идади и рушдие), выпускники профессиональных училищ, врачи, провинциальная интеллигенция, а также женщины из образованных семей, чьи интересы напрямую апеллировали к разделу Айше Сыдыки. Журнал позиционировал себя не как массовое, а как элитарно-просветительское издание для формирующегося среднего класса (efendi sınıfı), стремившегося к культурному капиталу в форме современных знаний.

Важным источником для реконструкции являются паратексты: редакционные обращения, объявления, реклама. Обращение «к уважаемым читателям» (muhterem okurlar) и обсуждение «общественной пользы» (umuma hizmet) конструировало образ солидарного сообщества прогрессивно мыслящих людей. Реклама в «Маарифе» (например, объявления о подписке, продаже научных книг или учебных пособий) также была ориентирована на эту же аудиторию – учителей, учащихся и городских профессионалов, что косвенно подтверждает ее состав. Можно предположить, что журнал распространялся не только через индивидуальную подписку в столице, но и через провинциальные книжные лавки и читальни (kırathane), являвшиеся центрами общественной жизни образованных горожан.

Механизмы воздействия «Маарифа» носили преимущественно диффузный, но устойчивый характер, соответствующий стратегии «тихой» модернизации. Во-первых, это прямое дидактическое воздействие через текст: учителя могли использовать материалы научных рубрик на уроках в новых светских школах, а статьи о гигиене и воспитании – в домашнем кругу. Во-вторых, журнал формировал интеллектуальную повестку для дискуссий в салонах, общественных собраниях и профессиональных кругах. Идеи, лишённые политической окраски, но связанные с наукой и образованием, были безопасной и уважаемой темой для обсуждения. В-третьих, что особенно важно, «Маариф» способствовал формированию новой идентичности. Чтение журнала, обсуждение последних изобретений или педагогических методов становилось социальным маркером, distinguishing feature человека «современного», «просвещенного» (münevver), противопоставлявшего себя приверженцам «отсталости» (gericilik). Таким образом, влияние «Маарифа» следует измерять не столько цифрами тиража, сколько его ролью в консолидации и артикуляции мировоззрения той социальной прослойки, которой предстояло стать

основной движущей силой преобразований в последующие десятилетия, включая младотурецкую революцию и раннереспубликанские реформы. Его вклад заключался в легитимации научного разума, секуляризованного знания и новых социальных ролей (включая роль образованной женщины) в качестве культурной нормы для амбициозных городских слоев.

Заключение. Проведенное исследование позволяет утверждать, что еженедельный журнал «Маариф» (1891–1896) стал уникальным и высокоэффективным феноменом в интеллектуальной жизни Османской империи эпохи Абдул-Хамида II. Будучи продуктом жестких цензурных ограничений, он не просто приспособился к ним, но и разработал собственную, изощренную стратегию социокультурного воздействия, которую мы определяем как адаптивную модернизацию. Анализ его места в системе печати, научно-популярного дискурса, педагогического проекта и модели аудитории подтверждает ряд ключевых выводов.

Во-первых, сравнительный анализ четко выявляет уникальную нишу «Маарифа» в медийном ландшафте 1890-х годов. Он сознательно дистанцировался как от официозного дидактизма (типа «Мектеба»), так и от эстетского эскапизма «Сервет-и Фюнун», заняв стратегическую позицию научно-популярного просветителя. Его девиз «Обсуждается всё, кроме политики» оказался не капитуляцией, а гениальной тактической рамкой, позволившей сфокусироваться на фундаментальных, «дополитических» основах модернизации: картине мира, системе образования и социальных ролях.

Во-вторых, научно-популярный дискурс журнала, реализуемый через рубрики “Şuunât-ı Fenniye” и “Yeni İcadlar”, выполнял глубокую эпистемологическую миссию. Систематически внедряя объяснительные модели, основанные на причинно-следственных связях и исключающие сверхъестественное (от микробов до законов физики), «Маариф» целенаправленно конструировал новую, рационалистическую и секулярную картину мира. Это была «тихая» революция в сознании, подрывавшая авторитет традиционных способов познания и утверждавшая научный разум в качестве нового культурного авторитета.

В-третьих, педагогический проект Айше Сыдыки, представленный в журнале, стал органичным и мощным продолжением этой линии. Ее антропоцентричная, основанная на принципах Песталоцци теория воспитания была практическим применением культа науки к сфере формирования личности. Более того, ее тезис о просвещенной матери как основе национального прогресса превращал женское образование из частного вопроса в вопрос общественной значимости, артикулируя раннюю версию османского протофеминизма. Ее критика слепой вестернизации и акцент на национальном воспитании показывают, что «Маариф» продвигал не космополитичный, а османско-модернистский проект, стремясь к синтезу научного метода и культурной автономии.

В-четвертых, реконструкция аудитории на основе паратекстуального и контекстуального анализа позволяет говорить о том, что журнал был ориентирован на формирующийся слой городской, образованной прослойки (чиновники, учителя, студенты, профессионалы). Его влияние следует оценивать не столько по тиражам, сколько по его роли в консолидации нового типа мировоззрения – просвещенного, рационального, ориентированного на прогресс. Он предоставлял язык, концепции и чувство общности для тех, кто идентифицировал себя с модернизацией, но был вынужден действовать в условиях политического молчания.

Таким образом, интеллектуальное наследие «Маарифа» выходит далеко за хронологические рамки его издания. Журнал стал важным звеном в длительной цепи османско-турецкой модернизации. Идеи научного позитивизма, секуляризации образования, важности женской грамотности и национально-осознанного развития, легитимированные на его страницах в 1890-е годы, были напрямую восприняты и развиты последующими поколениями. Они нашли свое отражение в программах младотурок, а затем легли в основу образовательных и культурных реформ ранней Турецкой Республики. «Маариф» доказал, что даже в эпоху идеологического деспотизма интеллектуальное пространство для модернизации не только сохраняется, но и может активно формироваться, подготавливая почву для будущих, более радикальных преобразований. Его история – это история того, как просвещение, приняв стратегию адаптации, сумело остаться движущей силой исторического изменения.

Список литературы

1. *Akağündüz Ü. Ma'ârif Risalesinde Toplum Bilgiyle Tanıştırılma Kaygısı ve Eğitime Yaklaşım (1891–1896) // Turkish History Education Journal. İstanbul, 2020. С. 9. S. 2. 589 s.*
2. *Ataman B. Türkiye'de İlk Basın Yasakları ve Abdülhamid Sansürü // Marmara İletişim Dergisi. Ankara, 2014. С. 14. S. 14. S. 34–35.*

3. *Bahaeddin M.* Leke çıkarmak usulü // Maarif. 1891. Eylül 18. Sayı 4. S. 61.
4. *Demirel F. II.* Abdülhamid Döneminde Sansür. İstanbul : Bağlam Yayıncılık, 2007. 71 s.
5. *Dr. Andriyadis.* Şeker illeti // Maarif. 1891. Ekim 2. Sayı 6. S. 90–91.
6. Enflüenza mikrobi // Maarif. 1892. Mart 5. Sayı 28, S. 22–23.
7. *Nazima A. Çay* // Maarif. 1891. Eylül 1. Sayı 1. S. 13.
8. *Okay M.* Maârif // İslam Ansiklopedisi. Ankara : Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları, 2016. C.27. S. 58.
9. *Nazima A. Jeko* // Maarif. 1893. Mayıs 15. Sayı 44. S. 284–285.
10. *Nazima A. Telli Turna* // Maarif. 1892. Mart 12. Sayı 29. S. 44.
11. *Nusret A.* Odaların ısıtılması // Maarif. 1893. Mart 4. Sayı 84. S. 88–90.
12. *Rüştü F.* Gençlik hıfzısıhhası // Maarif. 1897. Eylül 13. Sayı 197. S. 387.
13. *Sıdika A.* Terbiye-III // Maarif (192). 1895. Ağustos 3. Sayı 192. S. 48.
14. *Sıdika A.* Terbiyeden-II // Maarif. 1895. Haziran 1. Sayı 184. S. 10.
15. *Sıdika A.* Terbiyeden-I // Maarif. 1895. Mayıs 25. Sayı 183. S. 21.
16. *Sıdika A.* Terbiyeden-I // Maarif. 1895. Mayıs 25. Sayı 217. S. 30.
17. *Sıdika A.* Terbiyeden-IV // Maarif. 1895. Haziran 22. Sayı 186. S. 28.
18. *Sıdika A.* Terbiye-V // Maarif. 1895. Eylül 13. Sayı 197. S. 27.
19. Şuûnât-ı fenniye ve medeniyye-i ma'lûmât-ı mütenevvi // Maarif. 1894. Ocak 24. Sayı 130. S. 415–416.
20. *Şükrü K.* Kolera mikropları // Maarif. 1893. Aralık 1. Sayı 123. S. 47.
21. *Yazıcı N.* Maarif Dergisi Penceresinden Osmanlı Başkentinde 1892 Ramazanına Bir Bakış // İştem. 2003. S. 1.

Modernist trends in the publications of the "Maarif" Journal during the post-tanzimat period of the Ottoman Empire

Nafikov Ilsur Zakirzyanovich

PhD in Historical Sciences, associated professor of the Department of Altay, Turkic and Central Asia Researches, Kazan (Volga region) Federal University, Russia, Kazan. ORCID: 0000-0001-9016-7944.
E-mail: IZNafikov@kpfu.ru

Abstract. This study provides a comprehensive analysis of the weekly scientific-literary journal "Maarif" ("Enlightenment"), published in the Ottoman Empire from 1891 to 1896, as a representative case study of the adaptation of modernization discourse to the conditions of Sultan Abdul Hamid II's authoritarian regime. During an era of severe censorship that eliminated the possibility of direct political debate, "Maarif" adopted the strategic motto "Everything is discussed, except politics." This framework allowed the journal not only to avoid repression but also to become an active agent of a "quiet" sociocultural modernization. The aim of the research is to identify the discursive strategies through which the publication disseminated progressive ideas, bypassing the ideological barriers of the Hamidian era. The research focuses on three key aspects. First, it examines "Maarif's" position within the context of the Ottoman press and its adaptation to a repressive media landscape. Second, it analyzes the journal's popular science discourse, which, through sections on new inventions and scientific achievements, constructed a rationalistic worldview and cultivated critical thinking among its readership. Third, it offers a detailed examination of the contributions of educator Ayşe Sıdika, whose innovative articles on child-rearing, based on Pestalozzian principles, not only promoted new pedagogical paradigms but also justified the crucial role of women's education for national progress, representing an early example of Ottoman proto-feminism. The conclusion states that, while formally apolitical, "Maarif" played a pivotal role in transforming public consciousness by promoting scientific rationalism, the secularization of knowledge, and new social ideals, thereby laying the intellectual groundwork for future transformations in the late Ottoman Empire.

Keywords: Maarif journal, Ottoman Empire, Tanzimat, modernization, enlightenment, science popularization, pedagogy, Ayşe Sıdika, censorship, periodical press.

References

1. *Akağündüz Ü.* Ma'ârif Risalesinde Toplum Bilgiyle Tanıştırabilme Kaygısı ve Eğitime Yaklaşım (1891–1896) // Turkish History Education Journal. İstanbul, 2020. C. 9. S. 2. 589 s.
2. *Ataman B.* Türkiye'de İlk Basın Yasakları ve Abdülhamid Sansürü // Marmara İletişim Dergisi. Ankara, 2014. C. 14. S. 14. S. 34–35.
3. *Bahaeddin M.* Leke çıkarmak usulü // Maarif. 1891. Eylül 18. Sayı 4. S. 61.
4. *Demirel F. II.* Abdülhamid Döneminde Sansür. İstanbul : Bağlam Yayıncılık, 2007. 71 s.
5. *Dr. Andriyadis.* Şeker illeti // Maarif. 1891. Ekim 2. Sayı 6. S. 90–91.
6. Enflüenza mikrobi // Maarif. 1892. Mart 5. Sayı 28, S. 22–23.
7. *Nazima A. Çay* // Maarif. 1891. Eylül 1. Sayı 1. S. 13.
8. *Okay M.* Maârif // İslam Ansiklopedisi. Ankara : Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları, 2016. C.27. S. 58.

9. Nazima A. Jeko // Maarif. 1893. Mayıs 15. Sayı 44. S. 284-285.
10. Nazima A. Telli Turna // Maarif. 1892. Mart 12. Sayı 29. S. 44.
11. Nusret A. Odaların ısıtılması // Maarif. 1893. Mart 4. Sayı 84. S. 88-90.
12. Rüştü F. Gençlik hıfzısıhhası // Maarif. 1897. Eylül 13. Sayı 197. S. 387.
13. Sıdıka A. Terbiye-III // Maarif (192). 1895. Ağustos 3. Sayı 192. S. 48.
14. Sıdıka A. Terbiyeden-II // Maarif. 1895. Haziran 1. Sayı 184. S. 10.
15. Sıdıka A. Terbiyeden-I // Maarif. 1895. Mayıs 25. Sayı 183. S. 21.
16. Sıdıka A. Terbiyeden-I // Maarif. 1895. Mayıs 25. Sayı 217. S. 30.
17. Sıdıka A. Terbiyeden-IV // Maarif. 1895. Haziran 22. Sayı 186. S. 28.
18. Sıdıka A. Terbiye-V // Maarif. 1895. Eylül 13. Sayı 197. S. 27.
19. Şuûnât-ı fenniye ve medeniyye-i ma'lûmât-ı mütenevvi // Maarif. 1894. Ocak 24. Sayı 130. S. 415-416.
20. Şükrü K. Kolera mikropları // Maarif. 1893. Aralık 1. Sayı 123. S. 47.
21. Yazıcı N. Maarif Dergisi Penceresinden Osmanlı Başkentinde 1892 Ramazanına Bir Bakış // İştem. 2003. S. 1.

Поступила в редакцию: 11.11.2025

Принята к публикации: 02.03.2026

Погребальные маски Плёсинского могильника в Пермском крае

Крыласова Наталья Борисовна

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований,
Уральское отделение Российской академии наук. Россия, г. Екатеринбург; профессор,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. Россия, г. Пермь.
ORCID: 0000-0003-2032-8292. E-mail: n.krylasova@mail.ru

Аннотация. В Коми-Пермяцком краеведческом музее им. П. И. Субботина-Пермяка среди материалов из раскопок Плёсинского могильника в Гайнском муниципальном округе Пермского края хранится серия серебряных погребальных масок. Могильник раскапывался в 1960–1961 гг. под руководством В. А. Оборина, больше не исследовался, и, несмотря на уникальные материалы, отдельно не публиковался. Использование серебряных масок характерно для могильников ломоватовской археологической культуры VII–XI вв., где они в особых случаях нашивались на матерчатые покрывала, закрывавшие лицо покойных. В коллекции Плёсинского могильника представлены как маски в виде наглазников и наротников из наиболее ранних погребений VIII – первой половины IX в., так и маски-личины X в. Наибольший интерес представляют маски-личины, которые привлекают внимание своей миниатюрностью и простотой изготовления, что выделяет их среди других известных масок. Как и на других памятниках, маски использовались в погребениях мужчин-воинов с набором предметов вооружения и в богатых женских захоронениях. На могильнике впервые отмечена дифференциация в размерах масок в зависимости от пола погребенных – самые маленькие масочки происходят из женских погребений. На основе анализа масок выдвинуто предположение, что на территории, где располагался Плёсинский могильник, очевидно, испытывался дефицит серебряных пластин и отсутствовали профессиональные ювелиры. Маски изготовлены из обрезков пластин и вышедших из употребления предметов с помощью простейших технологических приемов. Предположительно их изготовлением могли заниматься местные кузнецы.

Ключевые слова: археология, эпоха Средневековья, Пермский край, ломоватовская культура, Плёсинский могильник, серебряные маски.

К одной из характерных черт погребального обряда ломоватовской археологической культуры VII–XI вв. в Пермском крае принадлежит использование погребальных лицевых покрытий в виде матерчатого (шелкового) покрывала, на которое в особых случаях нашивались серебряные погребальные маски, монеты или просто кусочки серебряных пластин.

Появление погребальных масок относится к эпохе Великого переселения народов, когда на территории таежного Приуралья появились пришлые группы, принесшие сюда курганный обряд захоронений. В спорах об этническом составе мигрантов точка окончательно не поставлена, преобладает мнение о том, что появление курганных некрополей в Приуралье связано с миграцией поздних сарматов [27 с. 165–169]. Но не исключено, что было несколько волн миграций с разных территорий. Кем конкретно в Предуралье привнесены металлические погребальные маски, пока не установлено. Большинство исследователей склонно связывать обычай использования погребальных лицевых покрытий с культурой угорских племен, у которых отдельные элементы этого обычая сохранялись и в этнографическое время [5, с. 106–112].

В эволюции металлических масок выделяется три хронологические группы.

В период VI – начала IX в. в Приуралье известны *раздельные маски – наглазники и наротники*. Наглазники встречаются чаще, имеют форму восьмеркообразных или овальных пластин с прорезями для глаз, реже это отдельные миндалевидные пластины для каждого глаза с прорезями такой же формы. Наротники имеют овальную форму с овальной или миндалевидной прорезью.

Наиболее ранние из этой группы – золотые и серебряные маски из I Веслянского могильника VI в. н. э. [29, с. 119; 31, с. 92, рис. 1/26–27], серебряные наглазники и наротник из

кургана XXIII могильника Борганъоль в бассейне средней Вычегды [2, с. 447, рис. 5–6, с. 448, рис. 6/7–8] и маски из курганного могильника Вомынъяг на верхней Вычегде в современной Республике Коми [4, с. 41]. В VII – начале IX в. наибольшее распространение таких масок наблюдалось на памятниках ломоватовской и неволинской археологических культур Пермского Предуралья: в могильнике у д. Броды [1, с. 60], в Горбунятском [12, табл. XXXIX/25–26], в Селянинском могильнике в бас. р. Сылва [15, с. 84], в Деменковском [7, с. 101], Баяновском, Плесинском [9, табл. 35/23–25; 26, с. 44–48]; Загарском могильниках [32, табл. XXXI/28]. Подобные маски известны и на территории Башкирии в Стерлитамакском могильнике [3, рис. 2/1, 4; 20, рис. 49/1–3]. Золотая маска в виде наглазника и наротника обнаружена в венгерском могильнике Ракамаз второй пол. IX – X в. [34, илл. XI].

В IX в. распространились маски-«полуличины» переходного типа, представляющие собой маску-личину, разделенную на две части: верхнюю для глаз и носа и нижнюю для рта и подбородка. Они бытовали непродолжительное время и уже к концу IX в. сосуществовали с масками-личинами следующей хронологической группы.

Маски-личины характерны преимущественно для X–XI вв., представляют собой серебряную пластину овальной (реже прямоугольной, трапециевидной) формы. На них обозначены глаза, рот и нос, на особо тщательно выполненных экземплярах рельефом выделены щеки, брови, иногда воспроизведены даже усы и татуировка, встречаются чеканный орнамент, позолота и чернение. Такие маски в основном характерны для ломоватовских могильников Пермского Предуралья (Баяновского, Редикарского, Плесинского, Огурдинского, Рождественского), встречены в значительном количестве погребений раннеболгарского Танкеевского могильника [16, с. 23], что, вероятно, обусловлено присутствием среди захороненных переселенцев – носителей ломоватовской культуры, а также в одиночном захоронении IX–X вв. у с. Манвеловка в Днепропетровской области [33].

Во второй половине XX в., когда происходило выделение ломоватовской археологической культуры и определение ее характерных особенностей, масок было известно сравнительно немного, и отдельного описания они не удостоились. В монографии Р. Д. Голдиной упомянуто лишь, что «в нескольких случаях лица погребенных были покрыты серебряными масками» [10, с. 33]. Сейчас за счет многолетних исследований Баяновского, Рождественского, Огурдинского могильников в Пермском крае количество находок масок существенно возросло, и внимание исследователей стало обращаться не только на их хронологические особенности и роль в погребальном обряде, но и на технологический аспект, поскольку маски – особая категория ювелирной продукции. Выявились отдельные территориальные различия, вероятно, обусловленные традициями разных ювелирных центров. В этом плане весьма примечательна коллекция масок из Плесинского могильника, хранящаяся в Коми-Пермяцком краеведческом музее им. П. И. Субботина-Пермяка.

Отдельно материалы исследований Плесинского могильника не публиковались, за исключением небольшой заметки, где вкратце изложены результаты раскопок 1960 г. [26, с. 97–99] Могильник обнаружили в 1960 г. при строительстве трансформаторной будки на окраине д. Плёс (ныне д. Плёсо Гайнского муниципального округа Пермского края): «В августе 1960 г. в Кудымкарский краеведческий музей монтером сельэлектро Л. В. Бычковым были доставлены древние вещи, найденные... при рытье небольших траншей для заземления трансформаторной будки»; «кроме Л. В. Бычкова в работах принимали участие бригадир колхоза И. С. Петров, шофер А. А. Мышкин и монтер Л. А. Лихачев...» По их рассказам установлено, что «были разрушены три погребения» [23, с. 4, 6]. В сентябре 1960 г. музей организовал экспедицию, во время которой, кроме раскопок Плесинского могильника, проводилась разведка в бассейне р. Велвы. Следует подчеркнуть, что Гайнский муниципальный округ находится в отдаленной северо-западной части Пермского края, расстояние от Перми до п. Гайны 357 км, а д. Плёсо находится в 25 км выше по р. Каме от Гайн (для примера: расстояние от Перми до Екатеринбургa 361 км). Транспортная инфраструктура района до сих пор развита слабо. Как отмечал в отчете В. А. Оборин, для переброски в Гайнский район были использованы самолет, автомашина, самоходная баржа, а в разведке по бассейну р. Велвы – мотоцикл [23, с. 1]. Именно по причине труднодоступности и недостатка ресурсов раскопки Плесинского могильника продолжались всего два года, и больше не появилось возможности исследовать этот интересный памятник.

В 1960–1961 гг. на Плесинском могильнике двумя раскопами была вскрыта площадь 988 кв. м (см. рис. 1), изучено 51 погребение (не считая трех, разрушенных при строительстве

трансформаторной будки) (см. рис. 2). Из них происходит девять масок, которые присутствовали в 16,7 % погребений, что является весьма высоким показателем.

Три маски, переданные в музей Л. В. Бычковым, зарисованы и вкратце описаны в дневнике В. А. Оборина [13, с. 18] (рис. 3):

– *Первая* (см. рис. 4, 4) представляет собой подпрямоугольную серебряную пластину размерами 8,7 x 5 см, в центре которой намечена личина – глаза в виде округлых выпуклин, длинный нос с выступающим кончиком, выполненный чеканкой, рот в виде маленького отверстия миндалевидной формы; сверху по углам пластины и снизу ближе к центру пробиты четыре треугольных отверстия для крепления маски к матерчатой основе. В описании В. А. Оборина «Серебряная пластинка м. б. маска. На углах и в центре – грубые прорезы пробиты концом ножа. Глаза и нос намечены в виде выпуклых выдавин, сделанных с обратной стороны круглым орудием (шилом!)» (см. рис. 3).

– *Второй предмет* представляет собой фрагмент миниатюрной маски в виде полуовальной серебряной пластины размерами 2,7 x 2,5 см с овальными глазами и длинным узким носом, с округлым отверстием для крепления, пробитым в верхней части пластины (см. рис. 3).

– *Третий предмет* (см. рис. 4, 8) – трапециевидная серебряная пластина размерами 4,5 x 2,5–3,5 см с треугольными отверстиями, пробитыми по углам широкой стороны пластины и по центру узкой. Эти отверстия, служившие для крепления пластины, располагались так, что одновременно будто изображали глаза и рот. Последние две пластины В. А. Оборин подписал: «Такие же пластинки с прорубами».

В процессе раскопок обнаружены следующие маски:

– *В погребении № 6* (см. рис. 4, 5) – маска в виде прямоугольной серебряной пластины размерами 12 x 7,5 см, в верхней части которой вырезаны овальные глаза, рот миндалевидной формы, выдавлен прямой широкий нос. По углам пробиты подтреугольные отверстия для крепления. В описании В. А. Оборина: «...маска из тонкого серебряного листа с 4 отверстиями для привязывания (ножом). Отверстия сделаны для глаз и рта – прорублены грубо. На месте носа – выпуклость, выбитая изнутри, ширина около 2 см, выходит за площадь листа на 0,8 см» [13, с. 37].

В погребении № 6 (см. рис. 5), ориентированном на юго-запад, хорошо сохранился костяк в вытянутом на спине положении. По обеим сторонам черепа у висков находились два серебряных височных кольца с гроздьевидной привеской (9), на лобной части черепа лежала маленькая медная пряжка (10) и серебряная пластинка (11) (возможно, от головного убора). На лицевой части черепа находилась описанная выше маска (1). В области живота лежал костяной гребень с фигурками двух лошадей на спинке (2). Справа у берцовой кости находились железное кресало и два кремешка для высекания огня (4), слева у ноги – большой железный нож с остатками деревянной рукояти (3). В ногах костяка лежало оружие: три железных наконечника стрел (5–6) и железный боевой топорик (7). По мнению В. А. Оборина, погребение могло принадлежать мальчику-подростку [23, с. 22] (отметим, что антропологических определений не проводилось, здесь и далее – предположения автора раскопок. – *Авт.*).

– *В погребении № 21* (рис. 4, 6) – маска в виде овальной серебряной пластины размерами 4 x 3 см, в верхней части которой выпуклинами обозначены глаза и нос, по углам сверху пробито два треугольных отверстия для крепления. В Дневнике В. А. Оборин подписал: «Серебр. маска. Выпукл. вдавления» (см. рис. 6, Б) [13, с. 92]. Маска находится в коллекции музея в составе инвентаря погребения № 21. Однако по каким-то причинам ее забыли нанести на план, и, соответственно, в отчете она также не была описана.

В погребении № 21 (см. рис. 6, А), ориентированном на запад – юго-запад, выявлены остатки костяка. В изголовье располагался керамический сосуд (1), в ногах – железный нож (13). На костяке и рядом с ним находилось большое количество украшений, при анализе расположения которых в процессе реконструкции костюма [17, рис. 56] установлено:

– по обеим сторонам черепа лежали маленькие серебряные височные подвески с гроздьевидной привеской (2);

– правая коса с набором накосных украшений (спиралевидные и литые пронизки, шумящие подвески) была закинута на левое плечо так, что пронизки в составе низок располагались под подбородком, а шумящие умбоновидные подвески на концах низок – у левого плеча (3), «здесь же лежало очень искусно вырезанное из кости изображение лошади. Грива лошади сделана прорезной. Туловище украшено нарезным геометрическим орнаментом» (4) [24, с. 23];

– левая коса с набором наконечных украшений была уложена вдоль плечевой кости (8), а конец косы с шумящими умбовидными подвесками закинут на живот (5);

– «в нижней части груди лежали две серебряные тонкие монеты на круглых медных подкладках» (7) [24, с. 23];

– на левой «локтевой кости был надет медный пластинчатый браслет с расширенными и чуть загнутыми концами» (9) [24, с. 23];

– слева у бедра «лежало несколько медных украшений. Среди них – литая подвеска, изображавшая довольно реалистически фигуру лебедя с тонкой выгнутой шеей, длинным клювом» (10–11) [24, с. 23]. Эти украшения, включавшие еще трубчатые и колоколовидные пронизки, составляли кисть низок, подвешенную к поясу.

Согласно заключению В. А. Оборина, «по размерам могильной ямы и находкам вещей погребение, скорее всего, принадлежало девушке-подростку» [24, с. 24].

– В погребении № 26 (см. рис. 4, 7) – маска трапециевидной формы размерами 8 x 5–8 см, составленная из трех серебряных пластин (верхняя шириной 4,5, средняя и нижняя – примерно по 2 см), склепанных между собой. На верхней пластине вырезаны глаза миндалевидной формы, между верхней и средней пластинами – рот аналогичной формы. По углам пластины пробито четыре треугольных отверстия для крепления маски к матерчатой основе. По описанию В. А. Оборина: «Серебряная тонкая маска, склепанная из трех пластин. Заклепки тонкие плоские паст. с загнутыми внутрь концами» [14, с. 15].

Костяк сохранился плохо, судя его остаткам, он был уложен головой на запад вытянуто на спине (см. рис. 7, А) [24, с. 27]. Слева от черепа располагался железный наконечник копья (1). На обломках черепа лежала четырехугольная серебряная маска (2). «Вдоль северного края ямы лежал железный меч концом к западу, рукояткой к востоку» (3). «Меч имел деревянные ножны, обложенные сверху листовым серебром», которые «прикреплялись к поясу с помощью двух серебряных скоб» [24, с. 28]. «Рядом с мечом был найден костяной гребень, украшенный двумя фигурками лошадей» (8). «Слева от меча найдены медная литая пряжка пояса... (4) и медный наконечник ремня. Слева от рукояти лежали массивные железные удила с прямыми псалиями и кольцами (7), а рядом с ними – скопление украшений – круглых медных гладких бус, а также большая подвеска-колокольчик из белого сплава (10) и два медных пластинчатых браслета (9)... Здесь же лежал и обломок калачевидного железного кресала (11). У южного края могильной ямы лежала... костяная рукоять плетки, украшенная в верхней части реалистически сделанной головкой лошади...» (6) [24, с. 28–29]. В ногах погребенного находились железное стремя (13), железная подпружная пряжка (17), боевой топор (15), наконечники стрел (14, 16, 18), костяная цилиндрическая рукоять кинжала (19), а сам кинжал лежал возле рукояти меча (12).

По заключению В. А. Оборина, «погребение принадлежало богатому мужчине-воину» [24, с. 29].

– В погребении № 32 (см. рис. 4, 3) – маска в виде подпрямоугольной пластины размерами 9,8 x 2,5 см, представляющая собой фрагмент изделия, украшенного двумя группами горизонтальных полос, окаймленных сверху и снизу рядами точечного орнамента; между ними – два ряда концентрических кружков; над линейным орнаментом – концентрические кружки, расположенные в форме пирамиды. На гладком поле над орнаментом – изображение личины: глаза в виде выпуклин, рот в виде миндалевидной прорези.

По описанию В. А. Оборина (см. рис. 8, А): «Кости... не сохранились... погребение было ориентировано головой на запад. В западной части погребения лежало железное втульчатое четырехгранное копьё (1). Здесь же находилась серебряная планка (2), украшенная в несколько рядов кружковым циркульным орнаментом в сочетании с параллельными выпуклыми линиями. Эта пластинка была превращена в маску. В верхней части ее были сделаны три маленьких отверстия – два на месте глаз и одно овальное – на месте рта. Реального значения, как покрытие лица, маска не имела из-за своих малых размеров. Она лишь символизировала настоящую маску и была грубым ее подражанием. Рядом с маской лежала небольшая серебряная накладка без орнамента. В области пояса находились две квадратные бляшки с прямоугольной прорезью, сделанные из белого сплава (3). Ниже их лежал рабочий топор... (4), рядом с ним – еще одна квадратная бляха поясного набора (3). В области ног находились три железных ромбовидных наконечника стрел и один более крупный наконечник копья (5)... Рядом с ними лежал медный наконечник ремня (6). Погребение по вещам является мужским» [24, с. 34–35].

– В погребении № 43 (см. рис. 4, 1) – маска из двух частей. Наглазник представлял собой пластину миндалевидной формы размерами 5 x 1,7 см с двумя прямоугольными прорезями для глаз; по краям пластины пробиты треугольные отверстия для крепления. Наротник в виде овальной пластины размерами 4,2 x 1,5 см с овальной прорезью.

Погребение было ориентировано на юго-запад. Кости сохранились плохо. «Около черепа находилось железное четырехгранное шило и две прямоугольных серебряных пластинки. Справа вдоль костей рук лежало несколько наконечников стрел... Около ног находились две медных овальных бляшки с прорезью – часть поясного набора и две маленьких серебряных накладок – части маски. Одна из них имела овальную форму и прорези по краям и служила символической накладкой на глаза, другая тоже овальной формы имела длинную прорезь посередине и служила накладкой на рот. По вещам погребение можно отнести к мужским» (см. рис. 9) [24, с. 44–45].

– В погребении № 45 (см. рис. 4, 2) – фрагмент маски-наглазника в виде пластинки миндалевидной формы размерами 4,8 x 1,1 см с миндалевидной прорезью.

Погребение было ориентировано головой на юг (рис. 10, А). «В южной части ямы лежал обломок медного проволочного височного кольца с напускной полой бусиной (1). Рядом... шумящие подвески – одна полая конусовидной формы с литыми подвесками-бубенчиками (3), другая – с круглой прорезной основой и ушком и колесовидными прорезными подвесками (4). Здесь же находилась тонкая овальная серебряная пластинка с большой прорезью посередине, являвшаяся частью маски, накладывавшейся на рот (5). Рядом лежало... скопление стеклянных бус (6) и медная дужка еще от одного височного кольца (2). Основная часть украшений составляла части поясного набора (9). Пояс, очевидно, был не надет, а брошен в могилу» [24, с. 45–46]. Это типичный пояс т. н. «неволинского типа» (см. рис. 10, Б). «Кроме поясного набора в области пояса лежало еще несколько украшений. Здесь была еще одна шумящая подвеска с круглой прорезной основой и колесовидными прорезными подвесками (4), две шумящих подвески с основой в виде трех колечек и с двумя колесовидными непрорезными подвесками (8). Здесь же находилось скопление бус – круглые сердоликовые, голубые стеклянные с коричневыми и красными глазками (6). Здесь же лежали два обломка тонкой витой серебряной шейной гривны (7)... Рядом с поясным набором находилась сломанная гладкая медная подвеска с изображением фигуры лошади (10). Слева от пояса лежал брусковидный кусок железа (12)... В ногах... лежал большой прямоспинный железный нож с железной обоймой у черешка (14), а в центре... – обломки большого глиняного сосуда (13)... По обилию разнообразных украшений погребение можно считать женским» [24, с. 46–48].

Итак, в двух погребениях Плёсинского могильника были обнаружены маски в виде наглазников и наротников, принадлежащие к первой хронологической группе VI – начала IX в. В мужском погребении № 43 находились полуовальные поясные накладки с прямоугольной прорезью, которые в ломоватовской и неволинской культурах Пермского Предуралья характерны для комплексов конца VII – первой половины IX в. [10, табл. XII/9; 12, табл. LXVIII/45, LXIX/36], известны в курганах Южного Урала IX–X вв. [20, рис. 20/21, 24/12, 30/6]. В женском погребении № 45 наиболее выразительным является пояс «неволинского типа» – такие пояса характерны для неволинской стадии неволинской культуры и деменковской стадии ломоватовской культуры конца VII – VIII в. [10, рис. 16/82; 12, табл. LXVIII].

Остальные маски относятся к «личинам». Судя по материалам погребений, они могут датироваться первой половиной X в., лишь погребение № 32, возможно, более раннее.

Так, в погребении № 6 присутствовали серебряные височные подвески с гроздьевидной привеской IX – первой половины X в. [28, с. 98], бронзовая восьмеркообразная пряжка с овальной рамкой и прямоугольным приемником для ремня, датируемая по прикамским аналогиям X–XI вв., и фрагмент костяного гребня IX–X вв. с фигурками коней на спинке [18, с. 249–252], в целом погребение можно отнести к первой половине X в.

В погребении № 21 содержались аналогичные височные подвески IX – первой половины X в., шумящие подвески с основой из небольших умбонов и привесками в виде реалистичных лапок, получившими распространение на баяновской стадии ломоватовской культуры (с начала до последней четверти X в.) [27, с. 238–240], пластинчатый браслет с чеканным геометрическим орнаментом, датируемый X в. [21, с. 125–126], несколько архаично в этом комплексе выглядит только пронизка-лебедь, характерная для предыдущей урынской стадии (к. VIII – IX в.) [27, с. 236], в целом же погребение можно отнести к первой половине X в.

В погребении № 26 находились пряжка и гребень, как в погребении № 6, пластинчатый браслет, как в погребении № 21, и оно тоже может быть отнесено к первой половине X в.

В погребении № 32 присутствовали накладки поясного набора – квадратные с прямоугольной прорезью. Такие накладки получили распространение на урьинской стадии ломоватовской культуры (к. VIII – IX в.) и сохранялись в начале X в., позже прорези стали делать сердцевидной формы. Погребение, вероятнее всего, следует отнести к концу IX в.

Главное, что обращает на себя внимание в коллекции масок Плёсинского могильника, это их миниатюрность. Только две из них (из п. 6 и 26) по размерам могут быть сопоставимы со сравнительно небольшими масками из Рождественского и Огурдинского могильников [6, с. 80]. Они сопровождали воинов с наборами предметов вооружения, среди которых в погребении № 26 особо выделялась сабля, а в погребении № 6 – боевой топорик. Третья по размерам маска происходит из погребения, разрушенного при строительстве трансформаторной будки. Как отмечал В. А. Оборин, «по рассказам можно... установить, что были разрушены три погребения – два из них, видимо, женские – с шумящими подвесками, перстнями, височными кольцами и бусами, с глиняными горшками, и одно – мужское – с наконечниками стрел, копьем, боевым топором, круглоглопоровочными браслетами, железными удилами» [23, с. 6]. Можно предположить, что эта маска происходит из мужского погребения. И наконец, четвертая по размерам маска (погр. № 32) также найдена в погребении воина с копьем, наконечниками стрел и топориком. А все маленькие масочки, подобных которым нигде более не известно, соотносятся, таким образом, с женскими захоронениями. И на основании этого с осторожностью можно предположить, что население, оставившее Плёсинский могильник, дифференцировало размеры масок в зависимости от пола погребенных, хотя однозначно утверждать это нельзя, так как достоверно не известно, с какими разрушенными погребениями соотносятся маски, переданные в музей Л. В. Бычковым, да и количество изученных на памятнике погребений сравнительно невелико, чтобы делать однозначные выводы.

Миниатюрность плёсинских масок, очевидно, объясняется дефицитом серебряных пластин (хотя в целом недостатка в серебре, судя по изобилию в погребениях серебряных предметов, не существовало). Вероятнее всего, на этой территории не было своих мастеров, обладавших навыкамиковки серебра, и для изготовления масок использовали готовые пластины, поступавшие извне, фрагменты каких-то изделий. Анализ масок показал, что они изготовлены из высокопробного серебра (Ag более 93 %) (анализ проводился Ю. А. Подосёновой), источником которого являлись восточные монеты. Высокое содержание серебра характерно для изделий Пермского Предуралья, и пластины могли поступать из центральных районов расселения носителей ломоватовской культуры, где имелись ювелирные мастерские.

Значительный интерес представляет маска из погребения № 32 на фрагменте орнаментированной пластины (см. рис. 11, А). В результате поиска аналогий установлено, что маска, очевидно, изготовлена из фрагмента нагрудника, подобного тому, который обнаружен в жертвенном комплексе погребения № 33 Тат-Боярского могильника в Кировской области (см. рис. 11, Б). В основе этого нагрудника находились три пластины из листового серебра, украшенные в технике штамповки и чеканки линейным, циркульным и точечным орнаментом, почти идентичным тому, который прослеживается на пластине маски из погребения № 32. В таком же стиле оформлены накладки кошелька, бляшки поясного набора, нагрудные подвески в составе комплекса. Н. А. Лещинская отнесла данный комплекс к VIII, возможно, к началу IX в. [19, с. 678]. Погребение № 32 принадлежит к более позднему времени, очевидно, что давно вышедшее из употребления изделие, из которого была изготовлена маска, сохранялось как сырье для дальнейшей переработки. При более внимательном рассмотрении следы орнамента были выявлены и на отдельной маске из погребения № 43 (рис. 12): на наглазнике – в виде кривой решетки из парных линий, а на наротнике – в виде параллельных линий с таким же шагом, как на предмете из погр. № 32 и на нагруднике из Тат-Боярского могильника. Датировка этой маски вполне совпадает с датировкой нагрудника.

Ближние по технологии и декору фрагменты серебряных украшений обнаружены в районе Булгара (коллекция А. Ф. Лихачева, 1868 г.) [30, № 24, илл. 41]. Больше аналогий обнаружить не удалось, судя по всему, данный вид изделий был достаточно редким. По мнению Н. А. Лещинской, «однотипность некоторых предметов позволяет предположить, что они могли быть изготовлены в одном центре, но пока не представляется возможным связать его с какой-либо определенной культурой Волго-Камья» [19, с. 678].

Другим ярким примером, свидетельствующим о дефиците серебряных пластин, является маска из погребения № 26, собранная из трех пластин, склепанных между собой.

Еще одна характерная особенность плёсинских масок – это их преимущественно прямоугольная или трапецевидная форма, в то время как обычно маски-личицы были овальными.

Вполне возможно, что эта особенность обусловлена недостаточной квалификацией мастеров, изготовивших маски (такую геометричную форму создать проще). Это прослеживается и в других деталях. В частности, лишь на двух масках есть прорезы на месте глаз и рта, на одной – только на месте рта, а на одной маске отверстие на месте рта пробито. Только на одной маске с помощью выколотки сформирован нос. В остальных случаях для обозначения глаз и носа использовался чекан с круглой головкой, с помощью которого получены выпуклости. Отверстия для пришивания маски к тканевому покрывалу преимущественно пробиты кончиком ножа. В целом работа выполнена неаккуратно и неумело. Судя по инструментам, сопровождавшим отдельные мужские захоронения Плёсинского могильника, в составе населения имелись ремесленники, но, очевидно, среди них не было профессиональных ювелиров. Предположительно изготовление масок происходило непосредственно перед захоронением (заказывать их заранее или покупать «на будущее» было не принято), и приходилось обращаться к местному мастеру, умевшему работать с металлом, вероятнее всего, к кузнецу. Поэтому изящной выколотки, проработки деталей, использования орнаментов и специальных техник (позолоты, черни) на плёсинских масках не наблюдается.

Серебряные погребальные маски ломоватовской культуры привлекают внимание своей таинственностью как символы связи миров. А выделяющаяся на общем фоне коллекция масок Плёсинского могильника подкупает своей миниатюрностью и даже некоторой «некачественностью», и позволяет немного приоткрыть завесу в мир обрядов и ритуалов средневекового прошлого...

Список литературы

1. Арне Т. Й. Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века. Екатеринбург ; Сургут : Уральский рабочий, 2005. 182 с.
2. Археология Республики Коми / Э. А. Савельева, В. С. Стоколос, П. Ю. Павлов и др. ; отв. ред. Э. А. Савельева ; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Коми науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории, Отд. археологии. М. : ДиК, 1997. 756,[2] с. : ил.
3. Ахмеров Р. Б. Стерлитамакский могильник и его изучение // Археологические памятники нижнего Прикамья. Казань : КФ АН СССР, 1984. С. 27–39.
4. Ашихмина Л. А. О функции металлических масок в курганах эпохи великого переселения народов на европейском Северо-Востоке // Новые идеи и концепции в минералогии : материалы III междунар. минералогического семинара. Сыктывкар : Геопринт, 2002. С. 41–42.
5. Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа : Вагант, 2009. 285 с., ил. 79.
6. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Новые находки погребальных масок на Рождественском могильнике // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2021. Вып. XIX. С. 77–83. DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-77-83.
7. Генинг В. Ф. Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры // Вопросы археологии Урала. Вып. 6. Екатеринбург : УрГУ, 1964. С. 94–163.
8. Генинг В. Ф. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Сылвы, произведенных в 1951 г. по поручению Кунгурского краеведческого музея // РА ИА РАН. Р-1. № 589.
9. Голдина Р. Д. Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме // Вопросы археологии Урала. Вып. 9. Свердловск : УрГУ, 1970. С. 57–112.
10. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Иркутский университет, 1985. 280 с.
11. Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск : Удмуртский ун-т, 1999. 464 с., ил. Цв. вклейка.
12. Голдина Р. Д., Водолаго Н. В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск : Иркутский университет, 1990. 176 с.
13. Дневник В. А. Оборина. Плесинский могильник. Раскопки 1960–1961 гг. Тетрадь 1: Погр. № 1-23. ПКМ 20712/1736.
14. Дневник В. А. Оборина. Плесинский могильник. Раскопки 1960–1961 гг. Тетрадь 2: Погр. № 24-51. ПКМ 20712/1737.
15. Казаков Е. П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М. : Наука, 1978. 132 с.
16. Казаков Е. П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань : ИИ АНТ, 2007. 208 с.
17. Крыласова Н. Б. История прикамского костюма. Пермь : ПГПУ, 2001. 260 с.
18. Крыласова Н. Б. Археология повседневности. Пермь : ПГПУ, 2007. 352 с.
19. Лещинская Н. А. Жертвенный комплекс погребения 33 Тат-Боярского могильника еманаевской археологической культуры: информационный потенциал // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15, № 4. С. 668–682. DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-4-668-682.
20. Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М. : Наука, 1981. 163 с.

21. Моряхина К. В. Украшения рук средневекового населения Пермского Предуралья : дис. ... канд. ист. наук. Рукопись. Пермь, 2018. 296 с., ил.
22. Моряхина К. В. Ремесленные и хозяйственные орудия Плесинского могильника // Вестник гуманитарного образования». 2024. № 4(36). С. 96–104. DOI: 10.25730/VSU.2070.24.063.
23. Оборин В. А. Отчет о работе археологической экспедиции 1960 г., могильник близ д. Плесо Гайнского района. Пермь, 1960. 64 с. Ф. 926. О. 1. Д. 10.
24. Оборин В. А. Отчет о работе археологической экспедиции Пермского государственного университета и Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея им. П. И. Субботина-Пермяка в июле 1961 г. Пермь, 1961 // Архив ИА РАН. Д. 2280.
25. Оборин В. А. Отчет о работе Верхнекамского отряда КАЭ Молотовского университета в июле-сентябре 1953 г. Молотов, 1954 // РА ИА РАН. р.1, 912. № 3100.
26. Оборин В. А. Раскопки памятников железного века в Верхнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Вып. 2. Второе Уральское археологическое совещание. Свердловск : УрГУ, 1962. С. 95–99.
27. Очерки археологии Пермского Предуралья : учеб. пособие / А. М. Белавин и др. ; под ред. д-ра ист. наук, профессора Н. Б. Крыласовой ; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. 2-е изд., испр. и доп. Пермь, 2022. 315 с., ил. 335.
28. Подосенова Ю. А. Височные украшения средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь : ПГГПУ, 2021. 210 с.
29. Розенфельдт Р. Л. Ванвиздинская культура. Коми-зырянские племена IX–XI вв. Вымская культура // Финно-угры и балты эпохи средневековья. Археология СССР. М. : Наука, 1987. С. 116–130.
30. Руденко К. А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань : Заман, 2015. 528 с., ил.
31. Савельева Э. А. Хронология погребальных комплексов Веслянского 1 могильника // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. Вып. 158: Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. 1979. С. 91–96.
32. Спицын А. А. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. Атлас рисунков с предисловием Члена Императорской Археологической Комиссии А. А. Спицына. СПб. : Тип-я В. Безобразова и К°, 1902. 150 с.
33. Чурилова Л. Н. Погребение с серебряной маской у села Манвеловки на Днепропетровщине // Советская археология. 1986. № 4. С. 261–266.
34. Fodor I. In Search of a New Homeland. The Prehistory of the Hungarian People and the Conquest. Budapest : Corvina Kiado, 1982. 416 p.

Приложение

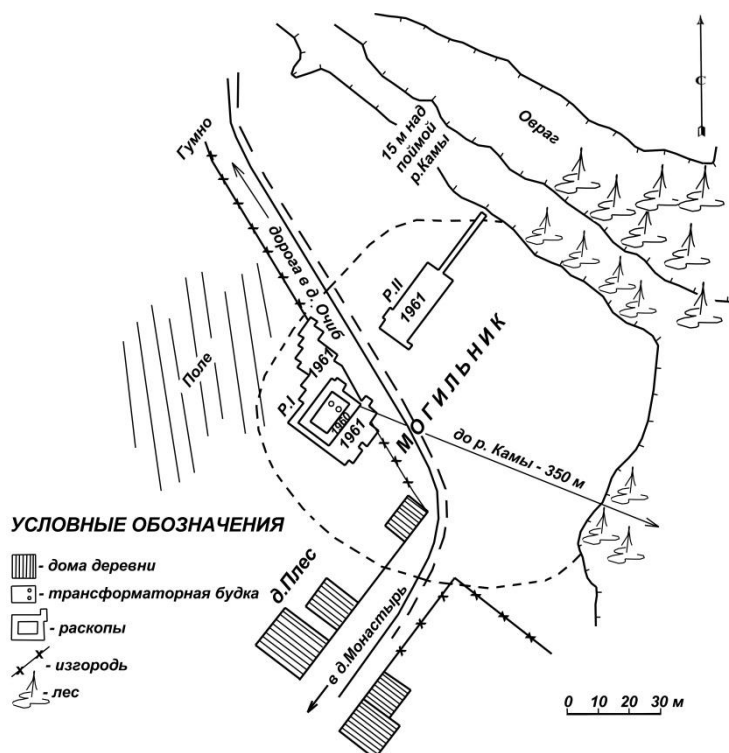

Рис. 1. План Плесинского могильника (по В. А. Оборину [24])

Рис. 2. В. А. Оборин в процессе разборки погребения Плёсинского могильника (ПОКМ 20712/1683 к/о 1749)

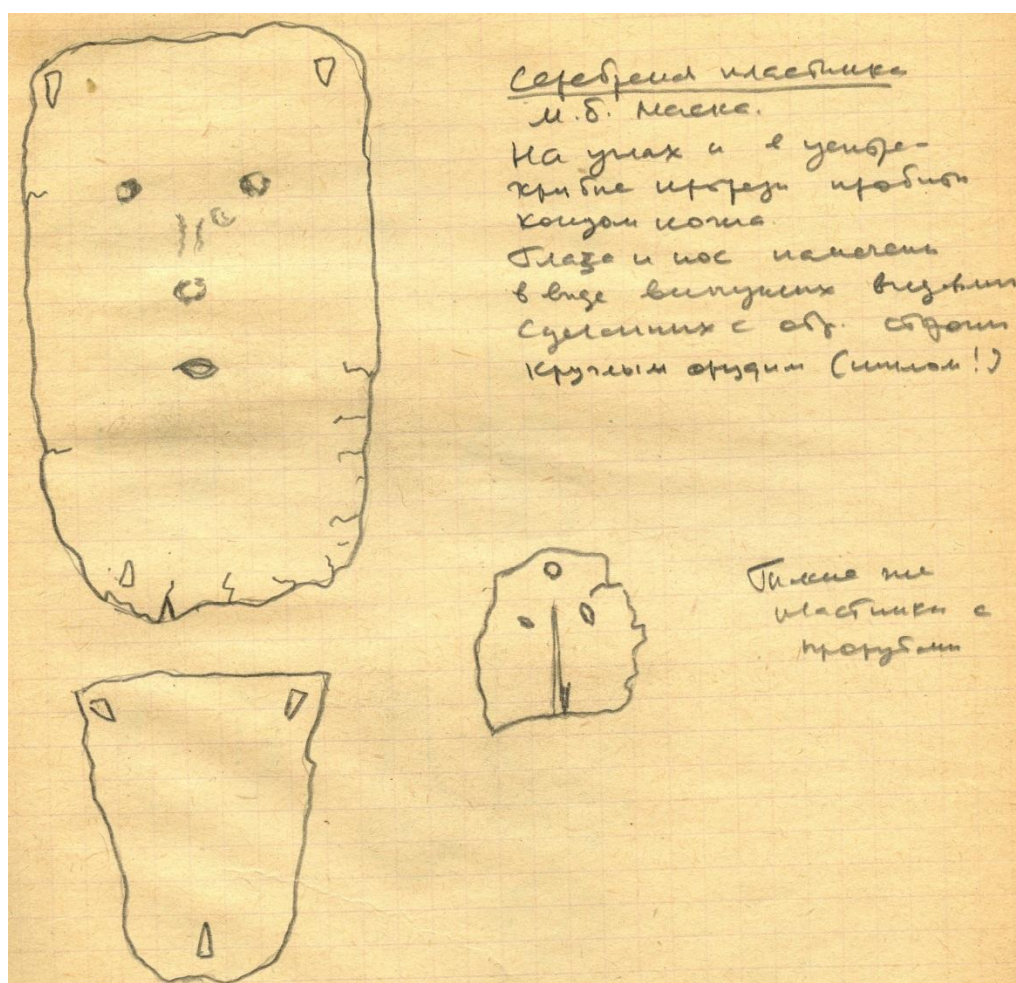

Рис. 3. Прорисовка масок, переданных в 1960 г. в Кудымкарский краеведческий музей Л. В. Бычковым [13, с. 18]

Рис. 4. Маски Плёсинского могильника: 1 – п. 43, 2 – п. 45, 3 – п. 32, 4, 8 – из разруш. погребений, 5 – п. 6, 6 – п. 21, 7 – п. 26.

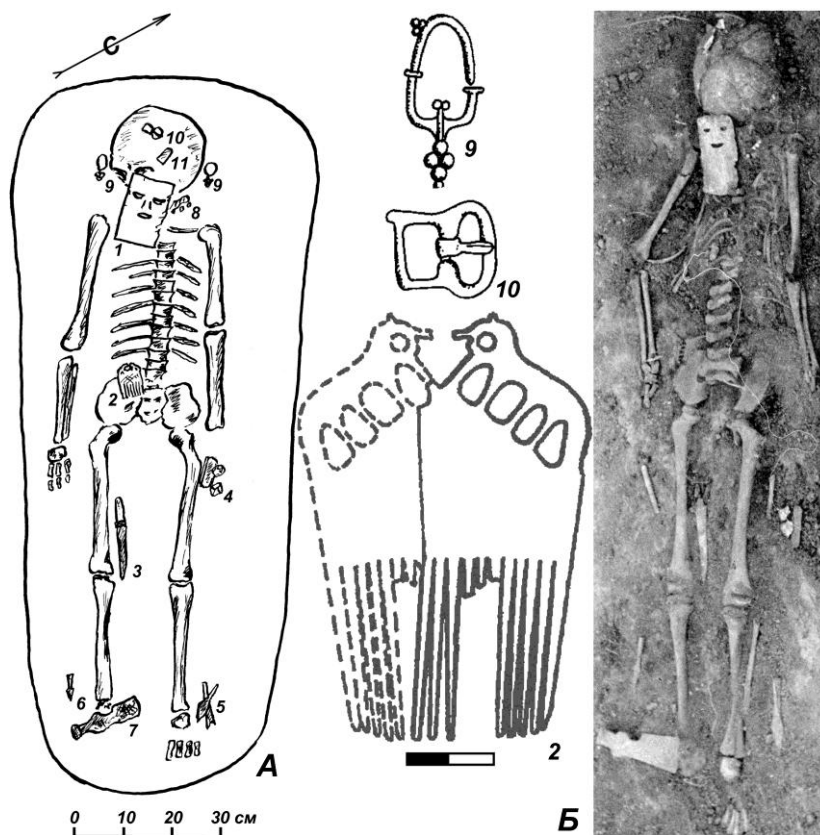

Рис. 5. Погребение № 6 Плёсинского могильника: А – план, элементы погребального инвентаря, Б – фото (ПОКМ 20712/1687 к/о 1753)

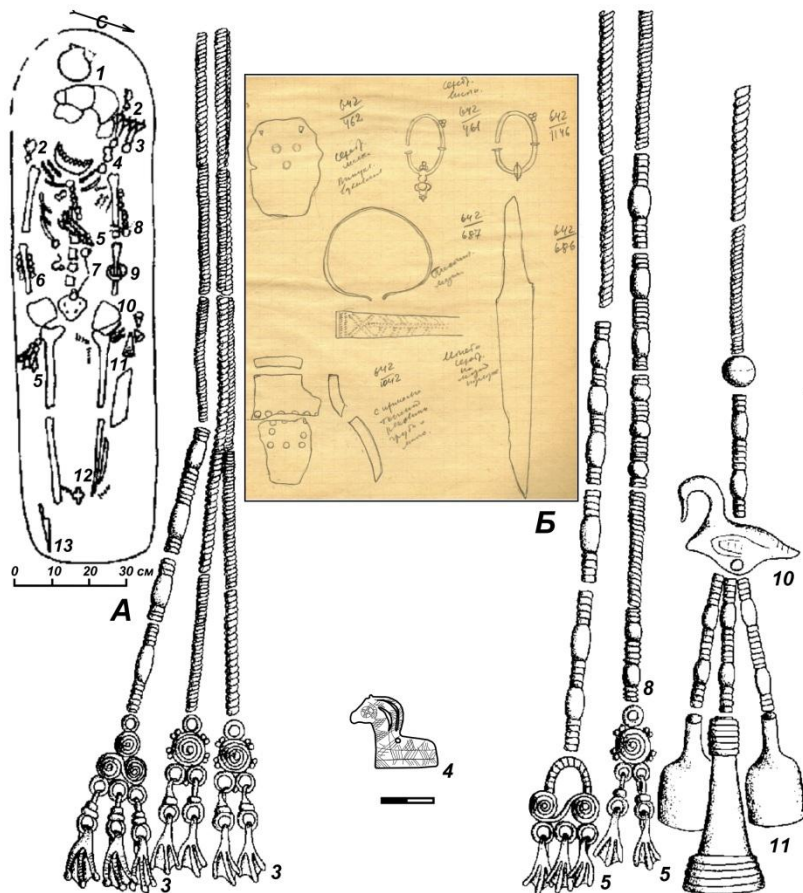

Рис. 6. Погребение № 21 Плёсинского могильника: А – план, элементы погребального инвентаря, Б – страница из дневника В. А. Оборина [13, с. 92]

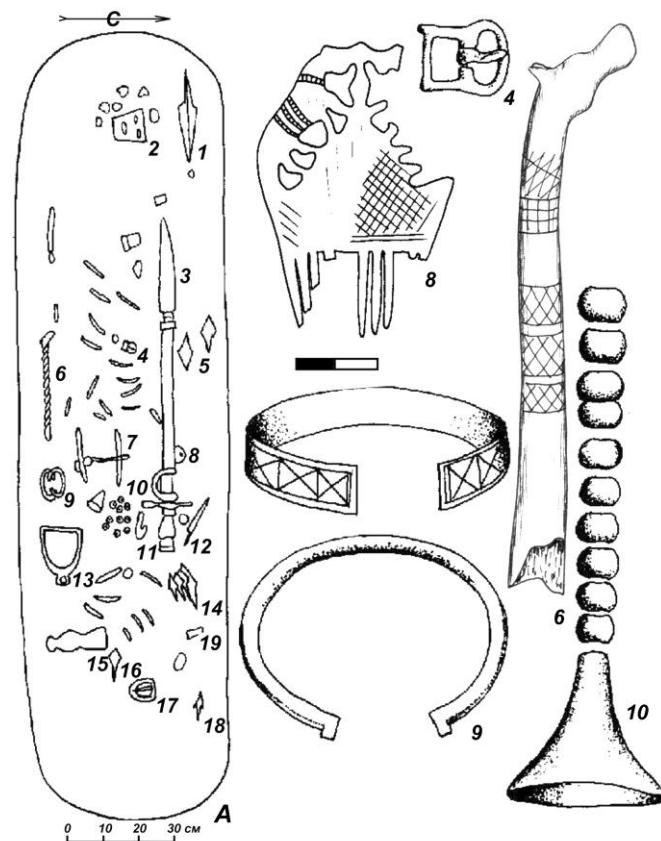

Рис. 7. Погребение № 26 Плёсинского могильника: А – план, элементы погребального инвентаря

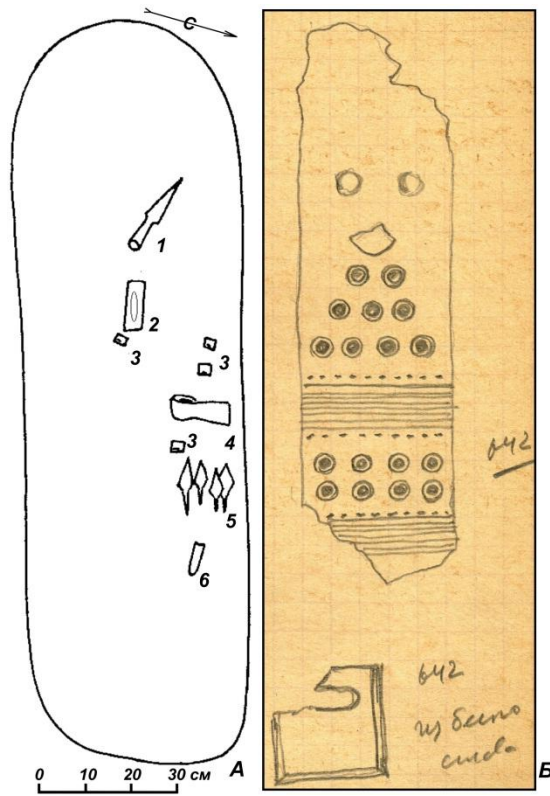

Рис. 8. Погребение № 32 Плёсинского могильника: А – план, Б – фрагмент страницы из дневника В. А. Оборина [14, с. 32]

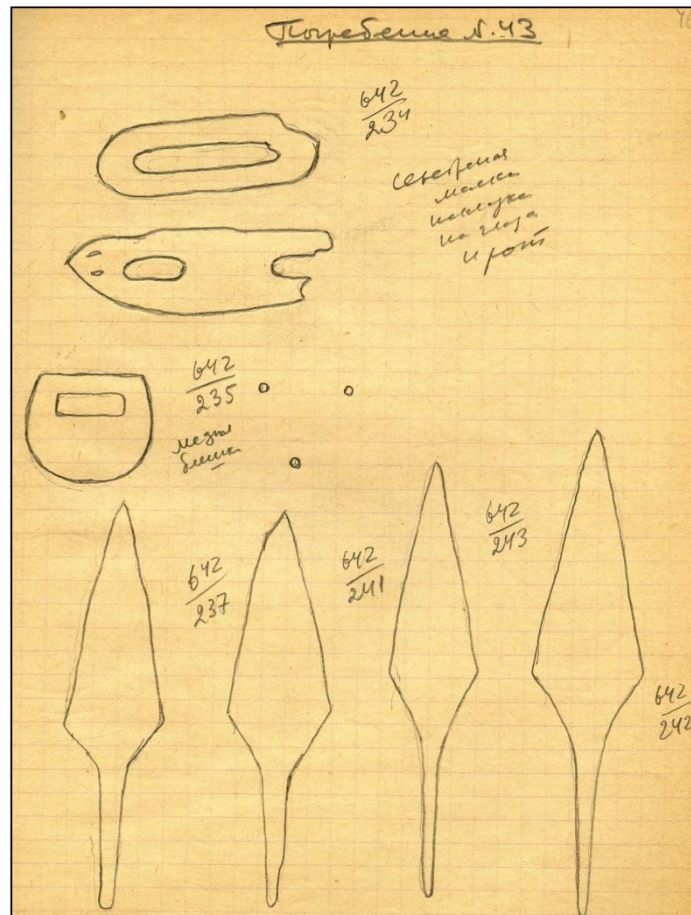

Рис. 9. Погребение № 43 Плёсинского могильника, элементы погребального инвентаря – фрагмент страницы из дневника В. А. Оборина [14, с. 46]

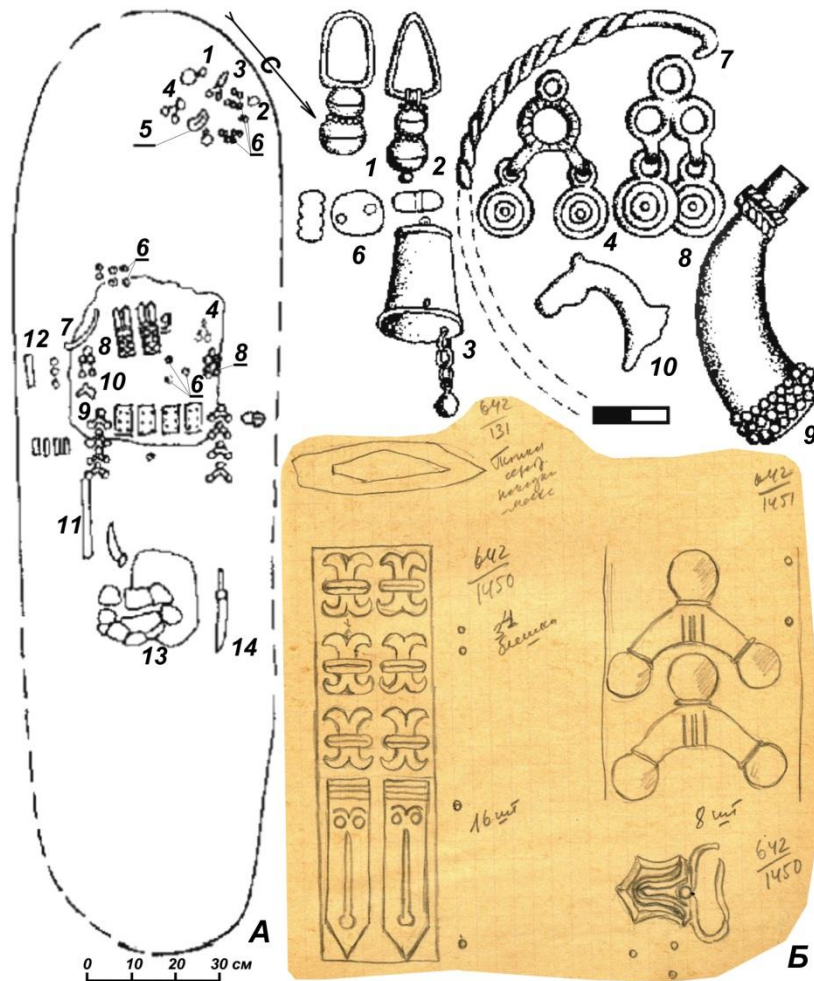

Рис. 10. Погребение № 45 Плёсинского могильника: А – план, элементы погребального инвентаря, Б – фрагмент страницы из дневника В. А. Оборина [14, с. 52]

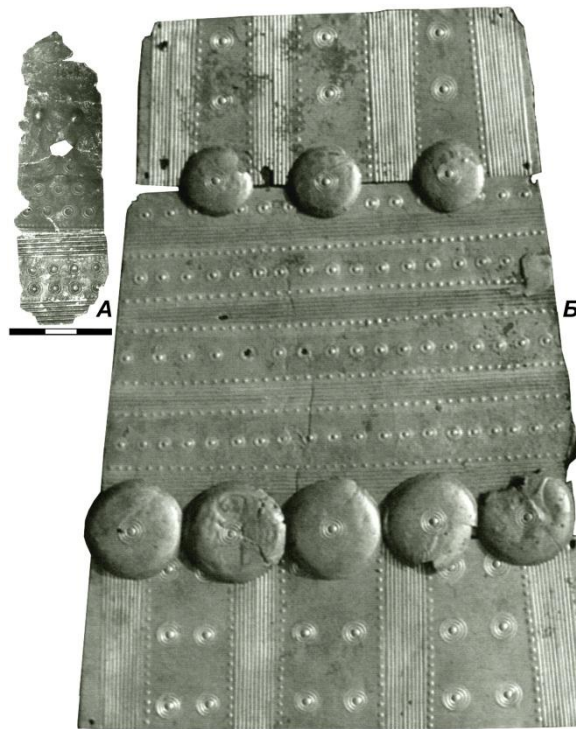

Рис. 11. А – маска из погребения № 32 Плёсинского могильника, Б – нагрудник из Тат-Боярского могильника (по Р. Д. Голдиной [11])

Рис. 12. Маска из погребения № 43 Плёсинского могильника

Funeral masks of the Plesinsky burial ground in the Perm region

Krylasova Natalia Borisovna

Doctor of Historical Sciences, chief researcher of the Institute of Humanitarian Research, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Russia, Yekaterinburg; professor, Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Russia, Perm. ORCID: 0000-0003-2032-8292. E-mail: n.krylasova@mail.ru

Abstract. A series of silver burial masks are kept in the Komi-Permyak Museum of Local History named after P. I. Subbotin-Permyak among the materials from the excavations of the Plesinsky burial ground in the Gainsky municipal district of the Perm region. The burial ground was excavated in 1960–1961 under the direction of V. A. Oborin and was not studied any more, and, despite the unique materials, was not published separately. The use of silver masks is typical for the burial grounds of the Lomovatovskaya archaeological culture of the 7th–11th centuries, where they were sewn on cloth covers that covered the faces of the deceased in special cases. The collection of the Plesinsky burial ground includes both masks in the form of eye and scapular covers from the earliest burials of the 8th – first half of the 9th centuries, and mask-faces of the 10th century. Of greatest interest are the mask-faces, which attract attention with their miniature size and ease of manufacture, which distinguishes them from other known masks. As in other sites, masks were used in the burials of male warriors with a set of weapons and in rich female burials. The burial ground was the first to note a differentiation in the size of masks depending on the sex of the buried – the smallest masks come from female burials. Based on the analysis of the masks, it has been suggested that in the area where the Plesinsky burial ground was located, there was obviously a shortage of silver plates and there were no professional jewelers. The masks were made from scraps of plates and obsolete objects using the simplest technological methods. Presumably, they could have been made by local blacksmiths.

Keywords: archeology, medieval era, Perm region, Lomovatovskaya culture, Plesinsky burial ground, silver masks.

References

1. Arne T. J. Barsov Gorodok. Zapadnosibirskij mogil'nik zhelezного века [Barsov Gorodok. West Siberian Iron Age burial ground]. Ekaterinburg, Surgut, Ural'skij rabochij (Ural worker), 2005. 182 p.
2. Archeologiya Respubliki Komi [Archeology of the Komi Republic] / E'. A. Savel'eva, V. S. Stokolos, P. Yu. Pavlov et al. ; resp. ed. E'. A. Savel'eva ; RAS, Ural. department, Komi scientific. Center, Institute of Languages, lit. and history, Dept. archeology. M., DiK, 1997. 756,[2] p. : il.
3. Ahmerov R. B. Sterlitamakskij mogil'nik i ego izuchenie [Sterlitamak burial ground and its study] // *Arheologicheskie pamyatniki nizhnego Prikam'ya – Archaeological monuments of the lower Kama region.* Kazan', KF AN SSSR, 1984. Pp. 27–39.
4. Ashihmina L. A. O funkcii metallicheskih masok v kurganah e'pohi velikogo pereseleniya narodov na evropejskom Severo-Vostoke [On the function of metal masks in burial mounds of the Great Migration Period in the European North-East] // *Novy'e idei i koncepcii v mineralogii : Materialy' III mezhdunarodnogo mineralog-*

icheskiego seminara – New ideas and concepts in mineralogy: Proceedings of the III International Mineralogical Seminar. Sy'kty'vkar, Geoprint, 2002. Pp. 41–42.

5. Belavin A. M., Ivanov V. A., Kry'lasova N. B. *Ugry' Predural'ya v drevnosti i srednie veka* [The Ugrians of the Urals in ancient times and the Middle Ages]. Ufa, Vagant, 2009. 285 p, il. 79.

6. Belavin A. M., Kry'lasova N. B. *Novy'e nahodki pogrebal'ny'h masok na Rozhdestvenskom mogil'nike* [New finds of burial masks at the Rozhdestvensky burial ground] // *Trudy' Kamskoj arheologo-etnograficheskoj e'kspedicii* – Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition. 2021. Is. XIX. Pp. 77–83. DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-77-83.

7. Gening V. F. *Demenskij mogil'nik – pamyatnik lomovatovskoj kul'tury'* [Demenskij burial ground – a monument of the Lomovatovskaya culture] // *Voprosy' arheologii Urala* – Questions of archeology of the Urals. Is. 6. Ekaterinburg, UrSU, 1964. Pp. 94–163.

8. Gening V. F. *Otchet ob arheologicheskikh razvedkah v bassejne r. Sy'lvy', proizvedenny'h v 1951 g. po porucheniyu Kungurskogo kraevedcheskogo muzeya* [Report on archaeological exploration in the Sylva River basin, carried out in 1951 on behalf of the Kungur Museum of Local History]. RA IA RAS. R-1. No. 589.

9. Goldina R. D. *Mogil'niki VII–IX vv. na Verhnej Kame* [Burial grounds of the 7th–9th centuries on the Upper Kama] // *Voprosy' arheologii Urala* – Questions of archeology of the Urals. Is. 9. Sverdlovsk, UrSU, 1970. Pp. 57–112.

10. Goldina R. D. *Lomovatovskaya kul'tura v Verhnem Prikam'e* [Lomovatovskaya culture in the Upper Kama region]. Irkutsk, Irkutsk University, 1985. 280 p.

11. Goldina R. D. *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya udmurtskogo naroda* [Ancient and medieval history of the Udmurt people]. Izhevsk, Udmurt University, 1999. 464 p., il. Col. Paste.

12. Goldina R. D., Vodolago N. V. *Mogil'niki nevolinskoj kul'tury' v Priural'e* [Burial grounds of the Nevolinskaya culture in the Urals]. Irkutsk, Irkutsk University, 1990. 176 p.

13. Dnevnik V. A. *Oborina. Plesinskij mogil'nik. Raskopki 1960–1961 g* [Diary of V. A. Oborin. Plesinsky burial ground. Excavations 1960–1961]. Notebook 1: Burials No. 1–23. PKM 20712/1736.

14. Dnevnik V. A. *Oborina. Plesinskij mogil'nik. Raskopki 1960–1961 g*. [Diary of V. A. Oborin. Plesinsky burial ground. Excavations 1960–1961]. Notebook 2: Burial No. 24–51. PKM 20712/1737.

15. Kazakov E. P. *Pamyatniki bolgarskogo vremeni v vostochny'h rajonah Tatarii* [Monuments of the Bulgarian era in the eastern regions of Tataria]. M., Nauka (Science), 1978. 132 p.

16. Kazakov E. P. *Volzhskie bolgary', ugry' i finny' v IX–XIV vv.: problemy' vzaimodejstviya* [Volga Bulgarians, Ugrians and Finns in the 9th–14th centuries: problems of interaction]. Kazan': II ANT, 2007. 208 p.

17. Kry'lasova N. B. *Istoriya prikamskogo kostyuma* [The history of the Kama costume]. Perm', PSPU, 2001. 260 p.

18. Kry'lasova N. B. *Arheologiya povsednevnosti* [Archaeology of Everyday Life]. Perm', PSPU, 2007. 352 p.

19. Leshhinskaya N. A. *Zhertvenny'j kompleks pogrebeniya 33 Tat-Boyarskogo mogil'nika emanaevskoj arheologicheskoj kul'tury': informacionny'j potencial* [Sacrificial complex of burial 33 of the Tat-Boyarsky burial ground of the Emanae archaeological culture: information potential] // *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* – Yearbook of Finno-Ugric studies. 2021. Vol. 15. No. 4. Pp. 668–682. DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-4-668-682.

20. Mazhitov N. A. *Kurgany' Yuzhnogo Urala VIII – XII vv.* [Kurgans of the Southern Urals, 8th–12th centuries]. M., Nauka (Science), 1981. 163 p.

21. Moryahina K. V. *Ukrasheniya ruk srednevekovogo naseleniya Permskogo Predural'ya : dis. kand. ist. nauk* [Hand decorations of the medieval population of the Perm Cis-Urals : dis. ... PhD in Historical Sciences]. Manuscript, 2018. 296 p., il.

22. Moryahina K. V. *Remeslenny'e i hozyajstvenny'e orudiya Plesinskogo mogil'nika* [Craft and household tools of the Plesinsky burial ground] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of Humanitarian Education. No. 4 (36), 2024. Pp. 96–104. DOI: 10.25730/VSU.2070.24.063.

23. Oborin V. A. *Otchet o rabote arheologicheskoj e'kspedicii 1960 g., mogil'nik bliz' d. Plyoso Gajnskogo rajona* [Report on the work of the archaeological expedition of 1960, burial ground near the village of Pleso, Gainsky District]. Perm', 1960. 64 p. F. 926. O. 1. D. 10.

24. Oborin V. A. *Otchet o rabote arheologicheskoj e'kspedicii Permskogo gosudarstvennogo universiteta i Komi-Permyaczskogo okruzhnogo kraevedcheskogo muzeya im. P. I. Subbotina-Permyaka v iyule 1961 g.* [Report on the work of the archaeological expedition of Perm State University and the Komi-Permyak Okrug Museum of Local History n. a. P. I. Subbotin-Permyak in July 1961]. Perm', 1961 // Archive IA RAN. D. 2280.

25. Oborin V. A. *Otchet o rabote Verhnekamskogo otryada KAE' Molotovskogo universiteta v iyule-sentyabre 1953 g.* [Report on the work of the Verkhnekamsk detachment of the AEC of Molotov University in July-September 1953]. Molotov, 1954. RA IA RAN, r1, 912, No. 3100.

26. Oborin V. A. *Raskopki pamyatnikov zheleznogo veka v Verhnem Prikam'e* [Excavations of Iron Age sites in the Upper Kama region] // *Voprosy' arheologii Urala. Vy'p. 2. Vtoroe Ural'skoe arheologicheskoe soveshhanie* – Issues of Ural Archaeology. Is. 2. Second Ural Archaeological Conference. Sverdlovsk, UrSU, 1962. Pp. 95–99.

27. *Ocherki arheologii Permskogo Predural'ya : uchebnoe posobie* [Essays on the archeology of the Perm Cis-Urals : a textbook] / A. M. Belavin et al.; ed. by d-r hist. sciences, professor N. B. Kry'lasova ; Perm State Humanitarian and Pedagogical University. 2nd ed., corrected and enlarged. Perm, 2022. 315 p., il. 335.

28. Podosenova Yu. A. *Visochny'e ukrasheniya srednevekovogo naseleniya Permskogo Predural'ya* [Temple decorations of the medieval population of the Perm Cis-Urals]. Perm', PSHU, 2021. 210 p.

29. Rozenfel'dt R. L. *Vanvizdinskaya kul'tura. Komi-zyryanskije plemena IX–XI vv. Vy'mskaya kul'tura* [Vanvizdinskaya culture. Komi-Zyryan tribes of the 9th–11th centuries. Vymskaya culture] // *Finno-ugry' i balty' e'pohi srednevekov'ya. Arheologiya SSSR* – Finno-Ugrians and Balts of the Middle Ages. M., Nauka (Science), 1987. Pp. 116–130.

30. Rudenko K. A. *Bulgarskoe srebro. Drevnosti Bilyara* [Bulgar Silver. Antiquities of Bilyar]. Vol. II. Kazan', Zaman, 2015. 528 p., il.

31. Savel'eva E'. A. *Hronologiya pogrebal'ny'h kompleksov Veslyanskogo 1 mogil'nika* [Chronology of burial complexes of Veslyansky 1 burial ground] // *Kratkie soobshheniya o dokladah i polevy'h issledovaniyah Instituta arheologii. Vy'p. 158: Problemy' hronologii pamyatnikov Evrazii v e'pohu rannego srednevekov'ya* – Brief reports on reports and field research of the Institute of Archaeology. Issue 158: Problems of the chronology of Eurasian monuments in the early Middle Ages. 1979. Pp. 91–96.

32. Spicyn A. A. *Drevnosti kamskoj chudi po kollekcii Teplouhovy'h. Atlas risunkov s predisloviem Chlena Imperatorskoj Arheologicheskoy Komissii A. A. Spicyna* [Antiquities of the Kama Chud from the Teploukhov Collection. Atlas of Drawings with a Preface by Member of the Imperial Archaeological Commission A. A. Spitsyn]. SPb., V. Bezobrazov and Co., 1902. 150 p.

33. Churilova L. N. *Pogrebenie s serebryanoj maskoj u sela Manvelovki na Dnepropetrovshhine* [Burial with a silver mask near the village of Manvelovka in the Dnepropetrovsk region] // *Sovetskaya arheologiya* – Soviet archeology. 1986, No. 4. Pp. 261–266.

34. Fodor I. *In Search of a New Homeland. The Prehistory of the Hungarian People and the Conquest.* Budapest : Corvina Kiado, 1982. 416 p.

Поступила в редакцию: 08.07.2025

Принята к публикации: 09.12.2025

Философия К. Ясперса и проблема «пограничной ситуации» в последнем романе М. Горького

Дианов Сергей Александрович¹, Лесевицкий Алексей Владимирович²

¹доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления и истории, Пермский национальный исследовательский политехнический университет. Россия, г. Пермь.
ORCID: 0000-0001-8297-8077. E-mail: sadianov@gmail.com

²преподаватель ПЦК общеобразовательных и гуманитарно-социальных дисциплин, Пермский филиал Финансового университета при Правительстве РФ. Россия, г. Пермь.
ORCID: 0000-0002-9934-0341. E-mail: lesev100@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена устойчивым интересом современной гуманитарной науки к диалогу философии и литературы, а также недостаточной изученностью экзистенциального измерения позднего творчества М. Горького, часто рассматриваемого лишь в социально-историческом ключе.

Цель статьи – проанализировать феномен «пограничной ситуации» (по К. Ясперсу) в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» и выявить структурное соответствие между философской концепцией и ее художественным воплощением.

На материале романа проведен сравнительный анализ художественного метода М. Горького и философии К. Ясперса. Исследованы судьбы ключевых персонажей как воплощений разных типов пограничных ситуаций: Серафима Нехаева (страдание и встреча со смертью), Клима Самгина (избегание выбора и «экзистенциальный паралич»), купца Лютова (самоубийство как деструктивное разрешение ситуации выбора). Авторами установлено, что М. Горький интуитивно разрабатывает сходный с ясперовским концептуальный аппарат, детально исследуя феноменологию страха, вины, ответственности и свободы в условиях исторического и экзистенциального кризиса.

Исследователи приходят к выводу, что М. Горький может быть признан крупным представителем европейского экзистенциализма первой трети XX века. Его роман является грандиозным художественным исследованием ключевых экзистенциальных категорий, где социальная эпопея поднимается до уровня философской притчи о человеческом уделе.

Результаты исследования могут быть использованы в дальнейших сравнительных исследованиях по философии экзистенциализма и русской литературе, в практике университетского преподавания истории философии, литературоведения и культурологии.

Ключевые слова: пограничная ситуация, проблема выбора, экзистенциализм в философии и литературе, страх смерти, социальный абсентеизм, философия самоубийства, полифонический характер.

Феномен пограничной ситуации, занимающий центральное место в философии Карла Ясперса, представляет собой не просто некие «онтологические вызовы», а фундаментальный экзистенциальный кризис, обнажающий основы человеческого существования перед лицом смерти, страдания, вины и необходимости аутентичного выбора. В связи с этим возникает вопрос о том, каким образом данная философская концепция находит свое отражение и художественное воплощение в литературном пространстве, в частности в творчестве крупнейших представителей русской культурной традиции. Анализ экзистенциальной проблематики в отечественной литературе, особенно в контексте переломных исторических эпох, сохраняет свою непреходящую актуальность, поскольку позволяет выявить универсальные механизмы самоопределения личности в условиях тотального кризиса переломной исторической эпохи. Однако остается малоосвещенным вопрос, насколько целенаправленно и системно русские писатели, в частности М. Горький, интуитивно или осознанно разрабатывали сходный с ясперовским концептуальный аппарат для описания человеческой экзистенции. Актуальность настоящего исследования обусловлена, во-первых, устойчивым интересом современной гу-

манитарной науки к диалогу между философией и литературой как взаимодополняющими способами познания человека. Во-вторых, в научной литературе творчество позднего М. Горького, и особенно его итоговый роман-эпопея «Жизнь Клима Самгина», нередко рассматривается преимущественно в социально-историческом или идеологическом ключе, тогда как его экзистенциальное измерение, за исключением ряда частных работ [1; 3; 4; 9; 12; 14], требует, на наш взгляд, более системного и детального анализа. В определенном смысле обнаруживается своеобразный пробел: отсутствие комплексного исследования, которое последовательно и на всем художественном материале романа выявляло бы структурное соответствие между типологией пограничных ситуаций у К. Ясперса и их конкретными воплощениями в судьбах горьковских персонажей. Более того, практически не ставился вопрос о некоем методологическом сходстве подхода немецкого философа, видевшего в «просветлении экзистенции» результат жизненного опыта, и художественного метода М. Горького, извлекавшего экзистенциальные смыслы из драматического опыта своих героев.

В данной статье мы рассмотрим феноменологию разнообразных «пограничных ситуаций», которые чрезвычайно рельефно представлены на страницах итогового романа М. Горького. Стоит отметить, что автор «Жизни Клима Самгина», как и Ф. М. Достоевский, глубоко погружается в проблемное поле существования личности «перед лицом смерти», а также в то состояние, когда она озадачена всей тяжестью этической ответственности за свой аутентичный выбор между добром и злом [1]. Стоит заметить, что проблему пограничной ситуации всесторонне исследовал немецкий философ-экзистенциалист Карл Ясперс в своей фундаментальной работе «Философия. Просветление экзистенции» от 1932 года [8]. По нашему мнению, немецкий мыслитель и русский «буревестник революции» совершенно независимо друг от друга формулируют достаточно схожие концепты подобного феномена экзистенции любого homo. Это концептуальное сходство становится еще более объяснимым, если обратиться к ясперовскому пониманию философии как «просветления экзистенции», которое происходит не в абстрактных умозрениях, а в напряжении жизненного опыта. Для К. Ясперса философское прозрение рождается из конкретного, часто трагического, переживания предельных условий бытия. Биографический опыт самого философа, его постоянное балансирование на грани жизни и смерти из-за болезни – та почва, на которой выросла его концепция [15]. Аналогичным образом М. Горький, будучи художником, «философствовал» не в абстрактных понятиях, а в образах и судьбах, извлекая экзистенциальные смыслы из живого, часто мучительного опыта своих персонажей. Его метод – это художественное «просветление экзистенции» через погружение в драму выбора, страха и отчаяния. Поэтому сходство с К. Ясперсом лежит в общей методологии: оба стремятся выявить сущность человека через анализ его поведения в предельных, «пограничных» экзистенциалах существования. И если К. Ясперс делает это через феноменологическое описание и логику понятий, то М. Горький – через психологическую глубину и сюжетную напряженность. Их диалог через время и пространство подтверждает, что пограничная ситуация является своеобразным универсальным ключом к пониманию человеческой сущности. М. Горький раскрывает тему пребывания личности в пограничной ситуации в литературно-художественном универсуме своего итогового романа «Жизнь Клима Самгина», впрочем, равно как и в других произведениях, а Карл Ясперс – в рамках экзистенциальной философии религиозного типа.

Чтобы понять глубину параллелей между М. Горьким и К. Ясперсом, необходимо детальнее рассмотреть саму суть ясперовской концепции пограничной ситуации (Grenzsituation). Для немецкого мыслителя это не просто трудные обстоятельства, а фундаментальные, неустранимые и тотальные условия человеческого существования, такие как смерть, страдание, борьба и вина. Их ключевая функция – разрушить повседневную, неподлинную уверенность человека, обнажив перед ним «изначальную ситуацию» его конечного бытия. М. Горький, не будучи философом-систематиком, интуитивно воссоздает именно такие тотальные условия для своих героев, помещая их на грань не только физической, но и исторической, этической гибели. Важно, что у К. Ясперса пограничная ситуация – это не тупик, а «место» потенциального прорыва к экзистенции, к подлинному бытию, которое открывается через сознание собственной конечности. Аналогично герои М. Горького в этих ситуациях, даже пребывая в ужасе и отчаянии, обретают острое, болезненное чувство своего «Я», пусть и в негативной форме. Таким образом, сходство между писателем и философом коренится не в некой случайности, а в общем внимании к тем моментам, когда рушится вся внешняя социальная опора и человек остается один на один с вопросом о смысле своего бытия. М. Горький художе-

ственно воплощает то, что К. Ясперс описывает философски: кризис как возможность. Автор «Духовной ситуации времени» выстраивает своеобразную иерархию подобных ситуаций, обосновывая их сложную и многоуровневую структуру: «Ситуации связаны друг с другом, если одна возникает из другой. Я подчинен взаимосвязям ситуации» [16, с. 205]. Стоит отметить, что и в романе М. Горького мы тоже видим сложное многообразие сюжетных коллизий, когда герои произведения переживают попадание в экзистенцию «перед лицом Ничто» либо должны осуществлять судьбоносный выбор между жизнью и смертью, революцией и контрреволюцией, истиной и ложью, социальным абсентеизмом буддистского типа и пассионарной одержимостью какой-либо великой идеей, претендующей на тотальное преобразование универсума (дискурс марксиста Степана Кутузова).

Стоит заметить, что в романе М. Горького данная тема существования «перед лицом Ничто» рассматривается на высочайшем литературно-художественном уровне через описание бездонного внутреннего мира героев [13]. Приведем пример. Серафима Нехаева, как и К. Ясперс, тоже поражена смертельной болезнью легких, надвигающаяся смерть вводит героиню в состояние экзистенциального ужаса, полностью меняя сущность ее внутреннего «Я». Персонаж романа презирает беспечных обывателей за то, что перед ними не так остро поставлен фундаментальный вопрос о небытии, ибо хорошее здоровье позволяет им «умирать медленно», не думать так остро о печальном итоге существования любого человека: «Чем полнее мое здоровье, тем с большей вероятностью я живу в наивном бесстрашии, однако во всецелой зависимости от этой своей витальности» [16, с. 207]. Героиня, безусловно, лишена подобного «наивного бесстрашия», она не может радоваться жизни, обладать счастливым осознанием, ибо полностью погружена в свои «кладбищенские» (выражение М. Горького) мысли. В разговоре со своим любовником Климом Самгиным героиня произносит: «Поймите же, я не выношу ваших нормальных людей, не выношу веселых. Веселые до ужаса глупы и пошлы» [6, т. 11, с. 204].

Главный герой романа осознает, что вся специфика пессимистического внутреннего мира Нехаевой обусловлена ее страхом перед Ничто, пребыванием героини в пограничной ситуации, которая имеет абсолютно объективные и тотальные основания. Стоит отметить, что Самгин не испытывает к Серафиме настоящего чувства любви, а просто экспериментирует в отношениях: «Подходя к дому, Клим Самгин уже успел убедить себя, что опыт с Нехаевой уже кончен, пружина, действующая в ней, – болезнь. И нет смысла слушать ее истерические речи, вызванные “страхом смерти”» [6, т. 11, с. 214]. Отметим, что Карл Ясперс, как и М. Горький, видит объективную диалектическую взаимосвязь между категориями экзистенциального страха и необратимостью процесса умирания, где одно порождает другое: «В отношении к существованию всякий страх возникает из стоящего за ним страха смерти» [16, с. 270]. Факт смерти тотален, его невозможно избежать, ибо человек, пришедший в мир, должен будет рано или поздно из него уйти. Смерть обладает непроверяемой фактичностью, она как своеобразная стена, «на которую мы наталкиваемся, у которой мы терпим крах» [16, с. 205].

Стоит заметить, что Нехаева прекрасно осознает надвигающуюся на нее тотальную непроверяемость Небытия: «Приходите скорей, – попросила она, стискивая руку его горячими косточками пальцев своих. – Ведь я скоро исчезну» [6, т. 11, с. 213]. По мнению Карла Ясперса, пребывание личности в состоянии между жизнью и смертью порождает не только страх небытия, но и возможность пробудить ее от безмятежности неподлинного существования, полностью раскрыть возможность проявления своего настоящего «Я», своей аутентичной экзистенции. Процесс «экзистенциального пробуждения», описанный немецким философом, имеет четкую структуру, которую можно проследить у горьковских героев. К. Ясперс говорит о движении от «наивного бесстрашия» неподлинного существования через «страх» и «ужас» в пограничной ситуации к потенциальному «просветлению» и принятию себя. Серафима Нехаева демонстрирует преимущественно стадию ужаса и отчаяния, которые, однако, уже есть латентная форма пробуждения, ибо она ясно видит «стену небытия». Клим Самгин застревает в промежуточной фазе: его постоянная рефлексия, тревога и чувство вины – это симптомы работы несостоявшегося пробуждения. Он уже не «зачарованный созерцатель», он ощущает ужас, но не может совершить «экзистенциальный прорыв» к принятию ответственности и обретению целостного «Я». Таким образом, М. Горький показывает не только результат, но и сам трудный, часто срывающийся процесс просветления экзистенции, описанный немецким философом. Его персонажи становятся иллюстрацией разных стадий этого пути: Нехаева – стадии экзистенциального шока, Самгин – стадии рефлексивного паралича. Даже самоубийс-

тво Лютова можно рассматривать как трагически завершённый акт пробуждения, приведший к отрицанию жизни, но не к прорыву в подлинность через трансценденцию. М. Горький, как и К. Ясперс, убежден, что аутентичная жизнь начинается на краю экзистенции. Но для того чтобы процесс «экзистенциального пробуждения» осуществился, личность должна испытать тотальный ужас возможного небытия в неопределённости пограничной ситуации: «Я стою перед бездной, не только потому что скоро вовсе перестану существовать, но потому что в подлинном смысле вовсе не существую. Я более не забочусь о своем существовании, не испытываю более чувственного страха смерти, но уничтожающий страх виновно потерять себя самого» [16, с. 271].

На наш взгляд, данная философская проблема чрезвычайно рельефно отражена в художественной ткани романа «Жизнь Клим Самгина», ибо Серафима и Клим мучительно ищут подлинное бытие, свою самость, пытаются преодолеть обезличенность «массового человека», жизнь которого проживают другие. Попадание в пограничную ситуацию позволяет им обрести себя, тогда как большинство иных персонажей романа навсегда утратили аутентичность, став мировоззренчески неотличимыми друг от друга. Самгин размышляет: «Унизительно и страшно катиться темненькой, безличной икринкой по общей для всех дороге к неустранимой гибели. Он еще не бежит с толпою, он в стороне от нее, но вот ему уже кажется, что люди всасывают его в свою гущу и влекут за собой. <...> В такие часы Самгин ощущал, что его наполняет и раздувает ветер унылой злости на всех людей и даже – немного – на себя самого» [6, т. 11, с. 105].

Попадая в сложность и многомерность пограничных ситуаций, Клим стремится осуществлять свой выбор абсолютно аутентично, чтобы не быть похожим на иных героев книги, сохранить свою неповторимость.

Стоит заметить, что для Нехаевой ясперовский тезис о том, что он испытывает «уничтожающий страх виновно потерять себя самого», тоже имеет важнейшее значение, обусловленное надвигающейся на нее стеной Небытия. Предвкушение смерти ставит вопрос о смысле существования, отчетливой ясности которого лишены иные герои книги, не находящиеся между бытием и Ничто. Но для Нехаевой он поставлен предельно остро, она со всей отчетливостью осознает абсурд человеческого существования: «Экзистенция как бы спит перед лицом смерти, потому что смерть служит ей не для пробуждения ее возможной глубины, но для того, чтобы все обесмысливать» [16, с. 226]. Но если бы героиня не попала в пограничную ситуацию, то, возможно, и не ощущала бы так остро всего трагизма жизни, некой бессмысленности бытия: «– Вы умеете думать о бесполезности существования? Климу захотелось усмехнуться, но он удержался и солидно ответил: – Иногда это очень волнует» [6, т. 11, с. 208]. Во внутреннем мире героини предельно отчетливо обозначен мировоззренческий исход от абсурда внешнего социального мира к первостепенности вопроса о смысле жизни и смерти.

По мнению Самгина, этим извечным «гамлетовским вопросом» как раз должны быть обеспокоены физически и душевно более здоровые герои, чем Нехаева: «Больной человек. Естественно, что он думает и говорит о смерти. Мысли этого порядка – о цели бытия и прочем – не для нее, а для здоровых людей. Для Кутузова например...» [6, т. 11, с. 213]. Но «здоровые» не желают задумываться о вечных «гамлетовских вопросах», ибо для них смерть теряет свою трагическую реальность, умирает всегда кто-то другой, но не сама личность. Попадание в экзистенцию «перед лицом Ничто» позволяет с предельной ответственностью поставить вопрос о смысле существования. Серафима с презрением относится к людям, излишне вовлеченным в процесс развития общества, поиска социальной гармонии либо революционного преобразования деспотического государства. По ее мнению, это абсурдное занятие. Переживание надвигающейся смерти позволяет Нехаевой сместить мировоззренческие акценты с социальных вопросов в сторону усиленного самопознания своего внутреннего мира: «За чаем Клим услышал, что истинное и вечное скрыто в глубине души, а всё внешнее, весь мир – запутанная цепь неудач, ошибок, уродливых неумностей» [6, т. 11, с. 208]. На пороге гибели героиня пытается найти подлинное бытие, порожденное существованием перед лицом Ничто. Однако для полноты анализа необходимо учесть, что К. Ясперс выделял целый спектр пограничных ситуаций, выходящих за рамки только личной встречи со смертью. Он писал о ситуациях борьбы, страдания и неотвратимой вины. Этот широкий взгляд позволяет увидеть в романе М. Горького целую галерею персонажей, каждый из которых поставлен в свою уникальную пограничную ситуацию, соответствующую ясперовской типологии. Если Серафима Нехаева воплощает ситуацию страдания и смертельной болезни, то Клим Самгин постоянно

пребывает в ситуации экзистенциальной борьбы и выбора, которой он, однако, пытается избежать. Большевик Кутузов сознательно погружает себя в ситуацию исторической борьбы, видя в ней смысл. Купец Лютов оказывается в ситуации тотальной вины и исторической обреченности. Таким образом, М. Горький не ограничивается одним аспектом, а создает полифоническую картину человеческого существования, где разные герои иллюстрируют разные грани ясперовского концепта. Это показывает, что писатель схватывает универсальность концепции: пограничная ситуация – это не только удел смертельно больного, но и судьба мыслящего, рефлектирующего, действующего человека в эпоху исторического перелома. Каждый по-своему «наталкивается на стену», и реакция на это столкновение становится мерилom его аутентичности.

В своем фундаментальном труде «Философия. Просветление экзистенции» Карл Ясперс описывает многомерность и полисистемность категории пограничной ситуации, которая может принимать форму аутентичного и ответственного выбора человека между добром и злом [10].

Нам представляется, что М. Горький чрезвычайно рельефно раскрыл данную онтологическую дилемму благодаря сложному полифонизму внутреннего мира центрального персонажа романа. С одной стороны, в процессе чтения книги «Жизнь Клим Самгина» складывается впечатление, что главный герой, попадая в пограничную ситуацию, всячески уклоняется от судьбоносного выбора между революцией и контрреволюцией, любовью и ненавистью, экзистенцией и Ничто. Но, с другой стороны, социально-психологический абсентеизм, нежелание участвовать в абсурдно-суетной общественной деятельности – это тоже позиция, тоже аутентичное разрешение трагической и судьбоносной проблемы избрания (выбора). Нам представляется, что своеобразный «общественный абсентеизм» Самгина обусловлен антиномичной сложностью его полифонического характера: «Теория Биона здесь совпадает с учением Гурджиева, который считал, что в принципе единое “Я” – иллюзия, любое “Я” распадается на маленькие “Я”, каждое из которых не знает, что делает другое» [11, с. 66].

В своем романе М. Горький создает образ главного героя с «расколотым Я» (Р. Лэнг), лишнего безапелляционной уверенности в оправданности своего нравственного выбора. Самгин отчетливо ощущает это интроспективное раздвоение сознания где-то посередине между тотально антиномичными тезисом и антитезисом. На одном из вечеров, где собралась «аристократическая элита» дореволюционного общества, Клим произносит: «Я говорю о том, что наш разум, орган пирронизма, орган Фауста, критически исследующего мир, – насильственно превращали в орган веры. Но вера, извлеченная из логики, лишенная опоры в чувстве, ведет к расколу в человеке, внутреннему раздвоению его. Именно отсюда, из этого раскола возникают качества, характерные для русской интеллигенции: шаткость, непрочность ее принципов, обилие разноречий, быстрая смена верований» [6, т. 14, с. 293].

Исходя из данного неожиданного признания Клим на обеде по случаю юбилея его патрона – Платона Александровича, можно обсуждать причины самгинианского «кататонического ступора», когда герой попадает в судьбоносную пограничную ситуацию, ибо выбор возможен только исходя из нерасколотого противоречиями «Я» – концепта личности, когда доводы «за» и «против» неравноценны. Но поскольку герой сочетает в себе как бы несколько амбивалентно-антиномичных характеров, то процесс избрания предельно затруднен, а иногда и просто невозможен. Как можно выбрать, находясь в неопределенности пограничной ситуации, когда в главном герое одновременно сосуществуют антиномичные субличности революционера и консерватора, аристократа и демократа, объединенные в одном теле? На допросе после ареста Клим один из полковников, подробно изучивший дневниковые записи главного персонажа, удивленно изрек: «Вот вы пишете: “Двух станов не боец” – я не имею желания быть даже и “случайным гостем” ни одного из них, – позиция совершенно невозможная в наше время!» [6, т. 12, с. 191].

Но в рамках «полифонического характера» Самгина, напротив, иная позиция невозможна. Центральный персонаж романа М. Горького чрезвычайно остро ставит вопрос об ответственности за последствия тех или иных поступков, которых он пытается избежать, подвергнув весь универсум своему критическому анализу: «Каждое действие имеет в мире последствия, о которых действующий не знал. Он пугается последствий своего поступка, потому что, хотя и не думал о них, все-таки знает, что он – их виновник» [16, с. 250]. В своей книге «Просветление экзистенции» немецкий мыслитель концептуально рассматривает экзистенциал вины, считая, что любая личность, имеющая дерзновение бытийствовать, виновна вне зависимости от того, активно ли она меняла окружающий универсум или всячески уклонялась,

подобно Самгину, от любой деятельности, попадая в пограничную ситуацию [7]. По К. Ясперсу, социальный абсентеизм, которым буквально одержим Клим, не способен избавить личность от тотального чувства вины за то, что мир лежит во зле, в нем царствует разрушение и смерть, несправедливость, угнетение, рабство и насилие. Чтобы до конца понять вину Самгина, важно обратиться к ясперовскому различению между «виной психологической» (за конкретный проступок) и «виной экзистенциальной», или «метафизической». Последняя происходит из самого факта нашей конечности и несовершенства, из того, что мы никогда не можем действовать абсолютно правильно и полностью предвидеть последствия. Социальный абсентеизм Самгина – это попытка свести всю возможную вину к нулю, избежав даже психологической вины за конкретные действия. Однако, согласно К. Ясперсу, он тем самым лишь глубже погружается в пучину вины экзистенциальной – вины за отказ от своей свободы и возможности быть. Его бездействие есть форма «не-бытия», которая в ясперовской системе координат является большим грехом против экзистенции, чем ошибочное, но решительное действие. М. Горький, изображая мучительные самооправдания Клима, художественно исследует этот парадокс: стремясь остаться «чистым», герой становится виновным в самой основе своего существования. Он виновен в «не-принятии» своего бытийственного долга, что для К. Ясперса является корнем всякой подлинной вины. Таким образом, через образ Самгина М. Горький иллюстрирует самый сложный этический вывод философии К. Ясперса: человек обречен быть виновным, и единственный путь к подлинности – не в бегстве от вины, а в мужественном несении ее как неотъемлемой части своей экзистенции: «Я в своей ситуации держу ответственность за то, что произошло от того, что я не вмешиваюсь; если я могу что-то делать и не делаю, то на мне лежит вина за последствия моего недеяния. Следовательно, действую ли я или не действую, – и то и другое имеет последствия, и в обоих случаях я неизбежно оказываюсь виновен» [16, с. 251].

По К. Ясперсу, желание Самгина снять с себя ответственность за царящее в мире зло своей логически выстроенной концепцией социального абсентеизма делает его не менее виновным, чем остальных «деятельных и активных героев», ибо позиция отстраненного фиксатора бытия лишь увеличивает количество зла, царящего в социальном макрокосме: «Я могу уклониться от напряжения, если буду жить без пограничной ситуации. Тогда я могу неистинно сказать: “так уж оно вышло”; “этого ведь не изменить”; “я не несу ответственности за существование, каково оно есть”; “если после этого избежать вины станет невозможно, в том нет моей вины”, в таком случае безразлично, падает ли вина на меня, потому что в принципе я все-таки виновен без вины» [16, с. 252]. Глубина ясперовской концепции вины позволяет радикально переосмыслить природу самгинского бездействия. Для К. Ясперса вина – это не только следствие дурного поступка, но фундаментальный экзистенциал, неотъемлемая черта конечного человеческого бытия. Мы виновны уже в силу своей ограниченности и неспособности объять все последствия своих действий или бездействия. Эта «вина без вины» особенно ярко проявляется в пограничной ситуации, где любое решение или отказ от него влекут необратимые последствия. М. Горький, наделяя Самгина гипертрофированной рефлексией, показывает человека, который интуитивно чувствует эту тотальность вины. Его абсентеизм – это не просто трусость, а отчаянная (и тщетная) попытка избежать этой экзистенциальной вины, уклониться от бремени выбора, которое, по К. Ясперсу, является бременем самого бытия. Однако, как следует из философии немецкого мыслителя, такая попытка обречена: отказ от выбора – это тоже выбор, ведущий к вине за упущенные возможности и попустительство злу. Таким образом, трагедия Самгина, мастерски изображенная М. Горьким, становится художественной иллюстрацией ясперовского тезиса о неизбежности вины и о том, что подлинная экзистенция начинается с мужественного принятия этой вины как своего удела, а не с бегства от нее.

Безусловно, Самгин виновен безвинно, но он виновен не меньше, чем иные «социально одержимые» персонажи романа, такие как большевик Степан Кутузов, купец I гильдии Лютов, предприниматель Тимофей Варавка, ибо на всех лежит печать ответственности за тот выбор (либо бездействие), которое они осуществляли, попадая в судьбоносную пограничную ситуацию.

Проблему «Расколотого Я» Самгина можно плодотворно интерпретировать через ключевую для К. Ясперса категорию коммуникации. Для немецкого философа подлинное существование (экзистенция) не может быть уединенным; оно раскрывается только в «со-бытии», в встрече и диалоге с другой экзистенцией через любовь или борьбу. Именно в «непрерывной

коммуникации» человек обретает целостность и выходит за пределы своего изолированного сознания. Самгин же, при всей его кажущейся общительности, принципиально не способен к такой подлинной коммуникации. Его внутренний полифонический диалог – это замкнутый круг монологов, где нет места подлинному Другому. Поэтому его «расколотость» – это прямое следствие экзистенциального одиночества, неспособности к ясперовскому «со-бытию»: «Всякая утрата и неудача в коммуникации – как утрата подлинного бытия» [16, с. 62]. Его паралич воли в пограничных ситуациях возникает потому, что выбор требует целостного «Я», а оно, по К. Ясперсу, рождается только в акте встречи и ответственности перед Другим. М. Горький, показывая бесплодную рефлексивность Самгина, его вечное колебание между чужими идеями, художественно исследует патологию личности, лишенной экзистенциальной коммуникации. Таким образом, проблема Самгина – это не только проблема выбора, но и проблема фундаментального одиночества, невозможности выйти к другому и через это обрести себя, что делает его трагедию еще более глубокой в свете философии К. Ясперса.

По К. Ясперсу, пребывание личности между жизнью и смертью есть процесс сугубо индивидуального выбора и неограниченной свободы воли. Любая персона вольна выбирать как собственную экзистенцию, так и небытие, разрешая таким деструктивным образом судьбоносную дилемму пограничной ситуации: «Смерть – решающая пограничная ситуация для экзистенции, это событие, которое приходит и которое мы не зовем. Только человек, после того как он знает о смерти, стоит перед возможностью самоубийства. Он может не только сознательно рискнуть своей жизнью, но может решать, хочет ли он жить или нет. Смерть вступает в фазу моей свободы» [16, с. 307].

Стоит заметить, что в творческом универсуме М. Горького проблема самоубийства как разрушительного исхода дилеммы избрания представлена крайне рельефно. Самоубийство Лютова позволяет русскому писателю исследовать еще один аспект ясперовской философии: диалектическую взаимосвязь между пограничной ситуацией и трансценденцией. Для К. Ясперса, переживая крах всех земных опор в пограничной ситуации, человек может либо впасть в нигилизм, либо открыться для трансценденции – того, что выходит за пределы предметного мира и самого человека, т. е. стать верующим. Самоубийство Лютова – это художественное изображение пути в нигилизм. Ощувив крах всего старого мира (ситуация борьбы и исторической смерти) и свою экзистенциальную вину, он не находит в себе точку опоры в трансценденции. Его отчаянный поиск смысла упирается в «онтологическую стену» абсурда, и он выбирает физическое небытие как единственный доступный ответ. М. Горький при этом не дает прямых оценок, но показывает, что для такого выбора нужна своя страшная последовательность и сила. В свете концепта К. Ясперса это трагедия экзистенции, не сумевшей через отчаяние прорваться к вере или иному ощущению трансцендентного. В противоположность ему метания Самгина, при всей их бесплодности, могут быть истолкованы как бесконечный, незавершенный поиск этой самой трансценденции, которую он тщетно пытается найти то в идеях, то в любви, то в отстраненном созерцании искусства (Иероним Босх). Через амбивалентный контраст Лютова и Самгина М. Горький, таким образом, прочерчивает две возможные траектории, описанные немецким мыслителем: окончательный разрыв с бытием и бесконечное, мучительное стремление к нему.

Рассмотрим трагическую экзистенцию купца I гильдии Лютова, который, находясь между жизнью и смертью, предпочел тотальное небытие. Стоит заметить, что М. Горький рисует нам амбивалентно-противоречивый психологический мир своего персонажа, его внутреннюю борьбу между силами Эроса и Танатоса, чрезвычайную сложность выбора между этими фундаментальными экзистенциалами. Лютов добровольно уходит из жизни отнюдь не по причинам экономического или медицинского характера (тяжелый недуг), а по «идеологическим основаниям», ибо он достаточно обеспеченный и успешный коммерсант, который далек от разорения. Кроме того, Лютов обладает отменным здоровьем, не поражен неизлечимой болезнью, как, например, Серафима Нехаева. По какой же причине, находясь в ситуации выбора между жизнью и смертью, купец предпочел небытие? Свобода добровольного ухода из экзистенции имела мировоззренческие истоки, обусловленные отсутствием «мужества быть» (П. Тиллих), страхом за свое будущее, отсутствием возможности изменить его, тотальным абсурдом экзистенции. Лютов трагически ощущает гибель старой сословно-монархической России, рождение новой страны, в которой привилегированный класс буржуазии будет признан своеобразным «паразитарным наростом» на теле трудового народа. Герой трагически ощущает свою декадентскую роль «лишнего человека», роль стороннего наблюдателя в

свершающейся драме становления новой России. Причиной самоубийства купца является и наличие критического голоса совести в многомерности рефлектирующего «Я» персонажа, который отлично понимает, что живет за счет эксплуатации трудового народа, осознавая этот «грех отцов»: «Я – большие деньги и – больше ничего! И еще я – жертва, приносимая историей себе самой за грехи отцов моих» [6, т. 11, с. 409]. Как и К. Ясперс, М. Горький мастерски описывает экзистенциальную свободу выбора Лютова между жизнью и смертью. Самоубийство купца Лютова является прямым художественным воплощением одной из центральных идей немецкого философа о пограничной ситуации смерти.

Таким образом, в рамках данной работы мы рассмотрели проблему пребывания личности в пограничной ситуации в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Данный феномен освещается в романе многоаспектно. С одной стороны, как трагизм экзистенции «перед лицом смерти», ибо Серафима Нехаева отчетливо осознает надвигающуюся на нее стену небытия. Попадание в пограничную ситуацию между жизнью и смертью порождает страх, который индуцирует отчетливое понимание бессмысленности экзистенции. С другой стороны, во внутреннем мире героини происходит удивительная метаморфоза. Находясь «перед лицом Ничто», Серафима обеспокоена сохранением своей индивидуальности, боится потерять свое аутентичное «Я».

Проблема пограничной ситуации приобретает иное значение в рамках анализа внутреннего мира Клима Самгина. Главный герой романа пытается снять с себя любую ответственность за судьбоносный выбор между добром и злом, предпочитая находиться в состоянии бездействия. Полифоническая структура «расколотого Я» (Р. Лэнг) героя мешает осуществить аутентичный выбор. Стоит заметить, что подобная стратегия избегания все-таки не способна снять с личности ответственность за то, что «мир лежит во зле». Клим, как и другие «социально одержимые» герои повести, тоже виновен и несет морально-этическую ответственность за свершающуюся историческую драму России.

Глубинный диалог между художественным миром М. Горького и философией К. Ясперса позволяет утверждать, что роман «Жизнь Клима Самгина» является грандиозным художественным исследованием ключевых экзистенциальных категорий, предложенных немецким мыслителем. Русский писатель не просто «иллюстрирует» идеи К. Ясперса; он самостоятельно, средствами литературы, приходит к схожим интуициям о природе человека в моменты кризиса. Через судьбы своих героев он исследует феноменологию страха и ужаса перед Ничто, диалектику вины и ответственности, трагедию «расколотого Я», лишённого подлинной коммуникации, и, наконец, предельную свободу выбора перед лицом смерти. Важно, что оба – и философ, и писатель – видят в пограничной ситуации не только разрушение и деструкцию, но и шанс. Шанс обрести аутентичность, пусть цена за это оказывается непомерно высокой, как для Нехаевой, или оказывается упущенной, как для Самгина. Нам представляется, что итоговый роман М. Горького уникален глубочайшей проработкой ясперовской проблематики на русском историческом материале, что делает данное произведение неповторимым явлением культуры, где социальная эпопея поднимается до уровня философской притчи о трагическом человеческом уделе вообще.

Авторы приходят к выводу, что М. Горького мы можем назвать крупнейшим представителем европейского экзистенциализма первой трети XX века.

Список литературы

1. Белоусова Е. Г. Мотив пустоты в «Жизни Клима Самгина» М. Горького // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 12 (408). С. 12–17.
2. Бердяев Н. А. Самопознание. Л.: Лениздат, 1991. 398 с.
3. Гавриш Т. Р. Максим Горький как художник-новатор: экзистенциальное начало романа «Жизнь Клима Самгина» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2018. Т. 4 (70), № 2. С. 3–19.
4. Гавриш Т. Р. Философия выбора смерти (на материале романа А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина») // Acta Eruditorum. 2019. № 31. С. 18–22.
5. Голуб Н. Н. Понятие экзистенции в философии Карла Ясперса // Теория и практика современной науки. 2020. № 3 (57). С. 73–76.
6. Горький А. М. Собрание сочинений: в 16 т. М.: Правда, 1979.
7. Королькова А. А. Экзистенциальный смысл страдания в философии К. Ясперса и В. Франкла // Научное мнение. 2022. № 1–2. С. 37–42.
8. Лакаев П. В. Когда жизнь становится испытанием: пограничные ситуации в философии экзи-

стенциализма // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2024. № 1 (49). С. 98–109.

9. Лесевицкий А. В. Исследование феномена «абсурда существования» в романе А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина» и литературных произведениях Ж.-П. Сартра // Наука. Искусство. Культура. 2024. № 4 (44). С. 123–134.

10. Петропавловская М. А. Экзистенция как решение моральной проблемы выбора способа бытия в философии Карла Ясперса // Дискурсы этики. 2023. № 4 (20). С. 35–54.

11. Руднев В. П. Полифоническое тело: реальность и шизофрения в культуре XX века. М. : Гнозис, 2010. 400 с.

12. Савинкова Т. В. Экзистенциальная проблематика романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина»: структурно-функциональное и философско-этическое значение // Acta Eruditorum. 2020. № 33. С. 40–44.

13. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М. : АСТ, 2020. 1072 с.

14. Темаева Х. Н. Творческие взаимоотношения Максима Горького и Леонида Леонова // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 96, № 1. С. 136–140.

15. Эльбиева Л. Р. Экзистенция в философских воззрениях Карла Ясперса // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2019. № 5. С. 126–131.

16. Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М. : Канон+, 2021. 448 с.

The Philosophy of K. Jaspers and the Problem of the "Borderline Situation" in M. Gorky's Last Novel

Dianov Sergey Aleksandrovich¹, Lesevitsky Aleksey Vladimirovich²

¹Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Public Administration and History, Perm National Research Polytechnic University. Russia, Perm. ORCID: 0000-0001-8297-8077. E-mail: sadianov@gmail.com

²lecturer of the Department of General Education and Humanities-Social Disciplines, Perm Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Russia, Perm.

ORCID: 0000-0002-9934-0341. E-mail: lesev100@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is determined by the sustained interest of contemporary humanities in the dialogue between philosophy and literature, as well as by the insufficient exploration of the existential dimension of M. Gorky's late work, which is often examined solely within a socio-historical context.

The purpose of the article is to examine the phenomenon of the "borderline situation" (according to K. Jaspers) in M. Gorky's novel *The Life of Klim Samgin* and to identify the structural correspondence between the philosophical concept and its artistic embodiment.

Subject and results of the study. Using the material of the novel, a comparative analysis was conducted between M. Gorky's artistic method and K. Jaspers's philosophy. The fates of key characters were examined as embodiments of different types of borderline situations: Serafima Nekhaeva (suffering and confrontation with death), Klim Samgin (evasion of choice and "existential paralysis"), and the merchant Lyutov (suicide as a destructive resolution of a situation of choice). The authors established that M. Gorky intuitively develops a conceptual framework similar to that of Jaspers, meticulously exploring the phenomenology of fear, guilt, responsibility, and freedom under conditions of historical and existential crisis.

Conclusions. The researchers conclude that M. Gorky can be recognized as a major representative of European existentialism in the first third of the 20th century. His novel constitutes a grand artistic exploration of key existential categories, where the social epic rises to the level of a philosophical parable about the human condition.

Application of results. The results of the study can be utilized in further comparative research on the philosophy of existentialism and Russian literature, as well as in the practice of university teaching in the history of philosophy, literary studies, and cultural studies.

Keywords: borderline situation, problem of choice, existentialism in philosophy and literature, fear of death, social absenteeism, philosophy of suicide, polyphonic character.

References

1. Belousova E. G. *Motiv pustoty v "Zhizni Klime Samgina" M. Gor'kogo* [The Motif of Emptiness in M. Gorky's "The Life of Klim Samgin"] // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* – Bulletin of Chelyabinsk State University. 2017. No. 12 (408). Pp. 12–17.

2. Berdjaev N. A. *Samopoznanie* [Self-Knowledge]. L., Lenizdat, 1991. 398 p.

3. Gavrish T. R. *Maksim Gor'kij kak hudozhnik-novator: ekzistencial'noe nachalo romana "Zhizn' Klime Samgina"* [Maxim Gorky as an Innovator-Artist: the Existential Beginning of the Novel "The Life of Klim Samgin"] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* –

Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences. 2018. Vol. 4 (70), No. 2. Pp. 3–19.

4. Gavrish T. R. *Filosofija izbora smerti (na materiale romana A. M. Gor'kogo "Zhizn' Klima Samgina")* [The Philosophy of the Choice of Death (based on the novel by A. M. Gorky "The Life of Klim Samgin")] // *Acta Eruditorum*. 2019. No. 31. Pp. 18–22.

5. Golub N. N. *Ponjatje ekzistencii v filosofii Karla Jaspersa* [The Concept of Existence in Karl Jaspers' Philosophy] // *Teorija i praktika sovremennoj nauki – Theory and Practice of Modern Science*. 2020. No. 3 (57). Pp. 73–76.

6. Gor'kij A. M. *Sobranie sochinenij. V 16 t.* [Collected Works. In 16 vols.]. M., Pravda, 1979.

7. Korol'kova A. A. *Ekzistencial'nyj smysl stradanija v filosofii K. Jaspersa i V. Frankla* [The Existential Meaning of Suffering in the Philosophy of K. Jaspers and V. Frankl] // *Nauchnoe mnenie – Scientific Opinion*. 2022. No. 1–2. Pp. 37–42.

8. Lakaev P. V. *Kogda zhizn' stanovitsja ispytaniem: pograničnye situacii v filosofii ekzistencializma* [When Life Becomes a Test: Borderline Situations in Existentialist Philosophy] // *Vestnik MGPU. Serija: Filosofskie nauki – Bulletin of MSPU. Series: Philosophical Sciences*. 2024. No. 1 (49). Pp. 98–109.

9. Lesevickij A. V. *Issledovanie fenomena "absurda sushhestvovanija" v romane A. M. Gor'kogo "Zhizn' Klima Samgina" i literaturnyh proizvedenijah Zh.-P. Sartra* [A Study of the Phenomenon of "the Absurdity of Existence" in A. M. Gorky's Novel "The Life of Klim Samgin" and the Literary Works of J.-P. Sartre] // *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura – Science. Art. Culture*. 2024. No. 4 (44). Pp. 123–134.

10. Petropavlovskaja M. A. *Ekzistencija kak reshenie moral'noj problemy izbora sposoba bytija v filosofii Karla Jaspersa* [Existence as a Solution to the Moral Problem of Choosing a Mode of Being in Karl Jaspers' Philosophy] // *Diskursy jetiki – Discourses of Ethics*. 2023. No. 4 (20). Pp. 35–54.

11. Rudnev V. P. *Polifonicheskoe telo: real'nost' i shizofrenija v kul'ture XX veka* [Polyphonic Body: Reality and Schizophrenia in the Culture of the 20th Century]. M., Gnozis, 2010. 400 p.

12. Savinkova T. V. *Ekzistencial'naja problematika romana M. Gor'kogo "Zhizn' Klima Samgina": strukturno-funkcional'noe i filosofsko-eticheskoe znachenie* [The Existential Issues of M. Gorky's Novel "The Life of Klim Samgin": Structural, Functional, Philosophical and Ethical Significance] // *Acta Eruditorum*. 2020. No. 33. Pp. 40–44.

13. Sartr Zh.-P. *Bytie i nichto* [Being and Nothingness]. M., AST, 2020. 1072 p.

14. Temaeva H. N. *Tvorcheskie vzaimootnoshenija Maksima Gor'kogo i Leonida Leonova* [The Creative Relationship between Maxim Gorky and Leonid Leonov] // *Gumanitarnye i social'nye nauki – Humanities and Social Sciences*. 2023. Vol. 96, No. 1. Pp. 136–140.

15. El'bjeva L. R. *Ekzistencija v filosofskih vozrenenijah Karla Jaspersa* [Existence in the Philosophical Views of Karl Jaspers] // *Jekonomicheskie i humanitarnye issledovanija regionov – Economic and Humanitarian Studies of Regions*. 2019. No. 5. Pp. 126–131.

16. Jaspers K. *Filosofija. Kniga vtoraja. Prosveshhenie ekzistencii* [Philosophy. Book Two. The Illumination of Existence]. M., Kanon+, 2021. 448 p.

Поступила в редакцию: 23.01.2026

Принята к публикации: 27.02.2026

EDN: MEZHUU

УДК 821.112.2+821.161.1

Два «Прометея»: рецепция дионисийской символики в поэмах В. И. Иванова и З. Липинера

Качоровская Анна Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и романских языков для профессиональной коммуникации, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.
Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0000-0001-7841-8181. ResearcherID: 670104-2019.
E-mail: kachorovskaya@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья исследует дионисийскую символику в качестве рецептивного компонента двух значимых литературных произведений прометеевского дискурса рубежа XIX–XX вв.: поэмы австрийского литератора Липинера (S. Lipiner, 1856–1911) «Освобожденный Прометей» ("Der entfesselte Prometheus", 1876) и поэмы-трагедии «Прометей» (1919), принадлежащей перу представителя русского символизма Вяч. Иванова (1866–1949). Предметом статьи является корреляция дионисийской символики в духе трактата Ницше (Nietzsche, 1844–1900) «Рождение трагедии из духа музыки» ("Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik", 1872) с прометеевским дискурсом на почве австрийской (Липинер) и русской (Иванов) литературы. Цель исследования заключается в интерпретации двух поэм в заданном диапазоне проблем, позволяющем показать, в какой мере влияние европейской модернистской парадигмы конца XIX столетия находит свое отражение в русской поэзии серебряного века. Актуальность исследования обусловлена непрекращающимся интересом отечественного и немецкоязычного литературоведения к прометеевскому и дионисийскому дискурсу. Новизна исследования видится в том, что в рамках данной статьи впервые в отечественном литературоведении проводится сравнительный анализ поэм Липинера и Иванова, объединенных обращением к одному древнегреческому мифологическому прообразу. Результаты исследования позволяют на конкретных примерах презентировать влияние европейской литературной мысли эпохи австрийского модерна на поэзию русского символизма. Область применения результатов могут быть специализированные курсы о творчестве Липинера, а также связанные с данной тематикой дополнения к лекционным курсам по австрийской литературе рубежа XIX–XX веков.

Ключевые слова: Липинер, Вяч. Иванов, дионисийская символика, прометеевский дискурс, ницшеанство.

Введение. Поиски универсального всеединства, всемирности, отображаясь в европейской и русской культуре, преломляясь в поэзии и прозе, в разные эпохи приводят к использованию неизменных праформ, тяготеют к единым прасюжетам, опираются на одни и те же первичные прообразы. Многогранная европейская культура эпохи модерна, апеллируя к древнегреческой мифологии, обращает особое внимание на прометеевскую и дионисийскую тематику. Расцвет культа Диониса в полной мере отражается в европейской литературе рубежа XIX–XX веков. Бог древней Эллады, чье имя используется для создания своеобразной философской системы – дионисизма, становится знаковой фигурой в немецкоязычной лирике и прозе, превращаясь в один из культурных кодов этого исторического периода. В Германии к теме дионисийского начала обращаются Ницше (F. Nietzsche, 1844–1900), Роде (E. Rohde, 1845–1898) и Т. Манн (Th. Mann, 1875–1955), в австрийской литературе – Шницлер (A. Schnitzler, 1862–1931), Гофмансталь (H. von Hoffmanstahl, 1874–1929) и Касснер (R. Kassner, 1873–1959). «Певец Диониса» [12, с. 18] – Ницше – в своем труде «Рождение трагедии из духа музыки» интерпретирует и «прославляет Диониса в дифирамбических тонах, звучание которых отличается от научного дискурса...» [16, с. 125], подчеркивая взаимосвязь дионисийского начала с образом Прометея: «...Титаническое стремление стать как бы Атлантом всех отдельных существ и на сильных плечах нести их все выше и выше, все дальше и дальше и есть то, что объединяет прометеевское начало с дионисическим» [11, с. 94–95]. Многообразная дионисийско-аполлоническая символика, в интерпретации Ницше представляющая собой двойственность, неизменно стремящуюся к «единству бесконечного универсума...» ("Einheit der endlosen Universalitaet...") [21, S. 148], находится в сложном взаимодействии с прометеевской и, отчасти, христианской тематикой, восходящей в том числе и к библейскому пратексту: «Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода» [2, 15, 5, с. 1643].

К истории вопроса: Липинер. Вслед за оригинальными суждениями Ницше, образы Диониса и Прометея в европейской литературе сопоставляются и пересекаются, нередко им приписываются практически тождественные черты. В конце XIX века в Австрии появляется поэма молодого австрийского литератора Зигфрида Саломо Липинера¹³ «Освобожденный Прометей». Среди современных европейских исследований о Липинере и его дебютной поэме выделяется статья австрийского литературоведа Ленгауэра (Hubert Lengauer, 1948–) [19, S. 1227–1246], иллюстрирующая взаимосвязь творческой биографии поэта с отзывами его знаменитых современников. Согласно исследованию Ленгауэра, в кругу общения Липинера находится и сам Ницше, обративший особое внимание на развитие дионисийской тематики в «Освобожденном Прометее» [Ibid., S. 1229–1231]. Самобытная поэма Липинера, отличаясь универсальным, отчасти синкретичным содержанием, демонстрируя своеобразие интерпретации древнегреческого мифа, изобилуя элементами философии и мистической символики в духе Гете (J. W. Goethe, 1749–1832)¹⁴, а также обладая драматичностью и необыкновенной музыкальностью слога, оценивается и австрийским композитором Малером (G. Mahler, 1860–1911) как чисто дионисийское произведение, что следует из их переписки [10, с. 376–379].

В начале XX века в России поэма привлекает внимание известного филолога и переводчика Н. А. Холодковского (1858–1921), и в 1908 году его перевод «Освобожденного Прометея» на русский язык выходит в Санкт-Петербургском издательстве А. С. Суворина (1834–1912).

К истории вопроса: Иванов. Через девять лет в печати революционного Петербурга появляется поэма-трагедия «Прометей» (1919) Иванова. Многочисленные исследования, посвященные творчеству Иванова и его пониманию дионисийского начала, отмечают особую взаимосвязь, иногда даже некое тождество русского символизма с европейским дионисизмом эпохи модерна, воспринимающееся как «символистическое (дионисийское) неравенство себе, перехлестывание "пены через края..."» [1, с. 12]. В современных исследованиях об Иванове «главный герой ивановской мифологии...» [Там же, с. 14] – бог Дионис – рецепируется как некая «антиномика жертвы, через которую дается самоопределение божественной Любви...» [14, с. 141], что сближает символику дионисийского начала с символикой христианства.

Ницшеанская философия, с 1880-х годов приобретающая известность в России, претерпевает на русской почве своеобразную метаморфозу, превращаясь в некий особый русско-европейский дискурс: сплав модных идей и тенденций ницшеанства с русским символизмом. Исследователи творчества Иванова отмечают, что поэт также находится «под сильным влиянием Ницше уже с 1880-х годов...» [17, с. 20]. Поэтика Иванова интерпретирует философские идеи «теории всеединства» [13, с. 5] В. С. Соловьева (1853–1900) и дионисийско-аполлоническую ницшеанскую философию как некий тяготеющий к христианству философско-символический синтез. Вероятно, приверженностью дионисийским символам объясняется и «убежденность в мистическом энергетизме слова» [7, с. 146], и особый «платонизм» [Там же, с. 148] Иванова, для которого творчество всегда является актом божественного, ниспосланного свыше вдохновения.

В начале XX века в России наряду с дионисийской тематикой входит в моду также и прометеевский дискурс. Помимо трагедии «Прометей» Иванова, к образу титана обращается, например, поэт серебряного века В. Я. Брюсов (1873–1924) в своем стихотворении «К олимпийцам» (1905).

¹³ Зигфрид Саломо Липинер – австрийский поэт, современник Ницше и Малера, родился в Галиции, получил образование в Тарнове, Вене, а также в Лейпциге и Страсбурге. В основном имя Липинера известно за пределами Австрии благодаря его переводам из Мицкевича. Кроме того, в истории литературы он остался как автор исследуемой в рамках данной статьи философско-эпической поэмы «Освобожденный Прометей» ("Der entfesselte Prometheus", 1876), а также поэмы «Ренатус» ("Renatus"), 1878) и трагедии «Ипполит» ("Hippolytus", 1913). Подробнее о поэме Липинера в связи с темой дионисизма см.: Качоровская А. Е. Рецепция дионисийской музыки как интермедийального аспекта немецкоязычного прометеевского дискурса в поэме Липинера «Освобожденный Прометей» = Reception of Dionysian Music as an Intermedial Aspect of German-Language Promethean Discourse in Lipiner's Poem "Der Entfesselte Prometheus" // Научный диалог. 2025. Т. 14, № 7 [4, с. 259–277].

¹⁴ О прометеевском дискурсе в современных западных исследованиях см.: Pankow E., Peters G. Prometheus: Mythos der Kultur. Einleitung. Muenchen: Fink, 1999 [20, S. 7–8]. Подробнее о Прометее и влиянии гетеанства на поэму Липинера см.: Качоровская А. Е. Рецепция философских воззрений Гете в поэме Зигфрида Липинера «Освобожденный Прометей» // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 5 [5, с. 320–335].

Сравнительный анализ двух «Прометеев». Два исследуемых «Прометеев»: «Освобожденный Прометей» Липинера и «Прометей» Иванова, относящиеся к русско-австрийскому литературному контексту эпохи модерна, выбраны для сравнительного анализа не случайно. Изучение двух разноязычных, исполненных мистического символизма произведений, обнаруживающих аллюзии на ницшеанскую неклассическую философию, и в частности на трактат «Рождение трагедии из духа музыки», позволяет подчеркнуть актуальность прометеевского и дионисийского дискурса для литературы Европы и России на рубеже XIX–XX веков.

Архитектоника обеих поэм отчасти имитирует структуру религиозных дионисийских мистерий как истока древнегреческой трагедии, обязательным и весьма значительным элементом которой является объединяющий все театральное действие Хор. Это обстоятельство отсылает также и к ницшеанской философии, придающей хору в древнегреческой трагедии основополагающее значение. Обращаясь к истокам трагедии в Древней Греции и вслед за Шлегелем (Fr. Schlegel, 1772–1829) и «Фаустом» (1808) Гете воспринимая Хор как некоего «идеального зрителя» [11, с. 74], вероятно, комментирующего и объясняющего зрительному залу происходящее на сцене, Ницше, в частности, отмечает: «...предание говорит нам с полной определенностью, что трагедия возникла из трагического хора и первоначально была только хором, и не чем иным, как хором...» [Там же, с. 73].

В тексте поэмы Липинера такими комментаторами, а в ницшеанском смысле – идеальными зрительницами происходящего, – являются могущественные существа древнегреческой мифологии: триада Мойр, предсказательниц Судьбы, символизирующая темные силы первоначального Хаоса. Согласно исследованиям А. Ф. Лосева (1893–1988), Мойры встречаются в различных пратекстах, в том числе у Гесиода (VIII–VII в. до н. э.), визуализируя «постоянную триадичность мифа» [9, с. 37]. На протяжении всей поэмы Липинера Мойры антагонизируют с Прометеем, стараясь помешать светлым силам, которые он так или иначе представляет. В начале поэмы одна из Мойр – Лахезис – воспекает собственные мрачные деяния, радуясь оковам своего врага – Прометеев:

Так их я смирила! Могучая Мойра
Крылом своим черным покрыла свободных, –
Враг, цепи разбивший, томится в цепях... [8, с. 33]

Хору могущественных Мойр противостоит мистический «пронзительный клич» [Там же, с. 35], сопровождающий чудесное освобождение Прометеев от оков:

Победой ты блещешь, божественный лик,
Свободен податель свободы! [Там же, с. 36].

В «насыщенной подтекстами» [6, с. 123] поэме-трагедии Иванова «Прометей», подобно поэме Липинера, вобравшей в себя опыт многочисленных мировых литературных шедевров – от Гесиода, Эсхила (около 525–456 до н. э.) и Платона (около 428–424 до н. э.) до Гете и Ницше [Там же, с. 123], – роль псевдогреческого Хора также весьма существенна. Здесь комментирующий Хор состоит не из трех Мойр, но из трех Океанид, что, в частности, отсылает к пратексту – трагедии Эсхила «Прометей прикованный» (444–443 до н. э.), где «Хор Океанид, дочерей Океана» [18, с. 17] сопровождает Прометеев в течение всего действия, сочувствуя и помогая титану:

Хор:
– Не бойся, друг наш!
Мы летим к тебе с любовью
На звенящих острых крыльях... [Там же, с. 125]

Упоминается в трагедии Эсхила и триада Мойр, выступающих в качестве вершительниц судеб и хранительниц высшего знания. Их власть превышает даже власть Зевса:

Старшая Океанида:
– Кто ж у руля стоит Необходимости?

Прометей:
– Три Мойры, Эвмениды с долгой памятью.

Старшая Океанида:
– Так значит, Зевс им уступает силою?

Прометей:
– Что суждено, не избежит и Зевс того...» [Там же, с. 45]

Для Прометеев Иванова хор Океанид не является враждебной силой. Ведя диалог с «мятежницами Океанидами» [3, с. 35] и называя их своими «сестрами» [Там же], титан подчерки-

вае их бунтарскую сущность, близкую его собственной природе. Интересно, что и в поэме Липинера присутствует некая мистическая взаимосвязь названных поэтом «Сестрами Судьбы» [8, с. 31] Мойр и Прометей, визуализирующая нерасторжимость таких универсальных антиномий, как Свет и Тьма, День и Ночь, Добро и Зло.

Если хор трех Мойр у Липинера доминирует в первых песнях поэмы, то в трагедии Иванова эти мифические существа только упоминаются. Тем не менее им отводится важная, хоть и закулисная роль предвестниц грядущих событий, высказывающих сомнения в истинности воли некоего мистического Духа:

1-я Океанида:

– Творец – нам пели Мойры – душ вожатый

Из мрака в сумрак, из плененья в плен.

Прометей:

– Из мрака в сумрак, из подземья – к свету!

2-я Океанида:

– В плен из плененья, из тюрьмы в затвор –

Нам пели Мойры – водит дух, блуждая.

Уз разрешитель – ковщик новых уз [3, с. 36].

Можно предположить, что в данном случае мрачные пророчества Океанид возникают в тексте трагедии Иванова в качестве дионисийского символа в духе Ницше, поскольку именно «под влиянием Ницше сформировалась ивановская концепция дионисийства...» [6, с. 125]. Подобно тому как, по мысли Ницше, сам «эсхилловский Прометей» [11, с. 95] может представлять собой «дионисическую маску» [Там же] для двух взаимосвязанных начал – дионисийского и аполлонического, враждебные Прометею Мойры могут выступать под сценической маской Океанид, варьируя символ дионисийской дисгармонии, не чуждой и самому прометеевскому образу.

Роль Хоров в обеих поэмах представляется важным атрибутом мистической символики в духе ницшеанского дионисизма. Многочисленные диалоги Прометей с хором Океанид в трагедии Иванова «Прометей» дополняют и продолжают ту же тему искупления человечества и служат для выражения тех же сомнений в возможности изменить ход событий, что и диалоги Прометей с хором Мойр в поэме Липинера «Освобожденный Прометей».

Сюжеты двух «Прометеев», появившихся в русской печати в начале XX века, при всем различии также обнаруживают ряд близких по смыслу мотивов. В начале поэмы «Освобожденный Прометей» Липинера титан предстает перед читателем спящим, закованным в цепи высоко в горах. Его пробуждение и освобождение от цепей связано с образом анонимного поэта, впоследствии, подобно Вергилию в «Божественной комедии», сопровождающего его вниз, в долину людей. Незримо участвуя в различных философских диалогах, а также в театрализованных сценках в качестве наблюдателя, Прометей делает выводы о нынешнем человечестве, которое, по его мнению, ничем не лучше прежнего. Новое поколение людей искажает смысл заветов титана, понимает провозглашенную некогда Прометеем свободу как бунт против своих правителей и устраивает пиршества в духе дионисийских мистерий, в данном случае объединяющих символику вина и крови, поскольку повстанцы устраивают кровавые расправы. В середине поэмы происходит диалог Прометей и некоего Мирового Духа, обладающего символическими чертами Христа, что актуализирует своеобразную корреляцию дионисийского начала с христианскими мотивами. Мистический Дух в поэме Липинера призывает Прометей к новому искуплению несовершенного человечества. Титан соглашается. Скорбь по вознесшемуся Прометею и торжествующая радость парящего над цветущей долиной Духа составляют заключительную часть произведения, вписывающую образ титана Липинера в плеяду прометеевских образов (Ницше, Роде), наделенных жертвенными христианско-дионисийскими чертами.

Сюжет трагедии Иванова «Прометей» представляет титана, в отличие от Прометей Липинера, явно связанного с символом огня и образом бога Гефеста, кующего молотом боевые мечи, но также «плуг и серп» [3, с. 33], что, в частности, вызывает реминисценции на красный флаг современной поэту революционной России с изображением серпа и молота. Символистские диалоги Прометей с комментирующим хором Океанид, обнаруживающие связь с философией дионисизма, сменяются сценой вакхического действия, в котором принимает участие Пандора. Пандора, открывая свой ящик, одаривает толпу украшениями. Звучат хоры мужчин и женщин, воспевающих наслаждение. Толпа приносит в жертву Пандору, а «ковщик новых уз» [3, с. 36] – Прометей – согласно предсказаниям Океанид, вновь заковычивается в цепи.

Ряд сцен в трагедии Иванова, во многом созвучный поэме Липинера «Освобожденный Прометей», имеет прямое отношение к дионисийской символике: в разном контексте воспеваются жертвенность, свобода, любовь, вино, кровь, розы, пляски и пение. Например, Пандора во время дионисийского действия рассказывает людям легенду о принесенном в жертву младенце Дионисе:

Внемлите ж! Древле сына Зевс родил.
В начале было то; родилось время
С рождением сына; был иной тот Зевс.
Владыкой мира он Дитя поставил,
И сладостно играл вселенной сын,
И в той игре звучало стройно небо.
Небес алкали – род Земли – титаны:
Подкрались к младенцу Дионису,
Подрали плоть его, огнем палящим
Насытились – и пали пеплом дымным;
А сердце сына, бьющееся сердце
Отец исхитил и в себе сокрыл [Там же, с. 74].

Интерес в связи с мистическим дионисийским компонентом представляет и некий анонимный образ женщины в поэме Липинера, символизирующий Истину и отчасти перекликающийся с образом Пандоры в трагедии Иванова:

Тогда предстанет Истина пред всеми,
Как женщина прекрасная, втройне
Пленяя взор под нежною фатою,
И без меча всех победит врагов! [8, с. 144]

Два прометеевских образа в исследуемых поэмах также обнаруживают ряд близких в отношении символики моментов. Мятежный Прометей Иванова, явно тяготеющий в начале поэмы к образу бога огня, в дальнейшем обретает жертвенные христианско-дионисийские черты. Искупительное начало, символом которого является младенец Дионис, находит свое выражение в описании процесса создания Прометеем людей из глины:

Сама в перстах моих слагалась глина
В обличья стройные моих детей,
Когда сошел я в пахнувшие гарью
Удолия, где прах титанов тлел,
Младенца Диониса растерзавших
И в плоть свою приявших плоть его [Там же, с. 36].

Строфы трагедии передают бунтарское желание Прометея сравниться в акте творчества с богами-олимпийцами и превзойти их:

Я был творцом их, если тот творец,
Чье имя меж богов – Освободитель [Там же].

Дионисийская символика позволяет двум Прометеем передавать людям свои таинственные мистические заветы, отчасти связанные и с философией солипсизма – восприятием мира как продукта собственного Я. Вечные заветы будущим поэтам в обеих поэмах основаны на идее творческой свободы, которой можно достичь духовным искуплением.

В трагедии Иванова свободный поэт подчинен только бессмертной творческой силе: Прометей:

– Вы поклялись. Ответствуй же: свободный
Покорствуешь кому?

Аргест:

– Тому, кто в нем
Он сам, – ты наставлял.

Прометей:

– Ему, о дети,

Покорствуйте! Бессмертному в себе!» [Там же, с. 52]

В поэме Липинера, воспевающей творческое вдохновение, Прометей обращается к анонимному поэту:

А ты, поэт! Ты в сердце вдохновенном
Храни всегда священный мой завет! [8, с. 144]

Передав свои заветы, «титан, окруженный облаками, поднимается в необъятную высоту, уходя из земного мира...» [15, с. 13]. Уподобляясь, как и Прометей Иванова, жертвенной фигуре Диониса, Прометей Липинера завещает людям некий символ искупления, связанный с пробуждением творческой энергии Всемирного Духа («Пусть дух они восставший пробуждают...») [8, с. 144]:

...И пусть все звуки, что в душе его
От вечности и в вечность раздавались,
В одной великой песне мировой
Соединит он с вестью искупленья! [Там же]

Заключение. Таким образом, два «Прометей» рубежа XIX–XX веков: «Освобожденный Прометей» Липинера и «Прометей» Иванова – обнаруживают множество аналогичных черт, поскольку основаны на одних источниках, определяющих рецепцию дионисийской философии и символики. Ряд отличий и совпадений в двух «Прометейях» на уровне архитектоники произведений (объединяющая роль Хора), сходства сюжетов и образов позволяет проиллюстрировать преемственность поэтики Иванова по отношению к прометеевской и дионисийской тематике в духе Ницше, популярной в Австрии конца XIX века. Выраженное влияние европейской словесности на русскую поэзию серебряного века актуализируется, в частности, сходством двух исследуемых поэм, нашедшем свое отражение в том числе и в синтезе ницшеанского дионисийского начала с идеями, близкими христианству. Данный синтез по-своему отображается в творчестве Липинера, тяготеющего, вслед за гетеанскими идеями, к теме христианско-дионисийского искупления и Иванова, уникальность поэтики которого проявляется в попытке соединения ницшеанских представлений о дионисийском начале с элементами христианской философии В. С. Соловьева.

Список литературы:

1. Барзах А. Е. Материя смысла // Иванов В. И. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. СПб. : Академический проект, 1995. С. 5–60.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в Синодальном переводе с комментариями и приложениями // Евангелие от Иоанна. М. : Российское Библейское общество, 2004. С. 1643.
3. Иванов В. И. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. Кн. II / вступ. ст. А. Е. Барзаха ; сост., подгот. текста и примеч. Р. Е. Помирного. СПб. : Академический проект, 1995. 432 с.
4. Качоровская А. Е. Рецепция дионисийской музыки как интермедиального аспекта немецкоязычного прометеевского дискурса в поэме Липинера «Освобожденный Прометей» // Научный диалог. 2025. Т. 14, № 7. С. 259–277. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82931018>. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-259-277.
5. Качоровская А. Е. Рецепция философских воззрений Гете в поэме Зигфрида Липинера «Освобожденный Прометей» // Научный диалог. Т. 11, № 5. Екатеринбург, 2022. С. 320–335. URL: <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/3862>. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-320-335.
6. Каяниди Л. Г. Ницшеанский слой в трагедии Вячеслава Иванова «Прометей» // Имагология и компаративистика. 2025. № 23. С. 122–145.
7. Лаппо-Данилевский К. Ю. К проблеме звукообраза у Вяч. Иванова // Литературный факт. 2024. № 4 (34). С. 138–165.
8. Липинер З. Освобожденный Прометей / пер. и введение Н. А. Холодковского. СПб. : Издательство А. С. Суворина, 1908. 174 с.
9. Лосев А. Ф. Античная мифология с античными комментариями к ней : собр. первоисточников, ст. и коммент. : энцикл. олимпийских богов / предисл. А. А. Тахо-Годи. Харьков : Фолио ; М. : Эксмо, 2005. 1004 с.
10. Малер Г. Письма / под общ. ред. И. А. Барсовой. СПб. : Издательство им. Н. И. Новикова, 2006. 896 с.
11. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / пер. с нем. Г. А. Рачинского. СПб. : Азбука-классика, 2005. 208 с.
12. Соколов Б. Г. Страсти по Ницше // Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / пер. с нем. Г. А. Рачинского. СПб. : Азбука-классика, 2005. С. 5–40.
13. Тахо-Годи А. А. «Философ хочет все понимать» : предисл. // Лосев А. Ф. Диалектика мифа. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2016. С. 5–30.
14. Федотова С. В. Поэтология Вячеслава Иванова : монография. Тамбов : ИПКРО, 2012. 293 с.
15. Холодковский Н. А. Введение к поэме Зигфрида Липинера «Освобожденный Прометей» // Липинер З. Освобожденный Прометей / пер. с нем. Н. А. Холодковского. СПб. : Издательство А. С. Суворина, 1908. С. 1–20.
16. Шмидт-Денглер В. Миф о Дионисе в культуре Вены на рубеже XIX–XX веков // Сборник статей Studia germanica: немецкоязычная литература XIX–XX веков в современных исследованиях: неконфронтационный диалог. СПб., 2004. С. 124–137.

17. Щербакова Е. В. Интерпретация ницшеанского дионисизма в творчестве Вячеслава Иванова // Русская литература и философия. Липецк, 2011. С. 20–24.
18. Эсхил. Прикованный Прометей / пер. А. И. Пиотровского ; вступ. ст. и примеч. В. Н. Ярхо. Калининград : Янтарный сказ, 1997. 95 с.
19. Lengauer H. Siegfried Lipiner: Biographie im Zeichen des Prometheus // Die Oesterreichische Literatur. Ihr Profil von den Anfängen im Mittelalter bis zur Gegenwart. B. II / Hrsg. von H. Zehman. Graz, 1989. S. 1227–1246.
20. Pankow E., Peters G. Prometheus: Mythos der Kultur. Muenchen : Fink, 1999. 248 S.
21. Puetz P. "Arischer" Frevel und "semitische" Suende. Nietzsches Prometheus-Konzeption // Prometheus: Mythos der Kultur. Muenchen : Fink, 1999. S. 145–160.

Two "Prometheus": Reception of Dionysian Symbolism in the Poems of V. I. Ivanov and S. Lipiner

Kachorovskaya Anna Evgenyevna

PhD in Philology, associate professor of the Department of German and Romance Languages for Professional Communication, Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen. Russia, Saint Petersburg.
ORCID: 0000-0001-7841-8181. ResearcherID: 670104-2019. E-mail: kachorovskaya@mail.ru

Abstract. This article examines the Dionysian symbolism as a receptive component of two significant literary works within the Promethean discourse of the turn of the 20th century: the poem "Der entfesselte Prometheus" (1876) by the Austrian writer Siegfried Lipiner (1856–1911) and the verse-tragedy "Prometheus" (1919) by the Russian symbolist Vyacheslav Ivanov (1866–1949). The subject of the article is the correlation of Dionysian symbolism, in the spirit of Nietzsche's treatise "Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik" (The Birth of Tragedy from the Spirit of Music, 1872), with the Promethean discourse in the context of Austrian (Lipiner) and Russian (Ivanov) literature. The aim of the research is to interpret the two poems within the specified problem range, demonstrating the extent to which the influence of the European modernist paradigm of the late 19th century is reflected in Russian poetry of the Silver Age. The relevance of the study is determined by the ongoing interest in Promethean and Dionysian discourse within both Russian and German-language literary criticism. The novelty of the research lies in the fact that this article presents the first comparative analysis of Lipiner's and Ivanov's poems in Russian literary studies, works united by their reference to a common ancient Greek mythological archetype. The results of the study allow for a concrete demonstration of the influence of European literary thought from the era of Austrian Modernism on Russian symbolism poetry. The area of application for these results could include specialized courses on Lipiner's work, as well as related additions to lecture courses on Austrian literature of the turn of the 20th century.

Keywords: Lipiner, Vyach. Ivanov, Dionysian symbolism, Promethean discourse, Nietzscheanism.

References

1. Barzakh A. Ye. *Materiya smysla* [The Matter of Meaning] // *Ivanov V. I. Stikhotvoreniya. Poemy. Tragediya* – Ivanov V. I. Poems. Poems. Tragedy. SPb., Academic Project. 1995. Pp. 5–60.
2. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta v Sinodal'nom perevode s kommentariyami i prilozheniyami* [Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments in the Synodal translation with commentaries and appendices]. M., Russian Bible Society. 2004. 1643 p.
3. *Ivanov V. I. Stikhotvoreniya. Poemy. Tragediya. Kniga II* [Poems. Poems. Tragedy. Book II] / introductory article by A. E. Barzakh, compiled, prepared. text and notes by R. E. Pomirchy. SPb., Academic Project. 1995. 432 p.
4. Kachorovskaya A. Ye. *Retseptiya dionisiiskoy muzyki kak intermedialnogo aspekta nemetskoiasytchnogo prometejevskogo diskursa v poeme Lipinera "Osvobozhdennyi Prometey"* [Reception of Dionysian Music as an Intermedial Aspect of German-Language Promethean Discourse in Lipiner's Poem "Der Entfesselte Prometheus"] // *Nauchnyy dialog* – Scientific dialogue. 2025. Vol. 14. No. 7. Pp. 259–277. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82931018>. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-259-277.
5. Kachorovskaya A. Ye. *Retseptiya filosofskikh vozzreniy Gete v poeme Zigfrida Lipinera "Osvobozhdennyi Prometey"* [Reception of Goethe's Philosophical Views in Poem by Siegfried Lipiner "Liberated Prometheus"] // *Nauchnyy dialog* – Scientific dialogue. Vol. 11. No. 5. 2022. Pp. 320–335.
6. Kayanidi L. G. *Nitssheanskiy sloi v tragedii Vyacheslava Ivanova "Prometey"* [Nietzschean layer in Vyacheslav Ivanov's tragedy "Prometheus"] // *Imagologiya i komparativistika* – Imagology and comparative studies. 2025. No. 23. Pp. 122–145.
7. Lappo-Danilevskiy K. Yu. *K probleme zvukoobraza u Vyach. Ivanova* [On the Problem of Sound Image in Vyacheslav Ivanov] // *Literaturnyy fakt* – Literary Fact. 2024. No. 4 (34). Pp. 138–165.
8. *Lipiner Z. Osvobozhdennyi Prometey* [Prometheus Liberated] / transl. and introduction by N. A. Kholodkovsky. SPb., Suvorin Publishing House. 1908. 174 p.

9. Losev A. F. *Antichnaya mifologiya s antichnymi kommentariyami k ney. Entsiklopediya olimpiyskikh bogov. Sobr. Pervoistochnikov, stat'i i komment.* [Ancient mythology with ancient commentaries to it. Encyclopedia of the Olympic gods. Coll. Primary sources, articles and commentaries] / preface A. A. Takho-Godi. Kharkov, Folio ; M., Eksmo. 2005. 1004 p.
10. Maler G. *Pis'ma* [Letters] / under the gen. ed. of I. A. Barsova. SPb., Publishing House n. a. N. I. Novikov. 2006. 896 p.
11. Nitsche F. *Rozhdeniye tragedii iz dukha muzyki* [The Birth of Tragedy from the Spirit of Music]. SPb., Azbuka-classic. 2005. 208 p.
12. Sokolov B. G. *Strasti po Nitsche* [Passions according to Nietzsche] // *Nitsche F. Rozhdeniye tragedii iz dukha muzyki* – Nitsche F. The Birth of Tragedy from the Spirit of Music. SPb., Azbuka-classic. 2005. Pp. 5–40.
13. Takho-Godi A. A. "Filosof khochet vse ponimat". *Predisloviye* ["A philosopher wants to understand everything". Preface] // *Losev A. F. Dialektika mifa* – Losev A. F. Dialectics of myth. SPb., Azbuka ; Azbuka-Atticus. 2016. Pp. 5–30.
14. Fedotova S. V. *Poetologiya Vyacheslava Ivanova : monografiya* [Poetology of Vyacheslav Ivanov : monograph]. Tambov, IPKRO. 2012. 293 p.
15. Kholodkovskiy N. A. *Vvedeniye k poeme Zigfrida Lipinera "Osvobozhdennyi Prometey"* [Introduction to the poem by Siegfried Lipiner "Prometheus Unbound"] // *Lipiner S. Osvobozhdennyi Prometey* – Lipiner S. Prometheus Unbound / transl. from German by N. A. Kholodkovsky. SPb., A. S. Suvorin Publishing House, 1908. Pp. 1–20.
16. Shmidt-Dengler V. *Mifo Dionise v kul'ture Veny na rubezhe XIX–XX vekov* [The Myth of Dionysus in the Culture of Vienna at the Turn of the 19th and 20th Centuries] // *Cbornik statey Studia germanica: nemetsko-yazychnaya literatura XIX–XX vekov v sovremennykh issledovaniyakh: nekonfrontatsionnyy dialog* – Collection of articles Studia germanica: German-language literature of the 19th and 20th centuries in modern research: non-confrontational dialogue. SPb. 2004. Pp. 124–137.
17. Shcherbakova Ye. V. *Interpretatsiya nitssheanskogo dionisizma v tvorchestve Vyacheslava Ivanova* [Interpretation of Nietzschean Dionysianism in the Works of Vyacheslav Ivanov] // *Russkaya literatura i filosofiya* – Russian Literature and Philosophy. Lipetsk. 2011. Pp. 20–24.
18. Aeschil. *Prikovanyi Prometei* [Chained Prometheus] / transl. A. I. Piotrovsky, introductory article and notes by V. N. Yarkho. Kaliningrad, Jantarnyi skas (Amber Tale). 1997. 95 p.
19. *Lengauer H. Siegfried Lipiner: Biographie im Zeichen des Prometheus* // *Die Oesterreichische Literatur. Ihr Profil von den Anfängen im Mittelalter bis zur Gegenwart. B. II* / Hrsg. von H. Zehman. Graz, 1989. S. 1227–1246.
20. *Pankow E., Peters G. Prometheus: Mythos der Kultur.* Muenchen : Fink, 1999. 248 S.
21. *Puetz P. "Arischer" Frevel und "semitische" Suende. Nietzsches Prometheus-Konzeption* // *Prometheus: Mythos der Kultur.* Muenchen : Fink, 1999. S. 145–160.

Поступила в редакцию: 19.09.2025

Принята к публикации: 18.02.2026

Кафкианский пласт в произведениях Лукаса Линдера

Бекин Илья Андреевич

аспирант кафедры романо-германских языков, перевода, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. Россия, г. Нижний Новгород. E-mail: bekinia@lunn.ru

Аннотация. Данное исследование посвящено изучению рецепции творчества Ф. Кафки современным швейцарским драматургом и прозаиком Лукасом Линдером. Актуальность исследования определяется тем, что оно вводит в научный оборот малоизученное творчество современного швейцарского писателя Лукаса Линдера и способствует осмыслению устойчивости «кафкианской» традиции в литературе XXI века и ее роли в формировании художественного отклика на вызовы современной культуры. Цель работы – выявление характерных идейно-тематических, мотивных и стилистических сходжений в произведениях обоих авторов. Делается вывод о том, что в случае с Линдером можно говорить о «кафкианском пласте» его текстов. На примере анализа рассказов и романов Кафки и драматургии Линдера выявлено, что герои молодого швейцарского писателя и пражского классика сформированы по одной модели: это внешне слабые персонажи, не способные выносить давление доминирующего общества и его представителей, сознательно отказывающиеся от материального благополучия, но одновременно и убежденные «идеологи», видящие в подобном выражении неукротимой силы огромную опасность для будущего человечества. Общим для обоих авторов является также понимание комического: через парадоксы, абсурдизацию и трагедию герои Кафки и Линдера борются с опасностью тотальной дегуманизации культуры. Однако при внимательном анализе можно прийти к выводу, что ироническая антиутопия швейцарского драматурга оставляет большую надежду на возможность предотвращения гуманитарного апокалипсиса. Теоретическую основу работы составили труды по компаративистике. В исследовании используется также метод пристального чтения.

Ключевые слова: Лукас Линдер, кафкианская традиция, кафкианский, гротеск, абсурд, ирония.

1. Введение. Сложно назвать немецкоязычного автора, значение которого для становления европейской культуры XX–XXI столетий было бы столь же велико, как значение Ф. Кафки (F. Kafka, 1883–1924). Его влияние выходит за рамки литературной рецепции; эпитет «кафкианский» (kafkaesk) активно используется как в повседневной жизни, так и в журналистике, кинематографе, рекламе, даже индустрии развлечений [35]. Многие видные отечественные и зарубежные исследователи, мыслители и переводчики связывают универсальность произведений Кафки с глубинным притчевым сознанием писателя, предсказавшего процесс дегуманизации культуры и показавшего, как рождается страх и как важно научиться с ним бороться [2; 3; 5–11; 13; 15; 18; 19].

Автор «Процесса» предупреждал о неизбежности экзистенциального кризиса, начавшегося задолго до Первой мировой войны и только набирающего оборот в середине XX столетия. Для современных авторов, в том числе швейцарского драматурга и прозаика Лукаса Линдера (р. 1986), он стал проводником в мир непознанного, бессознательного, скрытые механизмы которого необходимо исследовать, чтобы смотреть на действительность предельно реалистично и критично.

Тексты Кафки отличаются отстраненностью, мнимой непричастностью к его личному опыту, однако они могут быть прочитаны в предельно биографическом ключе, о чем написано очень много [24]. Расщепленность, неустойчивость и неуверенность характера самого Кафки сформировались на почве фиаско, пережитого при попытке ощутить свое истинное положение как еврея, выросшего в смешанной австро-чешской среде. Конфликт с Отцом описан в кафкавении как моделирующий, определяющий вечное состояние борьбы между творческим и прагматическим началами, между жизненной силой и болезненной неуверенностью, между властью и ее неприятием как главенствующего принципа бытия [4; 24; 27, S. 3–9].

Мотив ускользания «самоопределенности» (Selbstbestimmung) также пронизывает все тексты Линдера – культурного космополита в маске скромного швейцарского писателя, сформировавшегося в рамках бернского литературного движения. Кафкианский пласт в текстах писателя строится вокруг вполне осязаемых и очерченных образов героев-(не)героев, но вме-

сте с тем и на уровне проблематики. В текстах Линдера есть прямые аллюзии на такие произведения Кафки, как «Приговор», «Превращение», «Нора», «Гигантский крот», особенно «Голодарь», «Процесс», «Замок». Однако и в других текстах заметны схождения на уровне типологии моделирования сюжета, выражения концепции творчества, мироощущения.

По теме исследования в коллективной монографии «Литература в глобальном мире: поэтика, компаративистика, имагология» опубликована статья С. Н. Аверкиной и И. А. Бекина «Смешной-несмешной Кафка в творчестве Лукаса Линдера» (2023) [1]. Рецепции флюберовской традиции в творчестве швейцарского автора посвящена статья С. Н. Аверкиной и И. А. Бекина «Рецепция творчества Гюстава Флюбера в романах и драмах Лукаса Линдера» (2023). Тот же коллектив авторов в «Вестнике Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова» представил исследование на тему «Рецепция эстетики европейского театра в творчестве Лукаса Линдера». Пьеса Л. Линдера «Человек в ванне, или Как стать героем», переведенная автором данной статьи И. А. Бекиным, была поставлена в Н. Новгороде (проект «Drama Talk», реж. Л. Харламов, 2019) и в Центре им. Вс. Мейерхольда (2019), а также опубликована в журнале «Иностранная литература» (2020. № 11). В этом же номере представлена статья Л. Харламова об эстетическом своеобразии и образном языке современной швейцарской драмы. Благодаря этому имя Линдера стало известно в театральных кругах России.

В западном литературоведении также есть ряд работ, посвященных наследию писателя в контексте становления современной швейцарской литературы [35], и большое число комплиментарных рецензий в ведущих немецкоязычных журналах и альманахах, посвященных театру (см. рецензии Д. Маркус, Т. Прювера, Ф. Фельбек) [36]. Пьесы Линдера входят в репертуар ведущих театров Базеля, Женевы, Лейпцига, Мюнхена, Варшавы. Однако до настоящего момента не было предпринято попыток комплексного изучения его творчества.

2. Исследовательская часть. 2.1. «Кафкианский герой» Л. Линдера. Творчество Лукаса Линдера демонстрирует устойчивую связь с кафкианской традицией, которая проявляется не столько в прямом заимствовании мотивов и образов, сколько в своеобразном переосмыслении экзистенциального и эстетического кода Кафки. Для Линдера, как и для его учителя, характерно внимание к пограничным состояниям человеческого сознания, к фигурам, «застывшим» между жизнью и смертью, нормой и безумием, реальностью и иллюзией. Его герои живут в мире, где любая попытка логического действия оборачивается абсурдом, а трагедия неизбежно принимает гротескную форму. Такой тип героя встречается фактически во всех драматических произведениях Линдера.

Например, в пьесе «Человек из Оклахомы» Линдер переосмысляет архетип телемаховского поиска: сын отправляется на поиски Отца, однако это путешествие превращается в мучительное самопознание. Герой Линдера не только ищет потерянную родительскую фигуру, но и испытывает метафизическую тоску по смыслу, по «отцу» как символу утраченного основания мира [22, S. 420]. Мотив поиска трансформируется в гротескный и абсурдный квест, где реальность теряет устойчивость, а язык – ясность. Так создается особая форма отчуждения, «выброшенности» персонажа из обыденного времени и пространства, что сближает Линдера с Кафкой не на уровне подражания, а в общей экзистенциальной интонации.

В пьесе «Грустная судьба Карла Клотца» эта кафкианская логика доведена до предельной формы бытового абсурда. Подросток, страдающий ожирением, становится фигурой, одновременно комичной и вызывающей жалость [30]. Его страдания оборачиваются пародией на героизм: он ищет не смысл, а способ похудеть, но именно в этом незначительном, почти физиологическом поиске скрыта глубина трагедии современного человека. Линдера интересуется не индивидуальная психология героя, а структура мира, где коммуникация разрушена, а язык теряет функцию взаимопонимания. Взрослые персонажи «говорят мимо друг друга», создавая эффект разобщенного хора, – фон, на котором одиночество Карла становится символом общего человеческого неблагополучия.

В пьесе «Таксидермист» продолжается тема конфликта Отца и Сына. Таксидермист, унаследовавший после утраты отца семейное предприятие, оказывается неспособным соединить чувство боли и практическую необходимость продолжить дело. Его деятельность превращается в механическое исполнение чужой воли, а жизнь – в серию неосмысленных действий и череду обрывочных фраз. Герой парализован – физически (паралич рук), эмоционально (неспособность взглянуть людям в глаза), экзистенциально (ощущение приближающейся смерти). Опосредованно обыгрывается биография Кафки. Фигура главного героя внутренне близка таким персонажам писателя, как Йозеф К. и землемер К., чьи поступки детерми-

нированы невидимыми, непостижимыми силами, превращающими субъекта в заложника обстоятельств. Лейтмотив смерти, пронизывающий пьесу, не символизирует конец, но становится процессом саморастворения личности, метафорой медленного распада бытия. Финальная сцена, где герой ложится на кушетку и, словно в летаргическом сне, рассказывает свою жизнь, превращает трагедию в гротескную пародию на психоаналитический сеанс – момент, в котором кафкианское ощущение безысходности преломляется через фарс.

Критики едины во мнении, что определяющая черта гротескных театральных персонажей Линдера – их убийственная, самоуничтожающая инертность. Они почти всегда движимы не внутренним стремлением, а совершают поступки под влиянием окружения или внешних факторов.

У Линдера, как и у Кафки, движение героя к смыслу совпадает с его постепенным умиранием. В одной из самых ярких пьес Линдера «Инерция» речь идет о судьбе служащего с говорящей фамилией Кляйнманн (маленький человек) – усталого, грустного чиновника, который каждый день осознает лишь неизбежность фатума [31]. Его начальник Вальтер называет это «законом инерции». В середине пьесы читатель узнает, что Вальтер вынужден сократить обоих своих сотрудников, собственно Кляйнманна и секретаршу Ирму.

Понимая, что должен уйти с поста, герой уходит и из жизни, как Георг в рассказе Кафки «Приговор». Он не знает, в чем виноват, но знает, что должен прыгнуть вниз и разбиться. Эта принципиальная немотивированность делает сцену трагически кафкианской. Особенно запоминаются последние слова Кляйнманна, умоляющего шефа позаботиться об Инге; слова, обращенные в никуда, ведь начальнику не важна ее судьба. Слова благодарности, выраженные Кляйнманном своему начальнику перед роковым прыжком, звучат трагически и одновременно нелепо. Так же Грегор из «Приговора» перед самоубийством благодарит своих родителей за уроки гимнастики, которые ему давали в детстве; и это происходит перед решающим прыжком с моста.

В пьесе «Две с половиной жизни Генриха Вальтера Ничто» кафкианская модель проявляется в еще более отчетливом виде. Герой, лишенный материнской заботы и попавший под власть абсурдных социальных институтов, проходит путь деградации, теряя имя, личность и волю. Пространство исправительной колонии воспроизводит кафкианскую метафорику бюрократического ада, где человек перестает быть субъектом и превращается в функцию системы [28].

Аллюзии на биографию Кафки: имя Доры Диамант, мотивы наказания и вины, ощущение тотального наблюдения – вводят драму в поле прямой рецепции. Однако Линдер не просто цитирует Кафку, а адаптирует его философскую модель к современной культуре спектакля. Исправительная колония в пьесе становится ареной зрелища, в котором страдание утрачивает сакральный смысл и превращается в акт перформанса. Гротеск и пародия не разрушают трагическое, а, напротив, расширяют его границы, выводя человеческое страдание в космическую перспективу – туда, где абсурд становится формой всеобщего закона.

Самым сложным можно назвать героя романа Линдера «Последний в своем роде» Альфреда фон Эрмеля [32]. Он хорошо воспитанный отпрыск бернского аристократического рода. Главной целью героя становится обретение героического статуса в истории их древней семьи. Невозможность стать Героем, его тотальная негероичность доставляет Альфреду ужасные физические и моральные страдания, подобные страданиям Грегора Замзы, не способного больше отвечать за свое тело.

Роман «Неоконченный» продолжает линию кафкианской проблематики, переводя ее в метафизический план [33]. Герой Анатолий Ферн, «человек, который всегда на все соглашается», оказывается символом крайней формы отчуждения. Линдер сознательно демонстрирует распад границ между создателем и созданием: персонажи выходят из-под контроля писателя, вступают с ним в диалог, оборачивают повествование против автора. Эта метатекстуальная стратегия воспроизводит кафкианский опыт «беспомощного творца», оказавшегося пленником собственного текста. Если у Кафки вселенная замкнута и неподвластна человеку, то у Линдера она становится самовоспроизводящимся текстом, где автор и герой равноправно утрачивают контроль над бытием.

Однако наиболее очевидно сходство героев Кафки и Линдера в самой известной пьесе драматурга «Человек в ванной, или Как стать героем» (2012), отсылающей к рассказу «Голодарь».

2.2. Способы передачи комического в произведениях Ф. Кафки и Л. Линдера («Человек в ванне» и «Голодарь»). «Голодарь» – текст, который Линдер перечитывал, работая

над пьесой «Человек в ванной, или Как стать героем», о чем он сообщает в одном из немногочисленных интервью [34]. В истории Голодаря поражает один важный момент: люди, которые приходят смотреть на героя, заключенного в клетку и демонстрирующего искусство выносливости, не испытывают к нему ни малейшей жалости. Кажется, заточенные животные способны больше тронуть сердце зрителей, протягивающих им что-то съедобное. В случае с Голодарем публика, напротив, ждет его конца, слабости, разоблачения. Он ничем не отличается от других людей. И нет никакого искусства, есть попытка вырваться из обыденности, которая заканчивается даже не трагически, а скорее банально.

Сюжет пьесы «Человек в ванной...» также строится вокруг банальной, как представляется в начале повествования, проблемы: главного героя, застенчивого человека, ничем не выдающегося, кроме беспрецедентной вежливости (фирменный знак подлинного швейцарца) и готовности выполнять все поручения и пожелания начальства, родственников, возлюбленной, сокращают на работе. Не умея оказать сопротивления, он начинает голодовку, забравшись в ванну, напоминая керамический гроб. Его решение оценивается близкими и представителями общественности как красивый и героический жест. Имя Вегелина пестрит в новостях; парадоксальным образом он становится героем. Желание прервать глупый детский протест воспринимается окружающими как предательство. Вегелина насильно оставляют в его случайно выбранном «склепе». Доведенный до отчаянья, он восстает, буквально звереет, превращаясь в хищное животное, и погибает от истощения на радость рукоплещущей публике.

Линдер имитирует особую ироническую модальность, что, по замечанию Э. Канетти, является основополагающим свойством кафкианской прозы, а также его авторского понимания комического и абсурдного [13]. Однако есть и такие аспекты в их выражении, которые свойственны только Линдеру и связаны с его опытом кабареиста.

Особое понимание Кафкой и Линдером категорий «ирония» и «комическое» заслуживает подробного анализа, так как они являются ведущими элементами поэтики обоих писателей. Х. Биндер, исследователь творчества Ф. Кафки, один из создателей "Kafka-Handbuch", замечает: комическое <у него> строится на «драматическом несовпадении человека и мира в нем» [24]. С иронией показана кропотливая работа контор и чиновников [19, с. 6]. Бюрократы изображены правителями гигантской непобедимой бумажной империи [9].

А. Шопенгауэр заметил как-то: «Если шутка прячется за серьезное – это юмор, если серьезное за шутку – это ирония» [21; 22]. Этот афоризм применим к поэтике кафкианских текстов, построенных на горьком юморе. Смеяться нужно везде, даже если это трудно делать. Брод вспоминает, как Франц впервые прочел друзьям фрагменты из «Превращения» и очень удивился, почему никто не улыбается, ведь он задумывал рассказ как сатиру на жизнь типичного пражского служащего средней руки [4]. Вероятно, ирония тотально пронизывает творческое воображение Кафки.

Очень точным представляется и замечание В. Пигулевского, размышляющего о природе иронии в искусстве: «Восторженное ощущение свободы, творческой энергии духа сочетается со скептическим неприятием буржуазного практицизма, перспективы внешних преобразований, рациональной и моральной ограниченности. Внутренне активное мирозерцание остается пассивным во внешней жизни. Позиция скептического энтузиазма позволяет сохранить самоценную личность в условиях социальных коллизий» [17, с. 69]. Исследователь считает, что интеллектуальное отношение к миру дает возможность осмыслить и частично принять иррационализм жизни. Это положение может быть проиллюстрировано на примере уже упомянутых выше текстов – «Голодарь» и «Человек в ванной».

Уже с первых строк «Голодаря» читатель понимает абсурдность происходящего: «В последние годы интерес к искусству голодания резко понизился» [19, с. 498] ("In den letzten Jahrzehnten ist das Interesse an Hungerkünstlern sehr zurückgegangen" [27, S. 190]) (здесь и далее перевод авт. – И. Б.). Удивляет рассуждение об искусстве голодания как искусстве, странно звучит утверждение, что «в последние годы» ситуация в этой сфере изменилась. Однако автор предельно серьезен. Он предлагает отчет, сухо констатирует факты, не требующие эмоциональной реакции.

Линдер также помещает своего героя в неопределенное время, некое недалекое прошлое, когда использовались печатные машинки; журналист Шпиц появляется с пленочным фотоаппаратом [29]. Читателя словно намеренно отстраняют от происходящего. По мере нарастания отчуждения усиливается и понимание бессмысленности происходящего, вызывающее уже не смех, а ужас.

Несмотря на предчувствие гибели, о чем говорится с легкой иронией, герои Кафки и Линдера стремятся к счастью. О своем персонаже Кафка пишет: «Но по-настоящему счастлив он бывал, когда наступало утро, и караульщикам приносили, за его счет, обильный, сытный завтрак» [19, S. 502] („Am glücklichsten aber war er, wenn dann der Morgen kam, und ihnen auf seine Rechnung, ein überreiches Frühstück gebracht werde“ [27, S. 192]). Так и Вегелин с покорной радостью наблюдает поедающих сэндвичи родителей:

– Разве ему <человеку> не нужно помочь? Ему нужно помочь. Всем нужно помочь; «Теперь голодай дальше... <...> Садятся на землю. Вынимают бутерброды (здесь и далее курсив авт. – И. Б.).

– Не обращай на нас внимания, дорогой, мы только слегка перекусим» [16, с. 41].

Герои не хотят сопротивляться. Они наблюдают за своим угасанием словно со стороны. Обсуждая несчастный вид Голодаря, зеваки замечают: «...скорее, он исхудал от недовольства собой» [19, с. 500] („Er war nur so abgemagert aus Unzufriedenheit mit sich selbst“ [27, S. 192]). Персонаж пьесы Линдера говорит о Вегелине: «Он хочет голодать. Он больше не хочет жить. Он хочет больше не жить. Вегелин прекрасно знает, чего хочет» [16, S. 83].

Как замечают авторы статьи «Смешной-несмешной Кафка в творчестве Линдера», Голодарь и герой драмы Линдера стремятся к саморедукции, видя в этом избавление от экзистенциального гнета, от давления окружающих: «Он служит лишь препятствием на пути к зверинцу. Впрочем, это было очень уж небольшое препятствие, и с каждым днем оно становилось все меньше» [19, с. 505] (<er war> „nur ein kleines Hindernis allerdings, ein immer kleiner werdendes Hindernis“ [27, S. 197]). Также «лучшая, свободная, счастливая жизнь Вегелина», принесенного в жертву семьей и обществом, начинается с решения о самоистреблении [1, с. 62].

В обоих рассказах большую роль играет образ толпы. В рассказе «Голодарь» она сравнивается со стадом животных: «...радость бытия обдавала зрителей таким жаром из его отверстой пасти, что они с трудом выдерживали» [19, с. 508] (“die Freude am Leben kam mit dertart starker Glut aus seinem Rachen, dass es für die Zuschauer nicht leicht war, ihr standzuhalten” [27, S. 199]). А герой Линдера, подбадриваемый толпой, сам превращается в дикого зверя. Примечательно, что эта метаморфоза помогает ему высвободить в себе художника. Однако толпа убивает его (Вегелина-освобожденного), в чем видна ирония, ставшая своей противоположностью. Ценой становится жизнь героя, не способного приспособиться к современной действительности:

– Не хочу. Я не хочу есть. Замахивается на Шиндера лапой. Толпа в ужасе отпрыгнула.

– Животное. Дикое животное. Вяжите его! [16, S. 97].

Примечательно, что в обоих текстах есть второстепенные персонажи, наблюдающие за процессом голодания: в рассказе Линдера это журналист Шпиц, Мария и невеста Вегелина Дора, сопоставимые со шталмейстером и двумя смотрительницами в «Голодаре». Они констатируют факты, выносят вердикты, держат читателя в курсе происходящего и настаивают на драматизации действия. В тексте Кафки, например, есть герой-резонер, требующий символического продления процесса голодания до сорока дней: «В течение сорока дней можно разжигать любопытство горожан» [19, с. 500] („Vierzig Tage <...> konnte man das Interesse einer Stadt immer mehr auftacheln“ [27, S. 192]). Близкие Вегелина также склонны видеть в поступке сына подвиг, который можно рассматривать в библейской перспективе [1, с. 62].

Голод при этом необходимо понимать в широком метафорическом контексте, определяемом идиоматикой немецкого языка: *Hunger nach* может быть понят как недостаток (любви, признания, счастья). Мягкая ирония Кафки заставляет задуматься над главным экзистенциальным вопросом, мучающим его героев: есть ли надежда на спасение?

2.3. Категория надежда в произведениях Ф. Кафки и Л. Линдера. В одной из дневниковых записей, которую почитатель Кафки В. Беньямин посвятил самоощущению еврея в гитлеровской Германии, он точно замечает: «Надежда есть, но не для нас» (“Es gibt unendlich viel Hoffnung, nur nicht für uns” [23, S. 14]). И в этом знаменитый философ и теоретик культуры является безусловным последователем автора «Процесса», особенно если вспомнить трагический финал жизни мыслителя, предсказавшего свое самоубийство [26]. Это пример «юмора висельника», столь характерного для писателей-евреев.

Данная мысль развивается и в эссе Х. Арндт «Скрытая традиция», посвященном особенностям выражения комизма в романе Кафки «Замок». Философ утверждает, что землемер – «последнее воплощение парии» («маргинального» типа еврея, как бы вычеркнутого из социума из-за его нежелания следовать правилам буржуазного общества) [цит. по 1, с. 63].

Она подчеркивает настойчивость, даже агрессивность землемера, с которой он пытается объяснить окружающим, что у него есть определенные права [12; 25]. Но это не только не помогает ему, но и делает смешным для окружающих.

В рамках данного компаративистского исследования интересен тот факт, что, не будучи евреем, Линдер принимает саму идею изгнанности, маргинальности, обособленности, на которую обречен Поэт, что является развитием конфликта «художник – бюргер». Эта оппозиция стара как цивилизация, она типична не только для немецкой литературной традиции рубежа веков, но и для общеевропейской литературы (ср. цветаевское: «Гетто избранничеств – вал и ров, пощады не жди / В самом христианнейшем из миров поэты – жиды») [20, с. 68]. Такой же тип самоопределения характерен и для творчества других современных швейцарских писателей и драматургов (Ф. Ангста, А. Мушга, Г. Феттера и др.).

В этой плеяде персонажей находятся и герои Линдера. Еще раз стоит напомнить, что Арендт подвергает осмыслению образ героя Кафки как еврея-парии, человека «доброй воли», единственная позиция которого – «я никому не сделал ничего дурного, и никто мне не сделал ничего дурного», что вполне могло быть одной из реплик Альберта Вегелина. Достаточно осознания собственной отчужденности в социуме, при котором общество состоит из «Никто во фраке», «Никто», которого нужно заставить думать, что «он недействителен» [14, с. 8]. Протест персонажей Линдера оставляет, таким образом, хоть маленькую толику надежды на то, что смысл, даже если он сейчас утрачен, может когда-то вернуться в мир людей. Линдер создает антиутопию, из которой можно спастись.

3. Заключение. Творчество современного швейцарского писателя Л. Линдера, несомненно, пронизано кафкианским духом. Можно говорить о формировании в его произведениях своеобразного «кафкианского пласта», проявляющегося в активном использовании абсурда, гротеска, травестии и иронии. Эти художественные приемы создают одновременно комический и трагический эффект, что позволяет рассматривать их не только как эстетические средства, но и как формы философского осмысления человеческого существования.

Тип героя, формирующийся у Линдера под воздействием кафкианской традиции, представляет собой модель современного субъекта в состоянии метафизической дезориентации. Он отчужден от мира, от других и от самого себя, он не способен к действию и в то же время обречен на непрерывное движение в сторону гибели. Этот герой не бунтует, но и не смиряется; его пассивность парадоксально превращается в форму сопротивления – в «кроткий протест» против абсурдности существования. Именно такой тип внутреннего протеста рассматривал А. Камю, говоря о Йозефе К. в эссе «Бунтующий человек»: согласие с бессмыслицей становится последним проявлением человеческого достоинства.

Абсурд у Кафки и Линдера выражается в точном, реалистическом изображении нелепых, невероятных ситуаций, в которых нарушены причинно-следственные связи. Тем самым демонстрируется кризис рациональности, а социальные институты предстают как механизмы хаоса. Гротеск возникает на стыке повседневного и чудовищного, лишенного мистического ореола: оба автора подают события подчеркнуто буднично, благодаря чему художественный эффект приобретает сатирико-трагический характер. Травестия связана с переосмыслением и обесцениванием традиционно «высоких» символов культуры, которые в текстах оказываются лишены возвышенности и величия.

Особенно ярко типологическая близость Кафки и Линдера проявляется при сопоставлении рассказа Кафки «Голодарь» и драмы Линдера «Человек в ванне». В обоих произведениях ключевым мотивом становится саморедукция героя как попытка преодолеть экзистенциальное давление общества. Толпа здесь выступает не только свидетелем, но и активным участником происходящего, способным возвысить или уничтожить индивида. Двуплановость художественного изображения усиливает трагикомический эффект: ирония трансформируется в трагедию, трагическое оборачивается комическим, а самоистребление героя интерпретируется одновременно как акт освобождения и как свидетельство неспособности к реальности жизни.

Значимым становится также мотив голода, выходящий за пределы физиологического измерения и приобретающий универсальное экзистенциальное звучание, связанное с жадой любви, признания и счастья. Тем самым выявляется глубинная общность художественного мышления Кафки и Линдера: оба автора ставят вопрос о возможности духовного спасения в мире, где индивидуальность оказывается раздавленной давлением масс.

Таким образом, влияние Кафки на Лукаса Линдера выходит далеко за рамки литературной рецепции. Оно затрагивает фундаментальные принципы его поэтики, формируя осо-

бую художественную систему, в которой гротеск и абсурд превращаются в способы постижения трагического. В отличие от Кафки, Линдер не стремится разрушить мир; он показывает, что этот мир уже разрушен, и единственное, что остается герою, – прожить свое поражение как акт метафизического познания. В этом слиянии трагического и комического, интимного и космического, смертного и бессмертного и заключается глубинная связь Линдера с кафкианским наследием, ставшим для него не столько источником образов, сколько универсальной моделью постижения человеческого в эпоху постабсурда.

Список литературы

1. Аверкина С. Н., Бекин И. А. «Смешной-несмешной» Кафка в Творчестве Лукаса Линдера // Литература в глобальном мире: поэтика, компаративистика, имагология : коллективная монография. Н. Новгород : Изд-во НГЛУ, 2023. С. 56–65.
2. Бент М. «Я весь – литература»: статьи по истории и теории литературы. СПб. : Издательство Сергея Ходова : Книга, 2013. 720 с.
3. Брод М. О личности Кафки // Кафка Ф. Созерцание. Письма к Макс Броду. СПб. : Азбука, 2009. С. 301–316.
4. Брод М. Франц Кафка. Узник абсолюта / пер. Л. А. Игоревский. М. : Центрполиграф, 2022. 286 с.
5. Бенъямин В. Франц Кафка / пер. с нем. М. Рудницкого ; вступ. ст. М. Рыклина. М. : Ad marginem, 2000. 317 с.
6. Бланио М. От Кафки к Кафке / пер. и послесл. Д. Кротовой. М. : Логос, 1998. 240 с.
7. Борхес Х. Кафка и его предшественники. СПб. : Северо-запад, 1992. 639 с.
8. Давид К. Франц Кафка. М. : Молодая гвардия, 2008. 278 с.
9. Затонский Д. В. Франц Кафка и проблемы модернизма : учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М. : Высш. шк., 1972. 136 с.
10. Зусман В. Г. Художественный мир Франца Кафки: малая проза. Н. Новгород : Изд-во НГЛУ, 1996. 212 с.
11. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр. М. : Изд-во полит. лит., 1990. 418 с.
12. Камю А. Надежда и абсурд в творчестве Франца Кафки / пер. И. Кузнецова // Собрание сочинений : в 5 т. Т. 5. Харьков : Фолио, 1997. С. 102–112.
13. Канетти Э. Другой процесс: Франц Кафка в письмах к Фелиции / пер. с нем. М. Рудницкого. М. : Текст, 2014. 176 с.
14. Кафка Ф. Замок. Превращение. Процесс // Полное собрание сочинений / пер. С. Апт, Е. Кацева, Р. Я. Райт-Ковалева. М. : Иностранка, 2023. 1088 с.
15. Кацева Е. Описание одной борьбы. Франц Кафа по-русски // Знамя. 1993. № 12. С. 194–201.
16. Линдер Л. Человек в ванной, или Как стать героем / пер. И. Бекина // Иностранная литература. 2020. № 11 (Швейцария: вчера и сегодня). С. 46–91.
17. Пигулевский В. О. Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму. Ростов н/Д : Фолиант, 2002. 418 с.
18. Саррот Н. Тропизмы. Эра подозрения. М. : Полиформ-Талбурн, 2000. 448 с.
19. Сучков Б. Л. Франц Кафка. Роман. Новеллы. Притчи / пер. с нем., сост. и авт. предисловия Б. Сучков. М. : Прогресс, 1965. 614 с.
20. Цветаева М. И. Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. М. : Худож. лит., 1990. 398 с.
21. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости / пер. Ю. И. Айхенвальд. М. : АСТ, 2017. 290 с.
22. Benjamin W. Franz Kafka. Zur zehnten Wiederkehr seines Todestages / Hermann Scheppenhäuser (Hrsg.) // Benjamin über Kafka. Fr./M., 1977. S. 409–438.
23. Bertra E., Buchner H. Nachwort // Nietzsche. Versuch einer Mythologie. Bonn : H. Bouvier Verlag, 1965. 418 S.
24. Binder H. Kafkas Welt. Hamburg : Rowohlt Verlag, 2008. 687 S.
25. Brod M. Über Franz Kafka. Fr./M. : Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1974. 407 S.
26. Canetti E. Der andere Prozess. Kafkas Briefe an Felice. München : Hanser-Verlag, 1977. 127 S.
27. Kafka K. Erzählungen. M. : CIDEP, 2012. 457 S.
28. Linder L. Drei Stücke. Köln : Theaterverlag Hartmann & Stauffacher (H&S), 2009. 230 S.
29. Linder L. Der Mann in der Badewanne oder Wie man ein Held wird (Uraufführung am 10. Mai 2012, Theater Biel-Solothurn, Regie: Katharina Rupp). Köln : H&S Verlag, 2012. 75 S.
30. Linder L. Das traurige Schicksal des Karl Klotz (Uraufführung am 24. September 2010, Staatstheater Darmstadt, Regie: Martin Ratzinger). Köln : H&S Verlag, 2019. 89 S.
31. Linder L. Die Trägheit (Uraufführung am Düsseldorfer Schauspielhaus 13. Juni 2010, Regie: Tina Lanik). Köln : Theaterverlag Hartmann & Stauffacher (H&S), 2010. 124 S.
32. Linder L. Der letzte meiner Art. Zürich : Kein & Aber, 2019. 272 S.
33. Linder L. Der Unvollendete. Zürich : Kein & Aber, 2020. 288 S.

34. Linder L. Interview. Erst kam der Bestseller, dann die Intimkorrektur Watson. URL: www.watson.ch
35. Michalzik P. Hundert Theaterwunder Schweiz (Außer den Reihen). Berlin : Theater der Zeit Verlag, 2018. S. 2812–89.
36. Prüwer T. Lukas Linder philosophische Märchenparabel von Alexandra Wilke in Leipzig uraufgeführt. Nachtkritik, 2014. URL: https://www.nachtkritik.de/index.php?option=com_content&view=article&id=10279:die-zweieinhalb-leben-des-heinrich-walter-nichts-lukas-linders-philosophische-maerchenparabel-von-alexandra-wilke-in-leipzig-uraufgefuehrt&catid=46:schauspiel-leipzig&Itemid=40 (дата обращения 21.03.2025).
37. Wallace D. F. Some Remarks on Kafka's Funniness from Which Probably Not Enough Has Been Removed // Consider the Lobster and Other Essays. N. Y. : Little, Brown and Company, 2005. S. 64–65.

The Kafkaesque Layer in the Works of Lucas Linder

Bekin Ilya Andreevich

postgraduate student of the Department of Romance and Germanic Languages, Translation, Foreign Literature and Intercultural Communication, Nizhny Novgorod State Linguistic University n. a. N. A. Dobrolyubov. Russia, Nizhny Novgorod. E-mail: bekinia@lunn.ru

Abstract. The paper explores the reception of F. Kafka's work by the modern Swiss playwright and novelist Lukas Linder. The relevance of this study lies in its introduction to scholarly discourse of the little-studied work of contemporary Swiss writer Lukas Linder and its contribution to understanding the persistence of the "Kafkaesque" tradition in 21st-century literature and its role in shaping artistic responses to the challenges of contemporary culture. The aim of the study is to identify characteristic ideological, thematic, motivic, and stylistic similarities in the works of both authors. It is concluded that, in Linder's case, one can speak of a "Kafkaesque layer" in his texts. An analysis of Kafka's short stories and novels and Linder's plays reveals that the characters of the young Swiss writer and the Prague classic follow a similar pattern: they are outwardly weak characters, unable to withstand the pressure of dominant society and its representatives, consciously rejecting material well-being. At the same time, they are also convinced "ideologists" who see such expressions of indomitable strength as a grave danger to the future of humanity. Both authors also share a common understanding of the comic: through paradoxes, absurdism, and travesty, the characters of Kafka and Linder combat the danger of the total dehumanization of culture. However, a closer analysis suggests that the Swiss playwright's ironic dystopia offers great hope for the possibility of averting a humanitarian apocalypse. The theoretical basis of this work is provided by works in comparative literature. The study also employs close reading.

Keywords: Lukas Linder, Kafkaesque tradition, kafkaesk, grotesque, absurdity, irony.

References

1. Averkina S. N., Bekin I. A. "Smeshnoj-nemeshnoj" Kafka v Tvorchestve Lukasa Lindera ["Funny-not funny" Kafka in the Works of Lukas Linder] // *Literatura v global'nom mire: poe'tika, komparativistika, imagologiya. Kollektivnaya monografiya* – Literature in the Global World: Poetics, Comparative Studies, and Imagology. A Collective Monograph. N. Novgorod, LUNN Publishing House, 2023. Pp. 56–65.
2. Bent M. "Ya ves' – literatura": stat'i po istorii i teorii literatury ["I'm all literature': articles on the history and theory of literature]. SPb., Edition of Sergey Khodov : The Book, 2013. 720 p.
3. Brod M. O lichnosti Kafki [About Kafka's personality] // *Kafka F. Sozertsanie. Pis'ma k Maksu Brodu* – Kafka F. Contemplation. Letters to Max Brod. SPb., Azbuka, 2009. Pp 301–316.
4. Brod M. Frants Kafka. Uznik absolyuta [Franz Kafka. A prisoner of the absolute] / transl. by L. A. Igo-revskii. M., Tsentrpoligraf, 2022. 286 p.
5. Ben'yamin V. Frants Kafka [Franz Kafka] / transl. from German by M. Rudnitskiy. M., Ad marginem. 2000. 317 p.
6. Blansho M. Ot Kafki k Kafke [From Kafka to Kafka]. Logos. 240 p.
7. Borhes H. Kafka i ego predshestvenniki [Kafka and his predecessors]. SPb., Severo-zapad (Nord-West), 1992. 639 p.
8. David K. Frants Kafka [Franz Kafka]. M., Molodaya gvardiya (The Young Guard), 2008. 278 p.
9. Zatonskii D. V. Frants Kafka i problemy modernizma [Franz Kafka and the problems of modernism]. M., Vysshaya shkola (Higher school), 1972. 136 p.
10. Zusman V. G. Khudozhestvennyi mir Frantsa Kafki: malaya proza [The artistic world of Franz Kafka: small prose]. N. Novgorod, LUNN Publishing House, 1996. 212 p.
11. Kamyu A. Buntuyushchii chelovek. Filosofiya. Politika. Iskustvo [The rebellious man. Philosophy. Politics. Art]. M., Publishing house of political literature, 1990. 418 p.
12. Kamyu A. Nadezhda i absurd v t orchestve Frantsa Kafki [Hope and the absurd in the works of Franz Kafka] // *Sobranie sochinenii : v 5 t.* – Collected works : in 5 vols. Vol. 5. Khar'kov, Folio. 1997. Pp. 102–112.

13. *Canetti E. Drugoi protsess: Frants Kafka v pis'makh k Felitsii* [Another process: Franz Kafka in letters to Felicia]. M., Text, 2014. 176 p.
14. *Kafka F. Zamok. Prevrashchenie. Process. Polnoe sobranie sochinenij.* [The Castle. The Metamorphosis. The Trial. Complete Works] / transl. C. Apt, E. Kaceva, R. Ya. Rajt-Kovaleva. M., Inostranka (Foreigner), 2023. 1088 p.
15. *Katseva E. Opisanie odnoi bor'by. Frants Kafa po-russki* [Description of one struggle. Franz Kafka in Russian]] // *Znamya – The Banner*. No. 12, 1993. Pp. 194–201.
16. *Linder L. Chelovek v vannoj, ili Kak stat' geroem* [The Man in the Bathroom, or How to Become a Hero] / transl. by I. Bekin // *Inostrannaya literatura – Foreign literature*. 2020. Vol. 11 (Switzerland yesterday and today). Pp. 46–91.
17. *Pigulevskii V. O. Ironiya i vymysel: ot romantizma k postmodernizmu: Nauchnoe izdanie* [Irony and Fiction: from Romanticism to Postmodernism: A scientific publication]]. Rostov-na-Donu, Foliant, 2002. 41 p.
18. *Sarrot N. Tropizmy. Ehra podozreniya* [Tropisms. The era of suspicion]. M., Poliform-Talburn, 2000. 448 p.
19. *Suchkov B. L. Frants Kafka. Roman. Novelly. Pritchi* [Franz Kafka. Novel. Short stories. Parables]. M., Progress, 1965. 614 p.
20. *Cvetaeva M. I. Stihotvoreniya. Poemy. Dramaticheskie proizvedeniya* [Poems. Poems. Dramatic works]. M., Hudozhestvennaya literatura (Artistic literature), 1990. 398 p.
21. *Shopengauer A. Aforizmy zhitejskoj mudrosti* [Aphorisms of worldly wisdom] / transl. by Yu. I. Ajhenval'd. M., AST, 2017. 290 p.
22. *Benjamin W. Franz Kafka. Zur zehnten Wiederkehr seines Todestages / Hermann Scheppenhäuser (Hrsg.)* // Benjamin über Kafka. Fr./M., 1977. S. 409–438.
23. *Bertra E., Buchner H. Nachwort* // Nietzsche. Versuch einer Mythologie. Bonn : H. Bouvier Verlag, 1965. 418 S.
24. *Binder H. Kafkas Welt.* Hamburg : Rowohlt Verlag, 2008. 687 S.
25. *Brod M. Über Franz Kafka.* Fr./M. : Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1974. 407 S.
26. *Canetti E. Der andere Prozess. Kafkas Briefe an Felice.* München : Hanser-Verlag, 1977. 127 S.
27. *Kafka K. Erzählungen.* M. : CIDEP, 2012. 457 S.
28. *Linder L. Drei Stücke.* Köln : Theaterverlag Hartmann & Stauffacher (H&S), 2009. 230 S.
29. *Linder L. Der Mann in der Badewanne oder Wie man ein Held wird* (Uraufführung am 10. Mai 2012, Theater Biel-Solothurn, Regie: Katharina Rupp). Köln : H&S Verlag, 2012. 75 S.
30. *Linder L. Das traurige Schicksal des Karl Klotz* (Uraufführung am 24. September 2010, Staatstheater Darmstadt, Regie: Martin Ratzinger). Köln : H&S Verlag, 2019. 89 S.
31. *Linder L. Die Trägheit* (Uraufführung am Düsseldorfer Schauspielhaus 13. Juni 2010, Regie: Tina Lanik). Köln : Theaterverlag Hartmann & Stauffacher (H&S), 2010. 124 S.
32. *Linder L. Der letzte meiner Art.* Zürich : Kein & Aber, 2019. 272 S.
33. *Linder L. Der Unvollendete.* Zürich : Kein & Aber, 2020. 288 S.
34. *Linder L. Interview. Erst kam der Bestseller, dann die Intimkorrektur Watson.* Available at: www.Watson.ch.
35. *Michalzik P. Hundert Theaterwunder Schweiz (Außer den Reihen).* Berlin : Theater der Zeit Verlag, 2018. S. 2812–89.
36. *Prüwer T. Lukas Linder philosophische Märchenparabel von Alexandra Wilke in Leipzig uraufgeführt.* Nachtkritik, 2014. Available at: https://www.nachtkritik.de/index.php?option=com_content&view=article&id=10279:die-zweieinhalb-leben-des-heinrich-walter-nichts-lukas-linders-philosophische-maerchenparabel-von-alexandra-wilke-in-leipzig-uraufgefuehrt&catid=46:schauspiel-leipzig&Itemid=40 (date accessed: 21.03.2025).
37. *Wallace D. F. Some Remarks on Kafka's Funniness from Which Probably Not Enough Has Been Removed* // Consider the Lobster and Other Essays. N. Y. : Little, Brown and Company, 2005. S. 64–65.

Поступила в редакцию: 12.02.2025

Принята к публикации: 27.11.2025

EDN: ZBDIVH

УДК 821.161.1/29

Своеобразие дискурса поэтических сказок для детей дошкольного возраста С. Баруздина

Ян Гуйюнь

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. ResearcherID: JVZ-6817-2024.
ORCID: 0000-0001-5503-1769. E-mail: zhuyilongnyou@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования заключается в том, что сказочный дискурс в литературе является важным культурным и образовательным феноменом, способствующим формированию мировоззрения и ценностных ориентиров у детей. Анализ сказочного дискурса в стихотворных сказках Сергея Баруздина для детей дошкольного возраста позволяет глубже понять, как автор использует литературные средства для создания волшебного мира, который привлекает и увлекает юных читателей.

Цель статьи – показать, что дискурсивная форма сказочной поэзии предполагает взаимодействие трех ключевых инстанций: субъекта, объекта и адресата дискурса. В сказках Сергея Баруздина рассказчик органично сопровождает читателя в сказочный мир, создавая атмосферу доверия и вовлеченности.

Результаты исследования показывают, что в сказочном дискурсе стихотворных сказок Сергея Баруздина адресатом выступает ребенок. Это означает, что сказки ориентированы на детскую аудиторию, которая является основным потребителем и интерпретатором сказочного повествования. Объект дискурса – знакомый ребенку мир, наполненный простыми и понятными образами и ситуациями. Это помогает детям легко идентифицировать себя с персонажами и событиями, что делает сказки Сергея Баруздина особенно близкими и понятными.

Субъектом дискурса является статичный образ героя-ребенка. Этот образ часто выступает в роли наблюдателя или участника событий, что позволяет ребенку почувствовать себя частью сказочного мира и активно участвовать в его создании. Герой-ребенок, как правило, не обладает ярко выраженными чертами характера или сильными эмоциями, что делает его более универсальным и близким для восприятия детей.

Ключевые слова: С. Баруздин, дискурс, литературная сказка, стихотворная сказка для дошкольников, поэтика.

К исследованию литературной сказки XX века обращались В. П. Аникин [2], Н. Г. Кабанова [4], Е. Ю. Леонова [5], С. М. Лойтер [6], И. П. Лупанова [7], И. Н. Райкова [8], М. П. Абашева, А. И. Зырянова [1]. В стихотворной и прозаической литературной сказке прослеживается связь с фольклором на разных уровнях. Как писал В. П. Аникин, «сказочная литература писателей обнаруживает бесконечное многообразие: сказки-поэмы, сказки-новеллы, сказки-рассказы, сказки-повести, сказки-легенды, сказки-предания, сказки-аллегии, малые формы, приближающиеся к притчам, басням и даже лирическим стихотворениям, целые повести-сказки – и все это либо в прозе, либо в стихах» [2, с. 21]. В основе литературной сказки, прозаической или стихотворной, лежат вымышленные события, которые не могли быть в действительности, но автор создает оригинальный сюжет, который опирается на фольклорный источник, происходит превращение или используются элементы сказочной поэтики. В литературной сказке, как и в народной, часто есть сказочный персонаж, противник или помощники. Автор создает что-то особенное, вымышленное, но очень близкое к реальности. В истории литературы авторские сказки всегда связывались с особенностями авторского творческого мировоззрения, с философским взглядом на мир. Этот мир находит выражение в интертекстуальных аллюзиях, в кардинальной трансформации традиционных сказочно-мифологических образов, в использовании формул, представленных в виде оригинальной авторской этико-эстетической концепции. И. З. Сурат, определяя особенности стихотворной сказки, отмечала, что «в стихотворной сказке наиболее отчетливо проявляются жанровые свойства литературной сказки в отличие от обработок фольклорного сказочного материала. Прозаическая форма литературной сказки, адекватная сказке фольклорной, допускает более или менее точную стилизацию, тогда как в стихотворной сказке уже сама форма становится проявлением активной творческой воли поэта, знаком установки на самостоятельное авторское произведе-

дение. Показательно, что прозаическая сказка, в отличие от сказки стихотворной, так и не дала в первой половине XIX века подчеркнута авторских произведений, отмеченных печатью творческой индивидуальности (о специфике сказок Даля будет сказано в соответствующем месте). Если прозаическая сказка тяготеет к стилизации фольклора, то стихотворной свойственен личностный лиризм, определяющий ее жанровое лицо» [13, с. 239].

С. А. Баруздин как писатель начинал со стихотворений для детей. В дальнейшем сам писатель пытался осмыслить проблемы, существующие в детской литературе, в книге «Заметки о детской литературе» [5].

В 1950 году вышла первая отдельно изданная книга стихов С. Баруздина для детей «Кто построил этот дом». Тема выбора будущих профессий для подрастающего поколения была актуальна, поэтому каждый поэт так или иначе касался ее, рассказывая об особенностях, о нужности каждой профессии. Так, в стихотворении «Кто построил этот дом» писатель раскрывает своеобразную «технологию» строительства дома. Начинается такой цикл с вопроса: «Кто построил этот дом / Дом, в котором мы живем?» [3, с. 45] Каждое стихотворение представляет отдельную специальность человека, который причастен к строительству: «Архитектор», «Каменщик», «Кровельщик», «Плотник». «Штукатур», «Маляр». Архитектор рисует, вычисляет, проверяет лестницы и двери. Каменщик кладет «кирпич за кирпичом», кровельщик «железом покрывает дом», плотник «делает подоконники», а штукатур «уверенно и бойко / Штукатурит потолок», маляр красит комнаты. Заканчивает писатель ответом на первый вопрос: «Кто строил дом?» Такие стихотворения имеют свою традицию: В. Маяковский «Кем быть?», Агния Барто «Маляр», «Штукатуры», «Плотник» и др. Г. Ладонщиков в 1951 году опубликовал книгу стихотворений для детей «Маленькие мастера». В 1952 году С. Маршак сделал перевод стихотворения Джанни Родари «Чем пахнут ремесла». С педагогической точки зрения это произведение представляет собой не просто перечисление профессий, а живой урок труда. Через поэтический ритм и повторяющуюся структуру оно наглядно демонстрирует детям дошкольного возраста картину социального взаимодействия: каждая профессия является незаменимой частью «строительства дома» (то есть общества), формируя в сознании детей уважение к труду и представителям разных профессий. Вопросно-ответная форма соответствует познавательным закономерностям детей, направлена на стимулирование мышления, а не навязывание знаний, что отражает принцип обучения через развлечение. Коммуникативно-дискурсивную сущность отмечал В. И. Карасик. По его мнению, «стратегический педагогический дискурс основан на коммуникативных намерениях, конкретизирующих основную цель социализации человека – превращенного человека в члена общества, разделяющего систему ценностей, знаний и мнений, норм и правила поведения этого общества. Можно выделить следующие коммуникативные стратегии: объясняющую, измеряющую, контролирующую, содействующую, организующую» [7, с. 213].

В 1950 году появился сборник стихов «Флажок» (в соавторстве с А. Г. Алексиным). Сборник издан в серии «Мои первые книжки» с иллюстрациями В. Горячева, эта самая массовая советская детская книжная серия, выходившая в течение нескольких десятилетий. В этих сборниках проявился талант писателя в том, что он сумел найти ту тональность, с которой может взрослый человек, умудренный опытом войны, разговаривать с маленькими детьми. В этом сборнике Баруздин поместил такие стихи: «Скворец», «Салют», «Кошка», «Про книгу», «Интересная машина», «Под землей», «Телефон», «Мой папа».

Для детей дошкольного возраста необходим особый подход, который учитывал бы их психоэмоциональное развитие, их интересы. С. Баруздин в сборнике стихов «Кто сегодня учится» (1955) главной темой, обозначенной уже в заглавии сборника, выбрал различные аспекты учебы не только маленькой девочки Гали, но и ее мамы, которая тоже учится.

Ей очень некогда сейчас:
Ведь мама ученица,
По вечерам в десятый класс
Идет она учиться.

Ей скоро будет тридцать лет,
Она в вечерней школе.
У них там физкультуры нет,
А пения тем более [3, с. 40].

В лирических стихах для детской С. Баруздина характерен «разговорный» стиль:

Школьники пришли в буфет
Во время перемены:
– Мне, пожалуйста, конфет!
– И мне, пожалуйста, конфет!

– А кому же винегрет
И молоко без пенки? [3, с. 39]

Как отмечалось в пособии «Теория литературы», «литературный жанр представляет собой исторически продуктивный тип высказывания, реализующий некоторую коммуникативную стратегию эстетического по своей “цели” дискурса. В литературной практике жанр выступает как традиция (историческая продуктивность) организации текстов той или иной, преимущественно воспроизводимой в культуре, “типической ситуации общения” (Бахтин)» [14, с. 83]. В детских сказках появляются сложные коммуникативные аспекты, в пределах которых формируются типы текстов, отражающие авторское сознание. Эти аспекты чаще всего проявляются через лингвистические маркеры. Так, диалог в поэзии С. Баруздина предполагает наличие вопроса, который, как отмечала С. М. Лойтер, «выводит очевидные и привычные предметы и явления из состояния данности, неподвижности, статики и подчиняет их детской вере в отсутствие законов причинности» [9, с. 28].

Галя в комнату вошла
В хорошем настроении.
– Ну-ка, внучка, как дела?
Как идет учение?

Галя бабушке в ответ
Заявляет бойко:
– Двоек нет и троек нет,
Есть четверка только.

Я четверку получила!
– А за что?
– А я забыла... [3, с. 41]

Значительная педагогическая ценность этого стихотворения заключается в том, что оно выходит за рамки чисто школьной темы, передавая юным читателям глубокую идею «непрерывного образования». Оно показывает, что учеба не привилегия детей, а неотъемлемая часть жизни каждого человека. Кроме того, теплый диалог между бабушкой и внучкой в стихотворении моделирует идеальную ситуацию семейного общения между родителями и детьми, тем самым подчеркивая важность семейного воспитания как органичного дополнения к общественному образованию.

С. Баруздин, помимо стихов, написал стихотворную «Сказку о трамвае» (1956). Московский трамвай впервые в апреле 1899 года поехал по улицам Москвы. Это был электрический трамвай, а не конка (транспорт на конной тяге). Сказку-книгу издали в 1956 году, в 60-х годах было несколько переизданий, которые разошлись миллионными тиражами. Книга проиллюстрирована замечательным художником Фёдором Викторовичем Лемкулем.

На окраине столичной
Во дворце из кирпичей
Жил да был трамвай обычный,
Друг надежный москвичей [3, с. 3].

Поэт повествует о трамвае как о живом существе, используя сказочный зачин. Такое начало для детей является уже знакомым и ассоциируется с миром народных сказок. К. И. Чуковский писал, что «детское зрение чаще всего воспринимает не качество, а действие предметов...» [15, с. 125]. Так, у С. Баруздина трамвай просыпается, моет стеклянные глаза, торопится на работу. Обладающий «железным характером», трамвай меняется вместе с жизнью. Традиционно в сказке должен быть какой-то необычный случай/беда, которая развивает действие. С. Баруздин, следуя сказочной традиции, придумывает:

Но не так на деле было.
Незаметно шли года,

И с трамваем приключилась
Настоящая беда.

Он проснулся как-то утром,
Не успевший отдохнуть,
И пошел своим маршрутом,
Направляя к центру путь.

Вдруг на людном перекрестке
Возле старых стен кремлевских –
Светофора красный свет:
«Стоп! Дороги дальше нет!» [3 с. 4]

На пути трамвая встречаются автобус, троллейбус, метро. Эти транспортные средства, по мысли поэта, являются более прогрессивными. Автобус, троллейбус и метро советуют трамваю обновиться, что и происходит в сказке:

Обтекаем я снаружи
И красив со всех сторон.
Я теперь ничуть не хуже,
Чем троллейбусный вагон.

У меня мотор отличный,
И скажу вам не тая,
Что теперь вполне приличный
Внешний вид имею я.

Правда, люди мне сказали,
Что бесшумным буду я.
Хоть бесшумен я едва ли,
Все ж колеса меньше стали
Грохотать по колеям [3, с. 7].

Сказочная традиция проявляется в том, что в поэтическом сюжете трамвай движется по маршруту, как сказочный герой, а транспортные персонажи дают ему советы.

По Неглинной, по Тверской
Колесил я день-деньской.
По Покровке, по Садовой
Я ходил десятки лет.
Я трамвай, да только новый, –
Вот, пожалуй, весь секрет [3, с. 7].

Поэт, естественно, вводит новых пассажиров, современные городские детали, которые знакомы советским детям:

На завод спешит строитель,
Доктор едет в детский сад.
В класс торопится учитель,
А троллейбуса водитель
И автобуса водитель
На трамвае в парк спешат [3, с. 8].

В сказке С. Баруздин подчеркивает достижения Страны Советов на примере транспорта: трамвай обновляется, появляются быстрые автобусы и троллейбусы, метро. Данная сказка – превосходный материал для технического просвещения и урбанистического образования. Сюжет с «модернизацией» трамвая доступно объясняет детям прогресс технологий и развитие общества. Кроме того, история о том, как трамвай, добросовестно выполнявший свои обязанности, в итоге обретает «работу» через самосовершенствование, служит метафорой необходимости адаптации личности к изменениям в обществе и постоянного развития, формируя у детей позитивный настрой к преобразованиям. С. Баруздин в стихотворной сказке использует четырехстопный ямб для создания мелодичности и ритма произведения. Этот стихотворный размер придает тексту легкость и плавность, что делает его приятным для чтения. Четырехстопный ямб помогает автору передать настроение и атмосферу сказки, делая ее более выразительной и запоминающейся для юных читателей.

В детской и фольклорной сказках можно видеть общие психологические и социокультурные истоки, которые авторы используют в зависимости от реальной действительности и своего художественного видения. Дискурсивная форма сказочной поэзии характеризуется наличием четко структурированных инстанций: субъекта, объекта и адресата дискурса. В сказках С. Баруздина рассказчик выполняет функцию нарратора, органично интегрированного в повествование и направляющего читателя в сказочный мир. В данном дискурсе адресатом выступает ребенок, объектом – знакомые ему реалии и феномены окружающего мира, а субъектом – статичный образ героя-ребенка, который является ключевым элементом сказочного нарратива.

В конце 1950-х годов, когда был запущен первый искусственный спутник Земли, когда советские ракеты выводили на орбиту космические корабли, тема космоса стала интересна детям разного возраста. В 1963 году Баруздин издает книгу «Как мы на ракете летали» в издательстве «Детский мир». Это сказка-путешествие для детей. Книга описывает космический полет игрушек или того, кто спит. Лирический герой рассказывает о своих ощущениях, о том, что видел на Луне и Венере:

Освоились понемногу.
Нам невесомость – пустяк!
Что же, вперед, в дорогу!
Смелей нажимай рычаг! [4, с. 5]

Педагогическая функция данного произведения заключается в стимулировании любознательности и воображения детей в отношении науки и космоса, представляя собой успешную попытку научно-популярного образования. Так, С. Баруздин раскрывает особенности лунных прогулок:

По лунным кривым дорожкам
Не так легко идти!
Немножечко!
Еще немножечко!
Нам надо выпел найти [4, с. 10].

Эта сказка, по замыслу поэта, преобразует сложные космические знания в осязаемое приключение из детских снов, что соответствует особенностям познания мира дошкольниками через игру и фантазию, искусственно закладывая семена научных знаний в юные умы. К. И. Чуковский также отмечал, что «в наше баснословное время, в эпоху осуществления самых размахистых научно-социальных фантазий, которые еще так недавно казались безумными сказками, нам нужно во что бы то ни стало создать поколение вдохновенных творцов и мечтателей, всюду, во всех областях, – в науке, в технике, в агрономии, в архитектуре, в политике» [15, с. 178]. С. Баруздин использовал сказку как своеобразную форму, побуждающую развитие фантазии, мечты у детей.

Дискурсивная форма сказочной поэзии предполагает систему инстанций субъекта, объекта и адресата дискурса. В стихотворной сказке определяющими являются параметры коммуникативного поведения автора и читателя/слушателя, которые соответствуют общественному сознанию в определенный социокультурный период. В сказках С. Баруздина адресатом всегда выступает ребенок, который должен увидеть в «повседневном», в обыденных вещах, в знакомом мире мир сказочный, «обычный и необычный», чем-то перекликающийся с народными волшебными сказками. И. П. Мотяшов достаточно полно охарактеризовал произведения С. А. Баруздина для детей: «Для таланта Баруздина характерны философичность, притчеобразность, риторическое формулирование в стихах для детей главной их мысли. Беседуя с малышом не только доверительно, но и серьезно, автор стремится пробудить в нем важнейшие гражданские качества – трудолюбие, гуманность, чувство долга и справедливости» [11, с. 69].

К жанру прозаической сказки на протяжении всей своей творческой жизни Баруздин обращался неоднократно – вышли сборник сказок «Почему рыбы молчат» (1983), повесть-сказка «Бегемот на ферме» (1986), сборник коротких сказок «Чучело гороховое» (1988). В «Сказке о Лесном царе и Пионерском царстве» (1972) волшебные мотивы переплетены с реалиями современной жизни. Ее герои не только сказочные существа, но и октябрята и пионеры, вожатые и другие сотрудники пионерского лагеря. Как и все произведения С. Баруздина, его сказки обладают нравственно-этической направленностью. Автор без назидательности учил детей не бояться трудностей, уметь признавать свои недостатки, трудиться для блага общества.

Анализ сказочного дискурса стихотворных сказок и произведений С. Баруздина показывает, что их целевая аудитория – детская. Это указывает на ориентацию сказок на детей как на основных потребителей и интерпретаторов сказочного нарратива. Объектом дискурса выступает мир, знакомый ребенку, который характеризуется простыми и доступными образами и ситуациями. Многие исследователи в своих работах указывают, что сказка в лучших своих образцах вышла за рамки назидательности, однако она при этом отнюдь не ограничивается развлекательной функцией. Воспитательная и обучающая функции современной литературной сказки часто неотделимы от философского подтекста, который возможен вследствие подвижности сказочного жанра, возможности его трансформации и модернизации.

Список литературы

1. Абашева М. П., Зырянова А. И. Литературная сказка в исторической и методологической перспективе // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2019. Т. 29, вып. 2. С. 246–254.
2. Аникин В. П. Русские писатели и сказка // Сказки русских писателей. М. : Правда, 1985. С. 3–22.
3. Баруздин С. О разных разностях. М. : Дет. лит., 1959. 112 с.
4. Баруздин С. Как мы на ракете летали : сказка-путешествие. М. : Дет. мир, 1963. 35 с.
5. Баруздин С. А. Заметки о детской литературе. М. : Дет. лит., 1975. 366 с.
6. Кабанова Н. Г. Поэтика современной русской литературной сказки : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2022. 22 с.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. 331 с.
8. Леонова Е. Ю. Понятие «детская литература»: к постановке проблемы // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 2. С. 12–24.
9. Лойтер С. М. Русская детская литература XX в. и детский фольклор: проблемы взаимодействия : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Петрозаводск, 2002. 42 с.
10. Лупанова И. П. Современная литературная сказка и ее критики (Заметки фольклориста) // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1981. С. 76–90.
11. Мотышов И. П. «В чем жизни суть?»: перечитывая Баруздина // Детская литература. 1986. С. 69–81.
12. Райкова И. Н. Литературная сказка // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина ; Институт научной информации по общественным наукам РАН. М. : Интелвак, 2001. Стб. 459. 1596 с.
13. Сурат И. З. Жанр стихотворной сказки в русской литературе 1830-х годов : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 1985. 239 с.
14. Теория литературы : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. завед. : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. Т. 1. Тмарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М. : Академия, 2004. 512 с.
15. Чуковский К. От двух до пяти. Л. : Издательство писателей в Ленинграде, 1933. 200 с.

The distinctive discourse of Sergei Baruzdin's poetic fairy tales for preschool children

Yang Guiyun

postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods,
Vyatka State University. Russia, Kirov. ResearcherID: JVZ-6817-2024.
ORCID: 0000-0001-5503-1769. E-mail: zhuyilongnvyou@gmail.com

Abstract. The relevance of this study lies in the fact that fairy tale discourse in literature is an important cultural and educational phenomenon, contributing to the formation of children's worldviews and value systems. An analysis of fairy tale discourse in Sergei Baruzdin's poetic fairy tales for preschool children allows for a deeper understanding of how the author uses literary devices to create a magical world that attracts and captivates young readers.

The aim of this article is to demonstrate that the discursive form of fairy tale poetry presupposes the interaction of three key entities: the subject, the object, and the addressee of the discourse. In Sergei Baruzdin's fairy tales, the narrator organically accompanies the reader into the fairy tale world, creating an atmosphere of trust and engagement.

The results of the study demonstrate that in the fairy tale discourse of Sergei Baruzdin's poetic fairy tales, the addressee is the child. This means that the fairy tales are aimed at children, who are the primary consumers and interpreters of fairy tale narratives. The object of discourse is a world familiar to children, filled with simple and understandable images and situations. This helps children easily identify with the characters and events, making Sergei Baruzdin's fairy tales particularly relatable and accessible.

The subject of discourse is the static image of the child protagonist. This figure often acts as an observer or participant in the events, allowing the child to feel part of the fairy tale world and actively participate in its creation. The child protagonist typically lacks pronounced character traits or strong emotions, making him or her more universal and relatable to children.

Keywords: S. Baruzdin, discourse, literary fairy tale, poetic fairy tale for preschoolers, poetics.

References

1. *Abasheva M. P., Zyryanova A. I. Literaturnaya skazka v istoricheskoy i metodologicheskoy perspective* [Literary Fairy Tale in Historical and Methodological Perspective] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriya i filologiya* – Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series. 2019. Vol. 29, Is. 2. Pp. 246–254.
2. *Anikin V. P. Russkie pisateli i skazka* [Russian Writers and Fairy Tale] // *Skazki russkikh pisateley* – Fairy Tales of Russian Writers. M., Pravda (Truth), 1985. Pp. 3–22.
3. *Baruzdin S. O raznykh raznostyakh* [On Different Differences]. M., Detskaya Literatura (Children's literature), 1959. 112 p.
4. *Baruzdin S. Kak my na rakete letali: Skazka-puteshestvie* [How We Flew on a Rocket: A Fairy Tale Journey]. M., Det. Mir (Children's world), 1963. 35 p.
5. *Baruzdin S. A. Zametki o detskoj literature* [Notes on Children's Literature]. M., Detskaya Literatura (Children's literature), 1975. 366 p.
6. *Kabanova N. G. Poetika sovremennoj russkoj literaturnoj skazki : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Poetics of the Modern Russian Literary Fairy Tale : abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Philological Sciences]. Arkhangelsk, 2022. 22 p.
7. *Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, 2002. 331 p.
8. *Leonova E. Yu. Ponyatie "Detskaya literatura": k postanovke problemy* [The Concept of "Children's Literature": Towards a Problem Statement] // *Vestnik RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"* – Bulletin of RSUH. Series "Literary Criticism. Linguistics. Cultural Studies". 2020. No. 2. Pp. 12–24.
9. *Loiter S. M. Russkaya detskaya literatura XX v. i detskiy fol'klor: Problemy vzaimodeystviya : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Russian Children's Literature of the 20th Century and Children's Folklore: Problems of Interaction : abstract of a Dissertation for the Degree of Doctor of Philological Sciences]. Petrozavodsk, 2002. 42 p.
10. *Lupanova I. P. Sovremennaya literaturnaya skazka i ee kritiki (Zametki fol'klorista)* [The Modern Literary Fairy Tale and Its Critics (Notes of a Folklorist)] // *Problemy detskoj literatury* – Problems of Children's Literature. Petrozavodsk, 1981. Pp. 76–90.
11. *Motyashov I. P. "V chem zhizni sut'?.": perechityvaya Baruzdina* ["What is the Essence of Life?..": Re-reading Baruzdin] // *Detskaya literatura* – Children's Literature. 1986. Pp. 69–81.
12. *Raikova I. N. Literaturnaya skazka* [Literary Fairy Tale] // *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* – Literary Encyclopedia of Terms and Concepts / ed. by A. N. Nikolyukin. M., Intelvac, 2001. Col. 459. 1596 p.
13. *Surat I. Z. Zhanr stikhotvornoy skazki v russkoj literature 1830-kh godov : dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01* [The Genre of the Verse Fairy Tale in Russian Literature of the 1830s : diss ... PhD of Philological Sciences : 10.01.01. M., 1985. 239 p.
14. *Teoriya literatury : ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. Zavedeniy : v 2 t.* [Theory of Literature : textbook for University Students of Philology : in 2 vols.] / ed. by N. D. Tamarchenko, V. I. Tyupa, S. N. Broitman. Theory of Artistic Discourse. Theoretical Poetics. M., Academia, 2004. 512 p.
15. *Chukovsky K. Ot dvukh do pyati* [From Two to Five]. L., Writers' Publishing House in Leningrad, 1933. 200 p.

Поступила в редакцию: 09.10.2025

Принята к публикации: 20.10.2025

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 1 (41) (2026)

16+

Редактор *Ю. Н. Болдырева*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. Ю. Егоров*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 07.05.2026 г.
Дата выхода в свет 03.06.2026 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 20. Тираж 100 экз. Заказ № 107.

Подписной индекс журнала «Вестник гуманитарного образования»
в подписном каталоге «Почта России» – ПН068

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36